

ОРЕДЕЖ

литературно-краеведческий альманах

выпуск 6

Санкт-Петербург
Издательство "ЛЕТОПИСЬ"
Издательский Дом "ОРЕОС"

2009

Фотография на обложке: Михаил ФРОЛОВ

Кураторы проекта: Даниил Арменович МКРТЧЯН,

начальник отдела культуры
администрации Гатчинского муниципального района;

Антонина Максимовна КАЧАЛОВА,

заслуженный работник культуры РФ,
заместитель начальника отдела культуры
администрации Гатчинского муниципального района.

Составители: Елена Леонидовна БАБИЙ,

заслуженный работник культуры РФ,
директор муниципального учреждения культуры
«Межпоселенческая центральная районная библиотека им. А.С. Пушкина»;

Светлана Александровна ТОПОРИКОВА,

ведущий методист муниципального учреждения культуры
«Межпоселенческая центральная районная библиотека им. А.С. Пушкина».

**Оредеж: Литературно-краеведческий альманах: Вып. 6. — СПб.:
"Издательство "ЛЕТОПИСЬ", "Издательский Дом "ОРЕОС", 2009. — 350 с.:
ил., — 12 л.цв.ил.**

Шестой выпуск литературно-краеведческого альманаха «Оредеж» продолжает традиции предшествующих номеров публикациями, которые представляют разноплановую историю, культуру и неповторимость природы гатчинской земли. Страницы сборника открывают новые имена из прошлого и знакомят с современниками. Альманах наполнен яркими, исключительными материалами из истории православия, подробностями развития этносов, продолжает публикации незавершенных страниц краеведения, представляет новых авторов, как в прозе, так и в поэзии. Выпуск сопровождается цветными вклейками, выгодно отражающими события этого года в жизни Гатчинского района.

Литературно-краеведческий альманах «Оредеж» № 6 адресован широкому кругу читателей, историкам, краеведам, библиотекарям, молодежи и всем тем, кто изучает, любит и ценит историю своей Родины.

Дорогие друзья!

Стало замечательной традицией, в канун праздника очередной годовщины Гатчинского района, открывать новый номер литературно-краеведческого альманаха «Оредеж». Надеюсь, Вы успели почитать и поразмышлять над публикациями предыдущего, пятого, издания. К счастью, авторы оставляют нам возможность обсуждать, спорить, предполагать, — то есть дискутировать с ними. Безусловно, радует серьезность обращения с материалами по истории нашего края, вдумчивость исследования и деликатность повествования. Вызывает искреннее уважение уровень представленных материалов как уже признанных, уважаемых, так и премьерных авторов. Хочу заметить, что при кажущейся калейдоскопности, авторские материалы толково отобраны и структурированы. От номера к номеру создается и пополняется своеобразная летопись повседневной и праздничной жизни наших людей на красивейшей земле, каждый уголок которой самобытен и неповторим.

Полагаю, здесь уместно вспомнить нашего великого поэта — Александра Сергеевича Пушкина:

*Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека,
Залог величия его.
На них основано семейство
И ты, к Отчеству любовь!*

*С уважением,
Александр Петрович Худилайнен
Глава администрации Гатчинского
муниципального района*

*Оредеж таинственно-печальный
В глубине своих бездонных вод
Обретает мудрое молчанье
И в течение времени плывет.*

Эдуард Михайлов. «Оредеж»

НАРОДНАЯ ПУШКИНИАНА

*От Вас беру воспоминания,
А сердце оставляю вам.
А.С. Пушкин*

КРЕОЛКА

С СУДЬБОЮ ГЕРТРУДЫ

Михаил Лейкин

Надежда Осиповна Пушкина.
Ксавье де Местр.
Миниатюра. Начало 1800-х гг.

Пушкинские праздники на Гатчинской земле — вотчине предков А.С. Пушкина, часто начинаются в Суйде. Еще бы — там истоки, исходное событие для рассказов, спектаклей, масштабных фантазий нашей Пушкинианы. Естественно, речь идет о Ганнибалах — знаменитых предках. Как без них? Дерево без корней не произрастает. Но, что знаменательно, об одних предках вспоминают охотно, о других реже. Многообразно освещается образ Абрама Петровича, знаменитого прадеда А.С. Пушкина и его сына, Ивана Абрамовича... Еще бы, прославлен-

ные генералы! Много доброго звучит в адрес Регины Шеберг — прабабушки шведского происхождения, Марии Алексеевны Ганнибал (бабушки поэта) и, конечно, любимицы нашей Арины Родионовны — восхитительной няни. И это справедливо — много достойных дел каждым из них свершено. Одними на государственной службе, другими в делах семейных, а они не менее важны — вырастить, сберечь, обучить...

А что же об отце и матери А.С. Пушкина говорим меньше и скорговоркой? Ведь они особую славу Суйде создали. Надежда Осиповна Ганнибал в Суйде да Руново жила, в церкви местной с мужем Сергеем Львовичем Пушкиным венчалась. Дочка Ольга, первый ребенок в семье, местная по рождению. Да и сам Александр Сергеевич здесь зачат был. Известно, что беременной уезжала Надежда Осиповна в Москву, что бы там разродиться... Отчего же к родителям Пушкина отношение у потомков сдержанное? Исторически это несправедливо. И славно, что М.Е. Смородина, краевед и литератор опубликовала замечательную статью в № 4 «Оредежа» «Наша землячка «прекрасная креолка». Не должно быть вакуума, забвения, к тому же, господа, мать — это явление особое, высшее...

Но у режиссера фокус зрения другой. Пишешь сценарий, ставишь спектакль, работаешь с актрисой над образом Надежды Осиповны — нужно понять «зерно», суть характера. Необходимо отыскать интригу. Помните у Шекспира: «Жизнь — театр»... Нужно ответить на все вопросы. Центральный

— отчего сдержанны потомки? Значит, что-то мешает, то ли недопонимание, то ли предубеждение. А в мире массового народного праздника все как в любви — делаю только то, к чему душа зовет. В этом виде искусства, в отличие от кино или телевидения, все основано только на душевных прекрасных порывах. Известно, никакой официальной цензуры в этом умолчании жизни Надежды Осиповны, например, нет, но есть спонтанно сформировавшееся социально-нравственное отношение социума, общества к проблеме, фактам, людям. И, главное, нам передалось глухое молчание по этому поводу самого А.С. Пушкина. Исследователи отмечаютстораживающий факт: во всей поэзии Пушкина нет ни одного прямого упоминания родителей. Да и вообще дом родной он вспоминает очень редко. «Он был человек без детства», — пишет Юрий Лотман. Во всем стихотворном наследии Пушкина нет ни одного стихотворения, посвященного матери или отцу, но зато много прекрасных стихов, посвященных няне и лицейским друзьям, заменившим ему семью. Из всего эпистолярного наследия — 786 писем, только пять адресовано родным. Из них два общих, отцу и матери, по случаю предстоящей женитьбы. В Четвертой главе «Евгения Онегина» отчетливо просматриваются его собственные отношения с родными.

Гм! Гм! Читатель благородный,
Здорова ль ваша вся родня?
Позвольте: может быть, угодно
Теперь узнать вам от меня,
Что значат именно родные.
Родные люди вот какие:
Мы их обязаны ласкать,
Любить, душевно уважать
И по обычаю народа,
О рождестве их навещать

Или по почте поздравлять,
Чтоб остальное время года
Не думали о нас они...
Итак, дай Бог им долги дни.

Чувствуете иронию и горечь? Пушкин мечтал о других отношениях, но так сложилась жизнь. Лишенный своей семьи, поэт искал тепла у чужих очагов: например, в лицейскую пору в семье историка Карамзина; в семье генерала Раевского во время путешествия по Крыму и Кавказу. «Мой друг, — писал Пушкин брату Льву 24 сентября 1820 года, — счастливейшие минуты я провел посреди семейства почтенного Раевского... Суди сам, был ли я счастлив: свободная беспечная жизнь в кругу милого семейства, жизнь, которую я так люблю, и которой никогда не наслаждался».

Может быть, Пушкин был неискренен, и у него самого не хватало душевного тепла для домочадцев? Или он был подсознательно чужд женской ласке, опеке? Нет, Пушкин не любил, он обожал двух бабушек. Одну — настоящую — Марию Алексеевну, другую приобретенную — няню Арину Родионовну. Мария Алексеевна Ганнибал, по общим отзывам, была умная и рассудительная женщина. Дельвиг, друг Пушкина, приходил в восторг от письменного слога Марии Алексеевны, от ее сильной простой русской речи. Известный наш литератор — пушкинист В. Вересаев, писал, что когда ребенку грозило незаслуженное, а часто жестокое наказание от отца или матери, то он убегал к защитнице-бабушке, где его уже не трогали, залезал ее корзину и долго смотрел на ее работу. Бабушка и няня Арина Родионовна рассказывали младенцу и отроку Пушкину народные сказки, а чтобы он не страшился их — учили его молиться и креститься и сами его крестили. В сти-

хотворении “Сон” Пушкин так об этом вспоминает:

Ах! умолчу ль о мамушке моей,
О прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном одея-
нье,
Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шепотом рассказывать мне ста-
нет
О мертвецах, о подвигах Бовы...

Это о Марии Алексеевне. Обратите внимание — бабушку называет мамушкой. Знаменательно. А сколько написано об Арине Родионовне? Пушкин относился к горячо любившей его няне с истинно сыновней нежностью, трогательно называя ее в одном из своих стихотворений “голубка дряхлая моя”. В письма к Шварцу в Одессу он пишет: “Она единственная моя подруга, и только с нею мне не скучно”.

Более того, А.С. Пушкин старался распространить свое семейное влияние старшего брата и на Льва. Он писал Дельвигу после ссылки: “Друг мой, есть у меня до тебя просьба — узнай, напиши, что делается с братом... Боюсь за его молодость, боюсь воспитания, которое дано будет обстоятельствами его жизни. Люби его, я знаю, будут стараться изгладить меня из его сердца — в этом найдут выгоду”. Какие горькие, пронзительные слова!

И все-таки, мать это явление особенное. Готовясь к написанию драматургической основы и постановки спектакля о Надежде Осиповне, предстояло открыть несколько весьма таинственных дверок в ее душе. А также понять логику не слов, а действий ее. Все мы немножко психоаналитики и знаем, что суть характера складывается в детстве. У Нади, Надежды Осиповны было кошмарное воспоминание — навсегда! Черная ночь, ветер, ржание ло-

шадей, крики возницы, огонь факела. Отбивает бока трясущаяся карета... И девочка видит, наяву черного человека, лицо такое черное, что можно только догадаться, что там лицо — видны только белые зубы, белки глаз, этот черный мужчина прижимает ее к себе, заворачивает в одеяло, греет... А потом снова ночь, теперь она на коленях матери, куда-то мчатся, прячутся, плачут и смеются! Страшно!

Пройдут годы, и она узнает, и поймет все реалии кошмара. Семейная жизнь матери Марии Алексеевны была весьма печальной. Оказалось, что муж — блистательный офицер Осип Абрамович Ганнибал завязанный картежник. Проигрывал более, чем выигрывал... А на кон в азарте ставил и то, чего никак ставить нельзя было! В начале семейной жизни, Мария Алексеевна продала деревню — приданное, что бы выплатить долги мужа. Обещал одуматься... Но, дальше — хуже... Зачем так жестока судьба? Теперь не только к жене, но и дочери родившейся? Осип бросает семью, скрывается... А затем похищает дочь! Вот он — кошмар! Не получив еще развода полного, венчается заново. Тесть Абрам Петрович Ганнибал и его старший сын Иван встают на сторону невестки. Она им дорога, она им по сердцу. Мария Алексеевна остается жить в семье Ганнибалов, воспитывает дочь Надежду в Суйде, в деревне Кобринно, на мызе Руново и в Петербурге! Ей от всей души помогает бездетный брат мужа генерал Иван Абрамович, привязавшийся к племяннице. Девочка ни в чем отказа не знает.

Но каково моральное положение Марии? Соломенная вдова при живом муже! Скверно в молодости одной остаться, а каково дочь потерять?! Злые языки не пощадили ее репутации. «Как? У черного Осипа Ганнибала, белая, голубоглазая дочь? Не

слишком ли она похожа на соседа по имению — индийского князя Визапура?» И эпиграмму передают из уст в уста «Нашлась такая дура, которая пошла за Визапура». И сплетни эти подогревал Осип, себя оправдывал, свободы от первой жены искал.

Мария Алексеевна все невзгоды пережила с достоинством. Под влиянием ли советов своих родственников, или в силу порыва душевного, Мария Алексеевна решается на отчаянный шаг, чтобы вернуть дочь. Она отказывается от всех материальных прав, лишь бы вернуть ребенка. Она трогательно писала мужу: «... Я решилась более Вам своею особою тягости не делать, а расстаться навек и Вас оставить от моих претензий во всем свободна, только с тем чтобы дочь наша мне отдана была...» Муж ответил ей язвительным пожеланием: «... пользоваться златою вольностью». А.С. Пушкин, изучая эту историю, безоговорочно встал на сторону бабушки: «Африканский характер моего деда, пылкие страсти, соединенные с ужасным легкомыслием, вовлекли его в удивительные заблуждения. Он женился на другой женщине, предоставив фальшивое свидетельство о смерти первой. Бабушка принуждена была подать просьбу на имя императрицы». Судьба Осипа Абрамовича наказала — он обвенчался с помещицей псковской Устиной Толстой, которая в дальнейшем разошлась с ним, обобрала, втянула в такие суды и разборки, которые затронули интересы и других братьев Ганнибалов, в результате перессорили Осипа с родственниками. За двоеженство О.А. Ганнибал был наказан — отстранен от службы, чуть было не попал на семь лет в монастырь. Его делом занималась сама Императрица, и только благодаря заступничеству друзей, Осипа Абрамовича вместо «семилетней эпи-

тимии» приказали послать «на кораблях в Средиземном море, дабы он там службою с раскаянием своим содеянное им заслужить мог». Дочери выделялась четвертая часть имения отца. Мария Алексеевна признается законной женой... Скверные перипетии для взрослых, а как это сказалось на психике девочки, оказавшейся в центре нравственно-корыстного скандала?

Навсегда запомнилось Надежде бегство посреди ночи, в неизвестность, в никуда!.. Сколько их будет, этих бегств за всю ее жизнь, сколько адресов и домов сменит, стараясь как бы заново начать все сначала, изменить жизнь! Только возможно ли это? И традиционное женское желание иметь мужа и большую семью окрепнет в убеждении — иметь такого мужа и такую семью, где все решать будет она! Где она ни-когда не окажется в положении матери — на ее взгляд — унижительном! Она знала, что очень хороша, образована, и что ее звали в обществе “прекрасной креолкой”. Кстати, и это настораживало. Кто такие креолы? По одной версии потомки испанских колонистов в Латинской Америке, по другой — потомки рабов — негров, по — третьей потомки индусов, индейцев и цыган... Разные существовали толкования. Поэтому отношение к этому светскому комплименту, тоже должно было настораживать. Веяло от него давней сплетней, интригой... Она всегда помнила об этом, глядя на свои желтые ладони. Это состояние поймет тот, кто с детства имел несчастье ни за что ни про что носить печать «человека с изъяном в происхождении».

Она твердо решила, что никто никогда не увидит ее слез и не станет управлять ее судьбой. Она научилась быть решительной и властной. Эти черты в полной мере почувствует будущий супруг, который от ее уничижающих

оценок и характеристик бледнел и терялся. И даже генерал дядюшка Ганнибал иногда был в замешательстве. Но Надин отлично знала, что необходимо всегда положительное впечатление, и после резкости, отповеди, после того, как человек будет «поставлен на место» или даже унижен, необходимо все сгладить. Нельзя оставлять после себя негатив. Поэтому, весь набор женского очарования — кокетливость, шутка, милый экспромт, реверанс, — все это необходимо пускать в ход умело, щедро и целенаправленно! Разумеется, это касается только людей света. Простолюдинам достаточно точных распоряжений. Главное — всегда владеть собой!

Сергея Львовича в мужа выбрала она. Это было самостоятельное решение. Дядя колебался, но Надежда решила выбрать именно этот вариант. По интересам, калибру, степени управляемости — все сходилось. Да и нравился ей бравый офицер и щеголь Сергей Пушкин! В Воскресенской церкви на мызе Суйда венчались «Лейб-гвардии Измайловского полка поручик отрок Сергей Львович, сын Пушкин, артиллерии морской второго ранга капитана Осипа Абрамовича Ганнибала с дочерью его девицей Надеждой Осиповой, оба первым браком».

Здесь родилась дочь Ольга. Сергей Львович уговаривает переехать в Москву. Его понять можно — сам москвич, родственники все там. Да и не желал он больше военной жизни суетной. Походы, жизнь в гарнизонах... Хотелось жизни веселой, праздничной, тем более молодая жена, также к этому стремится. Надежда, снова беременная, согласилась — ей нужен свой дом, своя семья, не при любимом дяде, авторитет которого довлеет... Единственное условие — Мария Алексеевна поедет в Москву с молодыми. Мария

Алексеевна не может расставаться с дочерью. Зять ей нравится — обходитель, образован. Да и родственник, как и она — из Пушкиных. Каково будет жить вместе? Сойдутся ли характерами с Ольгой Васильевной — матерью Сергея Львовича? Комфортно ли будет? На эти, такие важные, бытовые и понятные каждому семейному человеку вопросы, отвечать, по-видимому, не хотели. Довлела страшная память, навязанная, о разлуке матери с дочерью в течение целого года, когда маленькую Надежду похитил отец. Мария Алексеевна согласна все переменить, — она продает свой петербургский дом, купленный на средства по суду вытребованные у Осипа Абрамовича, и едет с дочерью!

Москву молодой семье хотелось завоевать, и они положили на это много сил и денег! Дом Пушкиных стал модным! У них запросто гости изысканные — Карамзин и Дмитриев, Жуковский и Батюшков! Это Надежде льстит. У Сергея Львовича карьера в рост пошла! Он уже военный советник, ранг солидный, орденами награжден. В окончательную отставку вышел в чине статского советника. Преемник его, принимая от Сергея Львовича должность, был весьма удивлен, застав его в присутственном месте не за деловыми бумагами, а за чтением французского романа. Братья Пушкины — Сергей и Василий — будто для светского салона созданы.

Сергей Львович в совершенстве знал французский язык и литературу, сочинял стихи и даже был отмечен Денисом Ивановичем Фонвизиним. Он редко занимался домашним хозяйством, а если занимался, толку не было вовсе. Из обоих унаследованных сел — Болдино Нижегородской губернии, полученное от отца, и Михайловское Псковской губернии — приданное

за Надеждой Осиповой — не умел извлекать доходов. А Василий Львович был вообще известный поэт, — выразительнее брата во всех направлениях. Писал послания, элегии, басни обычно легкомысленного, а порой даже и непристойного содержания, вкрапывая для остроты в свои произведения и не литературные слова.

Забегая вперед, заметим, что Александр Пушкин ценил дядю и его стихи только в самой ранней юности. Позднее же он постоянно отзывался о дяде и его творчестве с насмешкой, иногда с горьким сожалением. Незадолго до смерти Василия Львовича, Пушкин писал о нем Вяземскому: «Бог знает, чем и зачем он живет».

Несмотря на популярность дома, о молодых Пушкиных ходила молва, как о людях безалаберных. Было известно, что в доме все делается спустя рукава, прислуга ворует, повара готовят скверно, господа ссорятся из-за нехватки денег. Квартиры меняли часто, то ремонт, то другая оказия! За одиннадцать лет в Москве двенадцать квартир сменили! Начались неприятные открытия — Надежда обнаружила, что муж скуп до чрезвычайности, мелочен и больше всего на свете любит заниматься собой.

Но была и вторая часть программы Надежды — кроме завоевания Москвы, надо было создавать семью. Здесь все осложнилось. После рождения Александра Бог дал снова мальчиков. Родился Николай, затем Лев. После рождения Льва, Надежда рождает Софью, Павла и Михаила! Живыми останутся Ольга, Александр и Лев. Остальные умирают в младенчестве. Ну отчего умирают дети? Живут в достатке... Рок? Близость и даже переименование фамильных древ? Тяжкие мысли посещали все чаще. Суеверия, мистика, предположения становятся популяр-

ными в семье. Опять заглянем вперед — Надежда упрямо хотела детей, и последнего сына Платона родила, когда ей было уже 42 года. И он тоже умер!

Летом 1800 года всей семьей нанесли прощальный визит в Руново и Кобрино. Деревни проданы, деньги появились! Ах, уж эти деньги... Их всегда не хватало. Супруги ссорились. На этой почве случались «нервические выходки». Как часто бывает, — то, что в юности нравится — в зрелости раздражает!

Когда супруги выезжали в свет, все в доме шло вверх дном. Муж укоряет супругу, что все делается в последний момент. Она никогда не одевалась ко времени. Перед самым выездом паника, беготня, что-то отпаривается, пришивается, гладится, бегают по дому с деталями одежды девки. Давно одетый супруг подавленно-испуганно молчит, забившись в угол. Марья Алексеевна демонстративно уходит к себе, закрывая двери, и весь бедлам перекрывают зычные команды Надежды на сочном, простонародном русском языке... Содом и Гоморра! Но кошмар заканчивается, и красавица Надежда Осиповна по-царски выходит из комнаты, Сергей Львович задыхается от восторга, следует обмен изящный комплиментами на французском языке и супруги отбывают!

Но балы пролетают, а семейные проблемы остаются. Надежда Осиповна Ольге, а особенно Левушке, благоволила. А вот полный и всегда молчаливый Александр... Казалось, судьба в его лице посмеялась над нею. Мальчик был до семи лет весьма толстый и неповоротливый. Скверная привычка — потирал ладони. Она с этим боролась. Завязывала ему руки за спиной, чтоб отучить... Руки, наверное, потом болели, но он, упрямец, не плакал. Арина руки ему оттирает, сама плачет, а он

ни-ни... Часто терял носовые платки, она придумала — носовой платок завязывала на курточке в виде аксельбанта. Ей всегда трудно с ним: неповоротлив и тут же — непоседа, может побежать, сорвавшись с места, ринуться куда-то, или замереть неподвижно где-нибудь в углу на несколько часов — не дозовешься... В настроении всегда неровном: то весел, хохочет, а то задумчив, замкнется в себе. И молчалив в обиду. Прощения не просит! Здоров ли? Доктора говорят, что физически развит хорошо. Что делать? Возникла идея — отдать сына учиться в иезуитскую коллегию в Петербурге. Пусть живет в строгой обстановке. Это мальчику полезно.

Однако, случилась оказия — известие о предстоящем открытии Царскосельского лицея. Благодаря хлопотам А.И. Тургенева, а также дружеским связям Сергея Львовича Пушкина с директором Лицея В.Ф. Малиновским, Александра решено поместить туда. Готовясь к поступлению, Пушкин жил у дяди Василия Львовича, здесь ему готовиться лучше чем дома. Кто-то удивлен — отчего здоровые, материально обеспеченные молодые родители отдают мальчика из семьи? В логике родителей — ничего плохого по отношению именно к Александру, Лев был также отдан учиться в закрытое учебное заведение — Университетский благородный пансион. Дети — детьми, но есть муж и дом, своя жизнь! В Москве у Надин сложилась репутация капризной женщины, которая очаровывала свет не только красотой, но остроумием и веселостью. При этом легкомыслие и капризы становятся достоинством, не так ли? Она запустила домашнее хозяйство. Надежда Осиповна с годами становилась вспыльчива и властна. Оказывается, это проблема — как одновременно, ничего не растеряв,

увлекать мужа, вести дом и сохранить молодость!

Она подозревала, что Сергей Львович имеет какую-либо низкую страсть на стороне. Жизнь с таким мужем стала ненадежной. И действительно, Сергей Львович в последнее время полюбил общество молодых сослуживцев, душевно к нему расположенных. Он тайно играл с ними в карты. Сергей Львович предавался игре всем существом. Когда он выигрывал, он обожал весь мир! Дома он сначала скрывал свои развлечения. Знал, с каким ужасом вспоминала о карточной страсти мужа Мария Алексеевна. Но когда бывал в выигрыше, ему стоило большого труда удержаться и не рассказать об этом Надежде Осиповне! Потом страдал — в собственном доме его не понимали.

Конфликта явного у Сергея Львовича с Александром не было, пока жили порознь. Так легче переживались слухи о нескромном поведении сына и всероссийская слава, которая обрушились на юного Пушкина после выхода его произведений. Но жизнь снова объединила их, в одной квартире в Петербурге на Фонтанке. Живший по-соседству, лицейский знакомец А. Пушкина, М. Корф, отмечал жизнь семьи Пушкиных как удивительно безалаберную и пустопорожнюю. Александр стал совсем иным. Увалень превратился в сгусток энергии. Увлечения, новый круг вольнодумцев — друзей. Сергей Львович придерживался принципиально других мировоззренческих позиций по отношению к власти, свободе. Но его нравоучения были никому не нужны. Александр отца и слушать не хотел. И вот он, страшный итог, — немилость царя, ссылка на юг. Сергей Львович негодовал. Он боялся, что увлечение Александра масонством, атеизмом, новомодными увлечениями навредят

Льву, Ольге, да и ему тоже.

Александр отца также не жаловал. Из одесской ссылки он пишет брату:

“Изъясни отцу моему, что я без его денег жить не могу... На хлебах у Воронцова я не стану жить — не хочу и полно — крайность может довести до крайности. Мне больно видеть равнодушие отца моего к моему состоянию, хотя письма его очень любезны. Это напоминает мне Петербург — когда больной, в осеннюю грязь или трескучие морозы я брал извозчика от Аничкова моста, он вечно бранился за 80 копеек, которых верно ни ты, ни я не пожалели бы для слуги”.

Истинная драма случилась, когда Пушкину изменили ссылку. В Михайловском, куда он был выслан из Одессы, родные встретили его с откровенным раздражением. Сергею Львовичу было предложено тайно надзирать за сыном и докладывать полиции. И он согласился. Как отец мог доносить на сына? Чаще всего историки поясняют — испугался. А почему не предположить, что Сергей Львович действительно считал, что иметь своего мнения не надлежит, государственным механизмам перечить нельзя, верноподданность — и есть благо! Как истинный патриот государства, Сергей Львович докладывал в полицию о каждом шаге проштрафившегося сына. Александр Сергеевич долго не мог взять в толк, откуда полиции известно о том, что и как он именно пишет. Подозревал подкупленную прислугу, а тут вышло, что «стучит» родной отец. Узнав об этом, Пушкин пришел в бешенство. Между отцом и сыном произошло несколько безобразных сцен. В результате Александр Пушкин написал (правда, не отправил) официальную бумагу: “Решаюсь для его (отца — М.Л.) спокойствия и своего собственного просить его Императорское величество да соизволит

меня перевести в одну из своих крепостей”.

Главная сцена носила «зрелищный» характер. Сергей Львович выскочил из дома с театральными криками: «Он поднял на отца руку!». А когда Надежда Осиповна хладнокровно поинтересовалась, действительно ли это так, ее муж тут же заявил: «Ага, ты только об этом и мечтаешь, чтобы сын меня прибил! Руку поднял и замахнулся, и ведь мог же ударить, если бы я не выскочил...» С тех пор на длительный срок Сергей Львович и Александр Сергеевич перестали разговаривать. И только вмешательство Жуковского на время примирило отца с сыном. Это событие произошло в Петербурге, спустя три с лишним года. Но и после этого душевными отношения отца и сына назвать было невозможно. Они терпели друг друга.

Как в этой ситуации вести себя матери? Она знала, что страдания мужа неискренни. Это видели все. Дочь Ольга писала мужу об отце: “Он хуже женщины: вместо того, чтобы прийти в движение, действовать, он довольствуется тем, что плачет”. Увы, к детям своим Сергей Львович был глубоко равнодушен.

Для Надежды наступает момент принятия решения. Наступает осень. В Михайловском холодно. Некомфортно. Муж собирается в Москву. Сыну предписано оставаться в деревне. Быть может, навсегда... Он нездоров. Ему здесь, в глубинке отчаянно тяжело. Друзья в письмах высказывают предположение, что молодой поэт не переживет изоляции. Надежде Осиповне надо решаться. И она решилась. Уезжает с мужем. Оставляет сына. Даже забирают с собою повара, оставив с Александром только Арину Родионовну... Счастье, что Арина, была столь душевна и предприимчива, что заме-

нила своему «ангелу» и домашних, и повара, создала особый мир любви и добра, да еще открыла удивительный мир народного творчества. Попросту — спасла Александра Сергеевича.

Отчего же мать уехала? Быть может, хотела мужа и сына от настоящей войны сберечь? Или исполняется выработанная давно установка — мужа сохранить? Так как есть реальная опасность его потерять. Супруг с юности непомерно чувствителен, все время играл какие-то роли и влюблялся. Последнее время все чаще в молоденьких девушек. Жене надо было быть внимательной.

Но есть и другое предположение отъезда, принципиального выбора. Сын непонятен. Он пугающе отдален. Баронесса Е.Н. Вревская сообщила по этому поводу очень ценные сведения: «Пушкин чрезвычайно был привязан к своей матери, которая, однако, предпочитала ему второго своего сына (Льва), и притом до такой степени, что каждый успех старшего делал ее к нему равнодушнее и вызывал с ее стороны сожаление, что успех этот не достался ее любимцу». Какое простое, но жесткое предположение! Александр, по-прежнему, как когда-то в Москве, непонятен. Его гордыня раздражает Надежду. Она понимает, что в сыне говорит оскорбленная гордость. Он почувствовал уважение и любовь людей далеких ему, и непонимание и холодность со стороны близких. Сергей Львович, конечно, не прав, но трудно родителям смириться с тем, что сын опальный — не позор ли это? Жалея сына, она не понимает — из-за какой такой личной свободы можно восставать? Как он посмел? В семье Ганнибалов все были верноподданными, служили. А что говорят в обществе о его романе с женою губернатора Одессы графа Воронцова? О его масонстве,

атеизме? Если б не ходатайства Жуковского и Карамзина, то быть бы ее своевольному сыну в монастырской келье. Жаль его? Очень. Но жалости никто видеть не должен! Это соседка — простушка Прасковья Александровна Осипова может позволить себе несдержанное проявление чувств, она и вся ее семья открыто восхищены Александром! Кстати, она говорит о Надежде: «Несгибаемая мадам Ганнибал!» Чего в этом больше — восхищения или сарказма?

И вообще, жизнь не сцена, Александр не Гамлет, а мать его не Гертруда!

В этой сложной ситуации Надежда Осиповна находит, как ей кажется верное решение. Она пишет письмо Государю. Пишет в тайне от всех, не поверяя своих планов ни сыну, ни мужу.

«Ваше Величество! С преисполненным тревогой материнским сердцем осмеливаюсь припасть к стопам Вашего Императорского Величества, умоляя о милости для сына! Только моя материнская нежность, встревоженная его тяжелым состоянием, позволяет мне надеяться, что Ваше Величество простит мне эту мольбу о благодеянии. Ваше величество! Речь идет о его жизни! Уже около 10 лет мой сын страдает аневризмой в ноге, болезнь эта слишком запущенная в своей основе, стала угрозой для его жизни, особенно если учесть, что живет он в таком месте, где ему не может быть оказано никакой помощи! Ваше Величество! Не лишайте мать несчастного предмета ее любви. Соболаговолите разрешить моему сыну поехать в Ригу или какой-нибудь другой город, который Ваше Величество соболаговолит указать, чтобы подвергнуться там операции, которая одна только дает мне надежду сохранить сына. Смею заверить Ваше Величество, что поведение его там будет безу-

пречным. Милость Вашего Величества является лучшей тому гарантией.

Остаюсь с глубоким уважением Вашего Императорского Величества нижайшая, преданнейшая и благодарнейшая подданная Надежда Пушкина, урожденная Ганнибал. 6 мая 1825 года».

Она уехала, сын остался. Их пути разошлись в очередной раз, чтобы потом еще не раз и не два пересекаться, и расходиться... Она уехала, но ее всегда продолжал преследовать страх. Память ли это подсознательная той ночи в детстве? Навсегда запомнила, как свистит кнут и ржет лошадь. Страшно кричит возница, трясет карету и над нею появляется лицо — такое черное, что видны только белые зубы? Отчего она, светская образованная дама, говорящая на 4-х языках, навсегда приклеена липким чувством страха к Главным правилам поведения? Еепугают неизвестность и темнота. Как они не страшат Александра? Проблемы других детей ей всегда понятны — вечные долги Льва, скряга муж Ольги, о, как это знакомо! Как близко, прочувствовано и понятно!

Но с Александром все иначе. Она читает его произведения со страхом. Там открывается такой мир, он позволяет себе размышлять о таких вещах?! Да, он Поэт, но нельзя же сравнивать себя с царями и признаваться в беседах с Высшими Силами! Она чувствует себя перед ним не повелевающей матерью, а растерянной девочкой, которую везут куда-то, воруя. Во что-то втягивают. О, нет! Только не это! Не темнота неизвестности...

Ее дальнейшие поступки продолжают ту же линию борьбы — за мужа, за благополучие детей. На излете запасов здоровья она родит сына, который умрет в младенчестве. Потеряв его, перенесет радость на рождение

внуков. Она до самых последних дней сохранит любовь к жизни и ее радостным проявлениям — музыке, танцам, цветам! Перечитывая ее письма, радуешься и содержанию и слогу. Ей льстит, что Александр женат на самой красивой женщине России, которой делает комплименты Государь! Она следит за модой и живо советует дочери, которая живет в далекой Варшаве, как обновить гардероб. Все время переживает о Левушке — участнике боевых действий на Кавказе. Она искренне рада внукам, но слово «бабушка» не хотелось бы применять к себе. Тем более что письма пишутся на французском ...

Но неотвратимо наступил тот этап жизни, когда люди становятся зависимыми. Кто же был рядом с нею в самую трудную пору, когда она все-таки стала беспомощной? Александр. Именно он, решительно отодвинул все свои дела в сторону. Баронесса Вревская, пишет, что в «...последний год ее жизни, когда она была больна несколько месяцев, Александр Сергеевич ухаживал за нею с такой нежностью и уделял ей от малого своего состояния с такой охотой, что она поняла свою несправедливость и просила у него прощения, сознавая, что не умела его ценить. Он сам привез ее тело в Святогорский монастырь, где она похоронена. После похорон он был чрезвычайно расстроен и жаловался на судьбу, что она и тут его не пощадила, дав ему такое короткое время пользоваться нежностью материнскою, которой до того времени он не знал...» Надежда Осиповна умерла ровно за 10 месяцев до трагической кончины своего великого сына. Умерла она в первый день Светлого Христова Воскресения, в самую заутреню, 29 марта 1836 года.

А что же потом? Как отзываются дела наши без нас?

Сергей Львович умер в 78 лет, на 11 лет пережив своего великого сына. Двенадцать лет он прожил вдовцом. Однако продолжал изысканно одеваться, балагурить, ухаживать за молодыми девушками, влюблялся в них, писал любовные стишки. Несколько раз он сватался к девицам, будучи на 50-60 лет старше их. Все это приобрело карикатурные формы. Так, уже после гибели сына почти семидесяти лет, он влюбился в 16-летнюю соседку и писал ей: «Люблю... Никто того не знает. И тайну милую храню в душе моей». Потом воспылал страстью к «мимолетному видению» своего сына Анне Керн, и уже буквально накануне своей смерти, к ее малолетней дочери — поэтически «ел кожуцу от клюквы, которую она выплевывала»... Умолял ее выйти за него замуж... В общем, странный и смешной был человек... Стоил ли он сил Надежды? Но Бог с ним...

Важнее другое — был ли ответ Государя на письмо Надежды Осиповны, в написании которого она так и не призналась сыну? Да. Письмо с высшим предписанием получил начальник канцелярии Главного штаба полковник И.М. Бибииков: «Узнать и доложить в Санкт-Петербург тотчас по возвращении, какая это Пушкина, урожденная Ганнибал, и не мать ли того Пушкина, который пишет стихи»...

Сегодня, приезжая в Пушкинские Горы, и поднявшись по крутой лестнице вверх к могиле А.С. Пушкина, оцените таинственную режиссуру судьбы и заключительную точную «мизансцену». Рядом лежат Мария Алексеевна и Осип Абрамович. Муж и жена не виделись с начала их ссоры. «Смерть соединила их. Они покоятся друг подле друга» — писал позднее внук в автобиографических записках.

Здесь же могила Надежды Осиповны. Рядом Александра Сергеевича. Сын хотел быть похороненным рядом с матерью. Воля его исполнилась.

Пушкин родился в день Вознесения, и весь его путь — жизненный и творческий — являл непрестанное стремление к идеалу Совершенства. Во всех проявлениях — в любви, дружбе, творчестве и смерти. Не случайно последние предсмертные слова его — «выше, пойдем выше» — звали стремиться ввысь.

Жизнь гения трагична. «Много дано — много и спросится». Достойное несение бремени гениальности — тяжелый крест. Но это испытание и для близких людей.

«И как важно не стать частью родни, той, которая составляет для человека неприятную, но неизбежную дозу жизни», — это слова прекрасного пушкинского исследователя В. Вересаева.

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Я вижу — на одном из праздников в Суйде ставится шекспировский «Гамлет». Неподдалеку стена с мемориальной доской, напоминающей о том, что здесь жила Н.О. Пушкина. Артисты играют финальную сцену — развязку «дуэль».

Королева Гертруда (говорит о своем сыне): «Он тучен и одышлив/ Вот, Гамлет, мой платок; лоб оботри; /За твой успех пьет королева, Гамлет...

Королева пьет отравленное вино.

Король: Не пей, Гертруда!...

Королева: Мне хочется; простите, сударь. Королева умирает.

Король (в сторону) — Отравленная чаша. Слишком поздно.

Дуэль продолжается. Гамлет побеждает и погибает. В честь Гамлета бьют барабаны, выносятся знамена, салютуют орудия. Финал спектакля.

НАПЕРСНИЦА ВОЛШЕБНОЙ СТАРИНЫ

Наталья Ключина

Арина Родионовна.
С портрета неизвестного художника.
1820-е гг.

«Бегут, меняясь, наши лета, меняя все, меняя нас...», но неизменна наша тяга к Пушкину, которому в этом году исполнилось 210 лет со дня рождения. К местам, которые когда то посещал он, к людям с которыми связала его судьба. Личных, истинных друзей у каждого человека, даже такого отзывчивого на дружбу и чуткого к людям, как Пушкин, не столь уж много. Таким другом была Арина Родионовна.

Родилась талантливая сказочница, впитавшая в себя всю премудрость народной поэзии Ижорской земли, 21 апреля (10 апреля по старому стилю) в 1758 году в селе Суйда, тогда Копорского уезда Петербургской губернии.

Арина — это просторечное имя, в святцах его нет. По традиции Церкви

младенца крестили на восьмой или сороковой день жизни. При крещении ей дали имя Ирина, именины же приходятся на 16 апреля, когда отмечается память сразу двух святых с этим именем — Ирины Коринфской и Ирины Аквилейской. В переводе с греческого имя ее означает «мир».

Мать Арины Родионовны — Лукерья Кириллова — считалась «старинной села Суйды». Предки ее были новгородцами, жили здесь с древних времен. А вот отец Арины Родионовны — Родион Яковлев — был потомком переселенцев, либо крещеных карелов (чуди).

В течение первого года своей жизни, Арина Родионовна была крепостной графа Федора Алексеевича Апраксина, а после того как он продал мызу Суйда и близлежащие деревни вместе с крепостными прадеду А.С. Пушкина, стала принадлежать А.П. Ганнибалу.

В 1768 году, когда Арине Родионовне было 10 лет, она потеряла отца. Родион Яковлев умер тридцати девяти лет отроду, оставив семь детей (двоих сыновей и пять дочерей). С малых лет Арина Родионовна жила в нужде и в труде. С детства привыкла к самой тяжелой крестьянской работе, умела прясть, ткать, шить, вышивать, вязать и плести кружева.

16 февраля (5 февраля по старому стилю) в 1781 году Арина Родионовна вышла замуж за Кобринского крестьянина Федора Матвеева. В Кобринно родились ее дети: сын Егор (1782 год), дочери Надежда (1787 г.) и Ма-

Народная мудрость, меткие выражения, острые словечки няни чувствуются в «Русалке» (1826–1832 г.) в разговоре мамки:

*Княгинюшка, мужчина, что петух:
Кири куку!*

*Мах мах крылом и прочь.
А женица, что бедная наседка:
Сиди себе, да выводил цыплят.
Пока жених — уж он не насидится:
Ни пьет, ни ест,*

*глядит, не наглядится.
Женился — и заботы настанут...*

В стихотворении «Городок» (1815 г.) юный поэт пишет:

*...для развлечения,
Оставляя книг ученье,
В досужный мне часок
У добренькой старушки
Душистый пью чаек.
Не подхожу я к ручке,
Не шаркаю пред ней;
Она не приседает,
Но тот час и вестей
Мне пропасть наболтает.*

В последующих строках этого стихотворения, несомненно, имеются черты Арины Родионовны: живой, общительной, болтливой, находящейся в курсе всех деревенских сплетен и происшествий.

*Газеты собирает
Со всех она сторон
Все сведает, узнает:
Кто умер, кто влюблен,
Кого жена по моде
Рогами убрала,
В котором огороде
Капуста цвет дала,
Фома свою хозяйку
Не за что наказал,
Антошка балалайку,*

*Играя разломал,-
Старушка все расскажет,
Меж тем как юбку вяжет,
Болтает все свое.*

Арина Родионовна была для поэта не только замечательным источником рассказов о старине, народных преданий, сказок и песен, она была и ценителем его произведений, когда вопрос шел о строгом соблюдении народных черт, обычаев, выражений.

*...Я плоды моих мечтаний
И гармонических затей
Читаю только старой няне,
Подруги юности моей.*

Влияние Арины Родионовны на русскую литературу уникально. Помимо Пушкина, она вдохновляла и других литераторов. На ее сюжеты написал две сказки В.А. Жуковский. По мотивам ее рассказов творил А.А. Дельвиг. А Н.М. Языков, поэт и сосед Пушкина по Михайловскому, оставил подробные записи бесед с Ариной Родионовной. Близкие друзья Пушкина помнили, любили и высоко ценили Арину Родионовну. Николай Михайлович Языков посвятил ей целых два стихотворения: «К няне А.С. Пушкина» (1827 г.) и «На смерть няни А.С. Пушкина» (1830 г.). Арина Родионовна относилась к Н.М. Языкову также с большой нежностью. Как то, провожая его на учебу в Дерпт, Арина Родионовна подарила ему на добрую память шкатулку, которую специально для Языкова заказала деревенскому умельцу. В этой шкатулке Н.М. Языков потом хранил письма к нему Пушкина и Осиповых-Вульф и подаренный ему Пушкинский автограф стихов «У лукоморья дуб зеленый...»

Прошло много лет. В 1938 году, вскоре после столетия со дня смерти

А.С. Пушкина, потомок Н.М. Языкова — Анна Дмитриевна Языкова — передала рукописи и письма Языкова и Пушкина, хранившиеся в заветной шкатулке, Государственному литературному музею в Москве, а шкатулку завещала передать после своей смерти домику няни в Михайловском.

Умерла Анна Дмитриевна в поселке Муромцево Владимирской области, куда она эвакуировалась в 1944 году из Новгорода в возрасте 96 лет. Завещательное распоряжение ее о передаче шкатулки Михайловскому было выполнено близкой знакомой Анны Дмитриевны учительницей Е.А. Пискуновой в 1951 году.

Шкатулка эта прямоугольной формы, дубовая, с отделкой из вишневого дерева, с откидной крышкой, в центре которой небольшое, ныне заделанное, отверстие «для копилки». На внутренней стороне крышки — пожелтевшая от времени бумажная наклейка с надписью чернилами

«Для черного дня
сделан сей ящик 1826 года июля 16-го дня».

Шкатулка закрывается на замок,
сохранность ее довольно хорошая.

А в музее «Домик няни А.С. Пушкина» находится сумка-торба. По преданию, она принадлежала самой Арине Родионовне. Сумка долгое время хранилась у псковского историка Н.Ф. Окулич-Казарина. В 1911 году он передал ее потомкам псковского

Сумка-торба, по преданию
принадлежащая Арине Родионовне.

уездного предводителя дворянства Н.А. Яхонтова, в имени которого (Комно) под Псковом, бывал Пушкин в годы Михайловской ссылки. Знаменательно, что Александр Николаевич Яхонтов, сын Н. А. Яхонтова, с детских лет знавший Пушкина, тоже учился в Лицее, стал литератором, писал стихи, очерки, занимался переводами. В 1870 г. он был одним из организаторов музея А.С. Пушкина в Лицее. И в семье Яхонтовых в память великого поэта образовался домашний музей. Возможно, Н.Ф. Окулич-Казарин передал Яхонтовым сумку Арины Родионовны, чтобы присоединить ее к другим пушкинским реликвиям этого дома. В 1965 году часть предметов из него была передана в дар Всесоюзному музею А.С. Пушкина А.Н. Яхонтовой-Высоцкой (правнучкой Н.А. Яхонтова). Сумка, по словам дарительницы, принадлежала Арине Родионовне и была сшита из полотенец, вытканых крепостными мастерицами села Михайловское, работавшими под ее наблюдением.

Арина Родионовна была хорошей поварихой. Пушкин не был приве-

редлив в еде. Он любил изысканное, но охотно ел и простое. Часто предпочитал второе. Любил печеный картофель, клюкву с сахаром, моченые яблоки, морошку моченую, бруснику, варенье, яблочные пироги, домашний суп и кашу (предпочтение отдавал гречневой). Арина Родионовна свято соблюдала старинные трапезные традиции. На масленицу жарила блины, на Рождество тушила гуся с яблоками. На Святое Воскресенье готовила куличи и пасхи. О.А. Смирнова в своих записках рассказывает, что самым любимым деревенским вареньем Пушкина было крыжовенное. «У него на столе часто можно было увидеть... банку с крыжовенным вареньем». Да и как Пушкин мог не любить такое варенье, коль скоро оно было сварено по всем тем старинным правилам, которые были рекомендованы специальным печатным рецептом.

Сварить крыжовенное варенье было сложным и хитрым делом. Вот как об этом говорит рецепт тогдашней «сельской энциклопедии»: «Очищенный от семечек, сполосканный, зеленый неспелый крыжовник, собранный между 10 и 15 июня, сложить в муравлений горшок, перекладывая рядами вишневыми листьями и немного щавелем и шпинатом. Залить крепкою водкою, закрыть крышкою, обмазать оную тестом, вставить на несколько часов в печь, столь жаркою, как она бывает после вынута из нее хлеба. На другой день вынуть крыжовник, всыпать в холодную воду со льдом прямо из погреба, через час перемешать воду и один раз с ней вскипятить, потом второй раз, потом третий, потом ложить ягоды опять в холодную воду со льдом, которую перемешать несколько раз, каждый раз держав в ней ягоды по четверти часа, потом откинуть ягоды на решето, а когда ягода стечет

— разложить ее на скатерть льняную, а когда обсохнет, свесить не безмене, на каждый фунт ягод взять 2 фунта сахару и один стакан воды. Сварить сироп из трех четверти сахару, прокипятить, снять пену и в сей горячий сироп всыпать ягоды и поставить кипеть, а как станет кипеть, осыпать остальным сахаром и разов три вскипятить ключом, а потом держать на легком огне, пробуя на вкус. После всего сего сложить варенье в фунтовые банки и завернуть их вошеной бумагою, а сверху пузырем и обвязать. Варенье сие почитает отличным и самым наилучшим из деревенских припасов».

До конца своих дней Арина Родионовна молилась за своего питомца. «Няня моя уморительна, — с ласковой шутливостью писал поэт Вяземскому 9 ноября 1826 года. — Вообрази, что семидесяти лет она выучила наизусть новую молитву об умилении сердца владыки и укрощении духа его свирепости, молитвы, вероятно, сочиненной при царе Иване. Теперь у нее попы берут молебен и мешают мне заниматься делом». В памяти, знавшего няню Пушкина Н.М. Языкова она осталась:

*«...Как детство, шаловлива,
Как наша молодость, вольна,
Как полнолетие, умна
И, как вино, красноречива...»*

«На смерть няни А.С. Пушкина»

С детских лет Пушкина восхищали сказки и песни няни, ее образная речь, ее пословицы и поговорки; трогала ее сердечность и доброта. Поэт воспел свою няню и пронес ее образ через множество произведений. Пушкин называл Арину Родионовну «единственной подругой», «доброй подружкой», своей «голубкой дряхлой», «мамуш-

кой», «нянюшкой», «наперсницей волшебной старины».

Первый биограф Пушкина П.В. Анненков, заставший в живых еще многих из окружения Пушкина, помнивших няню его, говорит: «Родионовна принадлежала к типическим и благороднейшим лицам русского мира. Соединение добродушия и ворчливости, нежного расположения к молодости с притворною строгостью оставило в сердце Пушкина неизгладимое воспоминание. Он любил ее родственной, неизменной любовью и в годы возмужалости и славы беседовал с ней по целым часам. Это объясняется и еще другим важным достоинством Арины Родионовны: весь сказочный мир был ей известен, как нельзя короче, и передавала она его чрезвычайно оригинально. Поговорки, пословицы, присказки не сходили у нее с языка. Большую часть народных былин и песен, которых Пушкин так много знал, он слышал от Арины Родионовны. Можно сказать с уверенностью, что он обязан своей няне первым знакомством с источниками народной поэзии и впечатлениями от нее...»

Об Арине Родионовне и ее замечательном даре Пушкин вспоминает в стихотворении 1833 года:

*Свят Иван, как пить мы станем ...
Да еще ее помянем:
Сказки сказывать мы станем —
Мастерица ведь была,
И откуда что брала.
А куды разумны шутки,
Приговорки, прибаутки,
Небылицы, былины
Православной старины...
Слушать, так душе отрадно.
И не пил бы и не ел,
Все бы слушал, да сидел...*

Арина Родионовна прожила у Пуш-

киных более 30 лет, вынянчила всех их детей, а их было восемь человек: Ольга, Александр, Николай, Лев, Софья, Павел, Михаил, Платон, но пятеро из них умерли в младенчестве, остались только Ольга, Александр и Лев.

Арина Родионовна умерла 10 августа (29 июля по старому стилю) 1828 года 70 лет отроду и похоронена в Петербурге, на Смоленском кладбище (могила не сохранилась).

Пушкин тяжело переживал смерть любимой няни. В одном из стихотворений он вспоминал:

*...Бывало
Ее простые речи и советы
И полные любви укоризны
Усталое мне сердце одобряли
Отрадой тихой...*

Арина Родионовна родилась и умерла крепостной. После смерти Арины Родионовны остались ее дети: самый старший сын Егор Федоров, который с женой Агриппиной Ивановной и дочерью Екатериной жили в Кобрине. Надежда Федорова вышла замуж за Никиту Козлова (дядьку А.С. Пушкина). Жила в Михайловском. Дочь Мария вышла замуж в Захарове за Алексея Никитина и имела четырех детей: трех сыновей, из которых один сын умер в детстве, и дочь Ирину. Она при жизни имела многочисленных внуков, потомки ее проживают в Захарове, около Звенигорода и в Москве. Младший сын Стефан жил в Москве.

В Санкт-Петербурге, Краснодаре, в поселке Сиверском, в селе Воскресенском в наши дни живет родня Арины Родионовны — потомки ее братьев и сестер. Каждый год на областной Пушкинский праздник «Тебя ж, как первую любовь, России сердце не забудет...» съезжаются потомки и А.С. Пушкина и Арины Родионовны. Люди

едут со всех концов света почитать память Великого поэта А.С. Пушкина, но и не забывают о простой крепостной русской женщине, няне Арине Родионовне.

Татьяна Веселова написала стихотворение — размышление «Арина».

*А кто он ей? Не сын, не внук —
Дитя господское. И все же
Арина чуяла: барчук
Ей был на свете всех дороже.*

*Все ребята хороши,
Дай Бог им крепкого здоровья!
Во всех не чаяла души,
Но этот был ее любовью.*

*И не к нему ли всяку ночь
Арина шла со сказкой сладкой? —
Весьма до сказок был охоч
Ее питомец ненаглядный.*

*Что сказки? — вымысел один.
Скорее, детям для острастки,
Но малолетний господин
В них видел более, чем сказки.*

*А зорко ухо, чуткий слух
Не зря даны ему природой —
Он понимал — там русский дух!
Там Русью пахнет и свободой!*

*Хоть до свободы путь далек,
Но сказки правду говорили
И добру молодцу урок
Уже звучал в устах Арины.*

*Сама не ведая о том,
Она урок ему давала
Простым крестьянским языком
Саму Россию диктовала.*

*Найдет ли счастье — как знать? —
Кудрявый мальчик со свирелью?
А ей в веках теперь стоять,
Над этой светлой колыбелью!*

Апрель, 2009 год.

БИБЛИОГРАФИЯ

Ай, да Пушкин! Москва, 1999 г. Творческая мастерская: Студия «А».

Бозырев В.С. По Пушкинскому заповеднику: Изд. 5-е—М: Профиздат, 1977.—160с.

Гейчинко С.С. Под пологом леса.

Гейченко С.С. Пушкиногорье. Роман-газета.

Грановская Н.И. Если ехать вам случится; Очерк-путеводитель.—Л.: Лениздат, 1989.—с 192,с ил.

Друзья Пушкина. Переписка, воспоминания, дневники: в 2-х т. Под ред. В.В. Купина. — М: Правда 1984 г.—640 с.

Новгородские писцовые книги. Т.3.—СПб,1868.—с—691

Ульянский А.И. Няня Пушкина.—М-Л:Изд. Академии Наук СССР, 1940г.

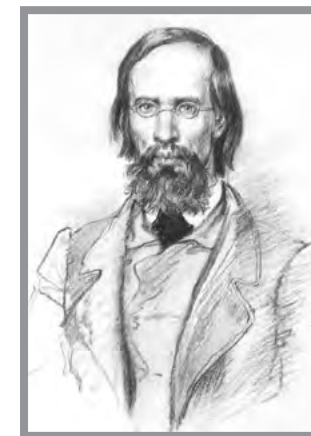
«СВЕТЛЫЙ ГЕНИЙ»

К 210-летию А.С. Пушкина

Марина Смородина

Портрет А.С. Пушкина.
Неизвестный художник.
Всесоюзный музей
А.С. Пушкина

Художник Ю.В. Иванов.
Портрет А.Н. Майкова.

*Меж пяти морей российских
Торжество во всех сердцах:
Появился светлый гений
В прояснивших небесах.
Появился чудный вестник
С звонкой лирою в руке,
В светлой эллинской одежде,
В свежем розовом венке.*

А.Н. Майков.
«Пушкин»

В Сиверской поселковой библиотеке им. А.Н. Майкова ежегодно проводятся Майковские чтения. В 2009 году они посвящены юбилею А.С. Пушкина, которого Майков считал своим учителем. Памяти Пушкина он посвятил несколько стихотворений.

После смерти Пушкина в России с нетерпением ждали нового певца «способного хотя бы частично заменить его».

В 1842 году вышел первый сборник «Стихотворения» А.Н. Майкова, который был отмечен В.Г. Белинским, увидевшим в молодом поэте «дарование неподдельное и замечательное»: «Даровита земля русская: почва ее не оскудевает талантами... Лишь только ожесточенное тяжкими утратами или оскорбленное несбывшимися надеждами сердце ваше готово увлечься порывами отчаяния, — как вдруг новое явление привлекает к себе ваше внимание, возбуждает робкую и трепетную надежду».

Более полувека Пушкин был для Майкова «своего рода путеводной

Художник Л.С. Миропольский.
Портрет М.В. Ломоносова.
1787 год.

Художник В.Л. Боровиковский.
Портрет Г.Р. Державина.
1811 год.

К.Н. Батюшков
Государственный литературный
музей 1815 года.

звездой». Правда, в детские и отроческие годы главное влияние на него оказали Державин и Ломоносов, а затем Батюшков.

«Пушкина вкусил уже по 16-му году, а из него главное привлекали меня творения самой последней эпохи, под влиянием коей я написал, в 1-м курсе «Венеру Медицейскую», — писал поэт своим сыновьям.

Биографию Пушкина он делил на два периода: первый — лицей и высылка на юг, второй — «пребывание в деревне, в Михайловском и работа над «Борисом Годуновым», а главное над его источниками, вот что сделало полный переворот в Пушкине, а не нянька; нянька сеяла, когда ему было 3,4,5,6,7... лет; в Михайловском он к ней относился как филолог, лоя

«зверушку» и другие словечки, участь складу и прочему», — писал он критику С.А. Юрьеву.

В 1855 году в ответ на нападки Ф. Булгарина на статью К. Полевого «Памяти Пушкина» Майков обличает «старого клеветника»:

*На холм могильный
стал кидать он комья грязи;
Народ, схватив его,
готов был растерзать,
Но Вождь мой удержал:
«Ваш гнев певца обидит, —
Сказал. — Стекайтесь,
как прежде, совершать
Поминки над певцом
и гроб его венчать,
А сей несчастный —
пусть живет и видит!*

В связи с завершением собрания сочинений Пушкина под редакцией П.В. Аненкова Майков пишет ему в конце 1855 стихотворение, которое осталось ненапечатанным:

*В уединенье кабинета,
Чертю собирая за чертой,
Изваял верною рукой
Ты образ нашего поэта...
Чтоб хоть юнейшим дать шагнуть
На вновь заросший ныне путь,
Что нам прокладывал учитель,
И чистый ключ, где черпал он,
Как дева прост и умирн
Со всем живым, как небожитель.
Еще есть время — мир глупцов,
Забыл он мудрости веков.*

Мечта россиян о рукотворном памятнике Пушкину осуществлялась медленно. И только к приближающемуся 50-летию Лицея был создан специальный Комитет, который возглавил бывший лицеист (позднего выпуска) Я.К. Грот. Александр II разрешил подписку на сооружение памятника Пушкину в Москве, а не в Петербурге. Председатель Комитета обратился через газе-

ты России с воззванием: «...Значение Пушкина так сознается всеми, права его на памятник так несомненны, что к сказанному прибавить нечего. Пусть только всякий сочувствующий великому поэту принесет свою посильную лепту: как бы не была ничтожна сама по себе, она получит свой вес в итоге пожертвований...». Был объявлен конкурс проектов памятника. На третьем конкурсе в 1875 году победителем был объявлен А.М. Опекушин.

В стихотворении «Ваятелю» Майков выразил свое видение памятника учителю:

*Изобрази ты в нем поэта,
Чтоб, в царстве мысли царь, он был
Исполнен внутреннего света,
Да им и нас бы охватил!*
(1875 г.)

В это время поэт пишет стихотворение «Люблю его — не баловнем Лицея».

*Люблю его — не баловнем Лицея,
Питомцем чуждых муз —
и на заре годов
Уже поклонником Фернея
Вслед офранцузенных отцов;
Не юношей, чей расцветавший гений,
И свежесть чувств,
и первый сердца пыл
Под звуки Байрона
уж отуманен был
Налетом им не прожитых
сомнений...
Люблю его, когда уже прозрел
Он в этой мгле блистательной,
но ложной —
И ранней славы блеск
счел мишурой ничтожной,
И правды захотел.
Прочь Чайльд Гарольдов плац!
долой всю ветошь эту!
В искусстве мы должны
пробить свою тропу!*

Памятник А.С. Пушкину
на Пушкинской площади в
Москве.
Скульптор А. Опекушин
1880 год.

*Прочь возгласы, которыми поэту
Легко так волновать толпу, —
Нет, независимость
от всякого кумира
И высшее из благ, в себе —
лишь прямоты
И правды внутренней
ища в явленьях мира,
Познал он тайну красоты.*

Открытие памятника Пушкину в Москве состоялось 6 июня 1880 года. Первыми возложили цветы к подножию памятника дети поэта: Мария Александровна, Александр Александрович и Наталья Александровна, приехавшая из Висбадена, где она жила с семьей от второго брака с принцем Нассауским. Они были почетными гостями на торжественных собраниях в Московском университете, в Обществе любителей российской словесности и в Благородном собрании. Их восторженно приветствовали пушкинист П.И. Бартенев и ректор университета Н.С. Тихонравов, который, обратившись к потомкам, напомнил, что А.С. Пушкина более всего трогало, когда

чувствовали потомков за заслуги их именитых предков. Все присутствующие, обратившись к Пушкиным, громко рукоплескали, став со своих мест.

Этому дню Майков посвятил два стихотворения:

*Русь собирали и скрепляли
И ковали броню ей
Всех чинов и званий люди
Под рукой ее царей;*

*Люди божьи, проникая
В глушь и дикие места,
В дух народный насаждали
Образ чистого Христа...*

*Что ж взойдет на общей ниве?..
Русь уж многое дала,
В царство выросши под сенью
Византийского орла...*

*Что взойдет? Виссон и злато
Только мелких душ кумир!
Лишь созданья духа вечны,
Вечен в них живущий мир;*

*Не пройдут вовек победы
В светлом царстве красоты.
Звуки песен, полных правды
И сердечной чистоты...
Пушкин! Ты в своих созданьях
Первый нам самим открыл,
Что таится в духе русском
Глубины и свежих сил!*

*Во всемирном Пантеоне
Твой уже воздвигся лик;
Уж тебя честит и славит
Всяк народ и всяк язык,-*

*Но, юнейшие в народах,
Мы, узнавшие себя
В первый раз в твоих твореньях,
Мы приветствуем тебя —*

*Нашу гордость — как задаток
Тех чудес, что, может быть,
Нам в расцвете нашем полном
Суждено еще явить.*

А. Майков «Пушкину»

*Он летит и всех чарует
Чудной ясностью лица;
Звуки падают волнами
С высоты во все сердца...*

*Отчего ж такая радость,
Отчего восторг живой?
Отчего ж и клик, и слезы,
Гул над целою страной?*

*Ах, чарующая сила
В этом вестнике небес
От его чудесных песен
Точно мрак густой исчез,*

*Точно с глаз завеса спала,
Точно мир зацвел кругом,
Все свою сказало тайну
Всем понятным языком,*

*И с раскрытием этой тайны
Наступает новый век,
И прекрасное впервые
Постигает человек.*

А. Майков «Пушкин»

В наброске своей речи Майков писал: «У нас ... величайший поэт и писатель Пушкин. Я думаю, что я его верно характеризую, если скажу: он строго служил искусству и твердо знал, «что чувства добрые он лирой пробуждал», лирой — т.е. этим строгим жречеством своей музой».

События торжества в Москве он описал в письмах к жене А.И. Майковой: «... Вчера, т.е. 7-го я, слава Богу, кончил свою роль, т.е. на заседании Любителей [Общество любителей русской словесности] в зале Дворянского собрания, прочел свои стихи, которые были назначены на сегодня, но вышло лучше, освободился раньше... Завтра же надеюсь выехать в Петербург. Наслушался столько красноречия, тостов, кликов, кроме того излиятий сер-

дечных, уважения и пр., пр.... Недурны были некоторые речи, впрочем в речах выяснялся не столько Пушкин, сколько говоривший, а это, знаете, иногда неинтересно».

В следующем письме к жене сообщает: «В газетах ты прочтешь описание празднеств, я же только скажу тебе личное впечатление. Первый день богослужение в церкви [Страстного монастыря] — великолепное, пение восхитительное, голоса чудо!... служил митрополит. Затем началось шествие к памятнику».

Приехав на Сиверскую, он сообщает: «Ну, вот я опять на Сиверской... И так как все говорили литераторы крупные, большей частью художники, то речи не выходили из круга идей, возбуждаемых Пушкиным. Говорили Тургенев, Островский, Достоевский, мы с Полонским читали стихи, Потехин; из публицистов самые уважаемые, строгие к себе и своему долгу — Катков и Аксаков. От этого вышло совсем не то, что в Петербурге, где остались только литературщики, говорившие на своем торжестве более о цензуре, чем о Пушкине».

Особенно выделил Майков выступление Достоевского: «Речь Достоевского — прелесть, в ней развитие той мысли, что и у меня в стихах, разъяснение, в чем состоит «русский дух» — что он есть не что иное, как чистое Христово учение: «Смири себя, гордый человек, свои страсти, гордость, свою личность».

В год 50-летнего юбилея своей творческой деятельности (30 апреля 1888г.) поэт пишет в письме к неустановленному лицу: «Читая не только стихи, но и беглые заметки Пушкина, мы можем видеть, как далеко опередила свой век его мысль, в последнюю, зрелую пору его жизни и деятельности; нам еще долго он может быть руководителем».

ДОБРЫЙ СКАЗОЧНИК

ИЗ СИВЕРСКОЙ

Андрей Бурлаков

Корней Иванович Чуковский

Знаменитая «Муха – Цокотуха» была написана в этом поселке

Вспоминая счастливое детство, наверное, каждый из нас помнит свои первые книжки. Для многих любимым сказочником был и остается Корней Иванович Чуковский – удивительный человек, обладающий чудесным даром не только детского писателя. Он был еще и замечательным историком, литературоведом, переводчиком... Чуковского можно назвать нашим современником, он умер в 1969 году.

Не многие знают, что К.И. Чуковский неоднократно бывал на гатчинской земле, а летом 1928 года он вместе

с семьей отдыхал на даче в Сиверской, которая в то время была излюбленным местом отдыха ленинградцев. К сожалению, для местных краеведов этот исторический факт остается пока неизвестным. А жаль! Ведь на ордежских берегах Чуковский не только отдыхал, но и плодотворно работал. Его знаменитая «Муха – Цокотуха» была создана писателем на ордежских берегах.

Интересные воспоминания об этом событии оставила бывший преподаватель литературы Ирина Николаевна Рейнке. Они были записаны с ее слов в 1982 году:

«Наши семьи породнились: моя сестра Марина вышла замуж за Николая Чуковского, старшего сына Корнея Ивановича, – рассказывала И.Н. Рейнке. – Вскоре у меня появилась племянница Таточка... Летом двадцать восьмого года, помогая нянчить Татку, я жила у Чуковских на даче, в Сиверской. Помню, немало удивлялась режиму Корнея Ивановича. Ложился рано, часов в шесть вечера. Причем, страдая бессонницей, просил читать ему вслух. Зато вставал в пять утра. Надев старый пиджак и огромные галоши, выходил прогуляться. Затем работал, а после обеда собирал вокруг себя всех окрестных ребятшек...

Однажды пришел к обеду из кабинета особенно возбужденный: – Пожалуйста, особенно возбуденный: – Пожалуйста, что сочинил! И начал:

*Муха, Муха – Цокотуха,
Позолоченное брюхо!...*

Следить за тем, как он читает, было наслаждением. Когда дошел до строк:

*Бом! Бом! Бом! Бом!
Пляшет Муха с Комаром.
А за нею Клоп, Клоп
Сапогами топ, топ!... –*

сам стал подпрыгивать на стуле, изображая этот пляс»...

Читателям, наверное, будет интересно узнать, что уже вскоре после написания «Мухи-Цокотухи» и других детских произведений на Корнея Ивановича ополчились советские газеты и литературные критики. Даже партийные вожди сумели разглядеть в его сказках антисоветский смысл. Самой первой в 1928 году на него ополчилась Н.К. Крупская. В центральной советской газете «Правда» она напечатала статью, в которой негодовала по поводу издания «Крокодила». Ее особенно возмутили некоторые фразы.

«Что вся эта чепуха обозначает? Какой политический смысл имеет? Какой-то явно имеет. Но он так заботливо замаскирован, что угадать его довольно трудно, – размышляла жена вождя. – Я думаю, что «Крокодила» нашим ребятам давать не надо. Не потому, что это сказка, а потому, что это буржуазная муть». Сказка «Федорино горе» была признана проповедью мещанства. Вместо того чтобы подумать о великих стройках, старуха думает о своей посуде. А Муха-Цокотуха из одноименной сказки на одном из рисунков в какой-то книжке стоит слишком близко к комарику и слишком кокетливо улыбается. К 1930 году борьба с Чуковским достигла апогея, подавленный писатель сдался и публично отрекся от своих сказок.

Впоследствии в своих письмах и дневниках К.И. Чуковский не раз упо-

минал Сиверскую. Еще в предреволюционные годы он был хорошо знаком и даже дружил с Сергеем Дмитриевичем Набоковым (1868–1940 гг.) – двоюродным дядей будущего известного писателя В.В. Набокова, в летние месяцы жившим в усадьбе «Батово» близ Сиверской. «Тощая фигура, изможденное измятое лицо, отличный костюм от парижского портного – приехал ко мне в Куоккалу из-за границы, даже не заехав к своей матушке на Сиверскую, – таким через полвека после их знакомства вспоминал старик Чуковский Набокова. – Денег у меня не было. Семья большая. Весь наш обед состоял из горохового супа. Я отправлялся в лекционное турне, читать лекцию, кажется, об Оскаре Уайльде». Последний раз они встречались в Лондоне, где С.Д. Набоков работал первым секретарем английского посольства.

Сохранилось и другое свидетельство, повествующее о сиверском периоде жизни Чуковского. Оно принадлежит известному советскому художнику Александру Николаевичу Самохвалову, автору картины «Девушка в футболке» (1932 г.), удостоенной золотой медали на Международной выставке в Париже. Летом 1928 года он проводил время в Сиверской, много работая над натурными этюдами и рисунками к книжным иллюстрациям. В своей книге воспоминаний «Мой творческий путь» художник позднее рассказывал: «Здесь, на Сиверской, я часто встречался с Корнеем Ивановичем Чуковским, читал его книгу о Некрасове, слушал его рассказы о Некрасове и о Горьком, и о его «университетах», и о Блоке. Я понимал всю противоречивость творческой жизни поэта. На Сиверской я иногда проходил мимо дома, в котором жил Корней Иванович, и нередко видел его лежащим на

веранде, на огромном столе: он правил рукопись по несколько раз, прочитывал вслух ту или иную фразу и целый абзац и придавал им окончательную формулировку. Как мне казалось тогда, это была уже работа краснодеревца в словосложении».

После долгих поисков удалось установить адрес сиверской дачи. Он упоминается в письмах дочери писателя Марии Корнеевны Чуковской к отцу, написанных из Ленинграда в Сиверскую. Так, в письме, датированном 23 июня 1928 года, на конверте указан адрес: «ст. Сиверская, Новодружноселье, Купальная 10/12, дача Абрамова». В письме от 3 июля Л.К. Чуковская сообщает Корнею Ивановичу о судьбе стихотворения «Муха-Цокотуха», которое находилось у заведующего редакционным отделом ленинградского отделения Госиздата Давида Николаевича Ангерта и готовилось к публикации:

«Милый папа. Сегодня М<аршак> ходил к Ангерту с твоим письмом.

М<аршак> решил воевать за «Муху», он вполне одобрил твоё письмо. Ангерт уверял, что «Муха» должна быть отложена не по политическим, а по технич<еским> соображениям...»

В письме от 29 июля 1928 года Лидия Корнеевна сообщала: «Милый папа. Поздравляю с хорошей погодой. Надеюсь, что она продержится подольше и что я, приехав на Сиверскую в следующее воскресенье, застану не дождь, а солнце...».

С именем Корнея Ивановича Чуковского связана история старинной дачи, расположенной на Красной улице на территории Сиверской специальной школы-интерната. Это бывшая усадьба принадлежала литератору и издателю Ивану Александровичу Иванову. В предреволюционный период он занимал должность секретаря известного русского книгоиздателя Ивана Дмитриевича Сытина. По воспоминаниям сиверских старожилов здесь в 1928 году неоднократно бывал К.И. Чуковский.

Бывшая дача Иванова И.А. в Сиверской, где бывал К.И. Чуковский.

*«Я сердце свое никогда не щадила:
Ни в песне, ни в горе,
ни в дружбе, ни в страсти...»*

Берггольц О. Письма с дороги, 1952 г.

1. Пять стихотворений из одной книги

Листая сборник Ольги Берггольц, я увидела там стихотворение, которое поразило меня не только своей искренностью, но и простотой поэтического бытописания. Судите сами:

*На Сиверской, на станции сосновой,
какой мы страшный месяц провели,
не вспоминая, не обмолвясь словом
о холмике из дерна и земли.
Мы обживались, будто новоселы,
всему учились заново подряд
на Сиверской, на станции веселой,
в краю пилотов, дюн и октябрат.
А по кустам играли в прятки дети,
парашютисты прыгали с небес,
фанфары ликовали на рассвете,
грибным дождем затягивало лес,
и кто-то маленький, не уставая,
кричал в соседнем молодом саду
баском, в ладошки: —*

*Мая! Мая! Мая!.. —
И отзывалась девочка: — Иду...*

Как точны описания! Как сильна боль... Это — второе из цикла «Два стихотворения дочери», написанного в 1936 году. А первое таково:

*Сама я тебя отпустила,
сама угадала конец,
мой ласковый, рыженький, милый,
мой первый, мой лучший птенец...
Как дико пустоет жилище,
Как стыннут объятья мои:
разжатые руки не сыщут
веселых ручонок твоих.*

*Они ль хлопотали, они ли,
Теплом озарив бытие,
Играли, и в ладошки били,
И сердце держали мое?*

*Зачем я тебя отпустила,
Зачем угадала конец,
Мой ласковый, рыженький, милый,
Мой первый, мой лучший птенец.*

А за несколько страниц до этого в сборнике Ольги Берггольц «Лирика» (Л., «Детская литература», 1974) опу-

од Ольге Федоровне было 30 лет, а за плечами — сложная и трагическая женская судьба. В цикле «Аленушка» нет посвящения. Но, зная биографию О.Ф. Берггольц, можно предполагать, что именно эти поэтические строки связаны с судьбой ее первого мужа, то есть поэта Б. Корнилова, который прожил всего 31 год и умер в 1938 году. Судя по дневниковым записям, и в 1941 году о гибели Бориса Корнилова Ольга Берггольц еще не знала, предполагая, конечно же, самое страшное и неотвратимое.

Два стихотворения цикла «Борису Корнилову» написала О. Берггольц в 1939 и в 1940-м году. А прежде были и другие стихи, строки. Например, цикл стихотворений, посвященный Охотнику. В одноименном стихотворении «Охотнику» (сентябрь 1928 г.) упоминается, кстати, речка Вырица.

Друг, муж, поэт: «Нас жизнь развела по разным дорогам. / Ты умный, ты добрый, я верю донныне...» (из «Писем с дороги», 1952, 1960). Первая после реабилитации книга Бориса Корнилова «Стихотворения и поэмы» (Л., 1957) составлена и подготовлена к изданию была именно Ольгой Берггольц.

* * *

По моему мнению, выше приведенные мной тексты пяти стихотворений О. Берггольц, написанные до Великой Отечественной войны, ярко дают представление о творчестве женщины-поэта. Поэта-лирика, искренне-серьезного, задушевно-исповедального. И вот о чем подумалось еще. Традиционное мнение, что самые выдающиеся и знаменитые поэты советского времени — это Анна Ахматова и Марина Цветаева, не является бесспорным. Потому что Ольга Берггольц с ее не менее трагической судьбой, отраженной в литературном

творчестве, это поэт настоящий и женщина, судьбой не сломленная.

Блокадной Мадонной называют Ольгу Федоровну Берггольц, звездным часом ее литературной судьбы считая годы Великой Отечественной войны. А ее довоенное творчество — это ли младенческий период становления? Судьба... Так, в 1932–1933 г. тяжело болели Н.С. Молчанов и дочурка Иринка, и умерла малышка Майя. В марте 1936-го умерла любимица Ирочка, внешне очень похожая на мать. По клеветническим наветам в 1937 г. О.Ф. Берггольц была исключена из партии, из профсоюза, из Союза писателей; восстановлена летом 1938 г. решением ВКП(б) с отменой всех предъявленных ей обвинений. В конце 1938 г. она была арестована и освобождена лишь летом 1939-го.

И потому сильная женщина в суровые годы войны стала еще сильнее, обретая эпическую легендарность и символически значимую образность. Мадонна!..

Трагедия матери и жены, испытанная... В 1972 г. был издан поэтический сборник О. Берггольц «Память» со следующим посвящением: «Памяти мужа и друга Николая Степановича Молчанова, погибшего в Ленинграде в январе 1942 года». Николай Молчанов, которому посвящены многие стихи Ольги Федоровны (пожалуй, самые искренне-пронзительные, например, прощальное — «29 января 1942 года»), умер от голода, не преодолев припадок эпилепсии.

К 300-летию Санкт-Петербурга составляя двухтомник произведений О.Ф. Берггольц, ее сестра Мария Федоровна этим книгам дала названия: «Встреча» и «Прошлого — нет!». Циклами под названием «Сочетание» (подзаголовки: «Испытание миром», «О друзьях», «Родине», «Память. Воз-

вращение», «Дороги», «Верю, — единоборствуй!») размещены во втором из упомянутых сборников стихи О. Берггольц. Причем «Сочетание четвертое» — это стихи на тему «Детство... Материнство». А цикл «Сочетание пятое» имеет подзаголовок «Три любви — три брака».

Любовь, семья, дети... Тема материнства пожизненно (!!!) стала для О. Берггольц трагической. Так, в 1935 году был опубликован рассказ Ольги Берггольц «Сын». А в марте 1939-го, находясь в «одиночке 17» она написала стихотворение, которое начинается так:

*Где жду я тебя, желанный сын?!
— В тюрьме, в тюрьме!
Ты точно далекий огонь, мой сын,
В пути, во тьме (...)*

А заканчивается стихотворение пророчески:

*Кругом пустынно, кругом темно,
И страх, и ложь,
И голубь пророчит за темным окном,
Что ты — умрешь...*

Так, к сожалению, и случилось. «... Двух детей схоронила / Я на воле сама, / Третью дочь погубила / До рожденья тюрьма...» (из стихотворения «Малолетки на прогулке», подписанного так: «Апрель 1939. Арсеналка. Больница»).

Две умерших дочери; ребенок (сын или дочь?), не родившийся в тюрьме; другой — «Степка», — не родившийся после выхода из тюрьмы. И еще одно дитя, не рожденное в блокадных «условиях» ЖИЗНИ: «... не спетый над дочкой / напев колыбельный, / задуманный ночью военной, метельной...» (из цикла «Перед разлукой», 1956, 1960). Утраты, потери... Боль! Женщина, трагически рано потерявшая всех своих детей и двух, горячо любимых мужей, прожила не так много — всего 65 лет.

* * *

Главной книгой Ольги Берггольц называют ее лирический дневник «Дневные звезды» (1958–1959 г.), изданный, правда, с большими купюрами. Это книга прозы, в которой поэтическое слово занимает важное и видное место. Существует несколько переизданий книги «Дневные звезды», однако запланированная публикация второй части этого произведения не состоялась, потому что работа над рукописью автором не была окончена.

Из дневников и черновых записей О. Берггольц (по книге: Берггольц О.Ф. Встреча. / Составитель М.Ф. Берггольц — СПб.: «Царское Село», 2003):

«15 июля 1939 г. 13 декабря 1938 г. меня арестовали, 3 июля 39-го, вечером, я была освобождена и вышла из тюрьмы. Я провела в тюрьме 171 день. Я страстно мечтала о том, как я буду плакать, увидев Колю и родных, — и не пролила ни одной слезы. Я нередко думала и чувствовала там, что выйду на волю только затем, чтобы умереть, — но я живу... подкрасила брови, мажу губы...» /с. 365;

«23 декабря 39 г. ...Степка не шевелится. Это удручает меня. Неужели опять — авария? Я знаю, что это почти безрассудно заводить сейчас ребенка: война, болезнь Коли, материальная необеспеченность, а сколько будет забот, и тревог, и быта! Но я рвусь к этому как к спасательному кругу: мне кажется, что тот, кто должен был появиться, как-то примирит нас с жизнью, наполнит ее важным, действительным смыслом» /с. 368;

«13.03.41 г. ... Перечитываю сейчас стихи Бориса Корнилова — сколько в них силы и таланта! Он был моим первым мужчиной, моим мужем и отцом моего первого ребенка, Ирки.

Завтра ровно пять лет со дня ее смерти.

Борис в концлагере, а может быть, погиб.

(...)Где все?! Где все?

А Ирка, Ирка, господи... А эпилепсия Коли с 32-го года? Где все и зачем все?

И что же вместо того, что было когда-то?

Какой наполненной жизнью жила я в 31-м году. Сами заблуждения мои были от страстного, безусловного доверия к жизни, к людям... Сколько силы было, веры, бесстрашия.

Была Ирка, был здоровый Коля, было ощущение неисчерпанности, бесконечности жизни, была нерушимая убежденность в деле, в правильности всего, что делала... Где же, где все?» /с. 326, 327;

«22 сентября 1941 г. (...) Неужели и ты, потомок, будешь так несчастен, что будешь считать, будто бы для человека есть что-то важнее любви, игры чувств, желаний друг друга? Я уже поняла, что это самое правильное, единственно осмысленное для людей. Верно, война вмешивается во все — будь она трижды проклята, трижды, трижды!!! Времени не стало, оно рассчитывается сейчас на часы и минуты. Я хочу, хочу еще испить минуту невременной, ни от чего не зависящей, чистой радости с Юркой. Я хочу, чтоб он сказал, что любит меня, жаждет, что я ему действительно дороже всего на свете (...) /с. 375;

«11.1.47 г. А оба моих — Коля и Ирочка — умирали под знаменами. Последними словами Ирочки были слова: «Опустите стяги!».

Откуда она знала это слово? Я не говорила ей его. Она взглянула на стенку уже стекленеющими глазами — гордо, надменно, обиженно и про-

шептала это повелительно, достойно...

И когда я последний раз, накануне смерти, видела Колю, он тоже надменно, дико глядя перед собою, прошептал: «Склоните знамена».

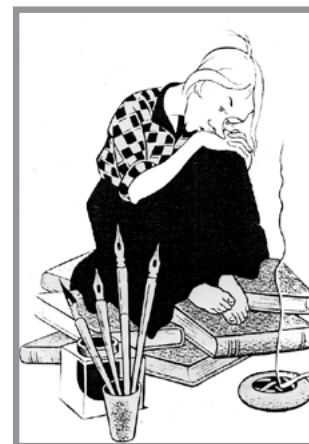
И я окончательно поняла, что он умирает, потому что вспомнила последнюю фразу Ирочки» /, с. 316;

«(...) Так же, как для меня — освобождение от необходимости ходить в сумасшедший дом, отрывать от себя какие-то куски — означала смерть Коли» /с. 354.

2. Аленушки непролитые слезы

Кроме фотографий, в биографической книге Дмитрия Хренкова об О. Берггольц помещен шарж художника Н. Игина, в котором мы угадываем «вариант» знаменитой картины Виктора Васнецова «Аленушка». Честно говоря, это изображение кажется мне кошунственным! Поскольку шарж — это ироничное изображение эпизода из биографии изображаемого человека. Шутка! Но стихотворный цикл Ольги Берггольц «Аленушка» это размышления не просто печальные, грустные, — это диалог трагический!!! Он искренне-исповедален. Как можно было придумать к нему шарж?! Удивительная бестактность, тем более что...

В 1968 году Ленинградское отделение издательства «Советский художник» выпустило альбом рисунков Иосифа Игина, называется который «Улыбка Светлова». У этой книги два автора: эпиграммы М.А. Светлова, рассказы, рисунки и макет И.И. Игина. На страницах книги первое (после вступительной части) — это эпиграмма и шарж на О.Берггольц с авторским уточнением: «По картине В. Васнецова «Аленушка».

В жизни отношения Михаила Светлова и Ольги Берггольц были приятельскими. Два поэта понимали друг друга, и пошутить (к случаю) не ленились. В упоминаемом выше сборнике О. Берггольц «Лирика» есть и цикл из двух стихотворений, посвященный Михаилу Светлову: это стихи 1940 и 1963 г. Серьезные стихи-воспоминания. Тем более удивительным кажется факт творческого содружества И. Игина и М. Светлова, которые представили Ольгу Берггольц именно в образе печальницы-Аленушки. Мол, сидит босоногая некрасивая (длинноногая!) женщина на стопке книг, а рядом — чернильница, дымящаяся папироса в пепельнице и стакан с перьевыми ручками. Поэтесса... И это — «портрет» блокадной Мадонны?! Эпиграмма М. Светлова к рисунку И. Игина:

*Ты, как маленькая, живешь,
Каждой сказке по детски рада,
Ты на цыпочках достигаешь
То, за чем нагибаться надо.*

Странно, очень странно: мол, девчоночка ты малюсенькая и по-детски наивная. Глупышка, Рева-корова. Иронично (!) и множество книг, словно пьедестал разложенных у нее под

ногами... Потому что прижизненное издание — это всего лишь трехтомник произведений О. Берггольц. Ныне утверждают, что ее литературное наследие составляет, пожалуй, не менее 10 книг, причем значительная часть текстов читателям неизвестна. Неопубликованное: дневники, черновые записи, газетные публикации...

Мне кажется, что Анну Ахматову так «по-васнецовски» изобразить не посмели бы! Как приняла дружественную изо-лит-«улыбку» Ольга Федоровна, не знаю. Но мне за нее обидно: перечитайте ее строки из цикла «Аленушка», где мысли и о смерти, и о судьбе... Но получается, что сама «виновата»: сочинила «Аленушку» под Васнецова — вот тебе и картинка?! Странная мужская логика.

Изданной, правда, Михаил Светлов эту книгу не увидел, так как умер в 1964 году. Тем не менее, эпиграмму к рисунку И. Игина когда-то написал...

Правда есть и другой пример: Рейжевский А. «Из запасных книжек. Эпиграммы и миниатюры разных лет» (М., 1986). В этом сборнике — шаржи Н. Лисогорского и тексты ленинградца-фронтовика А. Рейжевского. В главе «Строго по алфавиту» нет шаржа на О. Берггольц, лишь посвящение/К выходу книги «Дневные звезды»/:

*И днем —
С огнем!*

Автобиографический сборник «Дневные звезды» сама Ольга Федоровна считала главной книгой своей жизни. Мини-эпиграмма А. Рейжевского образно-значима, не так ли? Сказано точно! Емко! И остроумно. Сборника А. Рейжевского Ольга Берггольц не прочла, так как она умерла в 1975 году, а книга была издана позже. Но эту эпиграмму, возможно, и знала.

Эпиграмму-афоризм.

Мне кажется, что со-творчество И. Игина и М. Светлова по отношению к ней, Ольгу Федоровну Берггольц искренне взбесило. И вызвало бурю отрицательных эмоций, поскольку ее стихотворная «Аленушка» написана сквозь слезы! И над подобным — иронизировать?! Пошутили, а оказалось ЖЕСТОКО. И никаким жанровым своеобразием данный факт бестактности не оправдаешь, даже если бы авторы «Берггольц-Аленушки» сами по себе данного рода композицию придумали.

А уж то, что, подобного вида рисунок поместили в книгу Д. Хренкова биографического характера, я совсем не понимаю. Кстати, в этой книге даже не упомянут стихотворный цикл «Аленушка»! Но он (мне так кажется) в жизни и в судьбе О. Берггольц не рядовым явлением был, а очень-очень значимым. Потому что откровение, а не женская истерика и не кликушество (напоказ!) — в небольшом стихотворном цикле «Аленушка»!

Два комментария из сборников О.Берггольц. «В стихотворении использованы мотивы народной сказки «Сестрица Аленушка, братец Иванушка» — такое мило-безобидное пояснение к этому циклу дано в комментарии к сборнику О. Берггольц, изданному в серии «Библиотека поэта».

А вот и еще один комментарий к этому же циклу (по книге: Берггольц О.Ф. Собрание сочинений в 3-х томах. Т.1. — Л., 1988, с. 660): «Отражает нравственное состояние поэта в 1937–1940 гг.»

Итак: кратко, правильно, и бездушно. Почти как у М.Светлова — в эпиграмме: «Ты как маленькая живешь, /Каждой сказке по детски рада...»

Сказки, мечты, желанья... Будучи в тюрьме, Ольга Федоровна написа-

ла немало стихов. А содержали ее и в общей камере, и в «одиночке». Из стихотворения «Просьба» (цикл «Испытание»), помеченного «Июнь 1939»:

*Пусть с березками болотце
мне приснится иногда.
В срубке темного колодца
одинокая звезда...*

Узнаете? — знакомый сюжет! И снова, снова: лес и воля, «родник безродный, мостик узкий, замшелый камень над водой» — в стихотворении-посвящении Ирэне Гурской, написанном весной 1940 года.

3. Ленинградка

Могила Ольги Федоровны Берггольц находится на Литераторских мостках Волкова кладбище в Санкт-Петербурге. А над могилой — памятник. Это из черного металла композиция, изображающая стройную женщину, стоящую в комнате у окна. Удивительно, но фигурка женщины и трогательно-изящна, и, в то же время, героически-мужественна. Памятник установили недавно, а прежде был «деревянный крест с портретом, куртинка» (см.: Исторические кладбища Санкт-Петербурга. Справочник-путеводитель — СПб, 1993, с. 332).

Из стихотворения О.Берггольц, написанного в 1940 г. (в тот же год написана была и «Аленушка»!): «...И когда меня зароят /возле милых сердцу мест, — /крест поставьте надо мною, /деревянный русский крест!»

Рассказывают, что у подножия памятника почти всегда лежат живые цветы. Когда мы — группа гатчинцев — были здесь (в день 70-летия со дня смерти А.И. Куприна, т.е. 27 августа 2008 г.) у могилы О.Ф. Берггольц стояла корзина с искусственными цвета-

ми, на постаменте — свежие красные гвоздики.

Народная память... Из воспоминаний М.Ф. Берггольц, прозвучавших в радиопередаче 24 октября 1993 г. (см.: Берггольц О. Встреча — СПб, 2003, с. 260): «Мне хочется вспомнить и похороны сестры... Процессий, проводов в городе или на кладбище не было. И доступ, чтобы проститься с ней, был ограничен. Мне предложили составить список родственников, которые придут; я такой список дала, включив в него и других людей — соседей по квартире, которые хотели проститься с Ольгой. Потом я узнала, что они не могли прийти, — закрыли доступ. В автобусы (кажется, их было два, очень мало) — туда тоже этих людей не пустили, сказав: «Только для родственников». Полу-пустые автобусы следовали «зеленой улицей», а я замечала кучки людей, стоящих вдоль маршрута, по Фонтанке. Они тоже думали, что примкнут к процессии, но процессии не было. Когда приехали на кладбище, там собралась большая толпа народа, хотя известие об Ольгиной смерти было крайне глухо. Ленинград был оповещен об этом больше всего по «Голосу Америки», но все равно люди узнавали о случившемся друг от друга. Толпа стояла за цепочкой милиции, но когда подняли гроб и понесли, я не могу сказать — прорвали эту цепочку или сняли оцепление, но множество людей ринулось за гробом, и у меня мелькнула, наверное, безумная мысль: «Вот это я расскажу Ольге — как люди бросились ее хоронить».

Город ее судьбы... Родившаяся 3 апреля 1910 года в Санкт-Петербурге (в семье врача), умерла Ольга Федоровна Берггольц 13 ноября 1975 года в Ленинграде (в больнице). Петербурженка, она была ленинградкой в том

высоком значении, которое обрело это слово благодаря стойкости, мужеству, героизму жителей и защитников Ленинграда в годы Великой Отечественной войны.

Из комментария М.Ф. Берггольц (см.: Берггольц О. Встреча — СПб, 2003, с. 256): «Ольгу кто-то назвал «блокадной мадонной». А мне нравится одно древнее, другое название нашей Великой Матери. Я узнала его в Киево-Печерской лавре: БЕРЕГИ-НЯ. Берегиня — та, которая бережет. Именно они, великие берегини, и сберегли лучшее в человечестве и берегут дальше. Любовь и Веру».

* * *

Каждому времени — свои испытания. И у каждого из людей — своя судьба. К сожалению, неизвестно, когда и с кем отдыхала О. Берггольц в Сиверской, где они проживали. Наверное, это было по-семейному: то есть Ольга, Николай Молчанов и маленькая Иришка. Но теперь, бывая в Сиверской, я когда-нибудь вспомню, что дачница Ольга Берггольц здесь прожила труднейшие дни своей жизни, которые отразила в 16-ти строках стихотворения, не главного в судьбе поэта, но очень важного для нее:

*«На Сиверской, на станции сосновой,
какой мы страшный месяц провели...»*

Сиверская... «В краю пилотов, дюн и октябрат...» В конце 30-х годов О. Берггольц написала повесть «Мечта», главным героем которой является Алексей Воронов, летчик. Мечтающий, что совершит «победоносный перелет из конца в конец родины, от Ленинграда до Владивостока без посадки, с небывалой скоростью». Родился Алексей, как и В.П. Чкалов, в одном из сел Нижегородской губернии, действие повести

отнесено к 1932 году. В ранней юности мечтавшая стать летчиком (!), в 60-е годы Ольга Берггольц свои стихи посвящала космическим полетам, всегда подчеркивая главные черты тех, кто «болеет» небом: целеустремленность, силу духа, верность в дружбе.

Между прочим, одним из прообразов летчика из повести «Мечта», был второй супруг Ольги Берггольц – Николай Молчанов. А это можно считать аргументом в пользу того, что в Сиверской (то есть буквально почти на аэродроме!!!) дачниками они были вместе. Были, тоскуя по умершей дочурке Майе.

А не отсюда ли – из Сиверской! – и диалог Ольги-поэта с васнецовской Аленушкой, диалог-откровение? Ведь так важны в жизни каждого из нас воспоминания! Лес, Оредеж, трагедия и время для размышлений... Оредеж, лес, время... Природа Сиверской целетельна, и она – философична. Будут в судьбе Ольги Берггольц многие другие серьезнейшие испытания. Но свою

«Аленушку», выстраданную в 1940-м, она не забудет, я думаю, никогда. Ибо уже тогда определится для Ольги Берггольц васнецовский образ Аленушки, как символ собственной судьбы. А это – очень личное и потаенное: шаржированию не подлежит!

* * *

ПРИМЕЧАНИЯ:

***Корнилов Борис Петрович (1907–1938)** – поэт, в 1927–1930 гг. муж Ольги Берггольц. Репрессирован, расстрелян, реабилитирован посмертно.

***Молчанов Николай Степанович (1910–1942)** – филолог, с 1930 г. муж Ольги Берггольц.

***Макогоненко Георгий Пантелеймонович (1912–1986)** – в годы войны сотрудник ленинградского радио, военный корреспондент, впоследствии известный литературовед, профессор, автор многих книг исследовательского и биографического характера; в 1942–1959 г. муж Ольги Берггольц (его она называла Юрой). Один штрих из его автобиографии: «13 января 1944 г. был прикомандирован ко 2-й ударной армии, наступавшей с Ораниенбаумского плацдарма. С 22 февраля находился в 42-й армии, которая вела бои за Гатчину, а затем за Лугу».

«НЕСЕТ В ДЕТСКОЕ, В ДАЙМИЦЕ И БАТОВО»

Валерий Лукин

Виктор Викторович Конецкий

Как-то в Кронштадском клубе юных моряков проводилась викторина, в ходе которой ее участникам предлагались разные вопросы, связанные с флотом, морем и моряками. Среди них был и такой: «Назовите писателя-мариниста, киносценариста, капитана дальнего плавания, признанного читателями лучшим среди лучших литераторов, пишущих на морскую тему». И ребята почти хором ответили: «Виктор Конецкий!».

В. Конецкий – известный русский писатель, посвятивший свое творчество флоту и морякам. Его книги с большим уважением, юмором и тактом рассказывают о людях, связавших свою судьбу с морем и кораблями. Эта тема в творчестве В. Конецкого не случайна, он и сам профессиональный моряк, ходивший по морям на торговых судах помощником капитана. Глубокое знание своей морской специальности и повседневного быта моряков сделали его произведения неподражаемыми своей оригинальностью. Не читать книг Конецкого среди моряков

всегда считалось правилом плохого тона. Еще при жизни он стал классиком морской отечественной литературы. В этом году ему исполнилось бы 80 лет.

Виктор Викторович Конецкий родился в Ленинграде 6 июня 1929 года. Летом 1941 года он с матерью и братом находился на Украине, где и встретил начало Великой Отечественной войны. В августе Конецкие смогли добраться до Ленинграда, а потом вокруг города сомкнулось кольцо вражеской блокады. Самую тяжелую зиму 1941–1942 они провели в осажденном Ленинграде. В марте 1942 года Конецкие были эвакуированы по льду Ладожского озера на Большую Землю и далее в Ташкент, где и находились до осени 1944 года.

В 1945 году Виктор Конецкий поступил в Ленинградское военно-морское подготовительное училище, а в 1948 на штурманский факультет Первого Балтийского военно-морского училища, который окончил в 1952 году.

С 1953 по 1955 год служил на судах 441-го Отдельного дивизиона Аварийно-спасательной службы Северного флота. Впоследствии некоторые его наблюдения легли в основу новеллы «Путь к причалу» и одноименного фильма.

В марте 1955 года Виктор Конецкий уволился со службы в запас в звании старшего лейтенанта, а уже в мае в должности капитана МРС-823 участвовал в перегоне судов по Северному морскому пути из Петрозаводска до Петропавловска-Камчатского. Это

был первый в истории переход каравана малых судов в условиях Арктики.

В этом же году Виктор Конецкий вступил в Литобъединение при Ленинградском отделении Союза писателей СССР. Первый рассказ — «В море» — был опубликован в 1956 году, в альманахе «Молодой Ленинград», а уже в мае 1957 года вышел и первый сборник рассказов — «Сквозняк».

В начале 60-х годов XX века его приглашают в качестве сценариста для работы в кинематографе: в творческом соавторстве были созданы сценарии таких фильмов, как «Полосатый рейс», «Путь к причалу», «Тридцать три».

С мая 1964 года Виктор Конецкий совмещает работу в морском флоте и литературную деятельность. Он прошел путь от четвертого помощника капитана до капитана дальнего плавания.

За это время он побывал в плаваниях в различных районах Мирового океана от Арктики до Антарктики, в портах разных стран мира, четырнадцать раз прошел Северным морским путем.

Виктор Конецкий — автор более пятидесяти литературных произведений, многие из которых изданы не только в России, но и за рубежом. Повесть «Завтрашние заботы», впервые опубликованная в журнале «Знамя», сразу снискала ему читательскую любовь. Эта и другие повести, в том числе «Среди мифов и рифов», «Соленый лед», «Морские сны», переведены на несколько языков. Но самым главным творением Конецкого стал роман-странствие «За Доброй Надеждой» в восьми книгах. Этот роман создавался им с 1969 г. по 2000 г. и в его основу легли личные впечатления писателя от работы на морском флоте.

Но писал В. Конецкий не только о море. Есть много его рассказов и о представителях других профессий: летчиках, геологах, лесорубах, врачах, шоферах и т.д. Есть у него и совсем другие произведения, которые щемят душу своей болью — это рассказы о войне и блокаде, которую в Ленинграде он пережил еще мальчишкой.

Другой страстью Конецкого, после моря, была любовь к природе средней полосы России. Иногда эту любовь он ставил даже выше любви к морской стихии. И вот тому доказательство. В одной из своих повестей он пишет: *«Как бы ни был прекрасен штормовой океан, самое хорошее то, что рано или поздно он стихает... И вспомнишь рассветную землю. Плеск воды в шлюзе деревенской мельницы. Последождь. Еще сонный шелест мокрых трав и тяжелых от дождевых капель кустарников за обочиной дороги. Комариный затаенный гул. Васильки, рожь. Безлюдье деревни — еще и дымов нет, печи не затоплены. На задах деревни кособочатся баньки. Дрожит тополь у заколоченного амбара. Пахнет крапивой. Жуют и вздыхают в конюшне лошади, оглядываются на ворота, обмахиваются хвостами... В штилевом море на рассвете думаешь о деревенской земле, мечтаешь о простой жизни. Штормовая романтика уже кажется картинной и пустой, как «Девятый вал» Айвазовского».*[1]

Конецкий до самозабвения любил русское поле, русский лес, русскую речку и русскую деревню. Почитайте любой сборник его рассказов, и вы почувствуете это сразу.

Давайте сегодня вспомним о двух деревнях Гатчинского района, которые он увековечил в своих произведениях, и которые были ему и близки и дороги.

Как-то читая повесть В. Конецкого «Среди мифов и рифов» нашел в ней такие строки: *«Вечер. Лето. Чистота. Мир. Уют. Коровы. Лошади... Луга такие зеленые, когда кажется, что, чем больше набрал краски на кисть, тем зеленее получится. Тишина вечерней земли. Запах трав. Закатное солнце. Едва заметный парок от холодеющей воды. Стайки маленьких птиц скользят над холмами. Сирень цветет... И от близости земной природы, ее летнего, мягкого покоя такая обида вдруг поднимается на себя. Проклинаешь неумение жить на прекрасной земле, которую так любишь — в каждом дереве, цветке, лошади... Несет в детское, в Даймище и Батово. Беготня с копьём, парное молоко, довоенная детская безоблачность. Родные вспоминаются...»*[2]

Это были детские воспоминания В. Конецкого о пребывании на гатчинской земле перед Великой Отечественной войной. К сожалению, более подробного описания этих событий в его произведениях мне найти не удалось, а очень хотелось узнать об этом в деталях. Почему это меня заинтересовало? Да потому что я сам уроженец деревни Даймище. И все же, чтобы узнать подробности, оставалось только одно — набраться смелости и спросить об самого Виктора Викторовича.

Здесь по ходу дела нужно сделать небольшое отступление, чтобы рассказать о том, как я познакомился с В.В. Конецким, для чего нужно вернуться в далекий теперь уже 1988 год. В феврале того года я проводил отпуск в Ленинграде, и мне удалось достать билет на творческий вечер писателя, который он проводил в Концертном зале у Финляндского вокзала. Его творчеством я был увлечен уже давно, и вот мне представилась возможность на него не только посмотреть,

но и послушать. Описывать свои впечатления и эмоции от этой встречи нет смысла. Могу сказать только одно, что они были огромными. Но тогда и этого мне было мало, и я решил лично встретиться с Конецким и попросить у него автограф. Мне удалось узнать, что живет он на Петроградской стороне на улице Ленина и номер его дома, а узнать номер квартиры уже не составило особого труда, так как первый же встреченный мной во дворе прохожий назвал ее номер. Поднимаясь в квартиру Конецкого, я понимал, что встреча со мной не входит в его планы, и поэтому решил не злоупотреблять его временем. Виктор Викторович был очень удивлен столь необычному визиту, но, тем не менее, написал мне очень теплый автограф на принесенной мной книге его рассказов. Тогда у меня не оказалось ни времени, ни возможности, расспросить Конецкого о его пребывании в Даймище и Батово.

В 1997 году интерес к этому у меня возник снова. С тех пор прошло уже девять лет, и как мне на этот раз связаться с Конецким и расспросить его об интересующих меня событиях я не знал. Но все оказалось не так уж и сложно. По домашнему адресу Конецкого, который я уже знал, в справочном бюро мне дали номер его телефона. И я сразу же позвонил Конецкому. Трубку взяла жена. Я представился и объяснил причину своего звонка. Она мне ответила, что Виктор Викторович сейчас болен, и к телефону подойти не может. «Оставьте свой номер, и как только он сможет, то вам перезвонит», — сказала она. Через несколько дней у меня дома зазвонил телефон и в трубке раздался мужской голос: «Здравствуйте, это Конецкий. Вы мне звонили? Чем я могу быть вам полезен?» От неожиданности я несколько опешил и не сразу смог сообразить,

что ответить и с чего начать разговор. Когда я все же собрался с мыслями, то спросил у него верно ли то, что он когда-то бывал в деревнях Даймище и Батово Гатчинского района? «Да было такое. В детстве мать снимала там для нас с братом дачу. Давно это было еще до войны. Запомнилось то, как мы играли в индейцев, и бегали с копьями», — ответил он.

Позже еще в одной его повести «Кто смотрит на облака» я прочитал об этом следующее: *«И Веточке казалось, что она возвращается куда-то далеко в детство, в довоенное что-то, на Ворсклу, в деревеньку Батово или Даймище... И все время сознавая кощунственность своих мыслей, она вдруг почувствовала себя счастливой, невыносимо, беспредельно счастливой... Внутри нее жил кто-то новый. И впереди обязательно ждала такая же предвоенная, спокойная дача, мычание коров, роса, ромашки... И ее сын, бегущий по мокрой траве с луком или осиновым копьём в руках».* [3]

А тогда в конце нашего телефонного разговора я спросил его: «Виктор Викторович, а вы не хотели бы описать этот период своей жизни более подробно?» Он ответил не сразу, выдержав паузу. «Мне тяжело вспоминать об этом, а уж писать тем более. А места те не только красивые, но и исторические. Они помнят Пушкина, Рылеева, Набокова, и этим их жители могут гордиться», — сказал он. На этом наша беседа закончилась.

Больше с Конецким мне ни встречаться, ни разговаривать не пришлось, а 30 марта 2002 года после тяжелой болезни Виктор Викторович скончался. Похоронен он на Смоленском кладбище Санкт-Петербурга. Недалеко от Смоленской церкви его могила, там стоит памятник, огороженный якорной

цепью. На памятнике выбита эпитафия: «Никто пути пройденного у нас не отберет». Так он когда-то назвал одно из своих произведений. При жизни Виктора Викторовича эти слова были для него девизом, теперь для нас всех стали его завещанием, а в наследство нам он оставил свои книги.

Имя В. Конецкого занесено в Листы Памяти «Золотой Книги Санкт-Петербурга». В подтверждение заслуг капитана и писателя ведущая российская судовладельческая компания «Совкомфлот» приняла решение назвать его именем танкер нового поколения. В 2005 году он был спущен на воду. А это значит что «Виктор Конецкий» продолжает бороздить моря и океаны, и память о нем всегда будет жить вместе с нами.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1). В Конецкий. Солёный хлеб. — Л., Художественная литература, Ленинградское отделение, 1979, С. 25-26.

2). В. Конецкий. За доброй надеждой. — Л., Художественная литература, Ленинградское отделение, 1998, Том 1, с. 350.

3). Там же, Том 2, С. 192.

КРАЕВЕДЕНИЕ

*Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу...*

А.С. Пушкин

Андрей Бурлаков

Грот «Эхо».
Редкая фотография начала XX века.

Зачем приезжают в Гатчину туристы? Полюбоваться великолепными интерьерами Павловского дворца, побродить по замечательным уголкам пейзажного парка, посмотреть на единственный в мире землебитный дворец Приорат... Но есть в Гатчине еще один неповторимый и удивительный памятник прошлого. Это таинственный подземный ход — 120-метровый тоннель, протянувшийся от дворца-музея до Серебряного озера, единственное в своем роде сооружение в петербургских пригородных дворцах и парках.

Да, в этом отношении Гатчине повезло необычайно. Только здесь, прогуливаясь по темным подвальному галереям, примыкающим к подземному ходу, можно случайно встретиться с загадочным призраком императора Павла I.

Построенный по проекту итальянского архитектора Антонио Ринальди, Гатчинский дворец тринадцать лет был великокняжеской резиденцией, а затем пять лет — императорской. Свой романтический замок император Павел I сделал неприступным. О его странных душевных качествах — сентиментальности, подозрительности, суевериях по Гатчине ходили легенды. С его именем некоторые историки связывают создание подземного хода. Однако все сохранившиеся документы указывают, что подземный ход, как существующее оригинальное сооружение, уже был при императоре. Таким образом, с уверенностью можно утверждать, что подземный ход и заканчивающийся им грот «Эхо» на берегу Серебряного озера были созданы одновременно со строительством

дворца при графе Григории Григорьевиче Орлове, и очевидно все тем же Ринальди.

Грот «Эхо».
Современная фотография

Еще с орловских времен в алькове Парадной опочивальни Гатчинского дворца имелась потайная дверь на темную узкую винтовую лестницу. По ней из парадных залов второго этажа можно было спуститься на нижний этаж главного корпуса и через туалетную комнату императора по той же потайной лестнице проследовать дальше в дворцовые подвалы, где и начинался подземный ход.

Павел часто пользовался потайной лестницей. Он любил устраивать своим гостям неожиданные сюрпризы, таинственным образом исчезая из дворца и также неожиданно появляясь. На берегу Серебряного озера на небольшой деревянной пристани у грота «Эхо» его всегда ждал челнок и верный слуга. Путь из подземного хода дальше мог продолжаться и по воде.

Посещали подземный ход и некоторые высокие гости. Так, в 1797 году во время пребывания в Гатчинской мызе бывшего польского короля Станислава-Августа ему была устроена прогулка из дворца через подземный ход к гроту «Эхо» и далее по императорскому парку. Павел I доверил сопровождать почетного гостя своему

ближайшему сподвижнику Сергею Ивановичу Плещееву, постоянному члену свиты государя.

«Гатчина, 31 августа 1797 года. Поскольку Король попросил Императора дать ему кого-нибудь, кто показал бы все красоты Гатчины, ему был представлен господин, Плещеев, — сообщает в Дневнике, который в это время вел личный секретарь короля. — Он сопровождал Короля, начиная от подвалов Гатчинского дворца, которые весьма своеобразны, до верхнего этажа башни этого обширного замка...»

Павел I остался доволен, видя какие яркие впечатления получил король Станислав-Август от всего увиденного: «Он сам говорит, что только здесь он чувствует себя действительно дома. И правда, что Павловск, при всем своем очаровании, лишь маленькое сокровище с Гатчиной, где все много величественнее».

После убийства императора подземный ход, по всей видимости, был надолго закрыт для посещения, поэтому в литературных источниках каких-либо сообщений о нем почти не встречается. А вот необычный на вид грот «Эхо», которым он торжественно заканчивается в пейзажном парке у глади самого чистого гатчинского озера, довольно часто фигурирует в воспоминаниях современников и даже изображен на полотнах художественных произведений. В 1817 году его запечатлел в одной из своих графических работ известный поэт и талантливый художник Василий Андреевич Жуковский. Рисунок так и называется: «Грот «Эхо». Сегодня он хранится в фондах Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге вместе с другими бесценными рисунками из альбомной серии «Шесть видов Гатчины».

Интересной является запись о подземном ходе и гроте «Эхо», которую

оставила в своем дневнике в 1854 году Анна Федоровна Тютчева — фрейлина при цесаревне, а впоследствии императрице Марии Александровне, старшая дочь поэта Ф.И. Тютчева:

«Гатчина, 19 октября...

В парке около озера видна пещера, закрытая железной решеткой; говорят, что здесь находится выход из тех подземных ходов, которые император Павел велел провести от своей комнаты, чтобы иметь возможность бежать от убийц. Тщетная предосторожность, не предохранившая его от смерти, которой он так боялся и заслуженность которой, может быть, сознавал. Все эти воспоминания делают пребывание в Гатчине очень мрачным и неприятным. Я не понимаю, почему двор выбирает Гатчино именно тогда, когда хочет веселиться».

Всевозможные каменные гроты являлись неотъемлемой и неременной «декорацией» в парковой архитектуре регулярного и пейзажного стиля. Достаточно вспомнить такие замечательные памятники XVIII столетия, как грот Большого каскада в Петергофе, грот Стрельнинского дворца, павильон-грот в Екатерининском парке в Царском Селе и другие. Гатчинский грот был отмечен какой-то особой природной естественностью и таинственностью облика, которая, несомненно, усиливалась укромностью расположения. Арочный выход из подземного туннеля сложен из массивных глыб грубо отесанного пудостьского камня разных размеров и форм, а пол выстлан каменной плитой. Живописная кладка грота «Эхо», протянувшаяся по фасаду на 19 метров, издали действительно воспринимается как естественная. Однако случайное сочетание глыб, низкий заглубленный арочный вход, декоративный кустарник, которым обсажен грот — резуль-

тат художественной продуманности талантливого автора этого сооружения. Каждый камень подбирался и закреплялся на месте скрытыми в кладке железными связями. Декоративность светотеневой игры поверхности каменных глыб и глубоких швов и в наши дни делает «эту архитектурную игрушку привлекательной во все времена года».

Гармонично вписался грот «Эхо» и в ландшафтную композицию Серебряного озера, на берегу которого в 1848 году, при выходе из подземелья, на месте ветхой деревянной пристани была построена каменная круглая пристань (архитектор Э. Тимм). В одном из документов 1884 года упоминается «об исправлении площадки у «Эхо». При этом были составлены чертеж и смета.

Серебряное озеро — самый уникальный водоем Гатчинского парка. Оно имеет природное происхождение и питается сильными подземными ключами. «Кристалльно чистый изумрудный тон его воды напоминает горные озера, — сообщали в 1935 году в книге «Гатчина» ее авторы Серафима Николаевна Балаева и Георгий Викторович Смирнов. — На берегу Серебряного озера виднеется пещера, каменные глыбы которой полускрыты свисающими ветвями кустов. Это — «Эхо», выход из подземного хода дворца». Исключительно прозрачная вода озера, несмотря на довольно большую глубину (до 13 метров), дает возможность рассмотреть его дно, покрытое слоем серовато-зеленой глины. Она и придает воде изумрудный цвет. Особенно впечатляюще выглядит панорама Серебряного озера с башен Гатчинского дворца.

Свое оригинальное название грот получил от ясно слышимых отголосков: многократного повторения челове-

ского голоса и звука шагов по каменным плитам, возникающих в глубине подземелья. Акустические особенности грота «Эхо» действительно очень необычны.

Посетивший Гатчину в 1814 году академик и путешественник Н.Я. Озерцовский писал: «Сказывают, что сей подземный ход сделан еще князем Орловым, может быть для того только, чтоб в нем слышать отголоски (эхо), которые повторяются там до четырех слогов, когда от железной решетки, перед озером стоящей, человеческий голос раздаваться будет в подземелье, и стоящие ко дворцу железные ворота будут затворены, ибо как скоро их откроют, то эхо больше не отвечает». Известно, что в парках XVIII века сооружения, выдающие эхо, ценились и даже специально возводились для развлечения посетителей. Для них придумывались и особенные «кричалки»...

Гатчинское эхо тоже имеет свою историю. Громкое восклицание повторяется в подземной галерее несколько раз. По утверждению экскурсоводов государственного музея-заповедника, эхо «работает» не везде: оно отвечает лишь тому, кто встанет у второй от входа пары фонарей, и в этом состоит еще один инженерный секрет архитектора Ринальди.

Первые «кричалки» появились здесь еще в Павловскую эпоху. Ими часто развлекались дети императора. Говорят, что они записаны в какой-то старинной книге... Среди самых известных, которые возможно сохранились еще с тех далеких времен, можно назвать такие распространенные сегодня «кричалки», как: «Какой цветок не боится мороза?! — Роза!», «Как называлась первая дева?! — Ева!», «Кто украд хомуты?! — Ты!» Но самым популярным у туристов, посещающих Гатчинский дворец, является восклицание:

«кто нами правит?! — Павел!» Очевидцы рассказывают, что иногда последнее слово эхо повторяет иногда до 30 раз!

Дочь главного хранителя дворца-музея Владимира Кузьмича Макарова, Вера Макарова, вспоминая о событиях 1924 года, когда она вместе с лучшей подругой Екатериной Серебряковой, дочерью знаменитой художницы Зинаиды Евгеньевны Серебряковой, часто гуляла в Гатчинском парке, рассказывала:

«Однажды на берегу Серебряного озера у входа в Грот, за которым тянется подземный ход к лестнице в покои Павла I, мы с Катей вздумали проверить справедливость названия грота «Эхо». Мы крикнули: «Павел», ожидая услышать обычный отзвук последнего слога. Но на этот раз из темноты раздалось зловещее: «Умер».

Мы позорно бежали, уверенные, что разбудили признак. Нам и в голову не пришло, что над нами пошутил кто-то из взрослых.

После этого на листке моего альбома появилась акварель моего отца: в собственном саду Павел I в мундире и треуголке гонится за лохматой девочкой...»

А вот история с продолжением, которая произошла в Гатчине в октябре 1996 года. Тогда город посетил американский поэт Гай Хоглэнд из города Санкт-Петербурга (штат Флорида). Вместе с коллегами из российского Санкт-Петербурга он встретился с читателями Гатчинской центральной городской библиотеки имени А.И. Куприна, с учащимися и преподавателями школы № 3, но самое большое впечатление на мистера Хоглэнда и его дочь Марию произвела экскурсия по дворцу-музею и в особенности посещение подземного хода.

«Здесь гостям рассказали, что

когда-то, очень давно, по стенам туннеля была развешана конская упряжь, — делился позднее своими впечатлениями один из очевидцев. — Однажды ее почему-то убрали... Царская дочь, маленькая девочка, забежала, играя, в туннель и, увидев пустоту на стенах, воскликнула: «Кто украл хомуты?» «Ты!.. Ты!.. Ты!..» — отозвалось эхо».

Эта историческая легенда без сомнения известная многим гатчинцам, в тот же вечер вдохновила американского гостя на создание стихотворения. Оно называется «Темный туннель», а перевел его на русский язык знаменитый петербургский поэт Илья Фонаков.

Темный туннель

Как относятся американцы к своим поэтам?

Вы, граждане Гатчины, спрашивали меня об этом.

Ваш вопрос, словно дирижерская палочка, попеременно

Целится в политика, газетчика, бизнесмена,

От лица же самих поэтов скажу:

Мы — как в темном вашем туннеле,
Что ведет из дворца к озеру,

Там, где лампочки светят еле,

Где на громкий старинный вопрос:
«Кто украл хомуты?»

Многочисленные эхо из тьмы откликаются: «Ты!»

Гатчинский подземный ход хранит немало загадок. Многие посетители дворца-музея специально приходят в подземелье, чтобы встретиться здесь с таинственным призраком или призраками. И это не фантастика! «Призрачной теме» можно было бы посвятить специальное научное исследование...

Долгое время считалось, что именно этим подземным ходом воспользовался бежавший в 1917 году от преследования большевиков Александр

Федорович Керенский. Как известно, он прибыл в Гатчинский дворец из революционного Петрограда 27 октября вместе со штабом третьего конного казачьего корпуса. О тревожных событиях, которые происходили уже 1 ноября 1917 года, Керенский впоследствии рассказывал в своих воспоминаниях:

«Около 10 часов утра меня внезапно будят. Совершенно неожиданное известие: казаки-парламентеры вернулись с матросской делегацией во главе с Дыбенко. Основные условия матросов — безусловная выдача Керенского в распоряжение большевистских властей. — Казаки готовы принять это условие.

Выхода у меня не было. Никаких мер личной охраны я не предпринимал. Никаких подготовительных действий на случай выезда из Гатчины не делал. Для вооруженной борьбы нас было слишком мало — меньше десятка. Уйти из дворца невозможно — построенное Павлом I в виде замкнутого прямоугольника здание имело только один выход, уже занятый караулом из казаков и матросов. Пока мы рассуждали, явился один из высших служащих дворца с предложением помощи... Он знает тайный, никому не известный подземный ход, который выходит в парк за стенами этого дворца-крепости, но чтобы пройти к этому тайнику, нужно ждать сумерек».

Воспользовался ли он этим ходом, неизвестно. Сам же он писал в 1922 году: «Я не считаю себя вправе подробно рассказывать свой уход из Гатчинского дворца. Большевики еще у власти — люди еще живы... Я ушел из дворца за 10 минут до того, как предатели ворвались в мои комнаты. Я ушел, не зная еще за минуту, что пойду. Пошел, нелепо переодетый под носом у врагов и предателей. Я еще шел по улицам Гатчины, когда началось

Вид на Гатчинский дворец со стороны Карпина пруда.
Фото 1970-х годов.

преследование. Мои спутники, оставшиеся во дворце, все спаслись. Одни просто в суматохе, другие вечером потайным ходом — все ушли благополучно из не слишком гостеприимного дворца».

Среди местных старожилов впоследствии долго ходили разговоры о том, что А.Ф. Керенский спасся, выпрыгнув из окна Арсенального караула Гатчинского дворца, на первом этаже которого в то время проживали бывшие придворные служители.

В 1918 году залы Гатчинского дворца впервые были открыты для посещения, а вскоре небывалый поток туристов довоенной поры хлынул в этот очень популярный у ленинградцев музей. Большим успехом у экскурсантов

пользовался открытый для обозрения подземный ход. Только каким-то чудом он не пострадал в годы Великой Отечественной войны и был восстановлен ТОО «Дворец» в 1993 году. В послевоенный период долгое время подземному ходу была уготована роль склада Гатчинского водоканала, который, к сожалению, и сегодня все еще удерживает в своих руках нашу общую голубую жемчужину — Серебряное озеро. Поэтому недоступен для обозрения и грот «Эхо», а громкие восклицания музейных посетителей подземелья глухо обрываются в закрытую арочную железную дверь. Наверное, это один из немногих подземных ходов, который не имеет выхода...

*Андрей Кордошкин
Надежда Гревцова*

О многом могут рассказать древние, IX–X веков, русские летописи. Но все же их известия слишком скупы для коммунаровца, интересующегося историей своего края. Места, упомянутые в летописях, расположены на важнейших торговых и военных путях того времени. А наша скромная земля искони жила неторопливо и мирно.

Любознательный краевед может заглянуть в писцовые книги — важные государственные документы, которые велись с XV века и служили основанием для назначения крестьянских повинностей.

В переписной книге 1499 года можно прочесть: «Деревня Пязнево (современное Пязелево). Двор Семенко Ивашков, двор Игнатко да Офонаско Семеновы; сеют ржи четыре коробы, а сена косят 50 копен, обжа. А дохода две гривны и полчетверти деньги, а из хлеба четверть, а ключнику деньга.

Деревня Гайкуево (современное Гайколово, улица Павловская) на Ижоре. Двор Овсево Микитин, дети его Ивашко да Федко, двор Федко Микитин; сеют ржи шесть коробей, а сена косят сто копен, полторы обжи. А дохода гривна и полосьмы денег, а из хлеба четверть, а ключнику две деньга».

Кстати будет сказать, что все три названия древних деревень подверглись более позднему финскому (с XVII века) влиянию. Современные наименования, согласитесь, очень похожи на известные Кавголово, Парголово, Лемболово: ударение на первом слоге, «хвостик» -олово или -елево означает «место, где живет». Таким образом, Антелево — «место, где живет (жил) Анто и его род». «Деревня Мандорово (современное Монделево). Двор Недко Гридин, двор Федко Макуев; сеют ржи четыре коробы, а сена косят 50 копен, обжа. А дохода полторы гривны, а из хлеба четверть, а ключнику деньга, ведро пива, горсть льну». Пусть не смущается читатель: обжа — это старинная земельная мера, а также площадь, которую может вспахать на лошади один пахарь за один день.

«Деревня Лукосица (современные Лукаши): двор Ивашко Фомин, двор Игнат Васков, сын его Иевко, двор Матюк Васков, дети его Перхушкова и Яшко, двор Яшко Кондратов; сеют ржи двадцать коробей, а сена косят сто копен, пять обиж. А дохода с них по спом: двадцать коробей ржи, полтретьятцать коробей овса, пятнадцать коробей ячменя, шесть бочек пива,

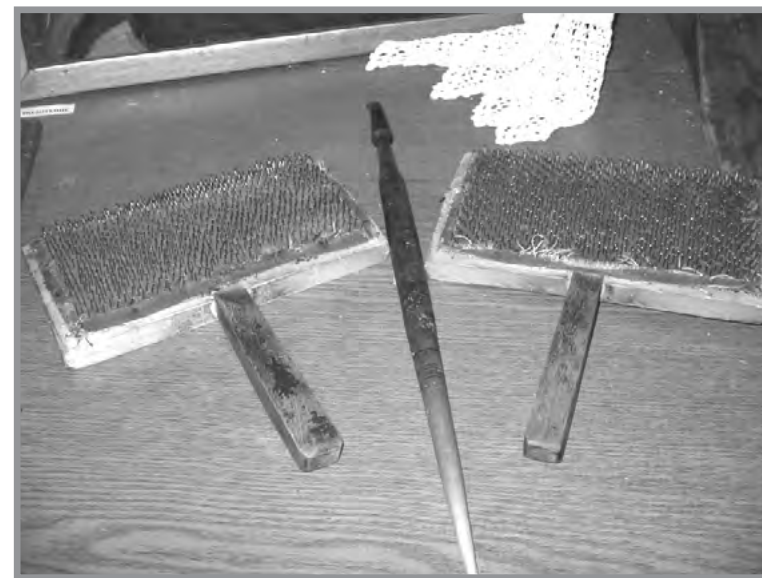
двенадцать денег...»

Обратили ли вы внимание на то, какими маленькими были древнерусские деревни — всего два, может быть, три двора, и только в Лукосице — четыре. Почему? Это система земледелия — подсечно-огневая — требовала широкого простора: выкорчеванное и удобренное золой сожженных деревьев поле плодоносило и кормило семью только 3–4 года, а рядом с ним готовилось новое поле под урожай. Люди, жившие в деревнях, ведя примитивный и непрехотливый быт, уже хорошо знали, как обрабатывать землю, как вести хозяйство. Заготавливали сено — значит, был скот, то есть мясо, молоко, шерсть. Выращивали рожь — был хлеб. Это все и нам, коммунаровцам, понятно и знакомо. Но вот лен...

Лен становится редкостью в современной России, в наших местах не сеют лен с XIX века: расположенный рядом огромный город требует фруктов, овощей. А в натуральном кре-

стьянском хозяйстве без льна было не обойтись, и цвели льняные поля на берегах Ижоры и Словенки, поднимали к солнцу голубые глазки длинные зеленые растения под неярким северным небом. «Что ручки сделают, то спинка износит», — гласит пословица. Лен надо было вырастить, собрать, обработать, наткать из него полотна, а холсты выбелить. И носила тогда Русь белую льняную рубаху на зависть, например, Египту, где льняные ткани были предметом роскоши. Из семян делали масло, заправляли им простые крестьянские кушанья, изготавливали на нем краски.

Записи в писцовой книге наводят на размышления и о происхождении фамилий. Крестьяне, как вы прочитали, именовались уничижительно: Семенко сын Ивашков, Овсево (Евсей) сын Микитин (Никитин), Офонаско (Афанасий) сын Семенов. Из отчеств возникнут впоследствии фамилии — как ответ на вопрос «чей?». Интересно от-

Железная щетя для очеса льна и веретено (экспонат школьного музея).

чество (и позже — фамилия) Гридин. В древнерусском языке слово «гридь» означало «воин, княжеский телохранитель». Но вряд ли в глухой деревне жил и землешествовал сын княжеского дружинника. Видимо, Гридя — это форма канонического (церковного) имени Григорий.

В основе современных русских фамилий — канонические и нецерковные (Волк, Пятый, Зима, Некрас, Сувор и т.д.) имена, прозвища отцов, наименование отцовских профессий, географические названия, предметы одежды и питания, обычаи и т.д. Например, Тиунов (тиун — управитель, приказчик, младший судья);

Ноговицын (ноговица (ср. с «рукавица») — вид обуви или одежды, прикрывающей ноги; Пелевин (пелева — это мякина, отходы при молотбе зерна); Рындин (рында — оруженосец, переносное значение — долговязый, верзила); Калашников (калашник — пекарь или продавец калачей); Ронжин (ронжа — птица-ореховка); Кокшаров (Кокшары — это название старинного города на реке Кокшеньге); Пермитинов (из пермской стороны). Ономастика — наука о наименованиях — интересная и трудная область знания. С ней наша история тихонько, ненавязчиво и деликатно учит нас постигать многообразный мир.

Ручная прялка с льняной куделью и полотенцем (экспонат школьного музея).

ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ

ВЕРХНЕГО ПООРЕДЕЖЬЯ В XVII ВЕКЕ

Дмитрий Рябов

Житель Ингерманландии с орудиями своего труда. Военно-исторический архив, Москва.

23 февраля 1617 г. в деревне Столбово на полпути между Ладогой и Тихвином был подписан долгожданный мирный договор России со Швецией, положивший конец Смуте и многолетней Новгородской войне. Шведы возвращали оккупированные ими Новгород и большую часть его земель, но сохраняли за собой Карельский перешеек и южное побережье Финского залива с крепостями Ям, Копорье, Орешек и Ивангород. Кроме того, русское правительство обязывалось выплатить контрибуцию в 20 тысяч рублей серебром; шведским купцам гарантировались торговые привилегии в России.

Итак, намерения шведского короля Юхана III, еще в 1580 г. выступившего с «великой восточной программой», осуществились: Россия оказалась отрезанной от Балтики, Столбовский «мир невольной» закрепил ее изоляцию от Северной и Западной Европы. «Тяжелее всего для русских быть отрезанными от Балтийского моря, — заявил новый король Густав II Адольф, —

а допустить их утвердиться на этом море, с целями торговли или другими, было бы крупнейшей политической ошибкой».

По условиям Столбовского мира русские дворяне и горожане имели возможность в двухнедельный срок выехать из уступленных Швеции земель в Россию; крестьяне же и белое духовенство, призванное обслуживать религиозные нужды крестьян, обязаны были остаться. Тем не менее, при подписании документа было оговорено, что местному населению Ингерманландии гарантируется право на сохранение православного вероисповедания. Однако на практике эта договоренность вскоре была нарушена, ибо в великодержавной Швеции XVII века, раздробленной в языковом и культурном отношении, важнейшим объединяющим началом становится лютеранская религия.

Так, например, тайно исповедовавшей католичество королеве Кристине (1632–1654) пришлось в конце концов отречься от престола и перебраться в Рим. Ее же отец, король Густав Адольф, который вошел в историю как выдающийся полководец и государственный деятель, был ревностным приверженцем реформации и твердо стоял на позиции «одно государство — одна вера».

Уже в июле 1618 г. в инструкции короля выборгскому епископу Олофу Элимеусу прозвучало первое постановление относительно православных прихожан, согласно которому Ингерманландия и Кексгольмский лен при-

соединялись к Выборгской епархии. Русские православные именовались в инструкции «стремящимися к нашей христианской [имеется в виду – лютеранской. – Д.Р.] вере» и потому обязанными отказаться от своих «заблуждений»¹. В соответствии с этой целью епископ должен был назначать священников, способных «учить и увещевать»; в дальнейшем епископу предписывалось позаботиться о строительстве лютеранских кирок, так как жителей Ингерманландии необходимо было склонять к лютеранству при помощи соответствующих церковных обрядов.

Особой проблемой оставался вопрос о связях оставшихся русских священников с новгородским митрополитом, которому они подчинялись по службе, оставаясь в мирском отношении шведскими подданными. Вначале шведское руководство запретило кандидатам в священники лично ездить в Новгород для их рукоположения. В сентябре 1618 г. этот запрет был аннулирован, однако в связи с массовым бегством русских крестьян за рубеж восстановлен уже в декабре 1619 г.

Далее, в апреле 1620 г. Густав Адольф в «памяти» арендатору Богуславу Розену велел разобрать русские деревянные церкви, что находились внутри укреплений Копорья и Ямы. Что же касается насельников монастырей, то король, напротив, не велел притеснять их, так как простой народ тогда побежал бы через границу вслед за монахами; однако монастырям запрещалось принимать новых монахов. Таким образом, к середине XVII столетия все православные монастыри Ингрии практически прекратили свое существование.

Шведам удалось довольно быстро создать на территории провинции сеть евангелическо-лютеранских при-

ходов, ведь первый из них был основан в уездном центре Копорье еще в годы первой шведской оккупации конца XVI в. По мысли Густава Адольфа, лютеранскую церковь надлежало построить в каждом погосте², однако строительство кирок шло не по мере приобщения русских крестьян к «правильной» вере, а по мере прибытия на освободившиеся в результате повального бегства русских крестьян земли переселенцев-лютеран из соседней Финляндии. Так, если в 1630 г. в Ингерманландии было 48 русских храмов, где служили 17 священников, и лишь 8 лютеранских кирок с шестью священниками, то через 10 лет в одном только Копорском лене числилось уже 6 лютеранских приходов, одним из которых был Кобринский (Corgina) приход, основанный на территории Суйдинского погоста. А к 1655 г. (накануне Первой Северной войны) в результате проведения шведами т. н. «конверсионной политики», в провинции насчитывалось уже 58 лютеранских приходов³ и 36 кирок, в которых вели службу 42 пастора, в то время как православных действующих храмов оставалось лишь 20.

Первым настоятелем Кобринского прихода стал Маттиас Тома (Thomaj), по-видимому, тот самый «финский пастор», что служил в Дудергофе в 1635 г.; в Кобрино он числился по крайней мере, с 1640 г. Как следует из мантальной росписи за 1645 г., вышеупомянутый пастор вместе с матушкой Анной – дочерью выборгского таможенника Генриха Йобина, двумя работниками, двумя же служанками и звонарем Хенриком проживал в своей усадьбе в пол-обжи в деревне Кергипо (14 старых обож)⁴, относившейся ранее к коронным землям, и служил здесь до своей смерти в 1672 г. Когда соседняя деревня Петрино, известная также с

Окрестности Кобринского пастората в XVII в.
Э. Белинг, 1679 г.
Военно-исторический архив, Москва.

1499 г., во второй половине XVII в. становится шведской мызой (усадьбой), этот приход нередко начинают называть и именем Petrina.

С 1653 г. в Кобринском приходе была известна также должность капеллана, первым из которых в мантальных росписях назывался Маттиас Франсон. В это время, по данным ревизии Г. Нильссона, размер церковной земли прихода составлял уже полторы обжи, а по генеральной ревизии 1678 г. – две, – все в Суйдинском погосте. Судя по карте, Кобринская церковь (Corgina kurgskia) находилась в районе нынешнего Кобрино; на запад от нее показана усадьба пастора (pastorsbohl), на север, по дороге на мельницу – усадьба капеллана (cappelansbohl), а еще севернее – звонаря (kleckarebohl), к западу от которой проживали вновь поселенные крестьяне.

Кобринский приход обнимал лютеранское население сразу трех погостов: Грезневского, Орлинского и большей части Суйдинского. В 1640 г., наряду с Corgina впервые упоминается и Колпанская капелла⁵, построенная в Дяглинском погосте вблизи границы с Суйдинским и приписанная к Скворицкому приходу – одному из старейших в Ингерманландии. На запад от Суйдинского погоста распола-

гался Дяглинский (Deglina) приход, известный с 1647 г. Здешняя кирка находилась в дер. Pod(o)gostilits by⁶ Дяглинского погоста, однако, в 1731 г. новая церковь была построена уже в соседней дер. Шпаньково⁷. Согласно резолюции генерал-губернатора Йерана Сперлинга от 12.06.1685 г. приход получил пасторскую усадьбу: три четверти обжи в дер. Каменка Дяглинского погоста плюс по две трети обжи в дд. Salusia и Glddina Суйдинского погоста, а также усадьбу звонаря 0,1 обжи в Podgostilitsa by. В 1720-е гг. деревни Дяглинского прихода (как и южной части Скворицкого, приписанные к Колпанской капелле) были присоединены к Кобринскому приходу, а в 1753 г. из его состава был выделен самостоятельный приход Шпаньково-Колпаны.

Наконец, в том же 1647 г. в Зарецком погосте был основан Губаницкий приход, где усердием местного помещика Клауса фон Верденгофа была построена кирка, а согласно контракта от 28.02.1659 г., подтвержденного королем в марте 1674 г., было определено попечительство («jus patronatus») семьи Верденгоф над пасторатом Губаницы. Этому приходу принадлежала церковная земля из 2 обож в дд. Susna или Sosnowa и Klopitsa в Зарецком погосте.

Как же проводилась «конверсия»? В 1641 г. лютеранскую церковь Ингрии выделили в самостоятельную епархию, изначально разделявшуюся на два благочиния (пробства): Ивангородское (Ивангородский, Копорский и Ямской лены) и Ниенское (г. Ниен и Нотебургский лен). Первым главой (суперинтендантом) ее стал настоятель кафедрального собора в Ревеле (Таллине) Генрих Штахель, ревностный служитель протестантской церкви. Он весьма жестко относился к

православному населению и церковнослужителям; местным жителям усиленно разъясняли, что для них не представляет большой разницы, ходить ли в «русскую» или «шведскую» церковь. Родственников финнам вод и ижору просто заносили в списки прихожан лютеранской церкви. Делались попытки уничтожения и осквернения православных святынь, что встречало резкое противодействие населения.

Православных священников не впускали в лютеранские кирки, с тем, видимо, чтобы они не пытались вернуть свою прежнюю паству. В 1645 г. было издано распоряжение, что православные священники должны были под угрозой штрафа обучать своих прихожан лютеранскому катехизису; попытка соращения иноверца в православие напротив, каралась смертной казнью. Кроме того, в случае смерти православного священника запрещалось приглашать нового из-за пределов Ингрии, что нередко оставляло приход без пастыря.

Наряду с этим принимались меры и социально-экономического характера. Так, коренные жители Ингерманландии не могли стать заседателями местного суда или заняться торговлей, если не имели удостоверения от местного пастора, что посещают церковные службы и усвоили основы лютеранской веры. Напротив, лица, принявшие лютеранство в возрасте до 20 лет, освобождались от налогов до 30-летнего возраста, а принявшие лютеранство после 20 лет освобождались от налогов до 60-летнего возраста. С другой стороны, православным священникам за каждые 20 детей, умеющих читать катехизис, было обещано вознаграждение: 4 бочки зерна и земельный участок.

Был принят новый устав о правах священников в Ингерманландии, со-

гласно которому ежегодный размер податей в счет пасторского жалования был установлен по 12 каппржи и ячменя плюс 8 каппр овса с обжи; помещики обязаны были дополнительно платить по 24 эре серебром, а крестьяне — по возу сена и 3 воза дров плюс с каждого двора по фунту льна и одной курице. Кроме того, за крещение младенца взималось 6 эре, за погребение хозяина или хозяйки — 16, ребенка, работника или работницы — 8, за венчание — также 8 и, наконец, в Пасху с каждого крестьянина бралось по 2 эре. Причем, с русских крестьян плата за требы взималась в пользу лютеранской церкви, хотя сами обряды совершались, разумеется, православными священнослужителями. Согласно объяснениям суперинтенданта (когда была подана жалоба правительству), такое происходило и прежде, с разрешения ландсгевдинга⁹ Маннершильда, утвержденного генерал-губернатором. Однако правительство ввело для русских крестьян, владеющих землей, пониженный оклад, а в 1651 г. король и вовсе упразднил взимание хлеба и денег как обычай, введенный произволом суперинтенданта и не известный в прочих шведских провинциях.

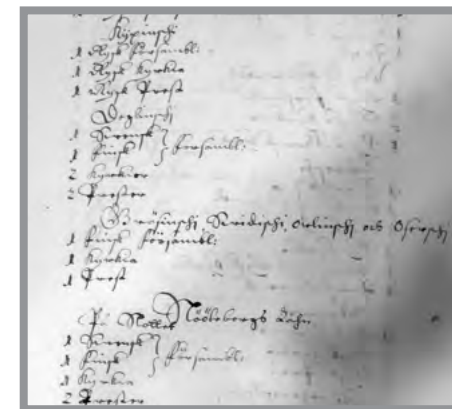
Таким образом, переход православных земель под юрисдикцию лютеранского государства создавал принципиально новый прецедент. В сознании людей XVI—XVII вв. понятия подданства и конфессии, как известно, практически отождествлялись: православие для них автоматически означало московское подданство. Переход православных приходов Ингрии в подданство Швеции серьезно затруднил как московское правительство, так и самих священников, создал атмосферу неуверенности в том, кто вправе рукополагать священников, выдавать за рубеж антимины и т. д. Возможным

выходом из сложившегося положения могло бы стать назначение в Ингерманландию особого архиерея, но на это по понятным причинам не могли согласиться московские власти. В результате сложилась парадоксальная ситуация, в которой церковное руководство православными священниками оказалось в руках назначаемых шведским правительством лютеранских пробстов.

На дальнейший ход событий существенное влияние оказала русско-шведская война 1656-58 гг., которую финские исследователи, например, рассматривают как религиозную. Того же мнения придерживался и шведский историк М. Карлон, который в своей диссертации ссылался на реляцию из Москвы шведского посла Г. Бьелке от 7 марта 1656 г. Посол сообщал, что патриарх Никон, имевший большое влияние на царя Алексея Михайловича, выступал за покорение Ингерманландии, православное население которой находилось под гнетом еретиков.

В ходе наступления русских войск к ним присоединялось местное православное население; поджигались усадьбы новых землевладельцев, было убито и немало крестьян-лютеран. Многие из них бежали на север — достаточно вспомнить «Плач о Нарове», написанный в Стокгольме несколько лет спустя. Когда же началось отступление русских войск, некоторое число финнов было угнано в Россию, ушли и массы православного населения — многие местности вновь запустели.

Одной из причин этого была все та же насильственная политика обращения православных в лютеранство. Генерал-губернатор Густав Горн еще в начале войны в качестве средства удержать за собой восточные территории требовал заселить провинцию исключительно лютеранами — будь то

Фрагмент «Каталога приходов, церквей и священников Нарвского суперинтендантства» 1655 г. Государственный архив Швеции, Стокгольм.

шведы, немцы или финны; православные русские, по его мысли, должны быть изгнаны отсюда, т. к. они «всегда стремились к воссоединению со своими соотечественниками». Непосредственный преемник Штахеля на посту суперинтенданта в Нарве — главный капеллан шведских войск в Лифляндии, профессор теологии Иоганн Рудбек — свидетельствовал, что в ходе войны «только финны сохранили веру и сразу стали восстанавливать свои церкви».

С 1643 г. епархия разделялась уже на 4 пробства по 8-9 приходов; по сведениям 1693 г. в Ингерманландском суперинтендантстве служили 5 пробстов: ими были настоятели в Губаницах, Дудергофе, Ниене, Молосковицах и Нарве. Пробсты должны были ежегодно в мае месяце производить осмотры в подчиненных им приходах, главной их обязанностью было наблюдение за тем, чтобы народ был наставляем в чтении и понимании священных книг. Все, не посещавшие сходок для чтения, наказывались пеней, которая поступала в доход церкви и взималась весьма тщательно. Настоятелем же Кобрин-

ского прихода в 1673 г. становится Йохан Киандер, умерший в Кобринно в мае 1692 г. В преемники ему был назначен ректор городского училища (trivialskola) в г. Ниене Балтазар Говиниус, который, однако, смог приступить к исполнению своих обязанностей лишь через два года, в 1694 г. В эти годы здесь проповедовал сын прежнего настоятеля Йохан Киандер-младший, который затем служил в Молосковицах (там была единственная в округе каменная церковь), а после освобождения Ингерманландии от шведского господства, по некоторым данным¹⁰, стал первым «русским» настоятелем Кобринского прихода.

Последним знаменательным событием XVII века для прихода Sorgrina стало строительство лютеранской капеллы в Lamprola by¹¹, приписанной к Кобринской кирке — ведь в конце столетия практически все жители удаленного от Sorgrina Орлинского погоста были финнами. Впоследствии этот филиал был упразднен, на месте капеллы построена русская часовня, а в XIX в. в Лампово строится сохранившееся донныне здание старообрядческой молельной, куда из старой часовни перенесли церковное имущество.

В 1697 г., после Говиниуса, настоятелем в Sorgrina становится здешний капеллан Эрик Барнау, прослуживший до того в должности кобринского капеллана 16 лет. Он был женат на Марии Кексгольменсис, дочери настоятеля соседнего Дяглинского прихода, и умер в 1701 г.

Наконец, в апреле 1702 г. королевское полномочие на настоятельство в Кобринно получил батальонный проповедник при войсках Абрахама Кронъюрта, защищающих Ингерманландию, Габриэль Кастелиус, который имел разрешение «содержать вдову умершего Барнау с его шестью потом-

ками». После разгрома русскими войсками корпуса Кронъюрта он бежал в Выборг, где упоминался в здешней духовной консистории.

Несмотря на то, что король Карл X Густав в 1658 г. обязывался «Греческой веры у людей их богомолья не отнимать» и «чтоб им имети свои попы и церковную службу вольно и без помешки», в 1684 г. среди дополнительных статей к Кардисскому мирному договору рассматривался вопрос «о свободном отправлении Грекороссийского исповедания в Ревеле, в Ижерской земле и в Корелах». В договоре, заключенном в Москве 22 мая, было записано:

Царского Величества со стороны так объявили нам, что в Ижерской земле и в Корелах его Королевского Величества подданным чинится тягость, которые родились в Греческой вере, и терпят великую нужду и гонение в своей вере... и обещаем мы, его Королевского Величества великие и полномочные послы, если то до сего времени чинено, или ныне чинится, и то отставить и исправить, и в том ничего противного чинено не будет.

Все же московское правительство, не уверенное в искренности шведских послов, летом следующего года отправило за рубеж купца Ивана Семенова, которому было дано тайное поручение узнать на месте истинное положение дел. Как следует из его отчета, до того времени православным в Ингерманландии «утеснения и невольности» не было, а с 1684 г. началось «в вере утеснение великое». Так, во всем Копорском лене Семенов отметил только один «погост Горы» в восьми верстах от Копорья, где была православная церковь Николая Чудотворца. В этой церкви служил беглый поп Андрей, а в приходе у него было «крестьян православные веры больше 200 дворов».

Относительно остальных он отмечал, что «мало не все православные христианские веры отстали, а которые и остались в христианской вере, и тех силно неволею гонят в кирки».

Дело было в том, что в этот период в самой Швеции шла решительная и бескомпромиссная борьба за проведение реформации, которая позволяла королю, считавшемуся верховным епископом, существенно расширить и укрепить свою власть, а заодно и обогатить казну. Королем Карлом XI был даже издан специальный указ о запрете исповедовать иную, кроме лютеранской, веру.

Когда в 1681 г. нарвским суперинтендантом стал профессор университета в Або Иоганн Гезелиус-младший, он ради видимости соблюдения русско-шведских договоренностей основные свои усилия обратил на водское и ижорское население края. В деле отделения (segregega) води с ижорой от русского населения и последующего обращения прибалтийских финнов в лютеранство он имел полную поддержку со стороны главы церкви в провинции, генерал-губернатора Йерана Сперлинга. Распоряжение («Плакат») последнего, как и инструкция Гезелиуса, касались, однако, и деятельности православных священников. Так, в ходе службы последним следовало возносить молитвы за шведское правительство; в дни лютеранских праздников православные крестьяне, в отличие от лютеран, не освобождались от работы. Кроме уплаты десятины в свою церковь они должны были платить и церковный налог в пользу лютеранской церкви. Предусматривалась также борьба с пережитками языческих обрядов, которые не смогли побороть в прежнее время.

Реляции Гезелиуса, отправляемые в Стокгольм, свидетельствовали о нео-

бычайных успехах миссионера. Так, в 1684 г. он сообщал, что к лютеранской церкви приобщено 3000 семей, а еще через два года — что в некоторых приходах лютеранство приняли все поголовно. Однако дневник инспекционной поездки в западную Ингерманландию, предпринятой суперинтендантом летом 1684 г., свидетельствует о многочисленных инцидентах, связанных с «сегрегацией» и лютеранизацией. Так, по приезду в деревню Teglitz Замошского погоста, куда должно было собраться ижорское население окрестных деревень, Гезелиусу пришлось напрасно ждать несколько часов, пока явился суйдинский помещик, подполковник Юрген Рор¹². После объявленного ему строгого выговора под угрозой принуждения наскоро были собраны 60-70 человек; относительно отсутствовавших Гезелиус распорядился, чтобы они явились для обучения к пастору в следующие дни¹³.

Между тем Карлу XI от имени русских царей Ивана и Петра Романовых было отправлено письмо с результатами поездки Семенова:

И ныне нам, великим государем... известно учинилось, что... посланы нарочные посылицики по всей Ижерской и Корелской земле, и всем греческого закона жителям заказ [т. е. запрет — Д.Р.] учинили крепкой под смертною казнию, чтоб они в церкви Божию, так же и в часовни на службу Божию не приходили, и святых икон в домах и в церквах не имели и не почитали, и священников греческого закона не держали, и младенцов не крестили, и причастия Святых таин не принимали, и в посты не постились; а у которых жителей в домах были святые иконы, и те посылицики, забыв страх Божий, ругаясь, те святые иконы кололи и жгли, а священников... имели в Ругодив и в Кан-

цы и держали в тюрьме многое время, и наругательство чинили, и ныне чинят многое, и запретили им, чтоб отнюдь впредь ижерских жителей греческого закона не учили и младенцов не крестили.

Карл вынужден был признать, что жалобы России являлись небезосновательными. Осенью 1686 г. в Москву был переправлен ответ короля, который подтверждал свое благосклонное отношение к православной церкви в Ингерманландии и обещал придерживаться условий мирного договора. Одновременно Карл XI писал в Нарву, что, как ему стало известно, людей секут, заключают в тюрьмы и прибегают в этом к помощи местных властей. Сперлинг получил приказ немедленно прекратить насильственные действия по отношению к води и ижоре. Гезелиус в 1689 г. оставил свой пост, который, впрочем, занял его рьяный помощник, ниенский пробст Якоб Ланг, остававшийся суперинтендантом до 1700 г.

По мнению историка К. Эландера, после ухода Гезелиуса со своего поста, ситуация в провинции постепенно стала спокойнее. Местная лютеранская церковь, разумеется, не могла прямо нарушить приказ короля, который был к тому же и главой церкви. Однако, как следует из челобитных, продолжавших поступать отсюда в Москву, «ныне они, православные христиане, от них, Свеев неверных, живут во всякой тесноте, и в поругании, и мучении», «безверные Немцы, ругаясь православной христианской вере, во святых церквах коней ставят и на святых алтарях вместо яслей скот свой кормят». С последним заявлением связана легенда об исчезновении Никольской церкви в Грезневском погосте, записанная от местных жителей настоятелем Вознесенской церкви в с.

Рождествене Н. Первенским.

«Одни говорят, что Церковь провалилась от подмоев ключей,— писал еще в XIX в. о. Николай. — Другие сказывают, что во время войны Русских с Шведами... однажды последние стояли в погосте и в ближайших деревеньках и поставили своих лошадей в Церковь. Господь покарал оскорбителей Святыни. Земля разверзлась и поглотила как Храм, так людей, там бывших и лошадей. На месте бывшей церкви образовалась пещера, из которой, говорят, иногда слышен благовест и бьет ключ целительной воды, от которой и теперь получают исцеления страждущие главною болезнию...»

«Когда же случилось это?— продолжает священник.— И касательно этого существует предание двух родов. Одни относят это к царствованию Михаила Федоровича, когда Ингерманландия уступлена была Швеции, и Финны (Лютеране) насильно занимали Южную часть Вотской пятины. Сказывают, что чухны приходили с Севера... и, наконец, достигли последнего погоста Грезневского. Но когда испытали Божие наказание в храме Святого Николая, то не смели ни поселиться здесь (в Рождествене), ни идти далее, а ударились немного ближе к Нову-городу¹⁵... Другие говорят, что это случилось во время войны с Швециею, при Петре Великом. Когда Император Петр I, сказывают, воевал Ингерманландию, то здесь, в кругу Рождествена, было множество страшных сражений... «В это-то время, говорят, и случилось несчастье с Шведами в Никольском храме Божиим. Устрашенные шведы, оставив на погосте много добра, убежали за мост (в Замостье). После того как Русские стали побеждать Шведов, то многие и здешние жители гнали их, и где-то сняли с чухонской кирки колокол и принесли сюда». Колокол этот

и теперь существует на здешней колокольне. С 1620-х годов не существует никаких ни записей, ни сказаний о существовании здесь Никольской Церкви».

На самом деле, подобных свидетельств не существовало с гораздо более раннего времени. Так, если «Книга записей Софийской пошрины» за 1576/7 г. подтверждает наличие всех четырех православных храмов Верхнего Поореджья¹⁶, то в шведской писцовой книге за 1585 г. священник зафиксирован в одном лишь Суйдинском погосте. Это позволяет предположить, что здешние церкви были разрушены еще в годы первой шведской оккупации.

После подписания в 1595 г. Тязвинского мирного договора наступает недолгая полоса подъема экономической и духовной жизни. К годам правления Бориса Годунова относится, например, возобновление, по инициативе новгородской администрации, Суйдинского монастыря, запустевшего, по всей видимости, также в годы Ливонской войны. В 1599 г. монастырь заново заселялся «черницами»: в документе вновь посылаемому туда никольскому попу Ермолаю «с соборяны» предписывалось «манастырь строити, и стариц в тот манастырь называти, и кельи наставити, и манастырь огородити».

Впрочем, и документы 1612–1615 гг. по-прежнему называют одну лишь суйдинскую церковь, и то — уже утраченную: «На погосте на Суйде храм деревяной Никола Чюдотворец разорен, во дворе поп Иван Ермолин, во дворе понамарь Васка Давыдов, да два места дворовых крыласких; церковные земли обжа пусто, да в деревне в Суйде в Середке обжа пусто, да в пустоши в Петрине три обжы пусто...» По-видимому, храм был разорен не-

давно, ибо причт продолжал жить пока в своих дворах. Что же касается Грезневского и Орлинского погостов, то из показаний местных жителей, засвидетельствованных теми же суйдинским священником Иваном Ермолиным и дягиленским — Дмитрием Прокофьевым, — следует, что «церкви в нашем погосте, и попа, и причетников церковных нет, а церковной земли есть ли, нет ли, и мы того не ведаем, потому живем на нове, а митрополичих и монастырских вотчин нет в нашем погосте».

В 1614 г. упоминается священник Зарецкого погоста, однако документ сообщает, что «тот поп живет во Вздылицком погосте, а не в Заречье». Писцовые книги за 1618–1623 гг. в с. Вздылицы называют уже священника Ивана Ермолина с тремя его братьями — по-видимому, переселившегося сюда из Суйды; в 1656 г. о. Иван числится уже священником в Дятлицком погосте.

Таким образом, после Столбова Верхнее Поореджье осталось без православного храма, что подтверждается и церковными ведомостями за 1655 и 1693 гг. Однако, край не делался полностью лютеранским. Так, на картах конца XVII века показаны две церкви с пометкой «русская»: севернее дер. Озера и у дер. Заречье Зарецкого погоста. Дело в том, что во второй половине столетия сюда переселилось из России некоторое число старообрядцев, бежавших за рубеж от преследования их властями на родине. Так, уже в 1686 г. шведский король упоминает в своей переписке «новую секту схизматиков или раскольников, называющих себя староверцами». А историк-старообрядец И. Филиппов упоминал некоего Симона Иовлева, который «съехав с Новаграда в Копорщину... живяше тамо с прочими

христианы, поучаше их о благочестии, книги им читаше и церковную службу служаше». Живя вместе с другими беглецами под шведами, он «беседоваша с их властями и бискупами [т. е. епископами — Д.Р.] о вере... оброки платяху, а о вере их не истязашу; а их земли, мызы пахашу и торговаху всяк на себя». После Северной войны «живяше несколько за Русскими, и Государь царевич Алексей Петрович¹⁷, приезжая к ним, беседоваша с ними».

В том же 1686 г. некий 25-летний кнехт-вожанин был обвинен в том, что пропустил день молитвы и доставил из России новое учение. А именно: в последнюю войну он со своими родителями был насильно вывезен в Россию и возвращен лишь два года назад; кнехт заявил, что мог бы присутствовать на службе в Зарецкой церкви. Когда его спросили, зачем бы он пошел так далеко — за 9 миль (почти 100 км!) — он объяснил, что в Заречье отправляют богослужение еще «по-старому».

Священники из Копорья и Молосковиц подтверждали, что средоточием раскола в провинции были дер. Заречье и лежащая неподалеку от нее дер. Озера; в 1696 г. на тинге¹⁸ было установлено, что из тамошних 26 дворов на протяжении семи лет никто не посещал приходскую церковь. На тинге в следующем году жители этих деревень вынуждены были поименно объясняться, почему в день большой молитвы, когда все должны были придти в церковь, они остались в стороне от церкви. Обнаружилось, что в собственной их церкви в Заречье¹⁹, лежащей на удалении около 6 миль от приходской, они не имели священника, а только дьякона.

Завершая обзор церковной истории Верхнего Поореджья укажем, что последний настоятель Кобринского лютеранского прихода Габриэль

Кастелиус, как мы уже упоминали, в годы Северной войны бежал отсюда в Выборг, а здешний капеллан Йеран Сарковиус в декабре 1703 г. отправился в Нарву. После освобождения ингерманландской столицы русскими войсками «капаллан или подпастор» Сарковиус 24 сентября 1704 г. получил указание городского секретаря Петра Гольстейна «назат ехать в Коприну», где и числился впоследствии на своем священническом месте.

ЛИТЕРАТУРА

Gipping A.I. Введение в историю Санкт-Петербурга, или Нева и Ниеншанц. М., 2003.

Шлыгина Н.В. Возникновение финских поселений на территории Ингрии //Этнографическое обозрение. 1996. № 5. С.70-80.

Шлыгина Н.В. Религиозная ситуация в Ингерманландии в конце XVII в. (по материалам дневника Ю. Гезелиуса) //Этнографическое обозрение. 2003. № 5. С.100-109.

Akiander M. Bidrag till kdnnedom om Evangelisk-lutherska Fursamlingarne i Ingermanlands stift. Helsingfors, 1865.

Haltsonen S. Entistd Inkerid: Inkerin suomalaisasutuksen vaiheita ja kulttuurihistorian piirteid. Helsinki, 1965 (Tietolipas; 36).

Isberg A. Svensk segregations- och konversionspolitik i Ingermanland 1617-1704. Uppsala, 1973 (Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Historico-Ecclesiastica Upsaliensis; 23).

Kuujo E. Die Verbreitung des Altgläubigentums im zu Schweden gehörenden Karelien und Ingermanland //Jahrbücher für Geschichte Osteuropas: Neue Folge. 1973. Bd.21. Hf.2. S.175-183.

Pereswetoff-Morath A. "Otiosorum hominum receptacula": Orthodox Religious Houses in Ingria, 1615-52 //Scando-Slavica. 2003. Vol.49. P.101-125.

Tarkiainen K. Den svenska synen pe den grekisk-ortodoxa religionen i burjan av 1600-talet //Kyrkohistorisk erskrift. Stockholm, Uppsala, 1971.

Vddndnen K. Herdaminne für Ingermanland. I: Lutherska stiftsstyrelsen, fursamlingarnas rdsterskap och skollrare i Ingermanland under svenska tiden. Helsingfors, 1987 (Skrifter utgivna av Svenska litteratursällskapet i Finland; 538).

Uhländer C. Om densvenskakyrkoreformationen uti Ingermanland ett bidrag till svenska kyrkans historia eren 1617-1704. Uppsala, 1900.

Рождествено. Поклонный крест на предполагаемом месте Никольско-Грезнёвского погоста XV-XVII вв.

ПРИМЕЧАНИЯ.

¹ Видный шведский государственный деятель, учитель Густава Адольфа граф Йохан Шютте, получивший от короля весь Дудоровский погост, в письме к Богуславу Розену в 1631 г. прямо называет русских варварами ("Barbarische Nation").

² Погост — низовая единица административно-территориального устройства Новгородской земли, сохранный шведами и после Столбова.

³ В дальнейшем число приходов сократилось вследствие их укрупнения.

⁴ Обжа — единица поземельного обложения в Новгородской земле в XV-XVII вв. Изначально средний размер обжи составлял 15 десятин (16,4 га); шведы в период ревизии земель 1638-1643 гг. приравнивали размер обжи к 30 тунладам, т. е. 14,8 га.

⁵ Не имеющая собственного священника лютеранская часовня, к которой относился ряд соседних, удаленных от пастората, селений.

⁶ В 1500 г. — село Ходгостицы.

⁷ Дело в том, что после русского завоевания дяглинский пастор Якоб Маделин проживал в соседней с церковью "byn Spanko i Deglina", т. е. дер. Шпаньково, которая в шведское время относилась к имени секретаря Paul Spandekow и получила имя землевладельца. Когда старая кирка была заменена на новую в byn Spanko,

приход также получил это имя.

⁸ 1 karpe = 4,58 л.

⁹ Губернатора. К слову, Н.А. Маннершильд был владельцем Грезневского погоста и Куровицкой мызы.

¹⁰ Два других сына Киандера также пошли по стопам отца: Андерс служил в Нарве, а Георгий был капелланом в Молосковицах (после своего брата Иоганна).

¹¹ В ведомости 1693 г. суперинтендант Якоб Ланг упоминает "Capel Orlina, построенную в прошлом году". Однако, Ня Capell в районе Лампово показана еще на карте 1670-х годов, составленной по материалам генеральной ревизии Э. Белингом.

¹² Рор, состоя в родстве с теглицким помещиком Гансом Кронманом, являлся совладельцем данного имения.

¹³ Впоследствии сам Гезелиус был вынужден признать, что в деле насаждения лютеранства "результат наших больших усилий и расходов был почти ничтожным".

¹⁴ Т. е. в города Нарву, бывшую во второй половине XVII в. столицей провинции, и Ниен — второй по значению торговый центр Ингерманландии.

¹⁵ Немецкий путешественник Х. Шлегель в 1818 г. свидетельствовал, что "среди здешних крестьян распространена легенда, что край между Лугой и Петербургом... прежде был обитаем народом, который сейчас уже больше не существует: он либо был истреблен, либо переселился в другое место".

¹⁶ Упоминаются "з Грезна Николской поп Иван" (в церковном синодике Иван числится предпоследним в списке иереев, служивших при Никольской церкви), "с Орлина озера Преображенский поп Амос", "с Суйды реки Николской поп Василей" и "из Заречья Преображенский поп Яков".

¹⁷ Первый русский владелец Грезневского и части Орлинского погостов, которому здешние земли были пожалованы Петром I в 1713 г. Соседняя же Зарецкая мыза первоначально принадлежала "большому милостивцу к раскольникам" светлейшему князю А.Д. Меншикову.

¹⁸ Собрание жителей какой-либо местности для отправления правосудия.

¹⁹ Эта церковь, во имя Преображения Господня, была "разорена" в годы Северной войны.

ТРАДИЦИИ

«ЧТО СТАРО, ТО СВЯТО, ЧТО СТАРЕЕ, ТО ПРАВЕЕ»

Валентина Анисимова

Традиции народа — это то, что полнее всего отражает его духовный облик и внутренний мир. Это живая национальная память народа, воплощение пройденного им пути и неповторимого духовного опыта. То, что в конечном итоге хранит человека от обезличивания, позволяет ему ощутить связь времен и поколений, получать необходимую в трудную минуту поддержку и жизненную опору.

Богатейшее культурное наследие наших предков уходит корнями в глубь веков, а повседневный опыт созидательного труда и мудрого, почтительного освоения окружающей

природы, более походит на сотрудничество и ученичество, чем на битву за выживание. В старину люди были склонны видеть скрытый смысл и особую значимость в самых повседневных вещах.

Сохранение этого наследия — благородная задача, выпавшая на долю терпеливых тружеников, собирателей и исследователей отечественного духовного достояния, таких, как В.И. Даль, И.П. Сахаров, М. Забылин, А.Н. Афанасьев, А.В. Терещенко, выдающихся знатоков русских обрядов и обычаев.

В последнее время и в нашей стра-

Разучивание закличек.

не и за рубежом наблюдается всевозрастающий интерес к народной традиционной культуре. Традиционное наследие воспринимается как особый мир, благодаря которому мы ощущаем причастность каждого со всеми, восполняем во многом утраченную целостность мировосприятия.

Из поколения в поколение черпаем мы в народных традициях нравственные силы, в песнях, обрядах находим ответы на многие вопросы. По крупицам собирается в нашем сознании образ наших предков, их нравов и обычаев.

Большая часть народных праздников возникла еще во времена глубокого язычества.

На собраниях, где люди молились богам, совещались о делах, разбирали тяжбы при посредстве жрецов или прибегали к их мудрости, прося советов, не могли остаться бесследно забытыми традиции, как лежащие в основе жизни народа и крепко утвердившиеся в его памяти.

Когда христианская вера поборола языческую и утвердилась, языческим обрядам был положен конец, но множество обычаев, не входящих в состав прямого языческого богослужения, сохранилось даже до сих пор в форме увеселений, обычаев, праздников.

В России каждый народный праздник сопровождается обрядами.

Вот один из них. Исстари на Руси три раза встречали весну.

Первый раз встречали весну 17 марта в день святого Герасима. В народе святого Герасима называют «грачевником», в это время возвращаются первые весенние птицы — грачи. Подобранный в этот день на пахоте грачиное перо считалось магическим амулетом.

Вторая встреча весны 22 марта на «Сороки» святых великомучеников.

Пекли из теста 40 фигурок птичек-жаворонков, делали куколок Мартиничек. Главный обряд этого дня закливание весны.

Третья встреча весны 7 апреля на Благовещенье — это один самых почитаемых праздников в народе. Более радостный обычай был на празднике Благовещения — выпускание птиц на волю.

В своем письме из Кишинева Н.И. Гнедичу 13 мая 1822 года А.С. Пушкин писал: «Знаете ли вы трогательный обычай русского мужика в Светлое Воскресение выпускать на волю птичку? Вот вам стих на это».

*В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины;
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.*

Выпускать на Благовещение птиц из клеток начали еще в Древней Руси. Тогда люди верили, что подобно пташке и человеческая душа освобождается от грехов.

Основное действие — встреча птиц и весны — происходило на празднике «Сороки». Христианская традиция не заменила языческих «жаворонков» полностью, а причудливым образом переплелась с ними.

Праздник «Жаворонки» стал называться еще и «Сороки» в честь сорока мучеников севастиийских. Это были воины-христиане, которые приняли мученическую казнь за веру, память их празднуется 22 марта. Жаворонки к воинам никакого отношения не имели, но число сорок прочно приросло к празднику. «Жаворонок за собой сорок птиц привел».

Когда возник сам праздник — неизвестно, но отмечались «Жаворонки» еще во времена Киевской Руси, поскольку время прилета жаворонков —

22 марта — киевское, а не московское. В наших краях эти птицы обычно появляются позже.

Еще до появления календаря по прилету жаворонков определяли, когда можно пахать и начинать прочие весенние работы. Жаворонки прилетели — значит, весна пришла. Затем день «привязали» к празднику «Сороки» и еще позже к календарю.

День сорока мучеников Севастийских на языке народа носит название «Сороки», а иногда «Кулики». В этот день, по мнению крестьян, прилетают из теплых стран сорок птиц, и первые из них — жаворонки. «Бывает, — уверяют опытные старики-крестьяне, — что прилетают жаворонки и раньше, да только те непулящие; прилетит и смерзнуть может. А уж тот жаворонок, который на сороки прилетит, тот настоящий».

Символом прилетающей из теплых сторон и приносящей счастья птицы, по мнению Е.В. Аничкова, является древнее, встречаемое в тех же закличках, олицетворение весны:

*Принеси весну
На своем хвосту,
На сохе, бороне,
На ржаной копне,
На овсяном снопе!*

Эта птичка обеспечивала замечательное музыкальное сопровождение тяжелым крестьянским весенним работам.

Полет жаворонка своеобразен: птица сначала поднимается вверх, а затем падает вниз, соответственно меняется и песня. Жаворонки небо пашет — говорят в народе, чем выше взлетает птица, тем звонче ее голос. Никакие самые образные выражения и самые точные слова не способны передать эту музыку, льющуюся из поднебесья.

Жаворонки иногда поднимаются до 150 метров, что его не видно, и кажется, что чудесные звуки вместе с лучами солнца льются из голубого неба.

Во второй половине лета ни песен жаворонков не услышишь, ни его не увидишь в небе.

Жаворонки бывают полевые, хохлатые, лесные, белокрылые, черные, серые, пустынные, малые (весом до 20 г).

Приход весны отмечали все славянские народы. В эти дни женщины и девушки собирались за деревней на возвышенном месте или на берегу реки и, «закликая весну, пели заклички и веснянки. Петь старались как можно громче, так, чтобы призыв был услышан широкой степью и темным лесом, высокими холмами и быстрой рекой.

Художественные образы весенних песен и связанных с ними игр происходили во многом от верования людей в борьбу двух стихий: холода и тепла. Поэтому в эмоциональном плане веснянки представляют собой незабываемое явление. Большая часть этих светлых, жизнерадостных песен до сих пор живет в народе.

ВЕСНЯНКИ:

*Грачи, кулици, прилетите,
Красное лето принесите!
Нам зима надоела,
Весь хлеб у нас поела.
Руки, ноги познобила,
Скотину поморила,
Соломку всю подобрала,
Все амбары подмела!*

*— Весна — красна,
Что ты нам принесла?
— По полям, лесам я шла,
Три угодья принесла:
Первое угодье
Зелененький лужок.*

*Другое угодье
В поле пастушок.
Третье угодье —
С сохой мужичок.
Ему пашню пахать,
Яровое ожидать!*

*Жаворонушки,
Перепелушки,
Прилетите к нам,
Лето теплое,
Хлебородное
Принесите нам!
Будут колоситься
Жито и пшеница,
Принесут в колоду
Пчелы много меду.
Лето, жарче, жарче!
Солнце, ярче, ярче!*

И многие другие.

Еще накануне праздника женщины месят тесто из ржаной муки, пекут сорок шариков и «жаворонков». В каждой деревне, в каждом селе в старину были свои обычаи посиделок, праздников посвященных народному календарю.

Шарики по одному выбрасывают каждый день в окошко. Крестьяне верили, что мороз наевшись хлебных шариков, уйдет до следующего года. Жаворонков в день праздника раздавали детям, а те бежали на улицу, с криками и звонким смехом усажи-

вали птичек на крышу, насаживали на шесты, при этом распевали песни, привлекающие жаворонков, а с ними и весну.

*Жаворонки, прилетите!
Студену зиму прогоните!
Теплу весну принесите!
Зима нам надоела,
Весь хлеб у нас поела!*

В некоторых местах (например, в Орловской области) эта детская песня заменяется другой:

*Эй вы, кулици-жаворонки,
Солетайтесь, сокликайтесь,
Весна — красна, на чем пришла?
«На сошечке, на бороночке,
На лошадиной голове,
На овсяном снопочку,
На ржаном колосочку,
На пшеничном зернышку-у-у!»*

Набегавшись вволю, ребятишки собираются в одно место и начинают есть своих ржаных птиц. Едят обычно всю птицу за исключением головы, которую берегут для своей матери. А дома ребятишки отдают голову жаворонка матери, со словами: «На-ко, мама, тебе головку от жаворонка; как жаворонки высоко летел, так чтобы лен высокий был. Какова у моего жаворонка голова, — так чтобы и лен головастый был».

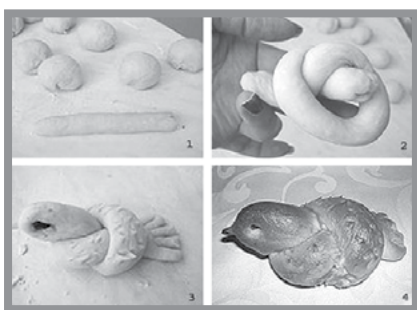
В Пензенской области же жаво-

ронки пекутся и для взрослых, которые по этим птенчикам гадают. Прежде чем посадить жаворонков в печь, закладывают в каждого какую-нибудь вещицу — колечко, копейку т.д. Найдешь кольцо — быть свадьбе, монетку — весь год богатым и счастливым будешь....

В других областях взрослые занимались гаданием о будущем урожае, о погоде... Иногда в одного «жаворонка» запекали лучину, кому он достался тот и должен был начинать сев.

По всей Центральной России бытовал обычай, выпекать ко дню Сорока мучеников обрядовое печенье. Но, оказывается, были жаворонки очень раз-

ные и поступали с ними по-разному.

В Рязанской области в с. Казачья Слобода — «восьмеркообразные» жаворонки. В с. Никита Поляна выпекали жаворонков с лежащими в гнезде яйцами на спине, встречались жаворонки с двумя, тремя, четырьмя, а то и пятью «птенчиками», сидящими на

крыльях «матери».

Интересный тип этого обрядового печеня был обнаружен в с. Ольхи и д. Цветки, где жаворонки напоминают ладью с двумя головами, смотрящими в разные стороны. Крылья в этом случае отсутствуют.

Реже встречается тип жаворонка на ножках, которые тоже делались из теста.

В Курской области пекли «жаворонков» довольно большого размера — печенье имело форму птицы с распрямленными крыльями, на спине которой была птичка поменьше.

В целях сохранения духовного наследия, привлечения посетителей разных категорий, предоставления им возможности заниматься тем, что их интересует, создание условий для их самореализации, сотрудники музея «Дом станционного смотрителя» используют свои знания, опыт и умение, богатство и разнообразие информации в своей работе. Это явилось залогом и тем потенциалом, с помощью которого началось возрождение исторических традиций, стало основой создания круглогодичного цикла проведения русских народных праздников в музее.

Основные посетители нашего музея — это дети. Бывая на театрализованных народных праздниках, встречах, литературных вечерах, посиделках, ярмарках, ребята начинают понимать, что история — это не только события, но и жизнь людей с их бытом, культурой и традициями. Это дает возможность соприкоснуться с событиями минувшего.

Особенно полюбился и стал традиционным театрализованный праздник «Весенние «жаворонки», который проходит не только для местных ребят Рождественской средней школы, Сиверской гимназии, но и для учащихся города Санкт-Петербурга.

Выставка изделий из соленого теста учеников Рождественской средней школы

К празднику оформляется выставка «Русский сувенир из теста» (где использован старинный русский народный промысел — лепка из соленого теста традиционных «жаворонков») из работ учащихся Рождественской средней школы и учащихся Воскресной школы церкви Рождества Святой Богородицы.

Основная часть праздника проходит

вают веснянки — заклички.

Яркие впечатления у ребят оставляют потешки, русские народные песни, частушки, и незаметно для себя они становятся участниками игр, хороводов. Главный ритуал проходит во дворе музея, ребята веселой гурьбой с песнями и закличками зазывают «жаворонков» и весну. Поднимая руки вверх и держа в ладонях «жаворонков», напевают:

*Птица — ключница,
Прилети из-за моря,
Принеси два ключа,
Два ключа золотые,
Замкни зиму холодную,
Отомкни весну теплую...*

Встреча весны

в помещении, украшенном декоративными элементами русской избы. Здесь ребята узнают, как отмечали все славянские народы такое важное действо, как призыв птиц и закличание весны. С большим удовольствием дети заучи-

на традициях русских народных гуляний, песенно-музыкального фольклора, потех и забав, элементах одной из самых первых, исторически сложившихся форм досуга — призыв птиц и закличание весны.

Организаторы праздника

Главная задача праздника – пробудить в детях интерес к русскому фольклору, к богатому миру человеческих эмоций, связанных со старым традиционным бытом. Праздник всегда открыт для новизны, изобретательности, имеет богатую духовную атмосферу, положительно влияющую на духовно-нравственное совершенствование подрастающего поколения. Российская деревня в силу особенностей своего уклада является одновременно и хранителем и источником народной культуры.

Народные праздники по своей природе педагогичны, в них принимают участие и взрослые и дети. Великий русский педагог К.Р. Ушинский говорил, что воспитание, лишенное народных корней, бессильно. Считаю, что музеи должны войти в жизнь каждого человека, стать необходимыми, как воздух, иначе будут утрачены нити, соединяющие прошлое, настоящее и будущее.

ЛИТЕРАТУРА:

- Забылин М. Русский народ: Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. – Москва: «Наука», 1987.
- Котова И.Н., Котова А.С. Русские обряды и традиции. – Санкт-Петербург: «Паритет», 2008.
- Русская изба: Иллюстрированная энциклопедия. – СПб: Искусство, 1999г.
- Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды: конец XIX начало XX в. – Москва, 1979.
- Терещенко А.В. История культуры русского народа. – Москва: ЭКСМО, 2007.
- Шляхтина Л.М., Мастеница Е.Н. Музейно-педагогический опыт в России. – СПб., 2006.
- Библиотека русского фольклора // Народное творчество. – 1989. – № 1.
- Добровольский В.Н. Звукоподражание в народном языке и народной поэзии // Этнографическое обозрение. – 1894. – № 3.
- Науменко Г. Веснянки // Народное творчество: репертуарное приложение к журналу «Клуб» – 1990. – № 3.
- Прокофьев С. Этнопедагогика в музее: новый смысл традиционных форм // Музей. – 2008. – № 4.
- Слепцова И. С. Весенние жаворонки Шацкого района Рязанщины // Народное творчество – 1996. – № 1.

Хоровод

Игра – ручеек

Деревенька моя

Музыка и слова Оксаны Бражниковой

Я от-кро-ю ут-ром нас-тежь ок-но, о-ку-нись в сбъ-ять-я са-да.

Привет:
И-щем где-то счас-тье-да вот же о-но, серд-цу, что ни есть от-ра-да! Де-ре-
вень-ка мо-я, де-ре-вень-ка мо-я, кра-со-та ка-ка-я глянь-ка, де-ре-
вень-ка мо-я, де-ре-вень-ка мо-я у реч-ки по-ко-си-лась бань-ка, де-ре-
вень-ка мо-я, де-ре-вень-ка мо-я до за-ри по-ст гар-мош-ка, де-ре-
вень-ка мо-я, де-ре-вень-ка мо-я во-го-ро-де за-цве-ла кар-тош-ка.

2. *она:* Подвяжу под голову тонкий платок,
он: Запрягу коня гнедого,
она: Молока парного сделай глоток
вместе: И ищите ветра вполе!

Привет: Деревенька моя, деревенька моя,
Две старушки - две избушки,
Деревенька моя, деревенька моя,
Звезды в небе, что веснушки.
Деревенька моя, деревенька моя,
Ягодное лукошко,
Деревенька моя, деревенька моя,
В огороде оцвела картошка!

Привет: Деревенька моя, деревенька моя,
(- - - - -)
Деревенька моя, деревенька моя,
(- - - - -)
Деревенька моя, деревенька моя,
что грустишь моя сторонка,
Деревенька моя, деревенька моя,
А кому теперь капать картошку!

С ВЕРОЙ И НАДЕЖДОЙ

Служение во имя Господне

В ВЫРИЦУ, К ПРЕПОДОБНОМУ СЕРАФИМУ

**Первый визит Святейшего Патриарха Кирилла
на Гатчинскую землю**

Галина Елфимова

В историю Гатчинского района в 2009 году вписана еще одна важная страница: впервые нашу землю посетил Предстоятель Русской Православной Церкви – Патриарх Московский и всея Руси Кирилл.

Заметным событием для Гатчинского благочиния явилось богослужение в вырицком храме Казанской иконы Божией Матери 3 апреля. В этот день здесь была совершена Божественная литургия, которую возглавил Патриарх. Поводом для приезда Его Святейшества в Вырицу послужило празднование Дня памяти преподобного Серафима, Вырицкого чудотворца: 3 апреля исполнилось 60 лет преставления известного российского старца. В этот же день Патриарх Кирилл отмечал 40-летие принятия монашества.

... Небольшой храм Казанской иконы Божией Матери был заполнен людьми задолго до начала службы. А меж тем, верующий народ все прибывал и прибывал: подъезжали автобусы с паломниками из Санкт-Петербурга, районов Ленинградской области, Пскова, Новгорода, других городов. Первым делом богомольцы направлялись в часовенку рядом с Казанским храмом, в котором покоятся мощи святого Серафима, – для поклонения и молитвы. Многие также подходили к могилам внуки преподобного – Маргариты Николаевны Муравьевой и прежнего настоятеля храма, немало потрудившегося

для прославления Вырицкого старца, – протоиерея Алексея Коровина.

Перед началом службы приехали митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир, епископ Гатчинский Амвросий, епископ Петергофский Маркелл, наместник Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры архимандрит Назарий, настоятельница Новодевичьего монастыря игумения София, священнослужители храмов Санкт-Петербурга. Духовенство Гатчинского округа во главе с благочинным протоиереем Владимиром Фером торжественно встречало дорогих гостей.

Вслед за священством прибыли губернатор Ленинградской области Валерий Павлович Сердюков, глава Гатчинского муниципального района Станислав Семенович Богданов,

глава администрации Гатчинского района Александр Петрович Худилайнен, глава администрации г. Гатчины Александр Романович Калугин.

... И вот переливистый колокольный звон огласил всю округу, известив о приезде российского Патриарха. Радостные возгласы людей, устремившихся ко входу на храмовую территорию, выложенная красная дорожка, многочисленные цветы, – все говорило о важности происходящего. Патриарх Кирилл по пути в храм благословлял народ. Небольшая церковь не смогла вместить всех желающих. Множество верующих находилось вблизи храма, где был установлен экран, на котором транслировалось богослужение. Прямая трансляция Патриаршей службы осуществлялась по телеканалам Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

В десять часов утра началась Литургия. Святейшему Владыке сослужило духовенство Санкт-Петербургской епархии во главе с митрополитом Владимиром, а также прибывшие епископ Смоленский и Выземский Феофилакт и начальник Русской Духовной миссии в Иерусалиме игумен Исидор (во время службы о. Исидор был возведен Патриархом в сан архимандрита).

Украшением богослужения были прекрасные голоса диаконов. Замечательно пел церковный хор под руководством регента Алексея Гвоздецкого, создавая тем самым молитвенный настрой верующим. При первом Патриаршем благословении молящихся в храме положенное по Уставу многолетие, исполняющееся всегда только на

греческом языке, пел демественным распевом детский хор воскресной школы Казанского храма.

Вот уже десятый год подряд в красивой деревянной церкви пос. Вырицы

Фото: Л. Иванова

звучат архиастырские оглашения. Начиная с 2000 года, когда состоялось прославление в лике святых Русской Православной Церкви иеросхимонаха Серафима, здесь «во дни печальные Великого поста», словно для укрепления наших сил, торжественно

отмечается День памяти преподобного.

Жизнь и молитва св. Серафима неразрывно переплелись с судьбой благословенной Вырицы. В годы Великой Отечественной войны дивный подвижник Божий, подражая прп. Серафиму Саровскому, совершает подвиг столпничества, молясь о спасении России от немецких оккупантов. В саду, недалеко от дома, выступал из земли гранитный валун, перед которым росла небольшая яблонька. В ее ветвях

укреплялась икона прп. Серафима Саровского, и перед святым образом, встав больными коленями на камень, вырицкий старец возносил Богу свои молитвы иногда по несколько часов подряд.

Серафим Вырицкий — один из величайших русских святых-чудотворцев. Он пережил революцию, годы террора и гитлеровскую оккупацию, до самой блаженной кончины (3 апреля 1949 года) праведник был своего рода защитой всей вырицкой земли.

Господь хранил этого благочестивого мужа, который более 50 лет жил обычной жизнью православного человека, работал, заботился о семье. Но ведь святость не дается с рождения! Все святые жили первоначально обычно, но верили в Бога и жили по его заповедям, что и позволило им обрести бессмертие и стать вечным примером для последующих поколений.

Вот и ныне в Казанском храме при большом стечении православных верующих был отмечен благодатный День памяти преподобного Серафима Вырицкого. Трудно передать атмосферу духовного праздника, где каждый человек не просто присутствовал, а соучаствовал в невидимом торжестве, когда едиными устами тысячи людей возносили молитвы к Господу, Пресвятой Богородице, святым угодникам. В такие проникновенные минуты кажется, что от благоговейного отношения к происходящему сердце просто замирает, что всюду покой и радость...

Ощущение праздника во всем — в убранстве храма, в облачении священнослужителей, в настроении православных. В богослужении участвовало немало детей, молодежи. Многие верующие причастились: из алтаря было вынесено шесть Святых Чаш.

Хорошую проповедь произнес священник Казанской церкви иерей Кон-

стантин Лебедев, рассказав о трудах подвижника благочестия XX века иеросхимонаха Серафима Вырицкого.

По окончании богослужения священнослужители направились в часовню святого Серафима. Затем, уже в храме, Первоиерарха Русской Церкви приветствовал член Священного Синода, митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Владимир, преподнеся при этом в дар икону преподобного Серафима Вырицкого с частицей его епитрахили.

Губернатор Ленинградской области Валерий Сердюков после благодарности за состоявшийся визит, соборную молитву подарил Патриарху Кириллу картину с видом Георгиевской церкви Старой Ладogi.

Патриарх Кирилл обратился с приветствием к собравшимся, поблагодарил духовенство и мирян за теплый прием, отметив усердные труды по благоукрашению сего святого места священнослужителей Казанского храма, настоятеля протоиерея Георгия Преображенского, передал в дар церкви Казанский образ Божией Матери.

Святейший Владыка поделился воспоминаниями о своем детстве, родителях, которые не раз встречались со старцем Серафимом в Вырице еще при его жизни. В заключение Патриарх со свойственной ему силой убежденности произнес слова, которые призвали православных пристальнее взглянуть на самих себя, обратиться к своей душе — правильно ли живешь, имеешь ли в себе кротость, искренен ли в любви к людям...

Цветами и добрыми пожеланиями провожали Патриарха Кирилла прихожане.

До самого вечера в часовенку к батюшке Серафиму все шли и шли люди. Вокруг святой раки — живое

море огоньков. Возжигаются, гаснут и снова загораются свечи. Не так ли и жизнь человеческая — дуновение? Как часто мы гаснем — падаем, и как трудно, мучительно встаем...

Но была Свеча, горевшая всю жизнь ровно и ясно. Разгоняя тьму, сияла для ближних и дальних, для верующих и утопающих во грехах. Серафим значит пламенный...

Святой отче Серафиме, моли Бога о нас!

* * *

В тот же день Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл посетил другой вырицкий храм — святых апостолов Петра и Павла. В этой церкви он бывал в детстве вместе со своими родителями. Петропавловский храм (настоятель иерей Владимир Вафин) в минувшем году отметил 100-летний юбилей, недавно был отремонтирован и освящен малым чином на праздник Сретения Господня в 2009 году.

Из Вырицы Патриарх Кирилл направился в поселок Сиверский, где посетил церковь св. апп. Петра и Павла. Этот храм не закрывался на протяжении 120 лет. В 1952—1978 годах здесь служил протоиерей Валериан Дыргинт, с ним был дружен родной отец Святейшего — протоиерей Михаил Гундяев, который приезжал сюда с сыном несколько раз в год.

3 апреля Патриарх совершил в сиверском храме литию по приснопамятному протоиерею Валериану. Эта частная поездка вызвала теплые воспоминания Его Святейшества о близких ему людях, об отроческих годах. Настоятелю Петропавловской церкви протоиерею Сергию Ломакину Патриарх выразил благодарность за идеальное содержание храма.

Первый визит Патриарха Русской Православной Церкви в Гатчинский район, в поселок Вырицу, безусловно, стал памятным событием для всех жителей, а также важной вехой в возрождении духовной жизни нашего края.

Фотографии: С. Власов
(портал Патриархия.ru —
официальный ресурс
Русской Православной Церкви
www.patriarhia.ru)

ПОКРОВСКИЙ СОБОР

ПОДВОРЬЕ

ПЯТОГОРСКОГО БОГОРОДИЦКОГО МОНАСТЫРЯ

Михаил Карпов

В конце XIX века у Санкт-Петербургского Новодевичьего Воскресенского монастыря появилась насущная необходимость в приобретении дачи. Когда монастырь был образован в 1834 году, он располагался в загородной зоне столицы. А через полвека загородная зона превратилась в промышленную — вокруг него выросли фабрики, мастерские, склады с подъездными железнодорожными путями и т. п. Поэтому для больных и престарелых инокинь не было необходимых условий и покойного приюта.

В январе 1883 года помещик Александр Платонович Платонов и его дочь Наталья Александровна подарили Новодевичьему монастырю шесть с половиной десятин соснового леса в своем поместье Вохоново.

УСАДЬБА ВОХОНОВО

История самой усадьбы, в которой ее владельцами был создан замечательный парковый ансамбль, так же примечательна. Земли Вохоново находились в собственности казны до 1747 года, когда Императрица Елизавета Петровна пожаловала их Иродиону, или Родиону Михайловичу Кошелеву, генерал-поручику и шталмейстеру императорского Двора, который стал первым хозяином поместья. От двух браков у него было трое сыновей и трое дочерей. Второй его женой была Маргарита Ивановна Глюк — дочь пастора, у которого жила в качестве служанки дочь литовского крестьянина Самуила Скворонского Марта, бывшая жена шведского драгуна Иоганна Крузе, будущая Императрица Екатерина I.

При И.М. Кошелеве на территории Вохоново усадьбы не существовало. После его смерти в 1760 году эти земли наследовал

старший сын Александр, который в 1770 году вышел в отставку в чине статского советника. С этого времени 52-летний помещик занялся своим поместьем. В 1770-х годах Александр Иродионович Кошелев создал на площади около 10 десятин усадьбу. Она состояла из нескольких деревянных строений и была обнесена земляными валами. Между деревней и усадьбой была построена ветряная мельница.

В 1782 году Вохоново оказалось в собственности действительного статского советника Федора Ивановича (Фридриха) Крейдмана, вице-президента юстиц-коллегии Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел. В 1827 году его вдова Луиза продала имение Николаю Егоровичу Дирину, эконому в Екатерининском институте, любимом детище вдовствующей императрицы Марии Федоровны. После смерти Н.Е. Дирина в 1830 году его единственный сын продал имение (а по преданию проиграл в карты) Александру Платоновичу Платонову, который владел им до 1894 года.

Платонов был одним из многочисленных побочных детей бывшего екатерининского фаворита, графа Платона Зубова. Он родился в 1806 году, уже после того, как П.А. Зубов вернулся в Петербург и был назначен шефом Кадетского корпуса, от его связи с польской графиней. На имя каждого из своих побочных детей Зубов положил в банк по одному миллиону рублей ассигнациями и тем самым обеспечил их будущее.

А.П. Платонов воспитывался в семье Бороздиных, был отдан в лейб-гвардии Кавалергардский полк, а в 1838 году вышел в отставку в чине майора. В дальнейшем, находясь на гражданской службе, он дослужился до действительного статского советника. Женат он был на дочери директора музыки гвардейского корпуса Марии Антоновне Дерфельден и имел от этого брака большое потомство.

Позже к своим владениям Александр Платонович добавил деревни Березнево, Миккино, Луйсковичи и Таровичи, а, выйдя в отставку, он заново создал усадьбу в Вохоново. Вместо холмов появились террасы,

на верхней из которых были построены господский дом и службы, а на нижних разбит парк. С бровки холма, где находился вытянутый в плане деревянный господский дом, открывался замечательный вид на окрестности.

При Платоновых в парке были посажены дубовые, лиственничные, кленовые рощи, вырыты три пруда с неравномерными очертаниями, на одном из которых был создан искусственный островок. С севера пейзажный парк ограничивала липовая аллея. Площадь нового парка не изменилась. На подъезде к усадьбе были выстроены служебные постройки: скотный двор, амбар, кузница.

Кроме того, Платоновым было организовано образцовое крестьянское хозяйство. В Вохоново были привезены крестьяне из Костромской и Новгородских губерний и расселены на земле на льготных условиях. Господский дом здесь обслуживали 26 человек крепостных.

А.П. Платонов имел значительный вес в тогдашнем обществе и 21 год (с 1863 по 1884 годы) находился в должности председателя дворянства Царскосельского уезда (Вохоново находилось на территории Царскосельского уезда). Хозяин имения серьезно занимался историей Запада России.

Даже в сегодняшнем запущенном состоянии парковый ансамбль Вохоново поражает своей величием. Сохранились террасы, пруды, раскинулся огромный дуб-солитер (solitaire — одиночка).

ОСНОВАНИЕ СКИТА

Работы по устройству скита начались в 1884 году, и ими руководила казначей Новодевичьего монастыря — монахиня Аполлония (1828 — 1915). Надзирать над ходом работ была поставлена монахиня Паисия, которая по началу жила в гостеприимной усадьбе Платоновых.

В феврале 1884 года подаренный участок был распланирован, и началась его расчистка — рубили строевые сосны, используемые для постройки келий и служб, — к которой приступили 20 марта после водосвятного молебна. Прошло всего три месяца, и 3 июня в скиту закладывается деревянная церковь св. Марии Магдалины. В

Вохоновский скит

начале сентября в ней устанавливается иконостас, 14 сентября водружается крест, а через два дня происходит освящение. Следовательно, все строительство и благоустройство храма продолжались всего полгода.

Так как новооснованный Вохоновский Маринский скит подчинялся Новодевичьему монастырю, то его игуменьей являлась настоятельница монастыря мать Евстолия до своей смерти в конце 1886 года.

Игуменья Евстолия сменила основательницу Новодевичьего монастыря игуменью Феофанию и вошла в ее труд по созданию монашеской обители для образованных девиц. При монастыре стали создаваться художественные мастерские — иконописные и златошвейные (основательница мать Феофания сама была большой искусницей в этих ремеслах). Для обучения инокинь приглашались профессора Академии Художеств. Заказы в мастерские обители поступали не только из храмов столицы, но и со всей России. Даже епископ Японский Николай (Касат-

кин), ныне прославленный как равноапостольный святитель, прислал заказ для японских храмов, а потом и свою воспитанницу — художницу Рин (Ирину) Ямаситу обучать иконописи.

Мать Евстолия готовила себе премницу в лице монахини Аполлонии. Но в столичном привилегированном монастыре напрасно ожидалось единодушие, и по смерти игуменьи появилась еще одна претендентка — монахиня Валентина, имевшая покровителем весильного обер-прокурора К.П. Победоносцева. Мать Аполлония была обойдена заслуженным чином и, оскорбленная недостойными монастыря интригами, решила устроить в Вохонове вместо монастырской дачи полноценный общежительный монастырь. Мать Аполлония в 1887 году окончательно переехала в скит вместе с 13 монахинями. За нею отправилась и ее младшая сестра, монахиня Феофания, прежде нее принявшая постриг и руководившая художественными мастерскими в Новодевичьем монастыре. Обе монахини, будучи генеральскими дочками, получили в мирской жизни хорошее, в том числе художественное образование, и отличались большой энергией и организаторскими способностями. Был сразу установлен строгий монастырский порядок, основой которого стали молитва и труд, в чем пример показывали себе начальствующие скитницы.

Появление монастыря соответствовало потребностям окружающего населения, так как ближайший приходской храм находился достаточно далеко от Вохоново, в селе Дылицы. К тому же эти земли большей частью заселены потомками угро-финских народностей — води, ижоры и эстов, среди которых было необходимо вести миссионерскую работу.

Мать Аполлония решила создать

мастерские, наподобие существующих в Новодевичьем монастыре. В скиту также была создана образцовая иконописная мастерская. Мать Феофания положила начало мастерской по изготовлению хоругвей и риз, причем ей пришла в голову удачная мысль — шить вместо парчовых золоченые ризы, когда шелк золотился как металлические предметы. Золотошвейным делом занималась в скиту монахиня Александра, под ее руководством вышивались не только церковные, но и мирские вещи, как-то: мешочки, подушечки, платки. Перечисленные занятия обеспечивали благосостояние скита. В скиту не было определенного штата и точного распределения обязанностей среди сестер. Через восемь лет после основания в нем проживало около 70 человек, но не все из них были монашествующими. Часть монахинь была переведена из Воскресенского монастыря по состоянию здоровья и по возрасту. Жило здесь также около 15-25 сирот, которых сестры обучали Закону Божию, грамоте и рукоделию в небольшой школе. Для паломников имелась двухэтажная деревянная гостиница, которой, как и школой, заведовала матушка Екатерина. Богомольцами были в основном бедные крестьяне из окрестных деревень, которые в большом числе приходили в Великий пост. Особенно много богомольцев бывало 22 июля (4 августа), в храмовый праздник, и 27 июля, в день св. Пантелеимона Целителя. Привлекали их, прежде всего, уставные монастырские службы в небольшой церкви св. Марии Магдалины. В час ночи колокол созывал в нее к утрени, которая длилась более двух часов. Затем, в течение дня, паломники могли вместе с сестрами молиться за обедней, вечерней или всенощной при “мерном, отчетливом чтении, со-

вершаемом избранными чтицами, которое прерывается пением двух прекрасных хоров”, стоявших на клиросе и на хорах. Долгие годы после освящения церкви службы в ней вел отец Петр Молчанов, заштатный священник из Олонецкой епархии. В его обязанности также входило “наставление в вере призреваемых монастырем сирот, обучение самих монахинь славянскому чтению и уставу богослужения”. Скитская церковь была неказистой и напоминала небогатые деревенские храмы. Четырехугольное в плане здание, размером восемь на пять сажень, было увенчано луковкой и имело одноярусную шатровую колоколенку с несколькими колоколами. Свет внутрь помещения попадал через два больших нижних окна и девять меньших, находившихся над ними. По вечерам зажигалось большое паникадило, где вместо свеч горели лампадки. Уютно мерцали они в полумраке церкви, особенно в зимние морозные вечера, усиливая молитвенное настроение.

Сестры сами написали образа в иконостасе из темного дуба. На горнем месте находился большой образ “Вознесения Христова” в деревянной золоченой раме. Много икон, утвари, риз пожертвовали храму благочестивые лица. Хранились в обители и частицы Животворящего Креста Господня.

18/30 января 1889 года указом Св. Синода скит был обращен в самостоятельный общежительный монастырь.

В скиту активно идет строительство хозяйственных построек, школы для девочек, мастерских. Также скит арендует у помещика большие площади для огорода, посевов и покосов. Деятельной матери Аполлонии становится тесно на 6,5 десятинах, и вскоре новооснованный монастырь получает еще одно крупное пожертвование.

ПЕРЕЕЗД

Престарелый местный помещик Егор Федорович Бабанов (1815 — 1902), отставной писарь, в память своей умершей дочери Лидии пожертвовал в 1893 году Вохоновскому монастырю землю на своей мызе Марьино, лежащей от него в 18 верстах, дабы окрестные крестьяне имели возможность “посещать храм Божий”, поскольку приходская Троицкая церковь в Пятой Горе была закрыта из-за аварийного состояния. Пожертвование заключало в себе 177,5 гектаров со всеми находящимися на них строениями.

Себе с женой Бабанов оставил только 33 десятины “у шоссе на дороге из Калитино по левую и правую сторону с правом пожизненного владения”, и усадьбу Марьино. Обязательным условием дара была постройка церкви и монастырских помещений, а также поминовение в церкви покойной дочери дарителя, его самого и жены после смерти. Когда мать Аполлония решила приступить к освоению нового места, в монастырской кассе было всего четыре тысячи рублей. Поначалу были выстроены деревянный флигель с кельями для 20 сестер и две часовни.

Настоятельница Вохоновского монастыря решает перенести мастерские и вообще все общежитие на Пятую гору, а в Вохонове оставить только монастырскую дачу и богадельню Новодевичьего монастыря. К 1898 году это положение было высочайше утверждено, а в 1899 году Св. Синод Вохоновский скит снова утвердил как общежительный монастырь. Нужно было вести миссионерскую работу среди эстов-лютеран, нужен был приходской храм, а скитский устав строго ограничивал сношения с внешним миром. В Вохонове осталось 40 чело-

век: 21 монахиня и 19 послушниц. Настоятельницей Вохоновского монастыря была назначена его строительница — игуменья Паисия. С 1906 года Вохоновский монастырь становится совершенно независимым. Не получая больше содержания от Новодевичьего монастыря и лишившись иконописной и златошвейной мастерских, доход с которых позволил построить за короткое время два монастыря, несколько храмов, множество жилых корпусов, мастерских и хозяйственных построек, Вохоновский монастырь уподобляется древнему строгому общежительному монастырю. Систематический и неустанный труд, перемежающийся молитвою, составлял единственное занятие инокинь, наполнял всю их жизнь и являлся для них главным и почти единственным источником средств к существованию.

В это время в монастыре начал свое служение протоиерей Алексей Благовещенский. Родился Алексей Александрович в селе Большое Кузьмино Царскосельского уезда в 1873 году. Закончив в 1896 году Санкт-Петербургскую семинарию, он был направлен в Вохоновский монастырь в сане диакона. В следующем году он был рукоположен во священника и духовно окормлял сестер монастыря до 1919 года. В 1919 году священник Алексей был переведен в Гатчинский Павловский собор, а 24 февраля 1938 года был арестован и 12 марта расстрелян вместе с настоятелем Гатчинского Покровского собора протоиереем Севастианом Воскресенским и протоиереем Владимиром Воскресенским из Гатчинской Успенской эстонской церкви.

СОЕДИНЕНИЕ ДВУХ МОНАСТЫРЕЙ

В конце 1915 года, в неспокойное военное время в Вохоновский монастырь на жительство приехали сестры из эвакуированного литовского монастыря. Виленский женский монастырь, был назван, как и Вохоновский, в честь Равноапостольной Марии Магдалины.

22 июля (4 августа) 1915 года в монастырском храме в Вильно, в день престольного праздника святой Марии Магдалины, последнюю службу совершил Высокопреосвященный архиепископ Виленский и Литовский Тихон (Белавин), впоследствии Святейший Патриарх Московский и всея Руси; 14-го сентября 1915 года все сестры в количестве 114 человек, настоятельница монастыря монахиня Вера, монастырский приют и 50 школьников со всем имуществом училища были эвакуированы в Минск. Через месяц из Минска они были направлены в Петроград для распределения.

Приют оставили в Петербурге, многих сестер по желанию их распределили по Петроградским монастырям и подворьям, многие сестры уехали к родителям на родину, а оставшиеся 30 человек во главе с настоятельницей монахиней Верой (Потапенко) были направлены в Вохоновский монастырь Царскосельского уезда.

Игуменья Вера родилась в Петербурге. Ее родители занимали в то время высокое положение, благодаря чему она получила прекрасное образование, окончив Екатерининский институт одной из первых. Впоследствии состояла в общине сестер милосердия Санкт-Петербурга и в жизни она испытала много горя.

В монастыре она стала усердно

подвижничать, имела дар слез, была строга как к себе, так и к другим, великолепно знала церковный устав, прекрасно читала и пела на клиросе, хорошо понимала и любила музыку, имела приятный бас. Одарена была пронзительным, светлым умом, пользовалась большой любовью всех знавших ее.

В 1912 году монахиня Вера была назначена на должность настоятельницы Мариинского Виленского. Во время войны в 1914 году она устроила лазарет для раненых бойцов на 15 человек. Матушка сама ухаживала за ранеными. Много провела бессонных ночей рядом с тяжелоранеными. За усердие была удостоена награды — наперсного креста.

Через несколько месяцев по прибытии литовских сестер в Вохоново скончалась игуменья Паисия, и сестры двух монастырей Вохоновского и Виленского единодушно избрали начальницей монахиню Веру. Тут же она была возведена в сан игуменьи благочинным монастыря отцом архимандритом Макарием и утверждена настоятельницей. Весной 1917 года игуменья Вера просила Синод выдать 55 тыс. руб. на капитальный ремонт обветшавшей монастырской церкви. Предполагалось переделать крышу, барабан, сделать брандмауэры. Однако из-за обстановки в стране пришлось ограничиться лишь ремонтом крыши и стропил. В сопроводительном письме игуменья указала, что монастырь “пользуется большой симпатией всего Гатчинского и Царскосельского округа, и нередко посещают нас богомольцы из народа, приходя пешком иногда за 30 верст”. Надо сказать, что каждый год на престольный праздник из Гатчины сюда приходил крестный ход трезвенников.

В начале 1918 года игуменья Вера (Потапенко) сильно простудилась, за-

болела, по причине чего она ушла на покой и выехала к родственникам в Финляндию. Оставшиеся сестры во главе с монахиней Ниной (Баташевой) решили хлопотать о возможности вернуться на родину в Вильно. Святейший Патриарх Тихон, очень хорошо их знавший помог выхлопотать пропуска на возвращение и благословил возвращаться всем оставшимся Виленским сестрам и восстанавливать Мариинскую обитель в Вильно.

ВОХОНОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

В конце 1918 года двадцать оставшихся сестер из Вильно покинули Вохоново. Настоятельницей осиротевшей обители выбрана игуменья Сусанна. Когда развернулось обновленческое движение, сестры остались верны Патриарху Тихону и были готовы пострадать за истинную веру.

Хотя местные власти постоянно притесняли и придирались к сестрам, Вохоновский монастырь все-таки продолжал действовать до 1930 года, когда настал час его окончательного закрытия. Власти организовали в монастыре совхоз “Делегатка”, но церковь оставили монахиням. 16 сестер вместе с игуменьею Ангелиной (Яковлевой), бывшей купчихой, поселились в соседних деревнях: Вохонове, Новоселках, Алексеевке. В частности, игуменья с келейницей Варварой (Трофимовой) жила в Алексеевке. Крестьяне помогали провизией сестрам, которые продолжали обслуживать монастырскую церковь, где в эти годы служил о. Иоанн Спицын, и петь в ней на клиросе. Власти обвиняли сестер в развале колхозов в округе, ибо они “ходили якобы нарочно рваными и жаловались

на голод..., говорили о гонениях, плохой работе колхозов”. Все 17 монахинь были арестованы 18 февраля 1932 года в ходе “акции по изъятию монахов и монашек” и приговорены к ссылке. Среди них были сестры, проводившие в монашестве по 40 – 50 лет: Лидия Петровна Зубарева, Нина Николаевна Леонтьева, Дарья Богдановна Богданова, Евдокия Игнатьевна Лукьянова, Саломея Николаевна Абрамова.

Во время Великой Отечественной войны все монастырские строения были разбомблены до основания.

В настоящее время приходом Елизаветинской церкви монастырь восстанавливается. В 2006 году на территории бывшей обители выстроен храм в честь преподобного Силуана Афонского.

ПЯТОГОРСКИЙ БОГОРОДИЧНЫЙ МОНАСТЫРЬ

Пятогорский Богородичный монастырь начался с деревянного флигеля с кельями для 20 сестер и двух часовен. Одна из них – у святых ворот – была 9 февраля 1895 года освящена архимандритом Исаией (Воскресенским), настоятелем Александро-Невской лавры, в честь иконы Божией Матери “Утоли моя печали”, которую в следующем году расширили боковым приделом во имя апостола Иакова Заведеева и мученицы Агриппины. В 1894 году был заложен главный храм новой обители в честь Тихвинской иконы Божией Матери, который, как и весь комплекс, возводился из дерева по проекту архитектора С.В. Садовникова, автора здания Троице-Сергиевого подворья на Фонтанке. Его дядя П.С. Садовников тоже был известным зодчим и в свое время занимался перестройкой имения Марьино. В том же 1894 году

митрополит Санкт-Петербургский Палладий (Раев), посетив монастырь, возвел монахиню Аполлонию в сан игуменьи.

К ноябрю 1895 года трехпрестольный Тихвинский храм был подведен под крышу и через два года завершен, одновременно с жилым двухэтажным корпусом. Задержка произошла из-за нового строительства.

МОНАСТЫРСКОЕ ПОДВОРЬЕ В ГАТЧИНЕ

В 1872 году крестьянин из Ложголовского уезда Псковской губернии Козьма Карпович Карпов приобретает в Гатчине городскую усадьбу, построенную еще в 1810-х годах статским советником Василием Дмитриевичем Томиловым. Усадьба состояла из двух жилых двухэтажных корпусов и хозяйственных построек и находилась на краю тогдашней центральной рыночной площади, на углу Госпитальной (позже Михайловская, ныне Красная) и Елизаветинской (бывш. Фабричного переулкa, ныне ул. Достоевского). Усадьба переходила от хозяина к хозяину. Последние хозяева сдавали большую ее часть внаем.

В январе 1896 году Козьма Карпов, ставший уже купцом первой гильдии, и его жена Ирина Афанасьевна пожертвовали свою усадьбу Пятогорскому Богородицкому монастырю для

Подворье
Мариинского женского монастыря
в Гатчине.

устройства подворья. Они для себя оставили маленькую комнату, где стояли только две железные кровати, под которыми стояли два цинковых гроба. Они пожертвовали также икону Покрова Божией Матери, которую считали чудотворной, так как она чудесным образом спаслась в большом пожаре на их родине.

Настоятельница монастыря игуменья Аполлония начала хлопоты об устройстве временной церкви в угловом доме. Устройство церкви потребовало значительных перестроек, но уже 24 июля временная церковь была заложена протоиереем Василием Левитским, настоятелем Мариенбургской Покровской церкви.

И 6 августа 1896 года здесь был освящен престол в честь Покрова Божией Матери, а 7 августа освящен еще один престол в честь святого благоверного князя Александра Невского и в память почившего Императора Александра III епископом Гдовским Назарием. Первым настоятелем новой церкви стал священник Севастиан Воскресенский.

23 апреля 1897 года Михайлова Анна Михайловна пожертвовала небольшой участок рядом с садом подворья. Через полгода она же пожертвовала второй участок с постройками.

Игуменья Аполлония на этих зем-

лях строит дом для причта и каменные службы. Но строительство идет медленно, что во многом обуславливалось недостаточностью средств, т.к. в это же время шло строительство самого Пятогорского монастыря. На подворье переезжают 30 сестер, организуются мастерские: иконописная, златошвейная, золотильная, швейная, башмачная.

РАСШИРЕНИЕ ОБИТЕЛИ

20 и 21 сентября 1898 года на территории Пятогорского монастыря Тихвинский храм с боковым приделом в честь Архистратига Михаила был освящен епископом Ямбургским Вениамином (Муратовским) в присутствии о. Иоанна Кронштадтского, а 25 февраля 1899 года Преосвященный Ямбургский освятил придел в честь всех Святых.

В 1898 году в новой обители были уже выстроены святые ворота, ограда, одноэтажный деревянный дом, конюшни, баня, сарай и водокачка, заложен еще один жилой флигель. Наблюдала за постройкой монахиня Екатерина (Вильде), помощница настоятельницы. К осени из Вохоново в Марьино переехали иконописная мастерская, священник, диакон и 55 сестер.

В течение зимы 1899-1900 гг. производился перенос некоторых старых построек из Вохоново на новое место: упоминаются рисовальный корпус, столярная, дом священника. В 1900 году в Пятогорский монастырь переведен протоиерей Иоанн Николаевский, один из ревностных пастырей Санкт-Петербургской епархии.

Так как со временем сестер в монастыре становилось все больше, и он продолжал расширяться, по проекту того же Садовникова была выстроена

в 1901 году деревянная двухэтажная школа для девочек. Также выстроена двухэтажная гостиница и водокачка в 1902 году, а архитектор Садовников подготовил проекты постройки больницы и больницы церкви. Тем не менее, м. Аполлония хлопочет о постройке часовни на городском кладбище в Гатчине по проекту Л.М. Харламова, строит церковь в деревне Кикерино на земле, пожертвованной вдовой крестьянина А. Маркеловой, деревянную церковь по проекту архитектора В. А. Воротилова, который возглавлял Общество благоустройства дачной местности “Кикерино”; также строит у станции Кикерино Казанскую церковь на земле, пожертвованной помещиком Медынцевым. К середине 1903 года оба храма были закончены.

В Пятогорском монастыре в 1905 году построена больница, к которой с северной стороны примыкала каменная однопрестольная церковь св. великомученика Пантелеимона, освященная 15 июля 1906 году епископом Гдовским Кириллом (Смирновым), будущим митрополитом Казанским, священномучеником. Храм находился на границе монастыря, и в церкви было два входа: один — с улицы, другой — с территории монастыря. Внутри храм имел хоры, причем одни предназначались для певчих, другие — для больных. Больные могли попасть в него, не выходя на улицу. Работали иконописная, золотошвейная и золотильная мастерские. В 1906 году начато сооружение кирпичной стены вокруг монастыря.

30 декабря 1907 года Казанская церковь на станции Кикерино сгорела, в огне уцелел только образ Спасителя. Церковь на станции была вновь отстроена на деньги, пожертвованные Н.А. Пожидаевым, и 21 июня 1909 года архимандрит Макарий освятил деревянный храм на ст. Кикерино.

Урок закона Божьего в школе для девочек в Пятогорском монастыре.

Эта восстановленная церковь была освящена как Преображенская и до наших дней не дошла. Ее разрушили, по-видимому, в 1930-е годы.

В 1910 году игуменья Аполлония вновь хлопочет о постройке часовни на городском кладбище, но в это время ураган разрушил две риги с овинами. И вместо часовни пришлось отстраивать риги и овины, а также строить другие хозяйственные службы взамен обветшавших: конюшню, коровник, дом для рабочих, водогрейку; ремонтировать молочный дом, причтовый дом, здание главного монастырского корпуса, кирпичную стену 2-го монастырского корпуса.

На 1917 год в школе Пятогорского монастыря числится 38 девочек из окрестных деревень и сел. Школа была не только одной из первых школ подобного характера в Санкт-Петербургской губернии, но и длительное время единственной в Царскосельском уезде.

ПОКРОВСКИЙ СОБОР

Супруги Карповы выиграли в городскую денежную лотерею значительную по тем временам сумму в 90 тысяч рублей. Карповы, не имея наследников, обратились за советом к Иоанну Кронштадскому, как распорядиться капиталом. О. Иоанн предложил им

Покровский собор в 1910-х гг. Еще не снесена первоначальная домовая церковь.

возвести большой каменный храм. Супруги Карповы решили вложить эти деньги в постройку Покровского собора на территории монастырского подворья Пятогорского монастыря.

В апреле 1902 года архитектором Леонидом Михайловичем Харламовым составляется первый генеральный план участка комплексного проекта подворья с каменным храмом, который вызвал резкую критику. Первоначально каменную церковь предлагалось поставить на углу Елизаветинской и Михайловской улиц. Однако, это предложение не удовлетворило строителя К. Карпова, которому было жаль уничтожить первоначальную церковь, и расположение новой каменной церкви было отодвинуто от угловой первоначальной церкви. К изменению места расположения нового каменного храма склонялась м. Аполлония, мотивируя религиозной этикой: “место престолов нынешней церкви пришлось бы на паперти новой церкви, где все должны проходить и топтать освященные места”. К тому же Строительным уставом положено было расстояние до соседних построек не менее 4-х сажен, что обрекало на снос часть флигелей и служб и полуую реконструкцию монастырских построек.

Обсуждение острых вопросов затягивало начало строительства, и только 6 июля 1904 года было разрешено начало подготовительных работ и рытье котлована под фундамент.

7 апреля 1905 года Н.А. Пожидаев, любимый камердинер Императора Александра III, пожертвовал деревянный 2-этажный дом №8 по Елизаветинской улице на участке площадью 200 кв. саженей. Отмечено, что дом находился рядом с гостиницей Св. Николая.

23 июня 1905 года после проведения подготовительных работ разрешено было возвести на подворье каменную трехпрестольную церковь по проекту Л.М. Харламова и А.А. Барышников.

Жители Гатчины принимали участие в строительстве. Начались жертвования граждан и не только деньгами, но и строительными материалами. Привозили лес, песок, щебенку. Работы продолжались 10 лет, но, не закончив наружные работы, занялись внутренней отделкой.

Живописные работы выполнялись руками сестер монастыря. Особо почиталась сестрами монастыря и жителями Гатчины икона Покрова Пресвятой Богородицы, пожертвованная

для храма К.К. Карповым (сейчас эта икона находится в Павловском соборе г. Гатчины).

11 октября 1905 года игуменья Аполлония сообщила митрополиту Антонию о желании строителя Козьмы Карповича Карпова с женой Ириной Афанасьевной быть погребенными под новостроящимся храмом. 10 марта 1906 года обер-прокурор Святейшего Синода разрешил это погребение. За их духовный подвиг они были удостоены чести быть похороненными в притворе Покровского собора, как основатели подворья и устроители святого храма.

После закрытия храма в 30-е годы склепы их были вскрыты, как говорят еще живые свидетели, молодые комсомолцы того времени, искали драгоценности. Но, вскрыв гроб и убедившись, что никакого золота там нет, «искатели» завалили склепы мусором. 21 октября 2001 года состоялось торжественное захоронение останков Козьмы и Ирины Карповых. Духовный подвиг этих людей трудно переоценить, учитывая ту неблагоприятную среду в предреволюционной и революционной России.

8 октября 1914 года состоялось освящение Собора епископом Нарвским Геннадием. Главный придел Собора освящен в честь Покрова Пресвятой Богородицы, правый — в честь Святого благоверного князя Александра Невского 9 октября, левый — в честь Святого Николая Чудотворца 7 декабря. Начавшаяся первая мировая война и последующая революция внесла дополнительные трудности в окончание отделочных работ. Так и осталась неразрешенной проблема отопления, фасад храма так и остался не штукатуренным — только колокольня и барабаны куполов дают возможность представить ту величественную

красоту задуманную строителями. Не благоустроенным остался и нижний храм в подвальном этаже.

В 1915 году умерла игуменья Аполлония. Настоятельницей в Пятогорском монастыре стала ее младшая сестра, игуменья Феофания.

ПЯТОГОРСКИЙ МОНАСТЫРЬ В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

В 1918 году при монастыре была зарегистрирована Трудовая коммуна. Кроме собственно монастырских земель, определенных в 196 десятин 1839 кв. саженей, в ее территорию входили и надельные земли казенных крестьян в 102 десятины. Среди сестер насчитывалось 44 художника, 24 сапожника, 7 портных, также числились агроном, садовод, огородник, фельдшер и лесовод (в листке регистрации сельско-хозяйственной коммуны лесовод одновременно обозначен техником и учителем). Впоследствии большая часть земельных владений была национализирована, и у Пятогорского монастыря из приписанных 300 десятин осталось всего 58 десятин, две из которых занимало монастырское кладбище. Отняты были и некоторые постройки, в которых разместились советские учреждения.

Монахини и послушницы — их в 1921 году было 191 человек — продолжали заниматься налаженным хозяйством, хотя “за неимением материала половина мастерских была закрыта”.

Пятогорский (Кикеринский) монастырь окончательно ликвидирован в начале 1930 года, когда всех монахинь из него выселили. 13 сестер переехали в деревню Калитино, некоторые — в Кузьмино под Царским Селом, где их окормлял отец Алексей Кибардин, настоятель Феодоровского собора, видный деятель иосифлянского дви-

жения.

Иосифляне не признавали соглашательства руководства Русской Церкви с советской властью и уклонялись в раскол, возглавляемые архиепископом Гдовским Димитрием (Любимовым).

Три монахини — Герасимова, Фомина и Кушке — поселились в Стрельне, стараясь “не быть заметными и ничем не выделяться”. Отец Алексей привлекал монахинь и к обслуживанию своего собора, так как некоторые были иосифлянками. В их числе находилась Анастасия (Куликова), жившая в монастыре в 1926-1927 годы и служившая позднее келейницей у архиепископа Гдовского Димитрия. Часть монахинь Кикеринского монастыря укрылась на подворье в Гатчине.

На освобожденной от монахинь территории был снесен Пантелеимоновский храм, осквернено кладбище, в Тихвинском храме устроен клуб, а в больничном и келейном корпусах расположились госучреждения.

В настоящее время на территории бывшего монастыря в деревне Куровицы действует небольшой домовый храм в честь иконы Божией Матери “Утоли моя печали”, восстанавливается Тихвинский храм. Но живописная ограда из красного кирпича скрывает все еще не побежденное запустение.

Кроме того, из оставшихся построек в уделе женского монастыря действует храм в пос. Кикерино и часовня в дер. Калитино.

ПОКРОВСКИЙ СОБОР И МОНАСТЫРСКОЕ ПОДВОРЬЕ В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

В советское время жизнь монастырского подворья, оставшегося без мастерских и школы, сосредоточилось вокруг Покровского собора. В истории собора отразились судьбы гатчинских

подвижников — святой преподобно-мученицы Марии Гатчинской, протоиереев Севастиана Воскресенского и Иоанна Смолина.

ПРОТОИЕРЕЙ СЕВАСТИАН ВОСКРЕСЕНСКИЙ

Протоиерей
Севастиан Воскресенский

Севастиан Николаевич родился в Гатчине в 1874 году. В 1894 году окончил Санкт-Петербургскую духовную семинарию. В 1897 году рукоположен во священника к Никольской церкви в селе Модолицы близ Луги. Позднее служил в Усть-Введенской церкви Царскосельского уезда. В воскресенье 22 июня 1908 года в поселке Вырица был освящен храм в честь апостолов Петра и Павла. Священника велено было выделить из штата Усть-Введенской церкви, находившейся рядом. Этим священником стал о. Се-

вастиан, пока в Вырицу не был перемещен из села Подмышья священник Георгий Преображенский. Прихожане Вырицкого Петропавловского храма считают о. Севастиана первым настоятелем, несмотря на то, что прослужил он немного.

18 августа 1911 года о. Севастиан назначен настоятелем Покровского храма на подворье Пятогорского Богородицкого женского монастыря в Гатчине. 29 января 1922 года был избран председателем совета церковного братства во имя Иоанна Кронштадтского в Гатчине. Арестован в Красногвардейске (Гатчине) 28 февраля 1938 года. Обвинялся в организации и руководстве “группы церковников в Красногвардейском районе”. 11 марта 1938 года приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в Ленинграде 12 марта 1938 года вместе с прот. Иоанном Лесковым, настоятелем Малоохтинского храма Марии Магдалины, прот. Владимиром Воскресенским из Гатчинской Успенской эстонской церкви, свящ. Алексием Благовещенским из Гатчинского Павловского собора, прот. Константином Григорьевым из Старосиверской Преображенской церкви и свящ. Андреем Корниловым из Вырицкого Петропавловского храма.

ПРОТОИЕРЕЙ ИОАНН СМОЛИН

Весной 1917 года в Петрограде некоторые из участников существовавшей в 1905 году “группы 32-х священников” создали “Союз церковного обновления”. Другими инициативными группами были созданы “Союз прогрессивного православного духовенства” и “Союз демократического духовенства и мирян”. Вскоре эти три группировки объединились в “Союз демократи-

Протоиерей
Иоанн Смолин

ческого православного духовенства и мирян”. О многом говорило само название “союза”, вмещавшее в себя два несовместимых понятия — “демократия” и “православие”. Председателем “Союза” был избран священник Д. Попов. В число членов вошли протоиереи И. Егоров, М. Попов, К. Агеев; священники А. Боярский, А. Введенский, С. Фокко, А. Мейер, В. Соколов; диакон Т. Скобелев, профессор Б. Титлинов и другие. Это были люди, которые не имели ни малейшего авторитета в Петроградской епархии. Однако, пользуясь поддержкой Временного правительства, участники этой либеральной группировки проповедывали идеи “христианского социализма”, идеи переустройства церковной жизни и реформы православного вероучения. В 1917 году “Союз” был весьма малочисленным, и он не мог оказать заметного влияния на ход событий в Петроградской епархии. Но через несколько лет его основные участники встали во главе обновленческого раскола.

В противовес этой группе отщепенцев большинство петроградского духовенства и мирян во главе с управляющим Петроградской епархией епископом Гдовским Вениамином (Ка-

Митрополит Вениамин Петроградский
с гатчинским духовенством и мирянами
у паперти Покровского собора.

занским), будущим священномучеником, был создан “Союз Церковного единения”. Его ядро составили участники Общества религиозно-нравственного просвещения и Общества в память отца Иоанна Кронштадтского — протоиереи Философ Орнатский, Петр Миртов, Павел Лахостский, Павел Кульбуш, Алексей Ставровский, Петр Скипетров, Иоанн Орнатский, Михаил Прудников и многие другие.

На собраниях “Союза Церковного единения” в апреле 1917 года под председательством Владыки Вениамина (Казанского) была принята программа “Союза” и определены его главнейшие цели: “Объединение клира и мирян всей Православной Церкви на почве не политических платформ или веяний современной политической жизни, а на почве христианской задачи, Христова делания, которое, прежде всего, требует свободы внутренней, а не внешней”. Тогда же был создан комитет, которому было поручено войти в сношение со всеми епархиальными, уездными, благочинническими и другими организациями и призвать их к единению. Благодаря такой разрабо-

танной концепции сопротивления, обновленческий раскол был преодолен за несколько лет.

В 1921 году, в разгар обновленчества, Владыка Вениамин, тогда уже Митрополит Петроградский, назначает настоятелем Гатчинского Покровского собора протоиерея Иоанна Смолина (1867–1927), усердного и талантливого миссионера, который успешно боролся с тогдашними раскольниками, будучи диаконом в Петербургском храме Спаса-на-Крови с 1907 и до Октябрьской революции 1917 года. Он вошел в Общество в память отца Иоанна Кронштадтского, созданное в 1909 году для осуществления в жизни его высоких заветов, участвовал в духовно-просветительской деятельности Общества распространения религиозно-нравственного просвещения. Диакон Иоанн активно занимался миссионерской деятельностью. Он выпускал книги и листки, в которых простыми и доступными словами обличал неверие, раскол и сектанство. Также он активно прививал народное пение в храме. Этот обычай в то время только лишь нарождался и тут же

встретил ревностного сторонника. Не остался равнодушным он и к обществам трезвости. Всегда готов был провести духовную беседу или возглавить крестный ход в отдаленную обитель на богомолье.

В 1917 году его рукоположил Митрополит Вениамин (Казанский) во священника в монастыре Иоанна Кронштадтского и направил усердного труженика в село Лисино, Тосненской волости, откуда он и приехал в Гатчину.

С приходом в Покровский собор о. Иоанн организовал Приходское братство памяти Иоанна Кронштадтского как филиал Петербургского Общества. Постоянная совместная молитва превратила его в настоящую духовную семью, объединенную желанием послужить ближнему делами милосердия.

В Гатчине также о. Иоанн развернул миссионерскую деятельность. Ревнуя о том, чтобы предстоящие в церкви молились с полным пониманием происходящего во время богослужения, он предложил ряд разъяснительных бесед. Даже во время службы, перед важнейшими моментами в ходе литургии или всенощного бдения, он останавливал пение и подготавливал проповедь души своих чад для разумного участия в сугубой молитве. Он усердно прививал народное пение и обучал церковным песнопениям всех желающих, чтобы все присутствующие на службе могли стать единым хором. Он организовал кружок для девочек 10-13 лет, с которыми занимался пением молитв и духовных стихов и посещал с ними больных. Им был также организован кружок и для старших.

Несколько раз в год о. Иоанн устраивал крестные ходы в монастыри. Например, в Вохоновский женский монастырь в 18 км от Гатчины ходили 2

раза в год: на Троицу и в престольный праздник монастыря — св. Марии Магдалины. Шли пешком, пели молитвы и несли иконы, о. Иоанн был в облачении. Народ по дороге присоединялся. На остановках он обращался к паломникам с пламенной проповедью. В монастыре молились на праздничной всенощной и обедне и на следующий день с крестным ходом возвращались обратно. Ходили также раз в год и в Пятогорский женский монастырь — это 35 км от Гатчины.

О. Иоанн продолжал неустанно искоренять неверие, раскол и сектанство. Во время обновленческого раскола добрый пастырь неумолчно обличал, умолял, запрещал. Пастыри, монастырские сестры и весь приход Покровского собора сохранили верность принципам канонического церковного управления.

Умер он 25 января 1927 года, заболев раком пищевода. На его похороны прибыли 3 епископа, 60 священников и 12 диаконов. Гроб несли на кладбище священники на руках, сестры Пятогорского монастыря и подворья несли зажженные факелы. Похоронили его на Гатчинском кладбище возле храма Всех Святых, слева от алтаря.

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦА МАРИЯ ГАТЧИНСКАЯ

Благодаря стараниям отца Иоанна Смолина, стала известна верующим подвижница, обладавшая даром утешения, монахиня Мария Гатчинская, тогда еще Лидия Александровна Лелянова. Однажды, будучи приглашенным для причастия тяжелобольной, он был поражен ее духовной настроенностью и уже не оставлял ее своим вниманием никогда. Для начала он стал привлекать молодых женщин для ухода и помощи в приеме посетителей,

Преподобномученица Мария Гатчинская

а также для их духовной пользы. Впоследствии был организован кружок, ставший ядром Приходского братства памяти отца Иоанна Кронштадтского. Кружок сосредоточился вокруг матушки и проводил в квартире болящей панихиды, молебны, молитвенные соборания.

Лидия Лелянова родилась в Петербурге в 1874 году в купеческой семье Леляновых, которая была в столичном Санкт-Петербурге известной, уважаемой и богатой. Ее дед, Иван Лелянов, происходил из купеческого рода города Ельни Смоленской губернии, а с 1849 года вел торговлю мехами в Петербурге. Это торговое дело успешно продолжала его вдова, затем сын Павел Иванович, а с 1911 года его старший сын Иван. Павел Иванович Лелянов (1850-1932) в 1877 году был возведен в сословие потомственных почетных граждан. Будучи человеком с ярко выраженным общественным темпераментом, он служил на разных поприщах по выборам купеческого сословия, с 1881 года избирался гласным столичной Городской думы. С 1898 по 1905 гг. и с начала 1916 г. и по весну 1917 г. был Санкт-Петербургским городским

головой. За отлично организованное и проведенное празднование 200-летия города П.И. Лелянов был награжден чином действительного статского советника, а после выхода в отставку орденом Св. Владимира 3 степени, после 1917 года он и его семья оказались в эмиграции во Франции. Умер он в Париже в 1932 году и похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Старший брат Павла Ивановича, Александр Иванович Лелянов, отец Лидии, был владельцем сургучного завода.

Семья Леляновых жила в Петербурге, неподалеку от Новодевичьего монастыря, на Забалканском проспекте 101. Ее старший брат Александр дослужился до чина статского советника, другой стал владельцем аптеки в Гатчине. Младшая сестра Юлия впоследствии стала учительницей рукоделия, но всю жизнь посвятила уходу за больной сестрой. Сам же Александр Иванович скоропостижно скончался в 1877 году.

В Петербурге прошли детство и молодость Лидии, здесь она окончила женскую гимназию, но сдавать выпускные экзамены ее привезли из

дома в инвалидной коляске в начале 1890 года. Она заболела тяжелым энцефалитом, который дал осложнение — болезнь Паркинсона. Ее тело потеряло подвижность, лицо стало анемичным и напоминало маску. Речь у девушки сохранилась, но она стала говорить сквозь зубы, медленно и монотонно.

Ничего не помогало: ни знаменитые врачи на родине, ни заграничные светила, которые осматривали больную в Европе. В 1909 году, после смерти отца, когда ей было тридцать пять лет, и когда всякая надежда на выздоровление была уже оставлена близкими, Лидию Александровну привезли в Гатчину, где жил ее старший брат Владимир в двухэтажном доме на углу Багвотской и Соборной улиц, жил и содержал в нем Елизаветинскую аптеку.

Болезнь Паркинсона и ныне считается неизлечимой. Характерные симптомы этого заболевания проявляются в припадках раздражительности и повышенной возбудимости, в ярко выраженном эгоцентризме и в постепенном разрушении личности.

Но не так было с матушкой Марией. Оказавшись полным физическим инвалидом, она не только не деградировала психически, но обнаружила совершенно необычные, не свойственные таким больным черты личности и характера: она сделалась чрезвычайно кроткой, смиренной, покорной, неприятельской, сосредоточенной в себе, углубилась в постоянную молитву, без малейшего ропота перенося свое тяжелое состояние. Благодаря непрестанной, углубленной молитве и приобрела страдалица эти не свойственные пораженным болезнью Паркинсона черты личности и характера, а за великие смирение и кротость Господь наградил ее Даром утешения душевной тоски, уныния, печали и скорби

посетителей, приезжавших в Гатчину не только из Петрограда, Москвы, но и из разных концов России. При этом за утешением приезжали люди самого разного возраста, положения и образования: от необразованных работников до университетских профессоров, от приходских батюшек до архиереев.

В 1922 году она была пострижена с именем Мария архимандритом Макарием по благословению будущего Новомученика Митрополита Вениамина, который сам побывал у матушки и был, по его словам, много утешен... Впоследствии был организован кружок почитания тогда еще неканонизированного отца Иоанна Кронштадтского. Кружок сосредоточился вокруг болящей и проводил в ее квартире панихиды, молебны, собрания для чтения святых отцов и духовных бесед. Цель отца Иоанна Смолина была достигнута: у одра болящей духовно настроенные девушки, помогая принимать многочисленных посетителей, укреплялись в намерении жить по монашеским обетам, не принимая монашества.

В кружок входили: учительница Вера Ивановна Максимова — дочь неустанного жертвователя и попечителя Покровского собора и Пятогорского монастыря Ивана Максимовича Максимова и племянница последней игуменья монастыря Тавифы (в миру — Евдокии Максимовны Максимовой), Ольга Эдуардовна Вейерт, Марфа Клячкина — посудомойка в станционном буфете, Татьяна Короткова, Мария Агус, Вера Златогорская, Евгения Никифоровна Тимофеева — из Мариенбурга (исполняла обязанности распорядительницы), Анна Варламовна Алексеева, медсестра Зинаида Ермилова, Анастасия и Екатерина Лукичевы, Мария Петровна Харитонова и другие. То были в основном двадца-

тилетние девушки из Гатчины, чуткие сердцем, сострадательные и воспитанные родителями в православной вере. Большинство из них пострадали за свою веру.

Болящая монахиня Мария стала широко известна, постоянно посещали ее гатчинцы из “бывших” — генерал Алексей Алексеевич Епанчин и его дочь Надежда (монахиня из разогнанного Нежадовского Покровского монастыря Лужского уезда), генеральша Екатерина Ивановна Теляковская, адмиральша Пац-Памарнацкая, а также игуменья Евфросиния (Арсеньева) Нежадовского монастыря и великое множество почитателей из числа православных — не только из городского населения, но крестьяне и приезжие из разных мест (прежде всего, Петрограда) с целью получить от нее совет, как поступить в тех или иных постигших их неудачах.

Среди многочисленных фотографий в приемной комнате имелся портрет митрополита Вениамина (Казанского) с автографом: “Глубокоочтимой страдалице матушке Марии, утешившей, среди многих скорбящих, и меня грешного” и портрет митрополита Иосифа (Петровых) с трогательным посвящением из его замечательного духовного дневника “В объятиях Отчих”.

До нас дошло ценное своими подробностями свидетельство профессора Ивана Михайловича Андреевского. Он, после 1945 года обосновавшийся в США, как очевидец, поведал протопресвитеру Михаилу Польскому, собиравшему материалы о Новомучениках Российских, о главном Даре гатчинской монахини, полученном ею от Господа. В марте 1927 года И. М. Андреевский, будучи еще учителем, посетил Марию Гатчинскую и, пожаловавшись на невыносимую тоску, получил такой ответ: “Тоска есть крест

духовный — посылается она в помощь кающимся, которые не умеют раскаиваться, то есть после покаяния снова впадают в прежние грехи....

А потому — только два лекарства лечат это, порой крайне тяжелое, душевное страдание. Надо или научиться раскаиваться и приносить плоды покаяния, или со смирением, кротостью и терпением и великой благодарностью Господу нести этот крест духовный, тоску свою, памятуя, что несение этого креста вменяется Господом за плод покаяния... А ведь какое это великое утешение — сознавать, что тоска твоя есть неосознанный плод покаяния, подсознательное самонаказание за отсутствие требуемых плодов. От мысли этой — в умиление придти надо, и тогда тоска постепенно растает, и истинные плоды покаяния зачнутся...”

Пока же ожидал приема, Андреевский стал свидетелем ее чудесного воздействия на других. “Юноша, унывающий после ареста и ссылки отца-священника, вышел от матушки с радостной улыбкой, сам решившись принять сан диакона. Молодая женщина от грусти пришла к светлой радости, также решившись на монашество. Пожилой мужчина, глубоко страдавший от смерти сына, вышел от матушки выпрямленный и ободренный. Пожилая женщина, вошедшая с плачем, вышла спокойная и твердая”. И таких людей были не десятки, а многие и многие сотни.

В 1926 году отец Иоанн Смолин заболел раком пищевода. Он не захотел умирать в кругу своих детей, большей частью неверующих, а переехал также в келью Покровского подворья. Так кружок, созданный им для ухода за матушкой Марией, покоил и его до самой смерти.

После его кончины 25 января 1927 г.

духовником и матушки, и сестер около нее стал молодой батюшка о. Петр Белавский (1892-1983), служивший в это время в Александро-Невской церкви в Тайцах, в четверти часа езды по железной дороге. У него подолгу жил архиепископ Гдовский Дмитрий (Любимов), представитель митрополита Иосифа (Петровых) в Ленинграде.

Матушка Мария благословила служившего “нелегально” у нее в комнате, исповедовавшего и причащавшего ее о. Петра складнем с изображением Спасителя, Св. Георгия Победоносца и Пресвятой Богородицы, который у него чудом сохранился в тюрьмах и ссылках. Духовное окормление о. Петра длилось без малого три года – осенью 1929 г. он вместе с архиепископом Дмитрием (Любимовым) был в Тайцах схвачен чекистами и затем отправлен на Соловки. Недолго, около двух лет, оставалось пробыть на свободе и самой матушке Марии...

Она была арестована 17 февраля 1932 года в ходе акции по “изъятию монашек и монахов”, которую ОГПУ проводило тогда по всей стране. Привезенной на грузовике из Гатчины неизлечимо больной калеке предъявили обвинение по ст. 58-10: “Участвует в нелегальных собраниях, где читает Евангелие, на которые приглашается местное население, и в беседах на религиозные темы ведет антисоветскую агитацию”. Действительной причиной ареста было огромное духовное влияние матушки Марии.

Как удалось документально установить, страдальца скончалась в больнице 25 октября на Фонтанке (бывшей Александровской) 5 апреля 1932 года (5 апреля Православная Церковь празднует день памяти мученицы Лидии) после приговора от 22 марта, вынесенного выездной сессией коллегии ОГПУ: “Лишить права проживания

на три года (в центральных и пограничных областях) с прикреплением к избранному месту жительства”, что означало высылку в глухую провинцию. тамошние врачи поставили ей свой диагноз: “больная страдает ревматизмом и подагрой в течение двадцати лет, настолько в сильной форме, что находится в вынужденном лежачем состоянии на спине в течение всего времени своей болезни. В настоящее время она представляет из себя редкую уродливость, и болезнь ее в данном состоянии неизлечима”. На основании этого диагноза в больнице монахиню подвергли мучительным операциям: подрезали сухожилия... Передачи в больницу принимали “в течение месяца. А затем однажды передачи не приняли и кратко сообщили: “умерла в госпитале”. Из Александровской больницы усопшую выдали двоюродной сестре для погребения на Смоленском кладбище, предупредив сделать это без большой огласки.

Весть о том, где похоронена праведная Мария Гатчинская, быстро разнеслась по городу и его окрестностям, и скромная могилка вскоре стала местом паломничества для многих православных людей.

Ее младшая сестра Юлия Александровна Леянова арестованная вместе с м. Марией, была освобождена только в 1953 году на содержание в доме престарелых (тогда он назывался «дом хроников»). Власть, которая отнимала при аресте у человека все, освобождала его только на руки родственников или на содержание в дом хроников. Здесь ее обнаружила Ксения Васильевна Белавская, супруга настоятеля Павловского собора о. Петра Белавского, и забрала ее в свой дом. Это был своего рода подвиг, на который не решился и сам о. Петр: они жили в утепленном кое-как

летнем флигеле, состоящем из двух комнат, в коридоре, по стене которого струилась вода, на сундуке спала алтарница Александра Ивановна Савина. Юлии Александровне выделили “настоятельский кабинет”, но она не долго стесняла Белавских – через два месяца она умерла.

В 1981 году Русская Православная Зарубежная Церковь прославила Марию Гатчинскую в сонме Новомучеников и Исповедников Российских.

Св. Синод Русской Православной Церкви Московского Патриархата в ходе летней сессии 17 июля 2006 года в Троице-Сергиевой лавре включил в Собор новомучеников и исповедников Российских XX века имя монахини Марии (Леяновой). На этих же заседаниях Синода было принято решение объединения Русской Церкви с Русской Церковью За границей.

30 марта 2007 года мощи Марии Гатчинской были перенесены в Павловский собор г. Гатчины.

Такая долгая подготовка к канонизации объясняется тем, что преподобномученица принадлежала к иосифлянам. Матушка даже советовала православным вообще не ходить в храмы, где поминают митрополита Сергия вместо самого Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра (Полянского), которого он замещал, и строго порицала поведение митрополита Сергия.

ПОСЛЕДУЮЩАЯ СУДЬБА ПОКРОВСКОГО СОБОРА

В 1929 году Покровское подворье, в котором было 50 сестер, было закрыто, но часть монахинь (18 человек) осталась жить вместе “по прежним правилам, только сняли с себя монашескую одежду”, в подворском доме или по квартирам, в частности у быв-

шего статского советника Алексея Алексеевича Епанчина. Двадцатка платила им ежемесячно 200 рублей за обслуживание Покровской церкви. У А.А. Епанчина дочь Надежда была монахиней Нежадовского Покровского монастыря, который тоже был разогнан в 1929 году. Монахиня Надежда вернулась в дом отца вместе с игуменьей Евфросинией (Арсеньевой) и сестрами. Так встретились на одной квартире монахини двух Покровских монастырей. После высылки игуменьи Феофании старшей на подворье стала матушка Тавифа (Евдокия Максимовна Максимова), сестра неутомимого жертвователя монастыря Ивана Максимова.

18 февраля 1932 года в ходе акции по “изъятию монашек и монахов” были арестованы все монахини подворья. Затем последовали в ссылку девушки из Иоанновского кружка. В 30-е годы Покровский Собор и Пятогорский Богородицкий монастырь были окончательно закрыты. Собор превратили в склад.

Протоиерей Петр еще памятен многим верующим по Гатчинскому собору и Мариенбургской церкви, где он после войны служил долгие годы. Вокруг вернувшегося в родные места о. Петра собрались уцелевшие сестры бывшего Иоанновского кружка: Харитоновна, Лукичева, Тимофеева, Юрова (Вейерт). Ольга Эдуардовна отбывала ссылку в дер. Юрово Новгородской области вместе с монахинями Нежадовского монастыря. По названию деревни она и сменила свою немецкую фамилию. Вернулась в Гатчину она не только с новой фамилией, но и с подругой по ссылке, Александрой Эдуардовной. Они стали жить как сестры в Мариенбурге, где Ольга Эдуардовна служила регентом в Мариенбургской церкви до самой своей смерти в 1966 г.

В Гатчине в живых до весны 1995 г. оставалась одна Мария Петровна Харитоновна, слепая девяностолетняя старица...

В 1987 году был составлен проект переоборудования собора в концертно-выставочный комплекс и кинотеатр. Господь не допустил дальнейшего осквернения храма.

В 1990 году Собор передан православной общине, и в 1991 году состоялось первое богослужение в приделе Святого благоверного князя Александра Невского, и с этого времени богослужения в соборе не прекращались, несмотря на масштабные восстановительные работы. В «подвальной» части собора создан нижний храм в честь Святого Иоанна Кронштадтского. В 1914 году здесь только планировался нижний храм в честь Иоанна Предтечи и мученицы Лидии.

Полностью восстановлено внутреннее убранство храма; выстроены помещения в «подвальном» этаже: кроме нижнего храма, имеются обширные лекционные залы и служебные помещения.

Литература:

Антонов В. Она имела дар утешения. // Старая Гатчина: Исторические очерки. Архивные исследования. Воспоминания. Литературные материалы /Сост. А.В. Бураков. – СПб. Лига. 1996. – с.189 – 195.

Смолин Иоанн, прот. Дневник. Джорданвилль. – 1991.

Якимова Н.В. Историко-методическая записка по Покровскому подворью Пятогорского Богородицкого монастыря в городе Гатчине. – Л: Лениблпроект, 1989. – (Машинопись).

Антонов Владимир. Вохоновский и Пятогорский монастыри // Санкт-Петербургские Епархиальные ведомости. – 2001. – Вып. 23-24.

Носков А.В. Гатчина. – (Машинопись).

Новиков Валерий. Вохоново. – (Машинопись).

Польский Михаил, протопресвитер. Новые мученики Российские // Светлячок. – 1990.

ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ В ГАТЧИНСКОМ РАЙОНЕ

Зоя Бобкова

В деревне Вохоново Сяськелевской волости сейчас возрождается храмовый комплекс с женским монастырем. Место это давно намоленное. В 1884 году местный помещик А.П. Платонов, внебрачный сын Платона Зубова, вместе со своей дочерью Натальей пожертвовал Новодевичьему монастырю 6,5 десятины земли для обустройства скита для больших монахинь. Монастырь был посвящен святой равноапостольной Марии Магдалине. Через девять лет он отделился и стал самостоятельным. Первой игуменьей была Аполлония. Она – из знаменитого рода Ушаковых.

В 1930 году женский монастырь закрыли. В ночь с 18 на 19 августа 1941 года в монастыре и округе скопилось много немецких войск и прямой наводкой, ориентируясь на высокую колокольню, из Ленинграда стала бить артиллерия. Врагов было уничтожено много, но церковь сгорела дотла.

Сейчас на этом месте возрождается храмовый комплекс. Когда на холме, где стояла церковь, стали производиться раскопки, первое что было найдено, это ключ от церкви.

– Как будто нам в руки, – рассказывает местная жительница Валентина Петровна Шмакова, – сама Мария Магдалина вложила ключ. Берите и восстанавливайте. Пришли мы сюда четыре года назад, трава стояла по пояс, пели птицы, на холме раскопали фундамент храма. Рядом до сих пор лежит решетка от окна, сквозь нее уже выросла большая береза. Здесь, в женском монастыре, жило 177 мона-

Церковь
преподобного Силуана Афонского
в Вохонове.

хинь, были иконописная и богатейшая золотошвейная мастерские.

К сегодняшнему дню уже отстроен небольшой храм, посвященный святому преподобному Силуану Афонскому. Построен также келейный дом, где живут пока только две монахини. Заканчиваются работы по благоустройству второго храма – Успения Божией Матери. Первым жертвователем на этот храм был выходец из местных жителей С.В. Покровский. Связь поколений существует – его прабабушка спасла в свое время от расстрела двух монахинь из этого монастыря. Внесла свою лепту в восстановление храма и Ольга Трофимова, генеральный директор гатчинской фирмы «Атлант».

Будут восстанавливать и основной храм святой равноапостольной Марии Магдалины, что сгорел во время войны.

ЦЕРКОВЬ ТИХВИНСКОЙ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ В СИВЕРСКОЙ

Людмила Ильюнина

Престольный праздник Тихвинской иконы Божией Матери в Сиверской. Фото Л. Ивановой.

Макушка лета, июль радуется многими праздниками. И среди них особенно дорог престольный праздник Тихвинской иконы Божией Матери в Сиверской — 9 июля. Проходит он всегда на радостном подъеме. Светло-печальный лик Божией Матери в этот день украшают цветами, и каждый год венки бывают разных оттенков. Иногда преобладает розовый и красный свет, иногда белый, иногда голубой и синий. И происходит это как-то само собой — какие цветы через людей Бог пошлет в этот год на украшение иконы, в таком наряде Она и появится. Икону в этот день ставят на специальные (еще с давних времен сохранившиеся) носилки, за длинные ручки спереди и сзади носилок, икону несут во главе крестного хода четверо мужчин. Весь народ поет тропарь, а настоятель протоиерей Алексей Терен-

тьев кропит народ святой водой... Кропит, это, пожалуй сказано формально, на самом деле батюшка с головы до ног окатывает идущих крестным ходом вокруг храма прихожан. Каждого приветствует отдельным кроплением-окатыванием на крыльце храма, когда крестный ход уже заканчивается. И, промокшие насквозь дети и взрослые, все по-ребячьи смеются — ведь вода благодатная, живая!

Тихвинский храм в Сиверской никогда не закрывался, и поэтому несколько поколений верующих людей связаны с ним по жизни. И те, кто на дачу приезжает из года в год — некоторые с детства до глубокой старости, и те, кто в Сиверскую из Петербурга переехал жить насовсем, полюбив это замечательное, исторически и природно богатое место. Потому на празднике здесь всегда бывает особенно многолюдно, и

стар и млад, и каждый всякому рад. Хотя прихожан в нашем храме бывает много не только летом, но и в любое время года, «дачным» Тихвинский храм не назовешь. Люди тянутся сюда из-за уютной, семейственной атмосферы, которую чувствует всякий, кто хоть однажды побывает у «Царицы Небесной Тихвинской». Вероятно, это связано с историей храма, атмосфера семейственности, заботы о детях была заложена в его основание.

Храм был основан Санкт-Петербургским Обществом вспомоществования бедным в 1897 году. Инициатором строительства был настоятель храма Покрова Божией Матери в питерской Коломне протоиерей Василий Акимов. Храм первоначально был домовым — существовал при летнем приюте девочек-сирот с ослабленным здоровьем. На первом этаже здания располагались учебные комнаты, спальни и трапезная, на втором — храм. Так это и сейчас. Только на первом этаже живет семья настоятеля.

Специально для храма были написаны чудные иконы, чувствуется одна рука искусного иконописца во всех образах, украшавших молитвенное помещение, интерьер был продуман до мелочей: резные киоты и иконостас, подсвечники, лампы, цветные стекла в окнах — все в одном стиле.

...Но теперь приходится сказать и о грустном. Прошедшее время в рассказе о храме употреблено нами не только потому, что мы рассказывали о его первоначальной истории, но еще и потому, что тот облик, который еще три года назад ни чем не отличался от только что описанного, теперь не существует в полноте.

Весной 2007 года в храме произошел пожар. Сгорела колокольня, часть чердака и крыши, главный молитвенный зал сильно пострадал от воды. Сейчас

Прихожанин. Фото Л. Ивановой.

богослужения проходят в небольшом Троицком пределе, который хранит иконостас закрытой в годы революции церкви в честь Святой Живоначальной Троицы в Сиверской.

За прошедшие после пожара три года многое удалось восстановить и даже преукрасить. Заново отстроенная колокольня стала намного выше и красивее, чем прежняя, на звоннице появился полный набор колоколов (чего не было до пожара), в храме настелили новый пол и потолок. Но все-таки полное восстановление храма еще не закончено. Поэтому мы надеемся, что те, кто прочтет эту заметку, и те, кто приедет в Тихвинский храм на престольный праздник, или же в любой субботний и воскресный день захочет помолиться перед чудотворной иконой Божией Матери, постараются внести свою посильную лепту в дело возрождения былой красоты нашего храма.

Часовня на Дружносельском кладбище

«Время разбрасывать камни и время собирать» — это древнее библейское изречение имеет прямое отношение к нашей недавней истории и современности. Сколько разбросано, разметано было святых камней в годы революционного лихолетья. «Мы старый мир разрушим до основания...» пели наши деды. И заплатились потом за это — мало счастья выпало на их долю: война, полуголодное бесправное существование, грустная одинокая старость.

Но сейчас настало время собирать камни, восстанавливать разрушенное и таким образом исправлять ошибки наших предков. И молиться о них,

просить у Бога прощения их душам. Этому святому делу служат прежде всего кладбищенские храмы и часовни. В прежние времена они стояли на каждом кладбище. Теперь эта традиция восстанавливается.

4 июня 2009 года в Сиверской на Дружносельском кладбище была освящена часовня в честь Святой Живоначальной Троицы. Это посвящение часовня получила в память о Троицком храме, который находился неподалеку и был уничтожен теми, кто «разбрасывал камни». Теперь их внуки могут помолиться о нашедших упокоение на старинном кладбище. В праздник Святой Троицы в часовне была отслужена первая панихида, теперь молитва здесь будет совершаться постоянно.

Сам облик часовни радует глаз и душу — легкая, с ажурной резьбой и металлическими коваными дверями, украшенная иконами, написанными в древне-русском стиле, — по архитектуре она напоминает храм свв. Ап. Петра и Павла в Сиверской, Вероятно, так и было задумано архитектором Сергеем Владимировичем Цыпиным, тем более, что опекает часовню настоятель Петропавловского храма в Сиверской — протоиерей Сергей Ломакин.

Жители Сиверской приносят особую благодарность Поселковому Совету, выделившему землю под застройку и всем, кто потрудились и внесли свою лепту в это строительство, которое свидетельствует о вечной истине: «Не хлебом единым жив человек». То есть человеку на земле важно думать не только о личном комфорте и удачливости, но и помнить о вечности, о своих предках, хранить и создавать красоту.

НЕЛЕГКАЯ СУДЬБА ХРАМА

К 200-летию юбилею церкви в Орлино

Алла Антакова

История возникновения Спасо-Преображенской церкви в селе Орлино обращает нас ко временам глубокой древности. Первые документальные упоминания о ней в письменных источниках, дошедших до наших дней, относятся к 1499 году. В те времена Орлино было не просто скромной, небольшой деревушкой, а являлось церковно-гражданским, административным центром довольно обширного пространства: оно было погостом.

Слово «погост» в Древней Руси имело два значения. С одной стороны, оно обозначало определенную часть подчинявшейся великому князю территории, правительственный округ, на которые подразделялась вся его земля. Летописи указывают, что такое деление Русской земли на погосты было введено еще святой княгиней Ольгой для удобства взимания дани и для других общегосударственных целей. С другой стороны, погостом называли также и самый центр территориального округа, игравший роль главной его местности, наподобие того, как сейчас каждый район области имеет свой районный центр.

Погост в смысле административного центра необходимо предполагал наличие в нем храма, ибо погост являлся также центром и церковной жизни. В те давние времена Орлино называлось «погостом Спасским Орлинским». В старину твердо соблюдалось то начало, что храм в главном селении погоста составлял просветительский центр церковной и общественной жизни

Орлино.
Храм Преображения Господня.
Фото Ильи Савицкого.

ни всей округи. На старинном языке такой главный храм носил название «становой церкви», прочие церкви погостского округа назывались «выставочными». Вот о такой становой Преображенской церкви и указано в 1499 году в писцовой книге Вотской пятины Новгородской земли. Храм был поставлен деревянным, построен исключительно прихожанами, что называлось, миром.

Судьба Орлинского погоста и его церкви была печальнее других: вместе с прочими 25-ю погостами, а всего в

Новгородской земле их насчитывалось около 75, он был завоеван шведами и на долгие десятилетия оказался под их властью. По Столбовскому мирному договору 1617 года вся Ингерманландия с ее четырьмя крепостями Ивангородом, Ямом, Копорьем, Орешком и с их уездами отошли к Швеции. К числу погостов Копорского уезда относился и погост «Спасский Орлинский». Господство иноземцев в крае продолжалось до начала следующего столетия, до возвращения этих земель России в ходе Северной войны, предпринятой Петром Великим.

Орлинский погост пострадал от шведского владычества весьма сильно. От тех времен сохранился в 15-ти километрах от Орлина уникальный, единственный в своем роде памятник, — пограничный камень, которым обозначали когда-то русско-шведскую границу. Он представляет собой огромный гранитный валун. Со шведской стороны на нем высечены три короны, а сторону русскую обозначил восьмиконечный православный крест. Так исконными символами Православия очерчивали когда-то свое пространство правители Руси.

В разное время владельцами Орлина были генерал И.И. Бутурлин, барон А. Фридерикс. В 1807 году новая хозяйка села — графиня Анна Стефановна Протасова — обратилась к правящему архиерею с просьбой разрешить ей на свои средства перестроить старую церковь. Разрешение было получено. Прежняя приходская церковь, деревянная и малых размеров, обветшала и пришла в окончательную негодность. Новый храм, каменный, строился чуть больше года, освящен 29 сентября (старый стиль) 1809 года.

В торжествах по случаю освящения Преображенской церкви участвовала императрица Елизавета Алексеевна, супруга Александра I. Именно она в июле 1808 года заложила пер-

вый камень в основание новой церкви. До 1917 года возле Преображенского храма бережно сохранялся памятный знак пребывания государыни в Орлино — красивая каменная скамейка, на ней была укреплена чугунная надпись, извещающая, что «здесь отдыхала Ея Императорское Величество Государыня императрица Елизавета Алексеевна 8 июля 1808 года».

Орлинский приход состоял из жителей 11 близлежащих деревень и включал в себя более двух тысяч прихожан. Помимо этого, к приходу было приписано три часовни: Никольская в Лампове, Косьмодемьянская в Заозерье и св. мученицы Стефаниды в Дружноселье.

Приход вел большую образовательную деятельность, об этом указано в «Историко-статистических сведениях» по Санкт-Петербургской епархии XIX века. Школ при приходе было шесть: самая крупная — в Орлино (устроена старостой храма — графом Николаем Сергеевичем Строгановым), а также земская в д. Лампово, Островская, земская в д. Большево, в д. Ижорка, на стеклянном заводе Ритинга.

Кроме того, настоятель — священник Николай Фроловский — учредил ежегодно совершать крестный ход в Гатчину в день памяти Гатчинских святых (12/ 25 октября). Крестные ходы собирали более тысячи верующих. На протяжении 35 верст пути до Гатчины крестоходцы непрерывно пели церковные песнопения, тон задавал хор певчих, редко можно образцовый для деревни и завидный даже для города. Такие общие многодневные шествия очень объединяли народ, поднимали волну религиозного воодушевления.

Другим направлением пастырской деятельности Орлинского настоятеля была забота по искоренению недуга пьянства среди населения и поднятие культурного уровня прихожан. Для этого священник основал в Орли-

но «Братство во имя Преображения Господня», учрежденное в 1903 году епархиальной властью. Настоятель проводил беседы, лекции, собрания. Через два года плодотворной работы в Братстве состоялось более двухсот человек, борющихся при духовной поддержке с пагубной привычкой (182 человека стали трезвенниками). Батюшка не остановился на достигнутом: вместе с членами Братства он открыл в селе чайную-читальню и библиотеку, хорошо ее обустроил. За два только месяца читальню посетили 807 человек (из отчета Братства за 1903 год).

Сельский пастырь очень объединил население, оказывал внимание каждому человеку. Там, где встречал недостатки, нужду, туда и старался он направить свои труды. Заботливое отношение духовенства к людям и попечение очень ценили прихожане. Наверное, именно такими священнослужителями — бескорыстными, справедливыми, крепкими в вере — и выстояла Церковь в годы гонений и репрессий, ими, вероятно, держится и в настоящее время.

Трудно подыскать в истории нашего Отечества такой период, который по своему трагизму и по своим разрушительным последствиям мог бы сравниться с XX столетием. В минувшем веке была предпринята беспрецедентная попытка уничтожить душу нации. Причем уничтожить не внешним ударом, а изнутри. Яд безверия многое натворил, последствия этого явления мы все до сих пор ощущаем. Русский народ как бы впал в одержимость, отказался от своей генетической памяти, от своего родословия, от своих традиций. Годы лихолетья вытравили из людских душ духовное начало. И только Православная Церковь в России, претерпевшая страшные гонения, в новых исторических условиях продолжает свою миссию, свое служение.

Орлинский приход пережил участь

многих поруганных храмов. Последний перед закрытием церкви священник Владимир Смирнов, получивший назначение в приход в 1911 году, был арестован в 1938 году. Через три года село оккупировали фашисты. Немецкое командование разрешило Преображенский храм открыть, при этом, конечно, ведя свою политику: оккупантам нужен был укрепленный, «спокойный» тыл.

После Великой Отечественной войны церковь в Орлино вновь закрыли. Двенадцать лет приход боролся за свою жизнь: верующие писали письма М. Калинин в ВЦИК, К. Ворошилову в Президиум Верховного Совета. Все было безрезультатно. Возобновившиеся гонения на Церковь с приходом к власти Н. Хрущева положили конец переписке.

Дальнейшая судьба храма складывалась привычно для церкви России в советский период: изуродованную и оскверненную, церковь использовали под склад, клуб, кинотеатр, танцплощадку...

В начале 1990-х вновь созданной православной общине было передано церковное здание, вернее, то, что от него осталось, — разрушенные помещения, без купола и креста. И люди стали восстанавливать святыню. Конечно, былого благолепия и красоты пока в Преображенском храме нет. Сельский приход небольшой, но крепкий. Реставрация идет медленно из-за скудных материальных средств. Но — за все слава Богу. В конце концов, не во внешнем восстановлении заключается суть церковной жизни. Неоценимое благо уже в том, что часть жителей Орлина и близлежащих деревень нашли свою дорогу к Храму. А это значит — духовное преображение людей начинается.

В публикации использованы материалы исторического очерка о храме в Орлино иеромонаха Нестора (Кумыша).

ЦЕРКОВЬ

СВЯТОЙ ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЫ

ЕКАТЕРИНЫ

В ПОГОСТЕ КАЛОЖИЦЫ ВОЛОСОВСКОГО РАЙОНА

Наталья Жданович

Церковь святой великомученицы Екатерины строилась как домовая в 1850-1859 гг. князем Д.И. Долгоруковым. В 1876г. к ней была пристроена колокольня. В 1938 г. церковь была закрыта. Во время немецкой оккупации в 1942-1945 гг. в церкви шла служба.

До 1505 г. на этом месте стояла деревянная церковь Покрова Пресвятой Богородицы. В XVII веке разорена шведами. Кроме этих скурых сведений, взятых в справочнике памятников архитектуры Ленинградской области, бытуют легенды и воспоминания старожилов. Из них мы узнаем, что церковь святой великомученицы Екатерины была построена в 19 веке князем Долгоруковым в память о его молодой жене, скончавшейся от чахотки в первый год их семейной жизни. Звали жену Екатерина и церковь возвели в честь святой великомученицы Екатерины. Князь подарил храму иконы в серебряных ризах. Поблизости стоял домик для священника и псаломщика.

Церковь окормляла несколько окрестных деревень, в том числе и Хотыницы, где в начале 19 века учился в школе будущий архимандрит Исаакий (Иван Виноградов).

Здесь места неразрывно связаны с его именем. Отец архимандрита Исаакия, Василий Васильевич Виноградов, родился в деревне Кряково, в 12 верстах от деревни Хотыницы.

Окончив Учительскую семина-

Адхимандрит Исаакий.
Город Прага.
Фотография 1940-х годов.

рию в городе Гатчине, получил место учителя в земской начальной школе в деревне Хотыницы, где преподавал в течение 39 лет и где нашел последний приют (в погосте Каложицы). Во время учительства был регентом хора в церкви святой великомученицы Екатерины. В хоре принимали участие ученики школы, окончившие ее, а часто и их родители. Все члены семьи Виноградовых с малых лет пели на клиросе. Василий Васильевич Виноградов хорошо играл на скрипке и фисгармонии. Любил пение, любил храм Божий. Эта любовь привела его

к встрече с Анной Ивановой Лихачевой в селе Скворицы (Никольское) Гатчинского уезда Петербургской губернии. На съезде учителей в Гатчине, который проходил в весеннее время, торжественно отмечался День памяти Святителя Николая. Из съехавшихся учителей образовался хор певчих, в котором приняли участие родители архимандрита Исаакия, оба одинаково почитавшие этого святого. До этого времени они не были знакомы. Впоследствии родители Вани Виноградова любили говорить, что сосватал их Святитель Николай, придорожная икона с изображением которого до наших дней сохранилась в деревне Кряково Волоsovского района, где родился Василий

Придорожная икона с изображением
Святителя Николая в д. Кряково

Васильевич Виноградов. Этот великий угодник Божий был также покровителем архимандрита Исаакия в течение всей жизни.

Свою любовь к пению и музыке родители передали сыну.

Архимандрит Исаакий так вспоминает о периоде своего раннего детства: «Так как папа был регентом, а мама пела в хоре, то буквально с пеленок я уже присутствовал на богослужении, часами лежа на хорах и засыпая под звуки церковных песнопений, а иногда и «подпевая» им». Когда Ваню Виноградова спрашивали кем он станет,

когда вырастет, мальчик неизменно отвечал, что будет священником. Во

Ваня Виноградов – ученик
1-ого Реального училища
(1-ый курс).

времена его детства в церкви святой великомученицы Екатерины батюшкой был молодой отец Михаил Петропавловский, который принимал первую исповедь будущего архимандрита Исаакия. Кроме того, отец Михаил преподавал Закон Божий в школе деревни Хотыницы. Сменил отца Михаила отец Николай Орнатский, брат известного настоятеля Казанского собора в Санкт-Петербурге – отца Философа Орнатского. После отца Николая Орнатского в Каложицах служил Михаил Добронравин.

Отец Исаакий вспоминал, что в начале 20 века в церковь святой великомученицы Екатерины к престольному празднику по особому приглашению ктитора Фомы Алексеевича приезжал служить Литургию отец Иоанн Кронштадтский. Прощаясь, отец Иоанн раздавал крестики, иконки, книжки. Благословляя Ваню Виноградова, подарил ему небольшого формата Евангелие от Луки. Отец Исаакий считал, что подарок этот не был случайным, и

Церковь святой великомученицы Екатерины.
Фото 2005 г.

что отец Иоанн провидел его поступление в Духовную академию, и именно в Петербургскую, так как в ней изучалась история церкви. Апостол Лука в своих Деяниях дал образец истории Церкви в апостольское время.

Архимандрит Исаакий.
Фото 1950-х гг.

В советский период после Великой Отечественной войны церковь святой великомученицы Екатерины была обезглавлена и превращена в клуб. До

недавнего времени печальную картину являли собой эти места, столь богатые историей: опустевшие деревни, разрушенные скотные дворы, заброшенные погосты с забытыми могилами.

Но ход истории меняется. Стараниями отца Гурия и других местных подвижников началось медленное возрождение памятников, казалось бы навсегда утраченных.

Кроме церкви святой великомученицы Екатерины реставрируются и другие церкви Волосовского района.

Неподалеку от Каложиц — церковь Успения Пресвятой Богородицы 1823-1840 гг. архитекторов О.В. Брема и К.И. Брандта в деревне Большая Вруда. Храм дважды закрывался: в 1938 и в 1961 годах (открыли во время немецкой оккупации). До 1500 г. на этом месте стояла деревянная церковь, сгоревшая в 1810 году. А недалеко от границы с Гатчинским районом в деревне Волгово, стараниями отца Евгения начата реставрация церкви святой Ирины. Церковь, носящая имя этой святой, единственная не только в Ленинградской области, но и в России.

Библиография:

1. Под сенью любви. Архимандрит Исаакий (Виноградов)/ Сост. А.В. Окунева. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2000.
2. Справочник памятников архитектуры Ленинградской области.
3. Архив Александро-Невской лавры
4. Письма архимандрита Исаакия.

ПРИРОДНЫЕ БОГАТСТВА

*...никогда не разорвутся звенья
Между душой и прелестью земли!*

В.Я. Брюсов

ЦВЕТЫ ЕЛИЗАВЕТИНСКОЙ ЗЕМЛИ

Татьяна Иванова

*Рано утром иду через Борницы
До карьера дорогой лесною...
Шмель жужжит,
и порхают лимонницы —
Оживает природа весною.*

*Над подснежником —
пчелка-цветочница.
Оседает пыльца желтой пудра...
После долгой зимы очень хочется
Облететь все цветы в это утро!*

*Приглядись —
и заметишь мгновения
Тайной дружбы
и радостной встречи.
Чтоб увидеть,
встаю на колени я —
Каждый шмель и цветок
мною замечен...*

*Смотрим мы на цветы
с точки зрения
Красоты их для сада, букета.
А ведь, в сущности, для опыления
Сам Создатель придумал все это:*

*Пятна, полосы, крапинки,
крестики;
Путь к сюрпризу
с душистым нектаром...
Ждут гостей. Угощение — даром!*

Всю свою жизнь человек соприкасается с цветами. Они уместны и в минуты радости, и при печальных обстоятельствах. Мы любим красоту цветов, наслаждаемся их ароматом, удивляемся разнообразию окраски. И не только в садах, оранжереях или

в цветочных магазинах. Если выйти на луг, в поле или на опушку леса в окрестностях Елизаветина солнечным июльским утром, можно увидеть многокрасочный пестрый мир цветущего разнотравья. Что это и почему? Здесь же никто не занимается выведением новых сортов!..

С ботанической точки зрения цветок — это особый орган растения, после которого образуется плод с семенами, помощниками продолжения жизни. Но, чтобы плод завязался, необходимо опыление. И это — великая тайна природы. Каких только способов опыления ни существует! Ветром, насекомыми, птицами, водой и даже... летучими мышами! Но мы приоткроем лишь одну потайную дверцу этого загадочного мира и посмотрим, почему насекомые летят к цветкам. Что их привлекает?

...По обочинам дорог и вдоль железнодорожной насыпи можно встретить невысокие желтые растения, похожие на декоративный львиный зев. Это льнянка. Цветки у нее — необычные. И не только из-за оранжевого зевика, который можно раскрыть, аккуратно сдавив цветок пальцами.

Льнянка

Льнянка имеет шпорцы на цветках. Это — особые выросты, наполненные нектаром. Чтобы добраться до душистого нектара, насекомому нужно либо вползти в венчик цветка, либо просунуть туда голову. А этого только и ждут! Тычинки и пестики уже задеты, цветок опыляется. Но здесь без хитростей не обходится. Некоторым осам не хочется проделывать эту утомительную работу — влезать внутрь цветка льнянки. Они подлетают к шпорцу сзади..., прокусывают его и высасывают нектар! Такие же шпорцы имеют настурция, недотрога (бальзамин), некоторые орхидеи — любки, кокушники (о северных орхидеях читайте в альманахе «Оредеж» № 5, 2008 г., с.182–183), дельфиниум и аквилегия (водосбор) в наших цветниках.

На полях и огородах елизаветинской земли можно встретить растения с необычными зелено-желтыми цветками, собранными в зонтикообразные соцветия, — молочаи. Эти растения нектар не прячут, а выставляют его, как на блюде, в центре венчика. Пожалуйста, прилетайте, угощайтесь, а заодно и опыляйте! Молочаи выращивают и как культурные (сортовые) растения в садах, на кладбищах, и как комнатные растения. Ради интереса наблюдайте за особенностью цветков молочая. Капельки нектара часто даже блестят на солнце!

Нектар — это пища для насекомых так же, как и пыльца. Но бывает и еще кое-что для лакомства.

... На небольшом участке земли между зданием ПУ-43, жилыми домами по улице Парковой и местной котельной густо разрослись лебеда, полынь, листья мать-и-мачехи, лопух и донники. Но вот среди этой, не слишком «культурной» зелени, вы замечаете крупные желтые цветки, как бы приклеенные к высокому стройному стеблю.

Коровяк

Это коровяк. Цветки коровяка имеют необычное лакомство: буро-вишневые съедобные волоски на тычинках — такое вот приспособление, привлекающее насекомых. При посещении этих цветков насекомые лакомятся и помогают опылению.

Но это еще не все. Оказывается, для «удобства» насекомых многие цветки имеют специально размеченные «посадочные» полосы, пятна или площадки.

И здесь нельзя не удивляться! По меткому выражению одного ученого, это как «вывеска перед рестораном для привлечения посетителей». Причем у разных растений в этом случае

Фиалка

приспособления очень разнообразные. Полоски, яркие пятна или замысловатый узор, точки и черточки в центре

Орхидея

Очанка

цветка или на лепестках (фиалки, вероника, многие орхидеи). Контрастное пятно на нижних лепестках перед входом внутрь цветка (будра, очанка, лобелия). Множество мелких цветков, собранных в соцветия для усиления эффекта (тысячелистник, клевер, лопух, одуванчик, спирея). Многие

Одуванчик

Спирея

сложноцветные (васильки, ромашки, нивяник, цикорий и др.) имеют соцветия

Василек

Нивяник

тия, в которых мелкие цветки собраны в корзинку, где только краевой цветок, язычковый, имеет лепесток для привлечения насекомых, а тычинки и пестики расположены на внутренних, безлепестковых цветках — это как у подсолнуха. Вспомним, где образуются семечки?

... Интересную картину как-то удалось наблюдать, идя на станцию по Дылицкому шоссе. Обочины дороги очень украшал росший среди полыни сиреневый короставник, который

Короставник

часто называют «скабиоза», потому что путают эти растения (скабиоза — желтая!). Малюсенькие цветочки короставника, собранные в соцветие, имеют форму трубочки или воронки. Поэтому только шмелям и бабочкам с их длинными хоботками под силу достать нектар из цветочка, а значит и опылить его. Каждую пушистую головку короставника буквально облепили пестрые бабочки. С таким усердием и аккуратностью они погружали свои хоботки в цветки и лакомились

нектаром, что невольно приходилось останавливаться и фотографировать это событие. Уж больно много их там собралось! Лакомясь нектаром, бабочки тоже опыляют растения, но их привлекают только определенные цвета: ярко-розовый, красный, лиловый, желтый.

... Весна! Дорога идет на Пятую гору через Дылицы, затем — по лесу. Вдоль дороги, у самой кромки леса — очень похожий на какой-то горошек сочевичник весенний. Горячо любим шмеля-

Сочевичник

ми, особенно, после долгой зимы. Как будто сочевичник это знает! Он «приготовил» свои сигналы для любителей полакомиться весенним нектаром: цветки, после того, как их опылили, сразу меняют свою окраску с фиолетовой на синюю. Не тратьте, мол, силы, не летите и не садитесь. Здесь уже нектара нет! Что-то похожее мы, кажется, уже видели. Точно! В Дылицах около забора рос окопник, на котором тоже сидело много шмелей. И так же цветки были окрашены в разные цвета, но наоборот: синий — «Вас ждут!», розовый — «Не садитесь!».

... А тремя неделями раньше в этом же лесу цвели растения, которые распускают свои цветки еще до появления листьев. Это очень привлекает самых ранних пчел-цветочниц и шмелей. Леса, поляны, парки Елизаветинской волости, придорожные кусты и даже некоторые участки около домов ранней весной сплошь усеяны цветущей

перелеской (печеночницей). Реже по-

Перелеска

падают в лесу невысокие кусты Волчьего лыка, очень красиво цветут

Волчье лыко

шего, но ядовитого! Здесь же можно увидеть невзрачные светло-желтые цветки селезеночника и, если повезет, копытень покажет нам свои необычные, темно-бордовые, в зеленых «кулечках» цветки у самой земли. А уж с медуницей и совсем встречи сейчас редки...

В отличие от яркоокрашенных венчиков, белые лепестки цветков характерны для тех растений, которые обитают под пологом леса, где не так светло, как на опушке или в поле. Это ландыш, седмичник, майник, кислица, ве-

Ландыш

Кислица

Ветреница

треница — самые часто встречающиеся в наших лесах растения. Для привлечения насекомых-опылителей необходимо как-то выделяться. Вот им и помогает белый цвет лепестков на темно-зеленом фоне.

Но встречаются и такие растения, которым как бы мало иметь окрашенные венчики цветков. У них контрастным цветом еще и прицветники окрашены. Это известное растение Иван-да-марья (марьянник). На тер-

Иван-да-Марья

ритории Борницкого карьера, в местах, где уже не ведется добыча доломитов, заросли марьянника похожи на яркий, пестрый толстый ковер с длинным, пружинящим ворсом — так

обильно разрастается это растение и хорошо себя чувствует. По наблюдениям ботаников Иван-да-марья любит меловые склоны, а доломит имеет почти такой же химический состав, как и мел. Может в этом и причина.

Если многие растения опыляются различными насекомыми, то некоторые могут опыляться только, напри-

Клевер горный

мер, шмелями. Это клевер. В соцветии клевера — множество маленьких цветочков в виде воронки или трубочки. Только шмели могут дотянуться до нектара своим длинным хоботком, а заодно и опылить (шмели переносят с цветка на цветок пыльцу, прилипшую к телцу). В том же карьере доломитов было замечено большое видовое разнообразие клеверов: луговой, розовый, горный, белый, альпийский... Видимо, шмелям есть, где потрудиться. Ведь кроме клеверов другое разнотравье там представлено более, чем двадцатью видами!

Что же еще? Ну, конечно, аромат цветков! Многие цветки пахнут для привлечения насекомых, особенно те, что распускаются ночью. Все мы знаем, какой аромат испускают душистый табак, ландыши, купальницы, любки, шиповник, сирень, липа...

А вот понюхайте как-нибудь соцветия наших любимых рябины, калины! Или цветки подмаренника, василистника. Запах несвежей рыбы, а иногда, извините, и туалета удивит ваш нос.

Рябина

Калина

Василистник

Ну, что ж! Не для нас стараются растения, а для своего о-п-ы-л-е-н-и-я. И на сей раз мухами, осами, жуками. Это их привлекает такое «амбре». А что делать? Приспосабливаться, так уж на все 100%! Иначе не выживешь и не дашь потомства...

На елизаветинских землях растут и другие растения, цветки которых опыляются иначе, да и цветами-то их в общепринятом смысле назвать сложно. Такие растения опыляются ветром. Это сосна, ель, лиственница: вместо цветков — женские и мужские шишки. Злаковое разнотравье — тимфеевка, лисохвост, мятлик, вейник, щучка и др. собирают свои мельчайшие, невзрачные цветочки в колоски различного вида (но они, подчас, очень декоратив-

Лиственница

ны!). Изящными сережками покрываются весной лещина (орешник), ольха, осина, тополь береза. Забавные «пуховички» появляются на ивах.

Некоторым же вообще никто не нужен. Эти растения имеют самоопыляющиеся цветки (горох, фасоль, некоторые виды фиалок; культурные растения — овес, пшеница, ячмень).

...Ну а дружба растений с насекомыми не ограничивается только опылением. Многие насекомые помогают потом распространять плоды, семена. И в этом случае растения тоже имеют очень интересные, а иногда и необычные приспособления. Но это уже — тема для другого рассказа.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ЦВЕТOK

Сергей Пузатых

В пятом номере альманаха рассказывалось о чудесных орхидеях, произрастающих в Гатчинском районе и изумляющих по весне своей необычайной изысканной красотой. Тему необыкновенных растений Гатчинской земли можно продолжить рассказом еще об одном удивительном растении.

Шла первая декада октября. Выходной день выдался солнечным, и я решил прогуляться по Орловой роще, бывших охотничьих угодьях графа Орлова.

Роща была на пике осеннего убранства. Как величественные царицы, стояли увешанные золотыми червонцами красавицы березки, залитые солнечными лучами, ветви кленов переливались янтарными оттенками и богато смотрелись на фоне небесной синевы, а бархатистые темно-зеленые ели, контрастируя с золотисто-янтарными оттенками, удачно дополняли роскошную осеннюю палитру рощи. Вверху в раскидистых кронах деревьев попискивала и перепархивала стайка шустрей синиц. Я вышел к месту под названием Пять Дорог и забрел на поляну. Высокая

трава пожухла, свалаялась и приобрела бежево-бурые оттенки. Только осыпавшееся с берез золото украшало ее. И вдруг мой взгляд привлекло что-то необычное. В густой увядающей траве я увидел бледно-сиреневое пятно. Вначале подумал, что фантик от конфеты. Подойдя поближе и раздвинув траву, я застыл в изумлении. На меня глядел красивый сиреневатого оттенка цветок, похожий на небольшую лилию. И это в октябре! Конечно, в садах и огородах в это время еще цветут астры, хризантемы и другие осенние цветы, но тут в лесу, на поляне, среди пожухлой травы и такое диво! Внимательно вглядываясь в густую траву, я обнаружил невдалеке еще несколько таких же удивительных цветков, незначительно отличавшихся только цветовыми оттенками. Какие-то были сиреневатые, какие-то голубоватые, а другие бледно-розовые. На мгновение увядающая осенняя поляна показалась мне усеянной майскими первоцветами.

Впоследствии я узнал от знакомого журналиста, Константина Иванова, что этот удивительный цветок называется безвременник осенний — многолетнее растение семейства Лилеевых. Родиной этого растения считают лесные поляны Северного Кавказа и заливные луга Юго-Западной Украины. Ботаники до сих пор не имеют единого мнения, каким образом это южное растение проникло на лесные поляны Северо-Западного региона. Некоторые ученые склонны считать, что оно появилось в этих местах в IX—X веках вместе с первыми славянскими переселенцами

и являлось у славянских жрецов культовым растением. Они высаживали эти цветы в местах, связанных с древнеязыческими капищами и использовали их в магических ритуалах. Ведь цветы эти, радуя взгляд нежным окрасом, являются ядовитыми, и из них могли делать как яды, так и лекарства. Безвременник осенний имеет еще несколько названий. В народе его называют и чертов хлеб, и паучий цвет, и собачья смерть, и луговой шафран, и зимовик. Но, пожалуй, самое экзотическое его название, связанное с древнегреческой мифологией, это колхикум, по названию древней местности Колхида, где побывал легендарный предводитель аргонавтов Ясон. По древнегреческой легенде, когда прикованному к скале Прометею орел клевал печень, падающие капли крови прорастали волшебными цветами, обладавшими чудодейственными свойствами. В реалии в клубнелуковице колхикума содержатся очень ядовитые вещества — колхицин и колхамин. Колхикум, съеденный коровой или лошастью, может привести к летальному исходу. Но эти ядовитые вещества служат на пользу биологам и генетикам. С их помощью выводятся новые сорта культурных растений, в том числе всем известного и многими любимого картофеля. Колхикум произрастает небольшими семействами, разбросанными далеко друг от друга. Кроме Гатчины встретить его можно и в Сиверской, и в Елизаветино. Не смотря на позднее время цветения, когда уже в основном массово перестают летать пчелы, мухи и многие другие насекомые, безвременник все же умудряется опылиться. Длинный пестик его заканчивается завязью, находящейся под землей в клубнелуковице. Там под слоем почвы и снега завязь зимует, а весной над поверхностью земли можно увидеть плоды — небольшие коробочки,

с виду напоминающие грецкие орехи.

Последний цветущий безвременник я обнаружил на той же поляне в начале ноября. Уже были ночные заморозки, и утром на траве серебрился иней, а из-под толщи серо-булой приямтой травы выглядывал удивительный нежно розовый цветок, похожий на маленькую лилию. Воистину доказывающий своим упрямым цветением силу Вечной Жизни! Эта ноябрьская встреча сильно всколыхнула мои чувства, и они вылились в стихотворение «Последние цветы»:

*Всегда мне волновали душу
Последние осенние цветы.
Когда уж тучи предвещают стужу,
С ветвей летят последние листья,
В траве пожухлой, яркими огнями,
Пылают лишь они одни,
Того, не понимая сами,
Что сочтены короткие их дни.
И вместо теплых ливней,
летних гроз,*

*Их может ждать
безжалостный мороз.
А вместо солнца ласковых лучей,
Покроет иней ледяных ночей.
Жестоким всем невгодам вопреки,
Цветут и радуют нас
эти смельчаки!
Их жертвенность горит
прекрасным цветом,
Из всех цветов, я их люблю за это.*

Безвременник осенний

Безвременник осенний

ХРАНИТЬ ЗАПОВЕДАНО

Николай Смертин

Растительный мир является основой жизни на Земле. При этом важную роль играют леса, покрывающие треть территории суши планеты. Листовой аппарат лесной растительности в процессе фотосинтеза преобразует солнечную энергию и углекислый газ в органическое вещество и кислород. Расчеты ученых показывают, что из 53 миллиардов тонн общей годовой органической массы, создаваемой зелеными растениями Земли, 28 миллиардов тонн образуют леса. В частности леса России дают более 60% общего годового органического вещества планеты, которое служит источником ценных продуктов питания (зерна, овощей, фруктов и т.п.), сырья для хозяйственной деятельности. Таким образом, леса активно участвуют в биологическом круговороте веществ, который выполняет созидательную функцию, обеспечивая воспроизводство биомассы Земли. Защищая почву от ветровой эрозии, регулируя водный и тепловой режим, влияя на газовый баланс и состав воздуха, леса оказывают взаимное влияние на климат. Очень образно сказал о лесе писатель Леонид Леонов: «Из всех работающих на нас машин лес — одна из самых долговечных, но и труднее всего поддающаяся починке».

В настоящей статье, на примере лесной флоры Гатчинского района, дана попытка осветить вопрос о социальном значении леса, его психологическом воздействии на человека. На протяжении тысячелетий лес был и остается его постоянным спутником в жизни. В век урбанизации особенно усилилась тяга

людей к природе, в общении с которой возможен настоящий отдых. Природная среда для рекреации (в переводе с латинского означает «восстановление сил») имеет важное значение.

Территория Гатчинского района по лесорастительному районированию относится к зоне смешанных лесов, к подзоне южной тайги. 63% общей площади района занимают леса, что составляет 184 тысячи гектаров. Основные типы растительности представлены еловыми, сосновыми, березовыми и осиновыми лесами. Из природных богатств лесные ресурсы имеют особую ценность.

Общий запас древесных насаждений составляет около 30 миллионов кубометров, из которых одна треть спелые и перестойные древостои, требующие обновления. Как живой биологический организм, лес растет, старится, умирает. Поэтому специальными лесоводственными, научными методами и расчетами в лесном фонде района определен лесной урожай древесины, который ежегодно можно вырубать без ущерба для лесной природы. Расчетная лесосека по главному и промежуточному пользованию утверждена в размере свыше 300 тысяч кубометров. Такой объем древесины может рубиться в районе за год. Фактическая рубка леса в 2008 году составила 230 тысяч кубометров. Заготовку леса в районе ведут в основном арендаторы участков лесного фонда. Следует сказать, что почти все леса района переданы в долгосрочную аренду коммерческим структурам. Кроме заготовки леса, арендаторы принимают участие

в проведении лесовосстановительных работ, уходе за лесом, в тушении лесных пожаров.

Хозяйственная деятельность человека не может обойтись без древесины. Но использовать лес мы должны так, чтобы в процессе его потребления создавались новые поколения лесов, лучше, чем вырубленные. Проблема их сохранения и приумножения — это государственная задача. Выращиванием, охраной и защитой лесов от имени государства занимаются профессионалы — лесоводы. Для выращивания дерева до возраста спелости (80–100 лет) требуется труд трех поколений лесоводов. Не случайно знаменитый русский ученый К.А. Тимирязев писал, что лесовод в значительной мере человек завтрашнего дня. В районе ежегодно проводятся на вырубках лесовосстановительные работы на площади свыше 600 гектаров. Рукотворные, искусственные еловые и сосновые насаждения в настоящее время занимают более 10% территории лесного фонда.

Следует отметить, что леса района имеют не только эксплуатационное значение, но и выполняют санитарно — гигиенические, защитные, водоохранные и другие функции. На основании Лесного Кодекса Российской Федерации в районе выделены на площади 111 тысяч гектаров защитные леса. Из них леса водоохраных зон (в основном вдоль реки Оредеж) составляют 14,3 тысяч гектаров. Площадь лесов, выполняющих функции защиты природы и других объектов, равна 96,5 тысяч гектаров.

В целях сохранения природных комплексов окружающей среды, редких и исчезающих видов растительности и животного мира в районе выделены особо охраняемые природные территории регионального значения:

- ботанический заказник Ракитин-

ский, площадью 777 га;

- гидрологический болотный заказник «Глебовское болото», площадью 4106 га;

- комплексный, гидрологический заказник «Мшинское болото», площадью 14700 га;

- комплексный заказник «Донцо», площадью 950 га (в верховьях реки Оредеж).

В заказниках и на особо охраняемых территориях установлен особый режим лесопользования, охраны.

Флора Гатчинской земли довольно разнообразна и может служить предметом разносторонних геоботанических исследований. В лесных массивах, на полях, лугах, болотах произрастают сотни различных видов древесных, кустарниковых пород и трав. Многие из них являются пищевыми, лекарственными, медоносными.

Находясь в орбите такого мегаполиса, как Санкт-Петербург, гатчинские леса испытывают интенсивную антропогенную нагрузку. В летнее — осенний период на лоно лесной природы выезжают десятки тысяч отдыхающих, садоводов, сборщиков грибов и ягод. По нашим расчетам товарные ресурсы побочного пользования в лесах района позволяют ежегодно заготавливать до 1200 тонн грибов в сыром виде, 400 тонн различных ягод. Наиболее распространенными лесными ягодами являются: черника, брусника, клюква, морошка, голубика, малина. Из съедобных грибов встречаются: белый гриб, подберезовик, подосиновик, моховик, сыроежка, волнушка, масленок, груздь, рыжик. В доступных для транспорта местах дары леса собираются почти полностью. Бесплатный лесной урожай является существенным подспорьем для жизнеобеспечения значительной части местного населения. Из лекарственного сырья возможен годовой сбор в объеме

до 4 тонн чаги, зверобоя, калгана, листьев брусники, черники и др. Наличие высокобонитетных спелых березовых насаждений в возрасте 60–80 лет позволяет производить в период сокодвижения заготовку березового сока в объеме до 300 тонн.

Но ресурсы хозяйственно ценных растений не безграничны. Наблюдается истощение урожая некоторых дикорастущих, что связано в первую очередь с интенсивным хозяйственным освоением территории района. Исчезают валериана, аптечная ромашка, сушеница, толокнянка, аир, водный перец, золототысячник. Начинают также сокращаться ресурсы клюквы, черники, брусники, голубики.

В настоящее время вопросы рациональной эксплуатации природных растительных ресурсов, их охраны и воспроизводства приобретают особое значение. Прежде всего нужна защита лекарственных растений от нарушений естественного режима их произрастания. В этом плане назрела необходимость осуществления ряда организационных мероприятий. К их числу можно рекомендовать:

- проведение инвентаризации и учета состояния территории, где произрастают ценные дикорастущие растения. На этой основе выделить площади для сбора сырья и установить зоны, не подлежащие хозяйственной эксплуатации, организовать государственную их охрану;

- запрещение сплошных рубок леса в вегетационной период на площадях ягодников;

- сокращение лесосушительных работ и полное их исключение в месторождениях ягодников и лекарственных растений;

- контроль за стихийным сбором дикорастущих растений. Неорганизованный, преждевременный сбор грибов и

ягод приводит не только к истощению их ресурсов, но и к потере на 30 – 40% урожая. По вине сборщиков, в основном, возникают лесные пожары;

- создание окультуренных промышленных плантаций по выращиванию лесных ягод и грибов;

- широкое использование средств массовой информации (печать, радио, телевидение) по экологическому воспитанию населения, особенно среди детей, молодежи, формированию у них природоохранного сознания.

Учитывая разнообразие природных, лесорастительных условий, рекомендуется составить в районе местную региональную программу по использованию, охране, защите и воспроизводству растительных ресурсов.

Сохранить генофонд дикорастущих видов растений, создавать их новые формы, полезные для здоровья человека, усилить санитарно-гигиенические, водоохраные и защитные функции лесов – это не только задача экологов, лесоводов. Это важнейшая обязанность федеральных и местных властей.

Уважаемые граждане! Помните, что один гектар леса в течение года очищает 18 миллионов кубометров воздуха, может поддержать дыхание 30 человек. Сосна, ель, пихта, береза, рябина, тополь выделяют в окружающую среду большое количество летучих веществ – фитонцидов, которые быстро уничтожают болезнетворные микробы, бактерии. Эти зеленые посланцы леса должны, на наш взгляд, найти достойное место в практике озеленения населенных пунктов нашего района.

И нет, пожалуй, лучшего лекарства, чем живительный, настоящий на хвое воздух, целебный и терпкий аромат трав и цветов!

**БЕРЕГИТЕ НАШЕГО
ЗЕЛЕНОГО ДРУГА!**

30 марта 2009 г.

ИМЕНА В ИСТОРИИ

Жизнь, зачем ты мне дана?

А.С. Пушкин

ЗНАМЕНИТЫЕ ГАТЧИНЦЫ ПРОШЛЫХ СТОЛЕТИЙ

Андрей Бурлаков

Придворный священник Захарий Капицкий

Среди исторических, но забытых личностей старой Гатчины прошлых столетий особого упоминания достоин бывший настоятель Дворцовой императорской церкви отец Захарий. Самые ранние свидетельства о его деятельности в нашем городе относятся к концу XVIII столетия. Среди местного духовенства он долгое время считался фигурой особой и даже легендарной.

Еще в бытность наследника российского престола, Великого Князя Павла Петровича в Гатчинском дворце была устроена придворная церковь, освященная во имя Святой Живоначальной Троицы. Этот храм неоднократно перестраивался, как и сам дворец, но он всегда занимал то же место, что и сейчас — в башне Кухонного каре. По штату, Высочайше утвержденному 12 января 1797 года, причт церкви состоял из священника, диакона, дьячка

и пономаря. В 1800 году настоятелем этого храма был назначен священник Захарий Иванович Капицкий, ранее служивший настоятелем Госпитальной церкви в Гатчине.

Биографических данных о нем сохранилось немного. Удалось установить, что З. Капицкий родился в 1763 году в семье петербургского священника. После окончания Духовной семинарии он служил в столичных храмах, в 1797 году был определен епархиальным начальством священником в церковь Святого Николая, которая существовала при Гатчинском городском госпитале. С переводом его настоятелем придворной Дворцовой церкви Захарий Капицкий становится духовником императора Павла I и всего его семейства. Некоторое время он был Благодичным храмов Гатчинского округа.

В нашем городе ему довелось стать участником многих исторических событий. Достаточно вспомнить хотя бы тот факт, что 2 сентября 1800 года он обвенчал в Дворцовой церкви 18-летнюю фрейлину, графиню Екатерину Скавронскую с 35-летним генералом, князем Петром Ивановичем Багратионом, будущим известным полководцем, героем Отечественной войны 1812 года. Отец невесты — Павел Мартынович Скавронский, приходился родственником императорской семье, а мать Екатерина Васильевна была «кавалерственной дамой» и пользовалась доверием супруги государя Марии Федоровны. На торжественном обряде среди многочисленных гостей

Церковь Гатчинского дворца.
Художник Э.П. Гау, 1875 г.

присутствовала и царская чета.

В Гатчине отец Захарий проживал вместе с женой Параскевой Алексеевной. В Метрических книгах, хранящихся в Центральном государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге, можно найти сведения о рождении у них детей: Александра (1799 г.), Алексея (1801 г.), Сергея (1803 г.), Екатерины (1805 г.), Анны (1807 г.) и Варвары (1811 г.). Из них Алексей скончался, будучи младенцем, а Варвара в возрасте двенадцати лет «от колотья». Интересно, что восприемницей при крещении сына Сергея и дочери Екатерины в Дворцовой церкви была сама «Ея Императорское Величество вдовствующая Императрица Мария Федоровна».¹

В 1803 году трудами и заботами вдовствующей государыни в Гатчине был открыт Сельский воспитательный дом. Трогательное внимание по отношению к сиротам проявлял священник Захарий Капицкий. Питомцы воспитательного дома до устройства своей домового церкви были приписаны к Дворцовой церкви. В храме имелось специальное место, отведенное для богослужения воспитанников. Для многих сирот о. Захарий находил доброе слово. В своих духовных проповедях он призывал молиться Богу и любить Отечество. Со дня основания воспитательного дома он преподавал здесь Закон Божий, а в 1806-1819 годах занимал должность инспектора этого учебного заведения. Известно, что Захарий Капицкий, имевший с 1801 года сан протоиерея Дворцовой церкви, пользовался особым покровительством у жившей в Гатчине и Павловске вдовствующей императрицы Марии Федоровны.

Большую любовь сыскал отец Захарий у своих прихожан. Он не раз становился восприемником при крещении

многих горожан различных званий и сословий. Так, например, в 1808 году он был восприемником при крещении сына гатчинского придворного плотника Петра Сергеева — Алексея. В период отлучки священнослужителей, находящихся в отпуске, отсутствующих по причине болезни или в дни других духовных торжеств, происходивших в соседних храмах, он часто заменял их во время богослужений. Об этом также можно найти записи в Метрических книгах храмов гатчинского Благодичиния.²

В 1817 году наш город посетил известный путешественник, академик Н.Я. Озерецковский, оставивший интересное описание Гатчины того времени. Остановившись в доме у священника Капицкого, он осмотрел все местные достопримечательности и, прежде всего, императорский дворец, откуда он в сопровождении батюшки отправился в Сельский воспитательный дом.

«Из дворца сего видны все Гатчинские заведения, как-то: Воспитательный дом..., — записал в своем дневнике Озерецковский. — Ныне здесь воспитывается детей обоюбого пола до 600. Им даны хорошие учителя, и за ними смотрит благонравственный протоиерей Захарий; для них заведен лазарет и аптека, чтоб искусство лекаря имело чем действовать, а благонравие священнослужителя привлекало детей в храм молитвы... Я был у них за ужином и отведал их вкусную пищу, которую они с молитвою начинают и оканчивают, принося благодарение Высочайшим покровителям...

Изумлен, будучи от видения многих предметов, возвратился я к моему хозяину, протоиерею Захариию Иоанновичу Капицкому, который живет в хорошем деревянном доме с большим огородом, где проведена аллея из берез

и лип состоящая, а во дворе к его забору насажены рябины и ясени. Протоиерей сей признался, что он весьма доволен своим состоянием, и до небес превозносил милости Государыни Императрицы Марии Федоровны».³

В то время о. Захарий вместе с семьей жил в казенном доме, предоставленном ему государыней в 1811 году. В Гатчине он служил до сентября 1825 года, здесь батюшка и скончался. Запись в Метрической книге церкви Святой Живоначальной Троицы Гатчинского дворца сообщает: «Придворный Протоиерей Захарий Капицкий 62 года»⁴. Он умер 6 октября 1825 года «от водянки» и был похоронен на Старом городском кладбище, которое до наших дней не сохранилось. Еще в сентябре месяца он совершал богослужения в церкви. Его вдова Параскева Алексеевна скончалась в 1836 году на 64-м году жизни. Каких-либо сведений о дальнейшей судьбе детей о. Захария, живших позднее в Гатчине, найти не удалось. Исключение составляет потомство по линии его дочери Екатерины, которая 1 января 1827 года обвенчалась в Дворцовой церкви с учителем Александро-Невского уездного училища Санкт-Петербургской губернии Григорием Славинским. Свидетелями на их бракосочетании, как указывает Метрическая книга, были священник Гатчинской придворной церкви Иоанн Виноградов, священник столичной Крестовоздвиженской церкви Андрей Славинский, титулярный советник и кавалер Василий Смирнов. В том же году Григорий Славинский был назначен настоятелем Гатчинской госпитальной церкви. Священником в этом храме он служил до 1849 года.

У Екатерины Захарьевны и Григория Степановича Славинского впо-

следствии родилось несколько детей: Мария (1827 г.), Петр (1829 г.), Павел (1830 г.), Федор (1831 г.), Николай (1832 г.), Надежда (1838 г.) и Михаил (1842 г.). Интересно, что восприемником при крещении дочери Надежды был «Города Гатчины директор, генерал-майор и кавалер Евстафий Антонович Рооп»⁵. Семья священника проживала в служебном здании рядом с госпиталем, построенным по проекту архитектора Алексея Михайловича Байкова. Имена потомков Захария Капицкого — Славинских, живших в Гатчине, можно встретить в документальных источниках, вплоть до середины XIX столетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 124, д. 397. Метрическая книга церкви Святой Живоначальной Троицы Гатчинского императорского дворца, 1803.

² В 1808 году священник о. Захарий Капицкий совершил таинство венчания дьякона Санкт-Петербургской церкви 12 Апостолов 24-летнего Алексея Кузьмина с дочерью священника Сиворицкой церкви Святого Николая Чудотворца Евтихия Семенова с 17-летней Анной Евтиховой. Сиворицкая церковь располагалась в окрестностях Гатчины, в селе Никольском.

³ Озерецковский Н.Я. Путешествие на озеро Селигер. СПб: 1817.

⁴ ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 124, д. 407. Метрическая книга церкви Святой Живоначальной Троицы Гатчинского императорского дворца, 1825.

⁵ ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 111, д. 1667. Метрическая книга Гатчинской госпитальной церкви, 1838.

Корабельный командир Мелентий Никитин

Вскоре после именного указа императрицы Екатерины II от 6 августа 1783 года о передаче Гатчинского поместья, бывшей Орловской мызы, Великому Князю и наследнику Павлу Петровичу последовали многочисленные организационные мероприятия. К числу

первых руководящих указаний нового владельца следует отнести распоряжение о направлении в Гатчину команды служителей Санкт-Петербургского Адмиралтейства.

В начале ноября того же года к Ермолаю Ивановичу Бенкендорфу, первому неофициальному коменданту Гатчины, еще не получившей статуса города, прибыли четыре человека мастеровых. В их числе упоминается и «корабельный командор» Мелентий Никитин, плотник I-го класса, хорошо знающий столярную работу. Как сообщают документы Центрального Государственного архива Военно-Морского Флота, к тому времени он был уже старейшим служителем Адмиралтейского ведомства, и ему шел сорок седьмой год.

В Гатчине Мелентий Никитин возглавил команду мастеровых флотского дела, которая стояла у истоков рождения Павловской Флотилии. Здесь в 1786 году он вступил в законный брак, о чем указывает запись сохранившейся Метрической книги дворцовой придворной церкви Живоначальной Троицы:

«Адмиралтейского ведения корабельной команды второй дивизии первого класса, а ныне находящейся при Гатчинском Его Императорского Высочества доме в столярной работе десятник Мелентий Никитин ведомства Гатчинской деревни Гатчинской мельницы с крестьянской девицей Евдокией Кузьминой».¹ Интересно, что «поручателем» (свидетелем) на их свадьбе был сам управляющий Гатчинской Мызой господин майор Ермолай Фон Бенкендорф, что, несомненно, указывает на весьма заметную фигуру Никитина в загородном поместье. Брак был счастливым. Один за одним рождались в их семье дети... Интересно отметить, что жена М. Никитина была сестрой содержателя Гатчинской мельницы Егора Кузьмина (1754–1829 гг.).

Здание Адмиралтейства со стороны пруда.
Фотография начала XX века.

С 1792 года в Гатчинском парке началось возведение здания Гавани (или Адмиралтейства), которые при Павле I, еще в бытность его наследником российского престола, служило верфью, где строились небольшие суда, предназначавшиеся для прогулок по Белому озеру и потешных «морских сражений». Здесь же производился их ремонт. Расположенная на берегу искусственно созданного водоема, получившего название «Ковш», соединенного каналом с Белым озером, «Гавань в английском саду» часто упоминается в документах того времени. Строительные работы по возведению Гавани совершились в 1799 году. В здании гатчинского Адмиралтейства и трудилась команда «корабельного десятника» Мелентия Никитина. В 1796 году, когда император Павел I уже вступил на престол, в ней числилось тридцать пять человек: 10 плотников, 11 пильщиков, 4 конопатчика, 2 столяра, 2 фонарщика, маляр с учеником, кузнец с подмастерьем, токарь и командор. Благодаря архивным источникам удалось установить имена и фамилии всех членов команды. В том же году, в связи с получением Гатчиной статуса города, все они были исключены из списков Санкт-Петербургской Адмиралтейской коллегии и стали жителями нового города.

В 1801 году в команде гатчинского Адмиралтейства служили: командор Мелентий Никитин, столяр, отставной унтер-офицер Нефед Никитин, плотник Леонтий Филиппов, слесарный подмастерье Алексей Кузьмин, маляр Галактион Васильев, малярный подмастерье Иван Кузьмин, плотник Сергей Андреев, конопатчик Петр Сергеев, фонарщик Федор Губин и другие. Здесь же служили команды матросов, боцманов, гребцов.

Первые маневры кораблей гатчинской флотилии состоялись на Белом озере 4 октября 1796 года. Об этом событии повествует рукописная справка, сохранившаяся в архиве Государственного музея-заповедника «Гатчина». Другой уникальный документ — «Камер-фурьерский журнал», сообщает о спуске на воду 1 октября 1797 года, в присутствии императора Павла I и его супруги Марии Федоровны, двух вновь построенных судов — яхты «Миролюб» с восемью пушками и шестнадцатипушечного фрегата «Эмпренабль» (в переводе с французского — «Неприступный»)² Известно, что в 1799 году гатчинская флотилия состояла из 24-х судов: фрегатов, яхт, гондол, яликов и лодок.

Яхта «Миролюб» существовала до 1868 года, а затем была заменена новой — точной копией, выполненной по старинным чертежам. Она стояла на якоре против Большой террасы-пристани, привлекая внимание посетителей гатчинского парка и обитателей императорского дворца своим внешним обликом, характерным для Павловской эпохи. Яхта была уничтожена в 1895 году.

На многочисленных акварелях с изображением дворцово-паркового ансамбля художники часто рисовали корабли с поднятыми парусами и развевающимися флагами. Все это пока-

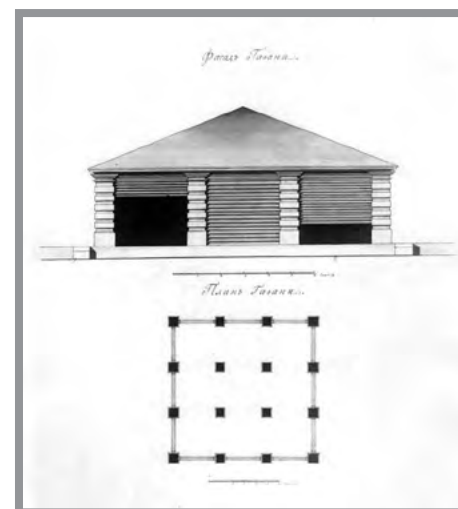
Вид на Гатчинский дворец со стороны Белого озера. Фото 1890-х годов.

зывает, что всевозможные гатчинские суда были не только забавой, но являлись неотъемлемой частью декоративного убранства Дворцового императорского парка.

В 1799 году, в качестве особого поощрения за многочисленную деятельность на флотском поприще, М. Никитин получил в дар от государя участок земли, расположенный на Загвоздинской улице (ныне улица Чкалова). В журнале Гатчинского городского Правления имеется запись от 20 марта о разрешении главнокомандующего городом Гатчиной Петра Христофоровича Оболянинова «выдать планы и данные на места: командору Мелентию Загвоздинской улицы».³ Известно, что Загвоздинская улица в то время входила в состав Бомбардирской слободы, основанной в 1792 году. Это было своеобразное поселение для выслуживших свой срок отставных мушкетеров, боцманов, бомбардиров, матросов. Впрочем через год, 28 апреля 1800 года, последовало предписание П.Х. Оболянинова — М. Никитину «о позволении ему продать в 3-й Загвоздинской части под номером 65-м собственный свой деревянный дом с землею булошного цеха мастеру Ивану Янбу по ненадобности оно для казны...»⁴ Впоследствии командор вместе с семьей проживал в собственном

доме на Загвоздинской улице. Когда Мелентий Никитин ушел на заслуженный отдых, установить не удалось. Скончался ветеран гатчинской флотилии в 1813 году и был похоронен на Старом городском кладбище.

Впоследствии в Гатчине проживал его сын Петр Никитин, который родился в 1793 году. Продолжая отцовские традиции, будучи учеником столярного мастера, он также работал в Адмиралтействе. О его деятельности рассказывают документы времен императора Александра I.

План Гавани конца XVIII века.

Название «Адмиралтейство», впервые встречается в Гатчинской микротопонике во II половине XIX века.⁵ До этого времени здание называлось Гаванью или просто сараем, «где исправляются и хранятся суда».⁶ Так в 1853 году рассматривался вопрос о ремонте сарая, переделке ветхого деревянного судового спуска и вычистке корабельного дока, перестройке подъемного моста, через который проходили суда. В 1884 году в здании Адмиралтейства были устроены кладовые для хранения лодок и шлюпок, а также

инвентаря, предназначавшегося для их ремонта. Находилась здесь и коллекция старинного оружия матросов бывшего «потешного флота» — abordажные топоры, пистолеты, кортики и т.п. В конце XIX — начале XX веков в Адмиралтействе экспонировалась интересная коллекция моделей гребных и парусных судов. Вплоть до Октябрьской революции в Гатчине существовала команда по обслуживанию местной озерной флотилии. Комплекс так называемого бывшего Морского домика, в котором проживали матросы, сохранился до настоящего времени. Сейчас это главное здание и прилегающие к нему служебные постройки Гатчинской городской типографии, расположенной на проспекте 25 Октября.

Здание Адмиралтейства, в довоенный и послевоенный периоды используемое под летний театр, сгорело при пожаре в 1993 году. Первые работы по восстановлению уникальной постройки начаты в конце 2008 года фирмой «АСТ-Реставрация». Хочется надеяться, что Адмиралтейство будет восстановлено, и в его стенах разместится Гатчинский военно-морской музей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ЦГИА. СПб., ф. 19, оп. 124, д. 391 Метрическая книга церкви Святой Живоначальной Троицы Гатчинского императорского дворца, 1786.

² Камер-фурьерский журнал, 1797г., СПб., 1897, с. 1006 — 1007.

³ РГИА, ф. 491, оп. 5, д. 298 Журнал Гатчинского городского правления. Из предписаний главнокомандующего г. Гатчины П.Х. Оболянинова, 1799.

⁴ РГИА, ф. 491, оп. 5, д. 153. Журнал Гатчинского городского правления. Из предписаний главнокомандующего г. Гатчины П.Х. Оболянинова, 1800.

⁵ Таким, каким мы видим здание Адмиралтейства на старых фотографиях, оно стало после завершения капитальных ремонтных работ в 1887 году.

⁶ РГИА. ф. 482, оп. 1, д. 2005 Отчет по материалам ремонта Сарая, где исправляются и хранятся суда в Гатчине..., 1853.

Владислав Кислов

Среди врачей старой Гатчины встречались и такие, чьи таланты позволяли им выходить за рамки чисто врачебного искусства и проявлять себя в качестве музыкантов, композиторов, художников, педагогов и т.п. Этому способствовали особенности профессиональной подготовки врачей. За время обучения им, помимо чисто медицинских знаний и латинского языка, необходимо было овладеть еще знаниями физики, химии, ботаники, минералогии, психологии. Некоторые из них получали к тому же прекрасное семейное воспитание. Не удивительно поэтому, что врачи были одними из самых образованных и культурных людей в обществе. Вот рассказ о трех гатчинских врачах, оставивших след в истории культуры. Любопытно, что двое из них имели отношение к Сиротскому институту.

Михаил Михайлович Робек (1753–1818)

Сей врач, родом швед, сын московского гражданина, служил в Гатчине с 1796 по 1803 год, сменив Иоганна Даля на посту руководителя городского госпиталя (Робек получил только что утвержденную по новому штату должность штаб-лекаря). Мало кто из тогдашних обывателей города знал, что за плечами этого скромного, немногословного и уже далеко не молодого человека — более двадцати лет, проведенных в путешествиях по северо-восточной Сибири и Чукотке, неустанные труды

по лечению там больных оспой и другими сыпными болезнями. Четыре года довелось ему служить военным лекарем в Нерчинском крае.

Читаем Указ Адмиралтейской коллегии: «Назначая географическую и астрономическую экспедицию в северо-восточную часть России для определения долготы и широты устья реки Колымы, положения на карту всего Чукотского носа и мыса Восточного, також многих островов в Восточном океане, к американским берегам простирающихся, и совершенного познания морей между матерью землею Иркутской губернии и противоположными берегами Америки, повелеваем:

... Быть начальствующим сей экспедиции флота поручику Иосифу Биллингсу, объявляя ему ныне чин капитан-поручика флота и нарядя с ним команду потребных людей по собственному его избранию...

Снабдить начальника сей экспедиции математическими, астрономическими и другими инструментами, також для руководства всеми картами прежних мореходцев и сухопутных в тамошних местах путешествий...

Буде посредством сей экспедиции

открыты будут вновь земли и острова, населенные и ненаселенные и никакому государству европейскому непокоренные и непринадлежащие, то по мере пользы и выгод, от такового приобретения ожидаемых, стараться оные присвоить скипетру российскому. И буде тамо есть дикие или непросвещенные жители, то, обходясь с ними ласково и дружелюбно, вселить хорошие мысли о россиянах...

На подлинном собственной Е.И.В. рукою написано тако: Екатерина в Царском селе, августа 8, 1785 года».

Всего в Указе тринадцать подробных пунктов. В составе экспедиции 141 человек, в том числе лейтенанты Роберт Галл, Гаврила Сарычев, Христиан Беринг, штаб-лекарь Михаил Робек, рисовальный мастер Лука Воронин, «зверовщик» и четыре музыканта.

Путешествие возглавил Иосиф (Джозеф) Биллингс, англичанин, побывавший, еще в бытность свою мичманом экспедиции капитана Кука, у тихоокеанских берегов России. С 1783 года Биллингс находился на русской службе, о причинах поступления на которую он писал в письме графу Чернышеву:

«Я прибыл в Россию не столько с целью служить ее величеству в качестве офицера флота, сколько с надеждой, что я буду использован в какой-либо экспедиции в соседние с Камчаткой моря. Прослужив на флоте двенадцать лет, из которых пять лет сопровождал знаменитого капитана Кука в его последнем вояже с целью открытия северо-западного прохода между Азией и Америкой, я льщу себя надеждой, что меня сочтут способным открыть торговлю мехами с островами, открытыми во время этого плавания... В то время, как занима-

лись бы добычей пушнины, я мог бы продолжить исследования капитана Кука в этих морях, определить точное положение этих островов... Поскольку астрономия всегда была моим делом, я надеюсь, что и в этом я оправдаю оказанное мне доверие. В заключение я прошу ваше превосходительство в качестве первого знака вашего покровительства подвергнуть меня самому строгому экзамену, чтобы устранить всякое сомнение в моей опытности и способности».

Уже в бытность Робека в Гатчине, в 1802 году, вышла книга Г.А. Сарычева «Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, в продолжение восьми лет, при географической и астрономической морской экспедиции, бывшей под начальством флота капитана Билингса, с 1785 по 1793 год». А в 1811 году, когда Робек служил уже в Петербурге старшим врачом Мариинской больницы для бедных, вышла в свет вторая книга мореплавателя Сарычева «Путешествие капитана Билингса через Чукотскую землю от Берингова пролива до

Нижеколымского острога и плавание капитана Галла по Северо-восточному океану в 1791 году, с приложением словаря двенадцати наречий диких народов». Из книг сих можно было узнать, что Робек «не токмо лечил в походах больных, но и занимался научными исследованиями, причем тема их была необычной для врача: Робек стал собирателем и составителем означенного словаря, т. е. приложил руку к созданию литературного языка якутов и других народов далекой окраины России.

Собранные в этих экспедициях предметы одежды и быта северных народов и сегодня можно увидеть в Кунсткамере Петербурга. Робек по окончании своих странствий был награжден за труды «двойным годовым жалованием и пенсией ежегодно по смерть одинарным годовым жалованием».

Александр Иванович Жижиленко (1823–1889)

Много полезных для России людей вышло из Сиротского института Гатчины: известные врачи, художники, педагоги. Но и среди них Жижиленко стоит на особицу, ибо он прославился и как врач, и как художник, и как педагог, да к тому же был неплохим музыкантом! И хотя особенно громких титулов не сыскал, но сделал столько добрых дел, что, несомненно, заслуживает благодарности потомков.

Родившись в небогатой дворянской семье, Жижиленко в раннем возрасте лишился отца и попал в Гатчинский Сиротский институт, где получил среднее образование и в 1844 году поступил в Медико-хирургическую академию. Быстро прошли годы учения, и в 1849 году Жижиленко начал службу

врачом Надеждинского родовспомогательного заведения при Воспитательном доме в Петербурге, посвятив благородному делу помощи будущим матерям и родильницам всю жизнь, вплоть до своей кончины.

Молодой врач уже мечтал о лечебной работе, но вдруг — несчастье: Жижиленко тяжело заболел, у него развился паралич. Крепкий организм справился с болезнью, однако правая нога навсегда осталась малоподвижной. От карьеры практикующего врача ему пришлось отказаться. Но не таков был Александр Иванович, чтобы сдаваться! Он усиленно трудился в заведении, находя время еще и для написания статей в «Военно-медицинский журнал», «Друг здравия», другие периодические издания. В 1857 году в «Военно-медицинском журнале» появилась большая работа Жижиленко, выпадающая за рамки его специальности, «Водолечебное заведение в Лопухинке». Помещенные в этой статье сведения о популярном в 19 веке месте лечения и отдыха военных чинов представляют немалый интерес и в наши дни.

Живая деятельная натура Александра Ивановича требовала постоянного труда, и уже в зрелом возрасте он увлекся живописью. Уроки мастерства он брал сначала у В.Я. Афанасьева, а затем у профессора Л.Ф. Лагорио. Благодаря своему природному художественному дарованию, усиленному труду и, конечно же, выдержке, Жижиленко очень быстро овладел техникой и обнаружил большие успехи. И рисовал, рисовал, рисовал... Вскоре его картины появились перед публикой. А с 1865 года почти ежегодно Александр Иванович представлял картины на Академическую выставку. Уже в 1867 году за пейзажи «Развалины греческого храма при за-

кате солнца», «Тони на взморье около Петербурга при лунном свете», «Утро в Нижнем Новгороде», «Зимний вечер из окрестностей Петербурга» Академия художеств присвоила ему звание своего почетного вольного общника. В 1874 году за картины «Утро», «Вечер» и «Вид Киева» Жижиленко на очередной академической выставке удостоился серебряной медали.

А. И. Жижиленко «Развалины греческого храма при закате солнца». 1867. Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.

Затем последовал целый ряд картин и пейзажей, отличающихся оригинальностью эффектов и показывающих уже опытную руку: «Лесной пожар», «Взрыв корабля ночью», «Ночь накануне Ивана Купала в Финляндии». Вот что писал в 1889 году о последней из этих картин журнал «Север»:

«... Здесь устраивают так называемые коки — огромные костры, вокруг которых финны пляшут и поют свои заунывные песни. Светлая июньская полночь, хотя и умалывает в значительной степени эффект огненного освещения, но и в этом северном полумраке, заменяющем ночь, есть своя неотразимая прелесть. На картине свет костра поэтически смешивается со слабым сиянием узкого серпа луны и дает весьма интересную гармонию общего».

А. И. Жижиленко «Дорога». Луганский областной художественный музей.

Среди особенно больших полотен Жижиленко следует отметить «Самум в Сахаре», где замечательно правдиво передан воздух и освещение. Оригинальна и полна поэзии его композиция «Ночной смотр», на тему известного стихотворения «В двенадцать часов по ночам...». Подстать ей — «Пляска мертвецов». Последние две относятся к жанровым, коих Александр Иванович написал немного, но зато для некоторых из них он сочинил музыку!

Наконец было у Жижиленко множество пейзажей: «В шхерах», «Балкон», «Буря», «Остров», «Палатка», «Ночь», «Дорога», отличавшихся живостью красок и правдивостью передачи. А еще было более 150 эскизов, из которых многие очень интересны. Полного списка его картин нет, т. к. он не составлял такового, сам раздарил много работ друзьям и знакомым или продал.

Чуть позже, чем известность живописца, пришла к Жижиленко и слава прекрасного педагога. С 1870 года Александр Иванович стал преподавателем и руководителем школы сельских повивальных бабок при Родовспомогательном учреждении. Благодаря стараниям Жижиленко, школа совершенно преобразовалась и стала образцовой. Строгий и взыскательный

к себе, он, в обращении с другими, особенно своими ученицами, был чрезвычайно снисходителен, терпелив и прост. Ученицы, среди которых нередко бывали и безграмотные сельские женщины, не только любили его, но и преклонялись перед ним. Они становились лучшими повивальными бабками, слава Жижиленко гремела, и число желающих попасть в эту школу нередко в 3-4 раза превосходило число вакансий. Многие из учениц, окончив школу, вели с Александром Ивановичем переписку, отдавая ему отчет обо всех интересных случаях своей большей частью деревенской практики. В 1874 году Жижиленко выпустил «Руководство к акушерству» — прекрасный учебник для повивальных бабок, выдержавший несколько изданий и ставший поистине настольной книгой для нескольких выпусков школы. По нему учились многие повивальные бабки, некоторые из которых позднее работали в Гатчине.

Человек одинокий, живший отшельником, Александр Иванович в последние годы жизни начал изучать игру на концертино и, как истинно талантливая натура, достиг в этом искусстве немалых высот! Он составил у себя большой оркестр, так что собиравшийся у него кружок любителей разыгрывал целые пьесы. Не менее 15 пьес было переложено Жижиленко на концертино и издано при его жизни. Последним его музыкальным произведением оказался романс «Бал», в котором особенно звучат печальные ноты — композитор как будто чувствовал свою близкую смерть.

Скончался Жижиленко 3 января 1889 года на 65-ом году жизни от пиэмии — гнойного отравления, происшедшего от нарыва, вскрывшегося внутрь. Похоронен он на Смоленском кладбище близ Троицкой церкви. Свой

довольно значительный, нажитый честным трудом капитал, Александр Иванович по завещанию оставил на устройство при заведении, где он прослужил 40 лет, нескольких кроватей для родильниц, чтобы не повторялись, как было в прошлом, случаи родов прямо у ворот Родовспомогательного заведения, куда не пускали родильниц за неимением мест.

Витольд Иосифович Малишевский (1873–1939)

Пребывание Малишевского в Гатчине, как и в случае с А.И. Жижиленко, связано с Сиротским институтом. В 1899–1908 гг., будучи врачом, он служил здесь в качестве классного воспитателя. Но в отличие от Жижиленко, главным занятием которого все-таки оставалась медицина и ее преподавание, Витольд Малишевский целью своей жизни выбрал служение музыке.

Путь его к этому был не легок и не скор. Витольд, уроженец Могилева на Подолье, в детстве овладев игрой на фортепиано, решил всерьез заняться музыкой. Юношей, в Тифлисе, он поступил в музыкальное училище, где в это время преподавал М.М.Ипполитов-Иванов, научивший его азам композиторского искусства. Казалось, перед Витольдом открывалась карьера музыканта. Но судьба распорядилась по-иному: Малишевский поступил на математический факультет Киевского университета и через несколько лет окончил его. Но все эти годы Витольд не забывал о музыке и постоянно занимался ею.

И вот — новый поворот в судьбе Витольда: он решил стать врачом и поступил в Военно-медицинскую ака-

демию Петербурга. Здесь сокурсники обратили внимание на незаурядное музыкальное дарование Витольда и стали звать его на вечера в семейном кругу. На одной из таких встреч гости попросили студента-медика сыграть что-нибудь. Витольд сел за фортепиано, взял несколько нот и заиграл какую-то свою импровизацию. Находящийся среди гостей композитор Н.А. Римский-Корсаков, пораженный игрой и несомненными композиторскими способностями молодого музыканта, пригласил его учиться в класс композиции Консерватории (где одним из сокурсников Малишевского стал будущий композитор Р.М. Глиэр).

Учителями композиции у Малишевского были сам Н.А. Римский-Корсаков и А.К. Глазунов. На их занятиях теория никогда не была главным делом, ибо они приветствовали творческую свободу и исполнительскую деятельность студентов. Особенно ценилось дирижирование — молодой и по сути дела неопытный композитор получал возможность самостоятельно передать свои замыслы — вначале членам оркестра, а затем и публике. В случае неудачи претензии предъявлять было некому. «Долой нянек!» — восклицал Глазунов, делаясь в письме к Римскому-Корсакову своими размышлениями об исполнении Первой симфонии Витольда Малишевского на концерте в Петербурге. Надо ли добавлять, каким важным был этот призыв к самостоятельности для начинающего автора? Глазунов был суровым, но справедливым. Вот его мнение о вышеупомянутом концерте (между прочим, Малишевский сам тогда дирижировал): «Симфония имела успех. Скажу о ее достоинствах: необычная гармония формы, чистота музыки и прекрасные развязки в первой и последней части, свидетельствующие о

симфоническом таланте автора». А вскоре в свет вышла и Вторая симфония Малишевского, по поводу которой в письме к Римскому-Корсакову 23 сентября 1905 года Глазунов написал: «Малишевский прислал Вторую симфонию в партитуре! Скерцо в ней новое и очень неплохое».

Витольд закончил ВМА и в 1899 году начал службу классным преподавателем в Гатчинском Сиротском институте. Учеба в Консерватории меж тем продолжалась, причем Малишевский ухитрялся находить время еще и для сочинения музыки! В 1902 году, в год окончания Консерватории, было издано одно из первых его произведений — Соната для скрипки и фортепиано. В Гатчине Малишевским написаны также: Смычковый квинтет ре-минор; Первая и Вторая симфонии; Большая библейская кантата.

В нашем городе он проживал по адресам: Константиновская ул. (ныне Радищева), 6; Люцевская ул. (ныне Чкалова), 20 и Павла 1 (ныне пр. 25 Октября), 65. Уже в солидном возрасте Малишевский тепло вспоминал свою молодость, проведенную в России. В Петербурге он был членом известной группы музыкантов — Беляевского кружка. Можно предположить, что такая яркая личность, как Малишевский, не осталась незамеченной и во время его пребывания в Гатчине, тем более, что именно в эти годы на вечерах у доктора Шубенко собирався цвет гатчинской интеллигенции, причем на встречах этих кто-либо из гостей обязательно музицировал! В 1907–1908 гг. Малишевский вполне мог здесь встретиться с бароном Константином Косинским, врачом, прекрасным музыкантом, и, кстати, тоже поляком. Надо учесть также, что Косинский и Малишевский служили в одном учреждении, Сиротском инсти-

туте, где первый был младшим врачом лазарета, а второй — классным преподавателем.

В книге «Гатчина. Страницы истории» Т.Ф. Родионова пишет, что композитор Глазунов в начале XX века неоднократно бывал в Гатчине. Не встречался ли он здесь со своим учеником Малишевским? Какие еще музыкальные произведения написал в Гатчине Малишевский? Занимался ли он здесь врачебной практикой? Все эти вопросы ждут ответа.

В 1908 году Малишевский получил назначение на пост директора и преподавателя композиции Музыкального училища в Одессе. Тут он начал дирижировать студенческим оркестром и симфоническим оркестром местного отделения Русского музыкального общества. Здесь он написал книгу «Учение о модуляции». В 1913 году при активном участии Малишевского Училище было преобразовано в Консерваторию, и Витольд, с согласия куратора музыкальных учебных заведений России Сергея Рахманинова, стал ее первым директором, многое сделав для сего учреждения в трудные годы Мировой и Гражданской войн. Один из учеников Малишевского, выпускник Одесской Консерватории Николай Николаевич Вилинский, стал позднее известным композитором и педагогом, профессором Одесской, Ташкентской и Киевской Консерваторий. Учениками Вилинского, в свою очередь, были Эмиль и Лиза Гилельс, Давид Ойстрах, Яков Зак.

В 1921 году, опасаясь репрессий большевиков, Малишевский покинул Одессу и эмигрировал в Польшу. В Консерватории Варшавы он вначале вел оперный класс, а позднее — преподавал композицию. Среди его учеников был будущий известный польский композитор Витольд Лютославский,

который на своем дипломном концерте в 1936 году, наряду с другими произведениями, исполнил Танец из балета «Сирена» Витольда Малишевского.

Малишевский служил директором Варшавского музыкального общества и Высшей музыкальной школы им. Ф.Шопена, основал Институт Шопена, возглавлял музыкальный отдел Министерства вероисповедания и общественного просвещения. Им написаны: 5 симфоний; балеты «Сирена» и «Борута»; увертюры и сюиты; камерно-инструментальные ансамбли; пьесы для фортепиано; духовная музыка, в том числе реквием и месса; хоры; вокальные ансамбли; романсы. В творчестве Витольда Малишевского заметно влияние русского неоромантизма (Н.А. Римский-Корсаков, А.К. Глазунов) и польского фольклора.

Малишевский до конца дней своих не порывал с Россией. Молодость, проведенная среди российских художников, литераторов и музыкантов, ностальгическим эхом звучала в его произведениях — симфониях, квартетах, романсах на стихи Пушкина и Жуковского. Коллеги-музыканты из Петрограда (Ленинграда) и Москвы постоянно интересовались его творчеством, старались, чтобы его произведения в России издавались и исполнялись. С Глазуновым Малишевского связывали дружеские отношения. Их последняя, по-видимому, встреча состоялась в 1928 году, когда Глазунов проездом в Вену задержался в Варшаве. В дорожной тетради композитора записано:

«В Варшаве решили мы задержать себя на ночлег, потому что я был страшно измучен ездой в поезде и бессонницей. На вокзале (а приближался уже вечер) приветствовали нас бывшие воспитанники нашей Консерватории Эмиль Млинарский и Витольд Мали-

шевский».

Взаимопонимание Малишевского и Глазунова, двух композиторов и дирижеров одной школы, великолепных мелодистов и эстетов, было вполне естественным. Обоим выпало на долю сыграть роль огнива между великой классикой 19-го века и великим экспериментом века 20-го.

Скончался Витольд Малишевский в Залесе, близ Варшавы 18 июля 1939 года. Музыкальные произведения его

исполняются в Польше и в наши дни.

Жизнь и творчество Витольда Малишевского — пример тесной связи двух культур — польской и русской. Удивительное стечение жизненных обстоятельств привело к тому, что родился он в Белоруссии, учился и жил в Грузии, Украине, России и Польше. Жизнь сталкивала его с гениями, которые воспитывали его, обучали, исполняли его музыку, а потом учились у него.

ЗНАМЕНИТЫЙ ЛЕКАРЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ «ДУШ НА ИЗЛОМЕ»

К 150-летию П.П. Кащенко
(1859–1929)

Марина Смородина

П.П. Кащенко

«Он был выдающимся организатором. Всюду, где он появлялся, он давал план работы и настойчиво проводил его в жизнь. Так было в Нижегородской губернии, так было в Москве, так было в Питере...

Широким размахом и в то же время глубокой продуманностью и спокойствием веяло от его работы».

Н.А.Семашко

Предки П.П. Кащенко — выходцы из Запорожской Сечи, которая была истреблена при Екатерине II (1775 г.). Время разбросало их славный род по всей России. Стали известными учеными: Василий Васильевич Кащенко (1822–1894) — садовод и лесовод, Николай Феофанович (1855–1935) — профессор-биолог, Всеволод Петрович (1870–1943) — профессор-дефектолог, брат Петра Петровича. Некоторые осели на Кубани. Но «дух казачества» передавался из поколения в поколение. Дед Федор Кащенко был конотопским мещанином, а брат его Яков служил в казачьих войсках. Он приложил немало сил и находчивости, чтобы его племянник Петр Федорович в 1848 году был зачислен на казенный счет воспитанником Санкт-Петербургской Медико-хирургической Академии. Получив степень лекаря в 1853 году, он был направлен служить в военное ведомство. Через 4 года молодой доктор женился на Александре Павловне

Черниковой, дочери коллежского асессора. Семья военного лекаря часто меняла место жительства: Тамбов, Владимир, Пенза, Ейск...

9 января 1859 г. в Тамбове родился сын Петр, затем три сестры (Мария, Александра, Ольга) и четыре брата (Борис, Всеволод, Сергей, Владимир). С 1863 года семья жила в Ейске, где Петр Федорович служил старшим лекарем 73-го Крымского пехотного полка. Временами он исполнял обязанности лекаря Кубанской войсковой гимназии, где учился старший сын. Учеба Петру давалась легко. Любимыми предметами были история, математика, логика. В свободное время он любил выходить с рыбаками в Азовское море. Но самым главным увлечением его жизни были игра на народных инструментах и пение малороссийских песен.

В 1874 году скоропостижно скончался отец, оставив жену с малыми детьми в возрасте от года до 16 лет.

Выбор профессии Петр сделал еще при жизни отца: «Врач нужен всем, везде и всегда». В 1876 году он стал студентом медицинского факультета Киевского университета Св. Владимира. Матери удалось выхлопотать стипендию Кавказского учебного округа, которая выплачивалась только Московским университетом. Пришлось перевестись туда. Учился Петр хорошо, его увлекала избранная профессия. Да и преподаватели — настоящие корифеи отечественной медицины того времени. 4-ый курс он окончил успешно. Но окончить университет Кащенко не удалось. В эти годы (1876–1881) среди студентов Московского университета нарастало народническое движение. Особой активностью отличался медицинский факультет. За участие в студенческих волнениях Кащенко был выслан в Ставрополь-Кавказский, куда за ним поехала молодая жена Вера Александровна (в девичестве Горенкина, дочь коллежского секретаря), на которой он женился за два месяца до ссылки.

Ссылный студент стал преподавать пение, музыку и математику в Ставропольской женской гимназии.

Петру Петровичу разрешили закончить учебу в Казанском университете, и в 1885 году он получил степень лекаря и звание уездного врача, выбрав специальность — «Психиатрия». Большое влияние в этом вопросе на него оказал директор медицинского департамента Л.Ф. Рогозин и молодой профессор В.М. Бехтерев.

Работая в земской психиатрии в Тверской, Нижегородской и Московской губерниях, Кащенко каждую больницу превращал в образцовое медицинское учреждение. Он вошел в тройку лучших российских психиатров: Н.Н. Баженов, В.И. Яковенко и П.П. Кащенко. Это были классики

земской психиатрии. Петр Петрович был известен и в Петербурге. Еще в 70-х годах XIX века Петербургское земство ставило вопрос о строительстве психиатрической больницы под Петербургом. Был проведен конкурс на лучший проект, победителем которого стал гражданский инженер И.Ю. Мошинский.

В 1899 г. Петербургская губернская земская управа пригласила П.П. Кащенко принять участие в разработке плана по организации психиатрической помощи в столичном земстве, где не было своей психиатрической больницы. В 1902 г. он свой выбор остановил на усадьбе «Сиворицы», известной родовитостью своих прежних хозяев — Ф.М. Апраксина и П.Г. Демидова. Демидовская усадьба, построенная в 1775–1776 годах архитектором И.Е. Старовым, одна из немногих красивейших усадебных построек с пей-

И.Е. Старов
(1745–1808 г.г.)

Усадебный дом в Сиворицах.

ажным парком XVIII века, хорошо сохранившихся до нашего времени. Демидовы владели ею до последней трети XIX века.

Во время покупки усадьбы она принадлежала Лилиенфельду-Тоаль. Усадьба имела удобное расположение: в 13 верстах от Гатчины и в 6,5 верстах от ст. Суйда по Варшавской железной дороге. Площадь ее была 948,5 десятин земли. К тому же губернское земство купило еще 100 десятин. Кроме барского дома с флигелями, имелись многочисленные хозяйственные постройки и чистая речка Сиворка, запруженная плотиной, она украшала пейзажный парк усадьбы.

Благодаря губернатору А.Д. Зинovieву, в 1906 г. последовало Высочайшее повеление отпустить из казны 500 тыс. рублей — безвозвратную ссуду губернскому земству. Вдовствующая Императрица Мария Федоровна пожертвовала один млн. рублей.

Проект больницы И.Ю. Мошинский окончательно доработал вместе с П.П. Кащенко. Был принят вариант павильонного типа. Подготовительные работы были выполнены. Построили кирпичный завод, электростанцию. Уже в 1906 году был заложен первый камень под больничный корпус — павильон «С». Священник отслужил молебен, были брошены деньги «на счастье» и поставлен деревянный крест на углу здания. Строилась больница три года. Здания строили из красного кирпича, снаружи покрасив в белый цвет. Они стояли на высоком цоколе из гранита и плотного известняка. Построены павильоны А, В, С, Д, Е, трудовые мастерские, жилой корпус для служащих, здание для развлечений, половину которого занимал храм. «По последнему слову техники» оборудованы кухня и при ней ледник. При больнице созданы: подсобное хо-

зяйство, молочная ферма, огород, сад. Пациенты — мужчины занимались физическим трудом, женщины — рукоделием, цветоводством. Внутреннее убранство лечебных корпусов приближалось к домашнему. Много внимания уделялось развитию творчества: пению, танцам, рисованию, театру. В спектаклях принимали участие и служащие больницы. Декорации к ним делали сами участники. Дети Петра Петровича (три сына и дочь), живя в летние месяцы в Сиворицах, иногда принимали участие в художественной самодеятельности. Один из сыновей унаследовал от отца прекрасный голос.

С 1907 года П.П. Кащенко становится директором психиатрической больницы нового типа. 2 марта 1909 года она была освящена, а 23 июня состоялось ее открытие. В этом году будет отмечаться 100-летний юбилей больницы, которая после смерти «великого целителя душ человеческих» носит его имя.

О том, как строилась больница, как она была оборудована и как работал медперсонал, можно прочитать в книге П.П. Кащенко «Исторический очерк постройки, состоящей под Августейшим покровительством Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны, больницы для душевнобольных СПб губернского земства в имении Сиворицы, Ея описания и обзор с 10 июня 1909 года по 01 января 1911 года». (СПб 1912 г.) В ней подробно излагается профилизация отделений, надзор, наблюдение, лечение, трудовая и культурная терапия.

П.П. Кащенко создал новую систему обслуживания душевнобольных, в основе которой лежат гуманные принципы. В Сиворицкой больнице он создал центр по организации психиа-

трической помощи. Еще в 1913 году Санкт-Петербургское земство на Всероссийской гигиенической выставке в Санкт-Петербурге получило малую золотую медаль «За устройство и прекрасное оборудование больницы для душевнобольных в Сиворицах».

В 1918 году глава Наркомата Здравоохранения Н.А.Семашко поручил П.П. Кащенко пост главы психиатрической комиссии в Москве. 19 февраля 1920 года Петр Петрович скоропостижно скончался, а 5 марта этого же года Сиворицкой больнице было присвоено его имя.

Интересна научно-исследовательской работе, поднятой выдающимся психиатром, традиционно сохраняется его последователями.

Более десяти лет эту больницу (СПб ГУЗ ПБ № 1 «имени П.П. Кащенко») возглавляет талантливый врач и руководитель Олег Васильевич Лиманкин, выпускник первого Ленинградского медицинского института. Здесь на излечении находятся 1500 пациентов, которых лечат и обслуживают 1200 работников. За 10 лет руководства учреждением повышенной сложности ему удалось восстановить усадебный дом и отремонтировать многие другие здания. В главном корпусе открыт музей истории усадьбы «Сиворицы», музей народного быта и гербовый зал. Продолжая дело основателей психиатрии, О.В. Лиманкин организовал и осуществил многие проекты современной психиатрии: воспринимать пациента не как «носителя болезни», а как человека с особыми личностными проблемами и запросами. Особую роль в этом плане играет арт-терапевтическая студия. Картины художественной студии демонстрировались в музеях Санкт-Петербурга, Москвы, Калининграда, Оренбурга и психиатрических центрах многих

стран. Главный принцип работы медицинского коллектива — помочь пациенту найти себя, вернуться к активной жизни. В этом помогают созданные для них музыкальная студия, библиотека, спортивные комплексы, а так же лекции, экскурсии в музей-усадьбу «Сиворицы» и другие музеи Гатчинского района.

В 2008г. при больнице открыт медицинский колледж, где повышает квалификацию младший персонал.

Главного врача больницы О.В. Лиманкина поздравляют с открытием музея.

Социальный работник М.Е. Смородина часто проводит экскурсии для пациентов, сотрудников больницы и гостей в музее и по парку усадьбы.

Благодарные пациенты пишут хорошие отзывы медицинскому персоналу и другим работникам больницы. Часто посвящают им свои стихи с тро-

гательными строчками:

*Люди в белых халатах,
незримого фронта солдаты
Все в едином строю: санитары,
медсестры, врачи.*

*Сколько боли чужой
возлагает судьба Вам на
Плечи!*

*Сколько наших надежд
в ваших сильных и чутких
Руках!*

*Сколько душ на изломе
слова ваши мудрые лечат
Сколько наших молитв
устремляется именно
к Вам!*

Н.Г. Жильцова

*Эх, Кащенко, больница Кащенко,
В больницу эту все мы влюблены.
Недаром Кащенко родная
Так много совершила для страны.*

В.П. Егоренков

ЛИТЕРАТУРА:

Актуальные вопросы клинической и социальной психиатрии. — СПб.: «СЗПД», 1999.

Гериш А.Г., Кащенко П.П. — М.: Медицина, 1980.

Записки врача-общественника. 1888-1918. — М.: «Медицина», 1969.

Кючарианц Д.А. Иван Старов. — Л.: Лениздат, 1982. — 191 с.: ил.

Медицина Ленинградской области (исторический очерк). — СПб.: Гиппократ, 2004. — с. 236 с.

Петрова О. Демидовы в эпоху просвещения //Старая Гатчина: исторические очерки. Архивные исследования. Воспоминания. Литературные материалы. — СПб.: Лига, 1996. — с. 219-240.

Пириутко Ю.М. Гатчина: Художественные памятники города и окрестностей. — Л.: Лениздат, 1979. — 143 с.: ил.

Работали не покладая рук... //Глезов С. Петербургские окрестности: Быт и нравы начала XX в. — М.: Центрполиграф; СПб.: МиМ — Дельта, 2006. — с.373-375.

Пантелеев А. Выдающийся советский психиатр//Гатчинская правда. — 1979. — 10 января.

Смородина М. Знаменитый лекарь человеческих «душ на изломе»: К 150-летию П.П. Кащенко (1859-1920) //Гатчина-инфо. — 2009. — 1 января. — с. 39.

ПОТОМОК ДВОРЯН СЛУЧЕВСКИХ ЖИЛ НА ГАТЧИНСКОЙ ЗЕМЛЕ

Марина Смородина

К.К. Случевский

Ярким представителем потомственных дворян Случевских был последний поэт XIX в., «золотого века» русской поэзии - Константин Константинович (1837-1904).

Его предки были выходцами из Малороссии. Первыми в Родословную книгу Черниговской губернии были вписаны прадед поэта - Михаил Случевский и его сыновья: Афанасий и Стефан. Прадед и дед - Афанасий Михайлович были священниками в селе Довжик, в церкви Рождества Пресвятой Богородицы. Они исправно несли службу и были под покровительством Разумовских, с которыми были знакомы еще до их возвышения при Елизавете Петровне.

Отец поэта Константин Афанасьевич (1790-1856) начал военную карьеру в чине штабс-капитана, участвовал в Отечественной войне 1812 года. В 1825 году был назначен в комиссию по

сопровождению тела умершего императора Александра I в Петербург. За эту миссию Николай I пожаловал его бриллиантовым перстнем.

Выйдя в отставку (1831) в чине полковника, он служил чиновником особых поручений при Министерстве финансов, был произведен в действительные ст. советники и награжден орденами Анны 2-й степени и Св. Владимира 4-й степени.

Константин Афанасьевич был женат дважды. От первого брака родилось четверо детей: Елена, Александр, Измаил и Анастасия. После смерти жены женился на Анжелике Ивановне Зарембо, которая родила 4-х сыновей: Константина, Леонида, Капитона и Владимира.

Благодаря Анжелике Ивановне в семье создалась теплая, доброжелательная обстановка. Заслуги отца перед Отечеством позволили семье жить в Петербурге в Измайловской части. В 1856 году от холеры умер Константин Афанасьевич. Но еще при его жизни сыновья Константин, Леонид и Капитон были определены на военную службу. Измаил служил по финансовой части, Владимир выбрал профессию юриста.

Окончив с отличием Первый кадетский корпус в Петербурге, К.К. Случевский служил в лейб-гв. Семеновском полку прапорщиком.

В 1859 году поступил в Николаевскую Академию Генштаба. Его карьера предвещала ему блестящее будущее. Но его влекла поэзия. Первые поэтические опыты (1857г.) прошли не-

замеченными. Но стихи, напечатанные в журнале Н.А. Некрасова «Современник» вызвали бурные споры. Ими восхищались Ал. Григорьев, Н. Некрасов и И. Тургенев. Особенно отметил критик А. Григорьев стихотворение:

Ходит ветер избоченясь
Вдоль Невы широкой,
Снегом стелет калачи
Бабы кривобокой.

Случевский рассказывал: «Григорьев пришел в неопишувемый восторг, предрек мне «великую славу»... Этот восторженный отзыв вызвал резкое раздражение революционных демократов, которые выступили с критикой в популярной «Искре». Имя молодого поэта стало в центре литературной борьбы. Эта борьба была ему не по силам.

В 1861 году К.К. Случевский вышел в отставку и уехал за границу. Несколько лет учился в Париже, Берлине и Гейдельбергском университете Германии, где получил степень доктора философии.

В 1866 году вернулся на родину. Его дальнейшая карьера сложилась удачно: чиновник по особым поручениям по делам печати, служба в Министерстве госимуществ, камергер Императорского Двора, действительный статский советник, член Ученого совета комитета Министерства народного просвещения, чиновник особых поручений в Министерстве внутренних дел, редактор газеты «Правительственный вестник». За многолетнюю безупречную службу был награжден многими российскими и зарубежными орденами. В конце жизни был удостоен звания - гофмейстер Императорского Двора. Действительный статский советник (генерал-майор) К. К. Случевский жил с семьей в Петербурге. После смерти Я.П. Полон-

Константин Константинович Случевский
(«Лейтенант С»)

ского, у которого собирались поэтические «пятницы», Случевский перенес «пятницы» к себе на квартиру. Гости были К. Бальмонт, В. Брюсов, И. Бунин, Ф. Сологуб... В них принимал участие младший сын поэта, Константин, морской офицер, публиковавшийся под псевдонимом «Лейтенант С» (погиб в Цусимском сражении). Он был дружен с А.В. Колчаком, с которым подружился во время службы на броненосце «Рюрик» (1895 г.).

Последние годы жизни К.К. Случевский летние сезоны проводил в Гунгербурге (Усть-Нарве), где выстроил усадьбу «Уголок», которую превратил в «приют спокойствия, трудов и вдохновенья». «Песни из Уголка», изданные в 1902 году состоят из 184 стихотворений. Многие из них пронизаны светлой грустью:

Здесь счастлив я, здесь я свободен, —
Свободен тем, что жизнь прошла,
Что ни к чему теперь не годен,
Что полуслеп, что эта мгла
Своим могуществом жестоким
Меня не в силах сокрушить,
Что светом внутренним, глубоким
Могу я сам себе светить...

По состоянию здоровья в 1903 году Случевский выходит в отставку. Врачи советовали уехать в Усть-Нарву, где он и скончался в ночь на 25 сентября 1904 года. Похоронили поэта на кладбище Новодевичьего Воскресенского монастыря в Петербурге. Могила его находилась недалеко от алтарной части храма, что спасло ее от уничтожения.

Любимый «Уголок» стали разрушать после смерти Случевского. Поэт предрек это в одном стихотворении:

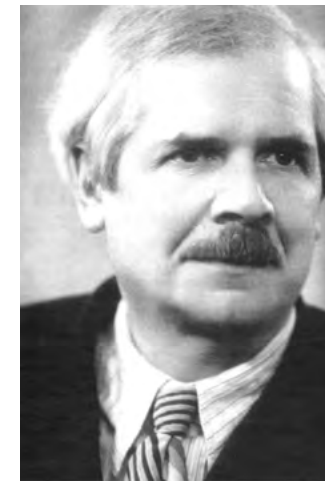
И вот сижу в саду моем тенистом
И пред собой могу воспроизвесть
Как это будет в час, когда умру я,
Как дрогнет все, что пред глазами есть...
...И это все, что здесь с такой любовью,
С таким трудом успел я насадить,
Ему, спокойной, смелою рукою, -
Призвав закон — удастся сокрушить.

В 1918 году был вырублен сад, на его месте построили склад лесопильного завода «Нарова». Погибла библиотека. В 1936 году владельцем кофейни Нытмаком разрушен дом. Сохранились лишь фундамент дома и пруд.

Литературное наследие К.К. Случевского не потеряло художественной ценности в наши дни. Как завещание звучат его слова:

Но я желал бы всей душою
В стихе таинственно-живом
Жить заодно с моей страной
Сердечной песни бытием!

Константин Константинович поддерживал теплые отношения с детьми от первого брака отца, в том числе с Измаилом, его сыном Федором, который родился в Петербурге (1875), окончил знаменитый Царскосельский лицей, затем юрфак университета. Служил товарищем прокурора Тульского окружного суда. Его женой была потомственная дворянка М.З. Деменко.

И.Ф. Случевский

В Туле родился сын Измаил (1903) и дочь Мария (1905). В Керчи, куда переехала семья, Федор Измаилович стал заниматься адвокатской практикой в качестве присяжного поверенного. Был избран гласным депутатом Городской Думы и ее председателем. В 1911 году скоропостижно скончался в возрасте 36 лет.

Детство Измаила Федоровича и его сестры прошло в Керчи. После смерти отца семья переехала в Петербург. Летом жили у родственников матери в Орловской губернии, где позже мальчик учился в кадетском корпусе. После событий 1917 года корпус был закрыт, пришлось учиться в трудовой школе. Став единственным кормильцем семьи, Измаил пошел работать секретарем в жилконторе г. Ливны, а затем санитаром в госпитале.

Вступил в ряды Красной Армии, служил в г. Ейске Ростовской губернии комендантом 26-го квартирника района фронта. Ему был выдан мандат и право «немедленно арестовывать нарушителей дисциплины и порядка».

В сентябре 1921 года Измаил Случевский поступил в Первый Петро-

градский мединститут и в 1926 году окончил его. Чтобы содержать мать и сестру, он стал работать братом милосердия сначала в лечебнице Центросоюза, а затем в психиатрической больнице им. И.М.Балинского.

Кафедрой психиатрии в институте руководил Петр Аркадьевич Останков, ставший ему учителем профессии и жизни. Ученики П.А. Останкова стали знаменитыми психиатрами, профессорами и руководителями ряда кафедр: В.И. Буторин, Е.И. Воробьев, А.А. Зайцев, И.Е. Кашкаров, А.С. Чистович и др. Особое значение для формирования научных взглядов И.Ф. Случевского имело знакомство с Иваном Петровичем Павловым и его учеником А.Г. Ивановым-Смоленским, а также с В.М. Бехтеревым, лекции которого он слушал.

Посещая научный кружок кафедры психиатрии, Исмаил Федорович познакомился со студенткой Любовью Борисовной Мартыновой. Ее отец Борис Сергеевич, профессор Петербургского университета, был потомком Мартынова Николая Соломоновича, который стрелялся с М.Ю.Лермонтовым.

Умная, привлекательная девушка заинтересовала И.Ф.Случевского. Их связывали не только искренние чувства, но и общие профессиональные интересы. Они вместе работали на кафедре I-го ЛМИ у профессора П.А.Останкова, а в 1929 году они поженились. Любовь Борисовна сочиняла шуточные стихи и записывала их в тетрадь с названием «Марионетки».

Вот что она писала о будущем муже: Песня III-я об Исмаиле «Христос! Родной простор печален, Изнемогаю на кресте».

Как человек религиозный, каждый вечер произносит следующую молитву (случайная запись).

Любовь Борисовна с сыном Федором.

Боже всесильный
Тебя я молю
Утоли печали
О коих скорблю:
Помоги работать
Мне в 5-ти местах
Удлини ты сутки
В нескольких часах,
чтобы Немировский
меня не тревожил
Чтоб в ладу со всеми
сколько можно прожил,
Чтоб меня Останков
Сделал ассистентом,
Чтобы мог читать я
Лекции студентам.
Помоги печатать
Каждый год труды
Славу и величье
Ты мне сотвори.
О, Великий Боже!...

Эти стихи напоминают «Юнкерские молитвы» М.Ю. Лермонтова, учившегося вместе с Н.С. Мартыновым в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

После окончания института Исмаил Федорович и Любовь Борисовна работали в клинике П.А. Останкова. 20 августа 1931 г. у них родился сын

Вырицкая больница. Фото 60-х гг.

Лепрозорий в Вырице. Фото 60-х гг.

Федор. Вскоре И.Ф.Случевский получает назначение в Комоловскую больницу Новгородской губернии.

В 1933 году семья Случевских переезжает в Вырицу. Исмаил Федорович и Любовь Борисовна пользуются уважением и любовью коллег и больных.

С 1934 года Случевские стали работать в больнице им. П.П.Кашенко (в Сиворицах). Они жили на II-ом этаже административного корпуса. Научной работой в 4-й Ленинградской психиатрической больнице им. А.А.Кашенко руководил П.А.Останков. Исмаил Федорович хотел на базе больницы открыть научно-исследовательский институт, но мечту не была осуществлена. Стали издаваться «Труды Ленинградской психиатрической больницы им. П.П. Кашенко». В 1935 году ему присваивается ученая степень кандидата медицинских наук.

К сожалению, Любовь Борисовна скончалась 18 ноября 1935 г. от ту-

беркулеза легких. Исмаил Федорович тяжело переживал смерть любимой жены и до конца жизни (1966 год) оставался вдовцом. Семью заменили ему ученики и пациенты.

К 100-летию со дня рождения И.Ф. Случевского, профессора кафедры психиатрии Военно-медицинской академии выпустили книгу «Исмаил Федорович Случевский», где была помещена статья главного врача СПб ГУЗ ПБ №1 «им.П.П.Кашенко» Олега Васильевича Лиманкина «И.Ф.Случевский в больнице им. П.П.Кашенко». В ней говорится, что с приходом молодого, энергичного ученого в Сиворицкой больнице оживилась научная и практическая работа.

«Исмаил Федорович завершил работу над докторской диссертацией «К патогенезу эпилептического припадка»... 15 января 1937 года он в последний раз выступает на врачебной конференции больницы с отчетом о Втором Всесоюзном съезде психиатров и невропатологов. Выполненную в больнице докторскую диссертацию он успешно защитит через год. Впереди его ждет Уфа, а потом Москва и Ленинград, новые свершения и слава выдающегося ученого, педагога и организатора здравоохранения», - пишет Лиманкин.

Сын — Федор Исмаилович (1931-1993) продолжил профессию своих родителей. Доктор медицинских наук, профессор, с 1970 года он заведовал кафедрой психиатрии Ленинградского санитарно-гигиенического мед. института.

Семейную династию психиатров Случевских продолжает внучка Исмаила Федоровича - Софья Федоровна (р. 1972). Закончив Первый медицинский институт и клиническую ординатуру академии им. И.И.Мечникова, она в 2001 году окончила еще юридический

факультет Санкт-Петербургского государственного университета. Ведь среди ее предков были не только психиатры, но и юристы. Много сил Софья Федоровна уделяет сбору материалов о своих предках - Случевских. В 2003 году была инициатором конференции, посвященной ее деду — Измаилу Федоровичу, профессору, доктору медицинских наук, девиз которого был: «Поспешающие побеждают».

Литература:

Случевский К.К. Стихи, поэмы, проза.- М.: Современник, 1988.

Случевский К.К. Стихотворения.- М., 1984.

Лейтенант С. (К.К.Случевский). Стихотворения.- СПб., 1907.

Сметанников П.Г. Измаил Федорович Случевский.- СПб., 2004.

Проблемы психиатрии: Юбилейный сборник, посвященный 60-летию со дня рождения профессора И.Ф.Случевского.- Л.: медицина, 1964.

Шамрей В.К. и др. Измаил Федорович Случевский: К 100-летию со дня рождения.- СПб., 2003.

АКАДЕМИЧЕСКИЙ СЛЕД НА ГАТЧИНСКОЙ ЗЕМЛЕ

Алена Подвязкина

Жители Гатчинского района гордятся своей малой родиной и вошедшими в его историю именами великих ученых. Их список внушительен, назову некоторых: Дмитрий Сергеевич Лихачев, Александр Петрович Карпинский, Борис Наумович Гажев и Надим Махиш Оглы Гаджиев. За каждым именем встают работы, составившие славу нашей науки. Известность в науке не зависит от количества статей, монографий, занимаемых постов, научных званий. Тут счет особый. В любой области науки сейчас печатают сотни и тысячи работ, выходят десятки трудов, журналов. Но вдруг в этом потоке появляется работа, которая становится открытием, появляется идея — и тогда лишь возникает имя.

Мне бы хотелось начать с одного из наиболее замечательных наших земляков — академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. Биографические страницы жизни и деятельности его тесным образом связаны с Гатчинской землей. Он не только бывал, но даже некоторое время жил в наших местах, плодотворно работая здесь над созданием своих литературоведческих трудов. И мы должны этим гордиться!

Д.С. Лихачев был человеком высочайшей культуры, настоящим русским интеллигентом. Неслучайно ему первому из наших земляков было присвоено звание «Почетный гражданин Санкт-Петербурга». Академик внес неоценимый вклад в дело сохранения национального наследия России и был неутомимым защитником русской культуры. В своих обращениях и пись-

мах в самые высокие инстанции Дмитрий Сергеевич призывал, требовал, умолял спасти и сохранить гбнущие памятники истории и культуры.

На протяжении всей жизни академика его творческая судьба была овеяна светлым именем Александра Сергеевича Пушкина. Более полувек Д.С. Лихачев работал в Институте русской литературы Академии Наук, который всем нам хорошо известен как Пушкинский Дом. Здесь он занимался исследованием Древней Руси, возглавлял отдел древнерусской литературы, был автором более тысячи научных трудов, лауреатом Государственных премий. В последние годы жизни он был председателем Правления Советского Фонда Культуры. О его заслугах можно говорить бесконечно. Закономерно 2006 год был объявлен в России годом Лихачева.

Академик, ученый-геолог, — это «Отец русской геологии» Александр Петрович Карпинский. Его научная деятельность отличалась разносторонностью. Им были составлены сводные геологические карты Урала и Европейской части СССР. Особенно известны работы А. П. Карпинского по тектонике, палеогеографии и палеонтологии. Он впервые раскрыл основные черты тектонического строения Русской платформы. Одним из первых в России Карпинский Александр Петрович применил микроскоп для изучения горных пород.

Геологические и петрографические исследования Карпинского тесно связаны с практической геологией. Обще-

геологические работы, в частности его геологические и палеогеографические карты, послужили основой широких практических прогнозов для поисков полезных ископаемых. За совокупность работ Карпинскому присудили Константиновскую медаль Русского географического общества и премию им. Кювье Академии Наук Франции. В 1946 Академия Наук СССР учредила премию и золотую медаль имени Карпинского Александра Петровича, присуждаемые за выдающиеся работы в области геологии.

Борис Наумович Гажев – доктор медицинских наук, профессор, академик Международной Академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности. Еще хобби – это литературное творчество. Еще учась в школе, Борис Наумович брал уроки пения и собирался поступать в Консерваторию. Но победила любовь и стремление заниматься исследовательской работой. В частности он увлекся идеями и учением знаменитого физиолога, Лауреата Нобелевской премии Ивана Петровича Павлова. Поэтому, окончив среднюю школу с серебряной медалью, поступил учиться в 1-ый Ленинградский Медицинский институт имени академика И.П. Павлова.

Позже он стал кандидатом медицинских наук и был приглашен на работу в научно-исследовательский институт в качестве старшего научного сотрудника. Командировки по всему пространству Советского Союза, сбор материалов, их анализ, написание научных отчетов, методических пособий и рекомендации для врачей, преподавательская работа.

Работа ученого и преподавателя требует постоянных научных публикаций. Этим занимается много лет Борис Наумович. С 1992 года возглавляет Сиверский медицинский центр «На-

ходка». Такое направление деятельности центра способствовало тому, что Гажева избрали академиком Международной академии экологии и безопасности жизнедеятельности.

И, наконец, наш современник Надим Махиш Оглы Гаджиев. Это интереснейший человек, академик-селекционер. После окончания сельскохозяйственного института он начал заниматься селекцией, созданием новых сортов картофеля. Сейчас успешно работает в Белогорке в лаборатории генетических методов селекции картофеля. Это единственная частная селекционная фирма на нашей земле. Она является самой конкурентоспособной на территории России. «Моя работа самая дефицитная!» – сказал Гаджиев, когда он показывал мне выведенные сорта картофеля. В общем, районировано 11 сортов, 3 находятся на испытании: «Очарование», «Даная», «Русская красавица». Надим Махиш Оглы очень расстраивается, задумываясь о будущем: «У меня только одна дочь. Кто будет продолжать заниматься сельским хозяйством и выводить новые и новые сорта?!»

Гатчина и Гатчинский район прославлены именами великих деятелей культуры и искусства, учеными, знаменитыми промышленниками и путешественниками, чья жизнь и созидательный труд овеяны любовью к Родине и родному краю – краю Великой истории и Великих людей.

ЕСТЬ СУДЬБА, ОНА ВЕДЕТ

Рассказ о нашем земляке

Антонина Кулькова

Судьба у каждого своя. Творим мы ее сами или дана она нам свыше, сказать сложно, но каждому родителю, конечно, хочется, чтобы судьба его ребенка была счастливой, интересной, насыщенной хорошими событиями. Появления этого ребенка ждали много лет, старшей сестре уже было десять, когда он родился. Имя ему дали Николай, потому что родился он перед Николой зимним. Отец был из семьи немцев, приехавших трудиться на стеклозавод Ритинга. Мать из семьи русских. Николай родился в непростой для страны послереволюционный период. Родители трудились на заводе, мать была еще и белошвейкой, одним словом, они старались, чтобы их дети ни в чем не нуждались. Коля рос всеобщим любимцем, его обожали не только родители и сестра, но и близкие родственники.

Гартвиг
Николай Александрович

Было что-то в этом мальчике, что притягивало к себе. Может, это была внешняя красота, а может – ум, любознательность. Никто тогда и не мог предположить, что он станет мастером спорта по футболу, – он просто жил, как все: шалил, учился, мечтал, влюблялся, ошибался. Его сестра вспоминала, что где-то в 16 лет у него огнем горели ступни, врачи не находили никакого заболевания, а родители не знали, что делать. Может, это было предвестие того, что он станет центральным защитником по футболу, и эти ноги будут не раз спасать команду от гола. Но до этого было еще далеко, а сейчас он вместе с друзьями мечтал стать летчиком и поступил после школы в летное училище в Ленинграде.

Беды навалились, как гром среди ясного неба. Сначала смерть мужа сестры, болезнь матери (лечил ее врач

Слупский, в то время работающий в Любани, но проработавший не один год врачом на заводе Ритинга. Этому врачу посвящена книга Юрия Германа «Здравствуйте, доктор»). Окончательным ударом было то, что во время похорон двоюродного брата, за гробом шел священник, а за ним отец Коли — этого хватило, чтобы объявить отца «врагом народа». Сына за это исключили из училища, отца не успели сослать в лагерь, потому что началась война. Николай со студенческой скамьи попадает в штрафной батальон ленинградского фронта. Не выдержав таких ударов, умирает мать. Хоронили ее, когда уже немцы бомбили Дружную Горку. До оккупации сестра еще успела разыскать брата в окопах под Ленинградом и ужаснулась: его виски были седыми. Это была их последняя встреча, всю войну они ничего о нем не знали. А он продолжал честно сражаться с немцами на Ленинградском фронте, имел несколько наград: «За отвагу», «За оборону Ленинграда». За успехи, проявленные на фронте, его направляют учиться в военное интендантское училище в Омск. Окончание войны он встретил именно там. Судьба даровала Николаю жизнь, вот только омрачалась эта радость тем, что он ничего не знал о близких. А родные

Команда

тем временем вернулись из Германии (они туда были угнаны немцами), но в поселке о Николае толком ничего не знали.

Немного погодя, уйдя в отставку, вернулся и он в родной поселок. Радость, которую пережили сестра с сыновьями и его отец, описать невозможно. Перед ними стоял статный красавец высокого роста. Разговорам не было конца, но самое главное, что все они были теперь вместе и, как для всей страны, так и для их семьи начались трудовые будни.

Он выбирает для себя более мирную профессию и идет работать учителем физкультуры в Сиверскую школу, тем более что спорт его привлекал всегда. Одновременно начинает играть за дружногорскую футбольную команду. Надо сказать, что в поселке и до войны и после большое место уделялось развитию спорта. Всегда находились люди одержимые этим. Вместе с ним играют в футбол Капитон Крылов, Владимир Иванов. Футбольная команда была сильной и сплоченной. Дружногорская команда принимает участие в районных и областных соревнованиях, занимает первые места. Благодаря этому Николай был замечен и приглашен играть за Ленинград в футбольную команду «Зенит». Произошло это в 1947 году.

Судьба вновь благоволит к нему, и у него начинается новый жизненный этап. Несколько лет он был игроком «Зенита», не сразу все шло гладко. Вот что пишет в своих воспоминаниях «В воротах «Зенита» знаменитый вратарь команды, а впоследствии и лучший друг Николая, Леонид Иванов: «В защите выделялись Алексей Пшеничный и Николай Гартвиг, закрепившийся в основном составе год назад. До этого он неудачно дебютировал на правом краю нападения. Николай но-

Команда «Зенит»

сился по бровке поля, прилагал много сил и старания, но результативной игры не показывал. Кое-кто уже стал поговаривать об отчислении новичка, но однажды его решили поставить на место правого защитника. Гартвиг сыграл безукоризненно — смело, грамотно, жестко. Своей хорошей игрой этот парень вызывал у вратарей, игравших с ним, уверенность в его непогрешимости». Так началась его футбольная биография. Долгое время он был невыездным из-за фамилии, из-за этого же не брали в сборную России. В 50-е годы команда «Зенит» была частым гостем в Дружной Горке, благодаря Н. Гартвигу. Дружногорские мальчишки были влюблены в своего кумира, а Л. Иванов, будучи уже на пенсии, часто приезжал сюда отдыхать. В начале футбольной карьеры Николай заочно окончил институт физической культуры им. П.Ф. Лесгафта, учился на кафедре футбола. Закончив играть за «Зенит», стал работать его третьим тренером. Затем пошел преподавать на кафедру футбола в институт им. П.Ф. Лесгафта и параллельно тренировал футбольную команду завода «Красный химик». Много было взлетов, падений, разочарований. Неизменным оставалась влюбленность в спорт, в футбол.

Нашему поселку повезло. Здесь

всегда находились люди, которые были и остаются истинными поклонниками спорта. Футбольная команда «Алмаз» многие годы была одной из лучших команд района и области, благодаря ее тренеру Р.Ф. Фасхутдинову, который многие годы руководил спортом в поселке. Благодаря ему начали проводить турнир футбольных команд района на «Кубок Гартвига», когда его не стало. На эти соревнования приезжали бывшие игроки «Зенита», его друзья коллеги из института, футбольные комментаторы. Всегда приезжала футбольная команда «Красного химика», которую он тренировал. Затем эту эстафету подхватил не менее опытный тренер и влюбленный в свое дело человек — С.И. Тарновский. Много сил ему пришлось приложить в перестроечное время, чтобы «Кубок Гартвига» не только не угас, а принял определенный статус соревнований по футболу, единственное изменение — он стал проводиться среди детских команд, а может это и лучше, потому что из таких мальчишек вырастают настоящие спортсмены. Благодаря усилиям Сергея Ивановича, дружногорское футбольное поле стало лучшим в районе носит имя Н. Гартвига. Пройдет время, и на смену С.И. Тарновскому, может быть, придет его ученик и продолжит проводить соревнования, посвященные нашему земляку, ведь эти соревнования стали традицией, а традиции надо беречь.

Зоя Бобкова

Александр Григорьевич Сыренин

В Гатчине было всего несколько выставок его картин, да и жил он здесь недолго. Но с первой же выставки его творчество обрело признание широкой публики. Его пейзажи, писанные маслом, увидев раз, уже не забудешь никогда. Он и человек интереснейший. Мне удалось побеседовать с ним, и я расскажу о его судьбе в этом очерке.

Родился Александр Григорьевич Сыренин вблизи Чудского озера. В 1919 году его прадедушка получил в тех местах землю, и с тех пор семья жила на хуторе Пристань. С трех сторон хутор окружали болота, а с четвертой — лес. Александр был единственным ребенком в семье, и его друзьями по играм стали домашние животные и лесная живность. Он рос плоть от плоти окружающей природы,

и, естественно, что именно тогда в его душе зародилась поэзия красок, сочных и первозданных.

В 1943 году ему было 15 лет. Их места были оккупированы немцами. Школьный друг предложил ему уйти в партизаны. Оказывается, отец Коли был командиром партизанского отряда. Двое пацанов менее подозрительны для немцев, и ребятам удалось обойти немало сел и хуторов, а своими наблюдениями поделиться с партизанами. Но их заподозрили, полицию поручили наблюдать за ними. Ребят вовремя предупредили, и вскоре их забрали в отряд. А через четыре дня было боевое крещение: немцы решили потеснить партизан. При полном вооружении отряд в триста эсесовцев открыто шел к лесу. Партизан было в три раза меньше, но их охраняла своя земля, они взяли немцев под перекрестный огонь. И ход сражения был предопределен. В этом бою Александр впервые узнал, что такое страх. Его послали в тыл доложить командиру о начавшемся бое. Над головой сплошным потоком хлестал свинцовый дождь, и тогда его сковал ужас перед неизбежностью. Потом он не раз замечал, что самое страшное в бою, когда заканчиваются патроны и от тебя уже ничего не зависит.

В Ленинградской области действовало несколько партизанских бригад, Александр Григорьевич воевал в 6-ой, где командиром был Обьедков. В первых числах марта 1944 года немцы задержали наши войска на рубеже реки

Плюса. Партизанские бригады уже влились в состав действующей армии, но фронт держали на своих участках.

Стоял двадцатиградусный мороз. Восемь дней замерзали и оттаивали бойцы на снегу. Раз в сутки им доставляли замерзшую кашу и мороженный хлеб, выдавали внутреннее сало, которое приходилось съедать, чтобы не замерзнуть окончательно. В бою бойцы отогревались.

Наконец, пришла замена. Думали, отправят на отдых, оказалось — на переформирование, но горячую пищу успели доставить, даже мяса ребята отведали. Отряд частично перевооружили, переодели и отправили в тыл к немцам. Неожиданно их настиг точечный артобстрел. В белых масках латах им было легче раствориться на местности. Задание выполнили.

В 6-ой партизанской бригаде было четверо пацанов, в том числе Саша Сыренин. Они стали сыновьями полка, но поблажки на возраст им не полагалось, делали все, что положено было бойцу, и сверх того. Ребятня разведка доставляла более полные и достоверные данные. Но перед прорывом блокады Ленинграда ребят вызвали к командиру, уговаривали разойтись по домам и спрятаться. Это был приказ с Большой земли. Но мальчишки отказались уйти из отряда. И воистину, знал бы, где упадешь, соломку подложил бы. Но этого никто не знает. Тому подтверждение история, свидетелем которой был Александр Григорьевич. Его друг Коля и он участвовали почти во всех основных боях своего отряда и остались живы. Они звали уйти в партизаны и одноклассника Сергея. Но его не пустила мать, такой шум подняла, когда к нему пришли ребята, что могли бы услышать немцы (это было еще на оккупированной территории). Но через месяц после этого Сер-

гея убило на рыбалке (пролетающий немецкий самолет). Уже в 1944 году, увидев ребят живыми, мать Сергея рвала на себе волосы и кричала: «Этот я убила сына. Он умер не за Родину, а за кусок рыбы».

Вот еще один боевой эпизод, в котором принимал участие Александр Григорьевич. Это было под Плюссой. Отряд получил задание оседлать дорогу. Группа бойцов под прикрытием больших навозных куч двинулась ползком вперед. И вдруг кучи заговорили таким пулеметным речитативом, что пришлось залечь, куда придется. Навозные кучи оказались замаскированными дзотами. Саша ввалился в воронку, и это, вероятно, спасло его от смерти. Фактор внезапности быстро исчез, дзоты закидали гранатами и с ходу захватили немецкий гарнизон в деревне.

Только бойцы поели каши, остывая от горячки боя, как по деревне ударила наша артиллерия. Опять Александр спасался в воронке, он четко знал закон, что в одно и то же место снаряд дважды не падает. Двадцатиградусный мороз, ноги в обмотках и калошах, на дне воронки вода, и результат — паренек отморозил ноги. Получил и контузию — в ушах полная тишина, в позвоночнике боль. Привезли Сашу в Гатчинский госпиталь. А когда партизанский отряд расформировывали, и были большие торжества в Ленинграде по случаю прорыва блокады, выступали Жданов и Говоров (командующий Ленинградским фронтом), Саша присутствовал на этом торжестве.

Вышел молодой человек из госпиталя, оформили ему инвалидность, но...

— Порвал я эту бумажку, — вспоминает Александр Григорьевич, — месяц отдохнул в партизанском Доме отдыха и вернулся к военной жизни.

Служил он в запасном полку в Ленинградской области. На всю жизнь запомнил Александр Григорьевич притчу своего комиссара.

— У тебя есть полированная стенка, — любил говаривать тот, — тебе в нее нужно забить гвоздь. А он один и то ржавый и кривой. Что нужно сделать, чтобы гвоздь не изуродовал стенку? Правильно, выпрямить и вычистить. Но, главное, вложить в это дело частицу своей души. И тогда гвоздь украсит стенку.

Этот совет комиссара стал главным девизом его дальнейшей жизни: он в любое дело вкладывал частицу своей души, оттого у него все ладилось.

После войны он стал художественным руководителем Матросского клуба Балтийского флота, окончил заочное режиссерское отделение ВДНТ им. Крупской. После демобилизации, в 1951 году, работал директором Дома культуры в Приморске, потом директором ДК в Кохтла-Ярве.

В Эстонии отношение к русским было недоброе. Александр Григорьевич сумел привлечь местную интеллигенцию к активной жизни, устраивал интересные мероприятия, балы, как бы размагничивая ее, создал клуб пенсионеров. Через полгода в Москву, в адрес Съезда, поступила телеграмма от местного населения с благодарностью за его труд. Но националисты тоже не дремали и Александра Григорьевича пытались убить.

С 1959 года он работал в системе «Союзгосцирк», возглавлял Большой Ленинградский цирк «Маяк». Потом его отправили в Кишинев. Под его руководством был построен лучший в СССР цирк — Кишиневский. Он — Заслуженный работник Культуры РСФСР.

Александр Григорьевич награжден медалями «За боевые заслуги», «За

победу над Германией», «За доблестный труд».

Он не только воин, но и великолепный художник, в каждую картину вкладывал частицу своей души, а когда А.Г. Сыренин выпустил свою первую книгу, оказалось, что свою душу, он вложил и в стихотворное творчество.

У его книги романтическое название: «Послания любви». Это стихи о любви: к женщине, своей верной спутнице жизни, Валентине Ивановне, к жизни, которая и на восьмидесятом году милостива к автору, к природе родных мест, где жил и работал Александр Григорьевич.

Он пишет стихи с молодости, но всегда считал, что представлять их на суд читателя не нужно, потому что его стихи — это, прежде всего, струны его души и задевают только его. Даже когда ему предложил их напечатать Михаил Александрович Дудин, известный ленинградский поэт, Александр Григорьевич отказался это сделать.

С тех пор минуло много лет, и настал момент, когда созрело решение: стихи могут прозвучать и для других людей.

И вот вышла книга. В ней представлены не только стихи, но и превосходные, яркой краски, картины. Обложка оформлена тоже фрагментом картины, которая называется «Австралийская весна».

Но ... предоставим слово автору.

* * *

Я исходил дорог — не перечсть.
Мне старшина сапог сменил немало.
Судьба-злодейка не дала присесть,
Из края в край земли меня швыряла.
Со мной чего она не вытворяла:
Бросала в пекло шквального огня,
До рвоты на чужих волнах качала,
Рукой свинцовой гладила меня.
Морила голодом, морозом обжигала,
Моею кровью вскармливала вшей,

Дождем на мне белье мое стирала
И хоронила преданных друзей.
Наверно, я чего-то в жизни стою,
Что смерть так снисходительна, вдвойне,
Хотя не раз костлявою рукою
Расписывалась пулями на мне.
И до сих пор со мной играет в прятки
Судьба. Не раз пришлось увидеть наяву,
Как счастье удирает без оглядки...
И, все-таки я счастлив, что живу.

* * *

В закатные часы при полной тишине,
В оранжево-лимонном ореоле
Сияет солнце в вышине
И льет поток любви по Божьей воле.
Застыло и притихло все —
Поэзия земли, поэма волшебства.
Лишь искорки снежинок на весу,
Такое в сказках и во сне
Да в «Берендеевом лесу».

* * *

Всех на земле нас
ожидает бездна.
Тебя ж не мучает пускай
всесильный страх,
Отныне Ты, любимая,
бессмертна —
Ты вечно будешь жить
в моих стихах.

«ГОРЖУСЬ ЗВАНИЕМ СТРОИТЕЛЯ!»

Очерк о Почетном гражданине города Гатчины,
Герое Социалистического Труда В.Д. Изотове

Владимир Николаев

В.Д. Изотов

Стоит в лесном Тихвинском краю деревня Селово¹. Место по местным условиям совсем не глухомань: пройдешь две версты к северу – выйдешь на большак, столько же вышагаешь в южную сторону – окажешься на железнодорожном разъезде. В этой деревне 1 мая 1927 года в семье Дмитрия Изотова родился второй сын, названный родителями Валентином. Младенец ничем особым не выделялся: был крепок сложением, подвижен и голосист, одним словом – дитя как дитя. Конечно же, родители желали и делали все, чтобы он, как и все их дети, вырос трудолюбивым, честным и счастливым. Таким он и вырос. Правда, трудолюбие и честность у него от родительского воспитания, а что ка-

сается счастья, то тут Валентин Дмитриевич постарался сам, следуя поговорке: «всякий своего счастья кузнец». Вот и выковал он его, не боясь трудностей и препятствий.

Была у Валентина Дмитриевича и счастливая семейная жизнь с женой Александрой Андреевной, дочками и внуками, была и работа, доставлявшая удовлетворение, были и друзья и интересные увлечения. Были награды, известность и слава, к которым он относился очень сдержанно, никогда ими не хвастался и не использовал для «пробивания» каких-либо личных благ. Все, чего он добился, это благодаря неустанному труду, самоуважению, высоким нравственным качествам.

Добился, только вот скончался преждевременно. Хотя Валентин Дмитриевич был мужиком жилистым, покрестьянски крепким, да не выдержал жестокого удара – балка, упавшая на него на стройке, вызвала болезнь, которая и свела его в могилу.

Из 34-х Почетных граждан города Гатчины В.Д. Изотов единственный Герой Социалистического Труда, удостоен этого звания в 1971 году. А еще он – Заслуженный строитель РСФСР, Кавалер высшей награды СССР – ордена Ленина и орденов Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, награжден золотой медалью «Серп

и Молот», медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», юбилейными медалями, значком «Отличник социалистического соревнования Министерства строительства РСФСР», многочисленными Почетными Грамотами Министерств СССР, РСФСР, строительных главков, трестов и управлений, Гатчинскими городским и районным Советами народных депутатов. В 1970 году имя Валентина Дмитриевича было занесено в Ленинскую Книгу трудовой славы Министерства строительства СССР.

Гатчинцы, в чьем городе В.Д. Изотов проработал 50 лет, из них 36 лет в строительной отрасли, и где построил много жилых зданий и объектов промышленного, культурно-бытового, административного и торгового назначения, избирался депутатом городского Совета и активно участвовал в государственной и общественной работе, также достойно оценили его труды. Валентину Дмитриевичу присвоено звание Почетного гражданина города Гатчины, его именем названа улица в новом микрорайоне «Въезд» и установлена мемориальная доска.

А еще Валентин Дмитриевич член Коммунистической партии с 1963 года, 17 января 1981 года на 25-й конференции Ленинградской областной организации КПСС, в числе 179 человек был избран делегатом на 26-й съезд КПСС. Это высокая честь для рядового коммуниста.

Съезд проходил в Москве с 23 февраля по 3 марта 1981 года. Вместе с еще пятью тысячами делегатов от 17 480 тысяч коммунистов страны, Валентин Дмитриевич участвовал в обсуждении вопросов повестки дня

съезда, как и все голосовал за одобрение открывавших новые перспективы «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981–1985 годы и до 1990 года». Так обыкновенный рабочий человек, бригадир-строитель из Гатчины участвовал в принятии важного документа, определившего развитие нашей страны на целое десятилетие вперед.

Впрочем, обыкновенный ли? Натруженные мозолистые руки, переложившие десятки тысяч кирпичей, перелопатившие сотни тонн раствора, изготовившие сотни дверных коробок, остеклившие тысячи оконных рам, настелившие тысячи квадратных метров полов, установившие фундаменты сотен домов и переделавшие еще много всевозможной работы, никак не назовешь обыкновенными. Эти руки – золотые! И этот рабочий человек, великий труженик и созидатель Валентин Дмитриевич Изотов – тоже золотой. На таких людях и держится наша Держава.

* * *

Жестокие бури минувшего века не прошли мимо деревни Селово. Сначала война ударила по ней тяжелым молотом, затем стала уходить молодежь, а перестройка вконец высушила ее крестьянские корни и теперь деревня, в которой по переписи 2000 года насчитывалось всего 8 жителей, доживает свой век. А ведь лет 70-80 назад, она была людной. К примеру, в одной только семье Дмитрия Изотова насчитывалось пять человек детей; семейств же таких в деревне было более трех десятков. И школа начальная в деревне была. Валентин в ней 4 класса окончил, семилетнее образование получил уже в Гатчинской вечерней школе.

Война вытеснила Изотовых из Селово. Отец умер от военных невзгод, дочери Клавдия и Шура поехали

замуж в неблизкие края, старший из братьев, Иван, пропал без вести на фронте, младший, Тимофей, после войны переселился в Тихвин.

Непросто складывалась жизнь и Валентина. В феврале 1943 года его, шестнадцатилетнего юношу, мобилизовали в государственные трудовые резервы и послали учиться на столяра в строительную школу ФЗО (фабрично-заводского обучения) в Тихвин². Учились недолго. Через шесть месяцев вместе с группой выпускников его направили в Демянск (ныне Новгородская область), в СУ-13 восстанавливать истерзаный войной город. Здесь работали всего полгода. Как только сняли блокаду Ленинграда, из бригады отобрали пять человек, в том числе и Изотова, и отправили восстанавливать пригород Ленинграда — Павловск. Но и здесь поработали недолго. Срочно потребовались люди на ремонт пятиэтажного здания госпиталя на улице Комсомола, и Изотова с товарищами перевели в Ленинград.

* * *

Ленинград поразил юношу, не видевшего крупных городов, многим, но больше всего огромными, искони красивыми, но обезображенными немецкими бомбами и снарядами многоэтажными домами. Немало среди них было и руин с глыбами обвалившейся стеной кладки, горами кирпичей, искореженных балок, водопроводных труб и всякого мусора. «Сколько же здесь надо настелить полов, установить дверных коробок и оконных рам!», — размышлял Валентин, шагая через весь город мимо покалеченных зданий на Выборгскую сторону³.

Столяра Изотова и его товарищей определили в строительное управление № 2 треста «Ленстрой». Первое задание было отремонтировать и

остеклить все поврежденные оконные рамы в госпитале.

Работы для строителей было столько, что бригада нередко оставалась сверхурочно. Приходилось не только столярничать и плотничать, но и выполнять другие строительные работы. Так Валентин научился класть кирпич, штукатурить, красить, крыть кровлю, складывать печи. Добросовестность и сноровка, с которой он выполнял всякую работу, стремление рационализировать трудовые операции, были замечены начальством. В 1946 году ему поручили возглавить столярно-плотницкую бригаду из двух десятков рабочих. Это назначение совпало с решением городских властей о свободном найме рабочих и служащих на предприятия, в учреждения и организации. Мера была своевременной, она привлекла дополнительную рабочую силу, позволила улучшить обеспечение строек кадрами.

Люди в бригаде Изотова подобрались разные. Были в ней солидные по возрасту и жизненному опыту фронтовики, были и только что выпущенные из строительных школ безусые «фэзэушники». Несмотря на молодость, бригадиром Валентин Дмитриевич оказался толковым. Он заботился, чтобы бригада не имела простоев, была обеспечена работой, материалами, инструментами, спецодеждой. К подчиненным был требовательным, контролировал их работу, не допуская безделья и брака, справедливо распределял наряды, так, чтобы никого не обидеть заработками. Свои обязанности, как и работу на конкретном рабочем месте, бригадир выполнял безупречно. И поскольку человеком он был добрым и мягким, то провинившихся не распекал, просто напоминал им о рабочей совести, об ответственности перед коллективом, о долге перед

ленинградцами. Рабочие его уважали и с легкой руки фронтовиков стали коротко звать: «Дмитрич». Так всю жизнь к нему и обращались: и товарищи по бригаде, и начальство. Климат в бригаде был всегда здоровым. Плановые задания обычно выполнялись с превышением. Бригада вошла в число передовых в тресте, ее трудовые достижения стали отмечать премиями, Почетными грамотами, Красными вымпелами.

В личной жизни бригадира тоже произошли изменения. В 1950 году Валентин Дмитриевич женился. Искать невесту не пришлось, она была рядом — в бригаде отделочников. С Шурочкой, Александрой Андреевной Соколовой, они окончили одну школу ФЗО, только она на один выпуск позже

Впервые встретились в Ленинграде на ремонте госпиталя. Совместная работа сблизила их, они полюбили друг друга и решили никогда не расставаться. Свадьба была для обеих бригад настоящим праздником — люди в то послевоенное время умели искренне радоваться и веселиться. Молодоженам в общежитии на 5-ом, бытовом этаже госпиталя, отгородили угол, ставший стараниями родителей теплым гнездышком для дочки Татьяны.

Брак был счастливым. Александра Андреевна была для мужа и другом, и советчицей, и крепким тылом.

В Ленинграде Валентин Дмитриевич работал до весны 1951 года. В марте трест реорганизовали, общежитие на улице Комсомола закрыли, большинство строителей перевели на Песочную, а пятерых, в том числе и В.Д. Изотова, направили на Гатчинский прорабский участок строительного треста № 2 Главного управления «Леноблстрой». Здесь, учитывая

универсальные строительные навыки и организаторские способности, его назначили бригадиром комплексной бригады. Чтобы руководить 30-40 рабочими, выполняющими одновременно до 10 и более видов работ, бригадир должен быть, как в той поговорке: «и швец, и жнец, и на дуде игрец». Оказалось, Валентин Дмитриевич мог быть и таким.

С Гатчины началась новая страница его биографии.

* * *

В январе 1944 года, после освобождения Гатчины в ней насчитали всего половину неповрежденных зданий. В соответствии с «Законом о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 гг.» и разработанными на его основе местными планами, к концу 1950 года жилой фонд в Гатчине, как писали в газетных отчетах, был, в основном, восстановлен. Но оставалось еще немало зданий, на которых был проведен только так называемый приспособительный ремонт, а капитальный ремонт отложен до более лучших времен. Средств не хватало, из-за чего окончательное восстановление знаменитых гатчинских дворцов, парковых строений и сооружений, бывшего Сиротского института, церковных и ряда других зданий, растянулось на многие годы и десятилетия, а реставрация императорского дворца продолжается и поныне.

— Валентин Дмитриевич в Гатчину ехал с удовольствием, я же поначалу не хотела, — вспоминает Александра Андреевна. — Приехали в Гатчину — ой, господи! — столько еще было в ней разрушенных домов. Ремонтировали их или ремстройконтора жилкомхоза, или предприятия своими силами. Мы строили только новые дома. Первый,

трехэтажный построили на Советской, после там размещалась контора нашего 49-го треста.

Дали нам комнату в 7-ом доме на Советской — темная, сырая, стены заплесневели, а у нас малое дитя. На следующий день пришел начальник нашего участка Гуревич, ленинградец, очень хороший был человек. Спрашивает: «Ну, как вы тут устроились?» Увидел влажные, в подтеках стены, посочувствовал и говорит: — «Завтра я вам пришлю машину дров и двух человек. Прогрейте, просушите комнату». На другой день и вправду, привезли нам машину сухих березовых дров, двое рабочих их за два дня распилили. Протопили мы печь, высушили стены, сделали ремонт, и жили в той комнате много лет, пока не получили однокомнатную квартиру на Советской, 14...

Комплексные строительные бригады стали одним из рычагов улучшения состояния дел в строительстве, о чем писала газета «Гатчинская правда».

«Большую роль в повышении производительности труда, в улучшении организации и качества строительных работ, — информировала газета 13 августа 1958 года, — играли комплексные бригады строителей, успешно ведущие все работы на объектах. Из среды строительных коллективов выдвинулись сотни замечательных мастеров своего дела. Это — Валентин Изотов и его жена Александра Изотова, Геннадий и Александра Коротаевы, Прасковья Максимова из треста № 2, работники городской и районной ремонтно-строительных контор т.т. Кукин, Кознев, Носков, Алексеева, Игнатенко, Бакулин, Клевцов, Зубарев, Журавлев и многие другие. Почти все они в совершенстве владеют несколькими смежными строительными профессиями».

* * *

Во второй половине 1950-х годов Гатчину охватил строительный «бум». В городе росло число жилых домов (правда, малоэтажных — не выше 3-х этажей). В промзоне № 2 росли корпуса Всесоюзного научно-исследовательского института строительных машин, завода железобетонных изделий, перепрофилированного позже в домостроительный комбинат. На улице Чкалова возводились корпуса строительной школы, названной после завершения ПТУ № 13 и давшей городу немало высококвалифицированных строителей. Грандиозное строительство развернул в Орловой роще военный стройбат, горожане знали, что там возводится «секретный атомный» институт (филиал Ленинградского физтеха — В.Н.). Под строительство жилья для его сотрудников в городе отвели целые кварталы. Дома в них строились быстро, без «архитектурных излишеств», но красивые, а главное со всеми удобствами. Возводились новые школы, магазины, объекты культурно-бытового назначения.

Снова обратимся к газетной летописи города.

«На улице Чкалова выросло красивое двухэтажное здание, — сообщала «Гатчинская правда». — Главный вход его украшает эмблема музыки — лира. В Гатчине много любителей музыки. Этому искусству обучаются дети рабочих, служащих, колхозников, интеллигенции. Число желающих учиться растет с каждым годом. Поэтому несколько лет назад и было решено построить в нашем городе новую школу на 300 мест.

Авторами проекта являются ленинградские архитекторы т.т. Дьяконов, Зимарев, Ставинский, Алымов и техник т. Журавлев.

Сооружали школу строители управ-

ления треста «Ленстрой». Особенно старательно потрудились комплексная бригада, руководимая Валентином Дмитриевичем Изотовым. Сам бригадир работает на стройках около 20 лет. Но музыкальную школу ему пришлось соорудить впервые. И, нужно сказать, что Валентин Дмитриевич и члены его бригады добросовестно справились с порученным заданием. Качественно выполнили работы плотники Николай Кудряшов, Владимир Семенов, Михаил Селезнев, Василий Быков. Большую и ответственную работу выполнила бригада маляров Ольги Мещеряковой. Хороший подарок приготовили гатчинцам наши строители... На строительство новой музыкальной школы израсходовано 2,5 миллиона рублей, а на оборудование школы предполагается израсходовать приблизительно 150 тысяч рублей».

Поясним, что музыкальная школа со дня организации в 1929 году не имела собственного здания и 30 лет «кочевала» по Гатчине. И вот, наконец, мечта всех поколений ее учеников и преподавателей — обрести свой... нет, не угол, а дворец — осуществилась.

Торжественный акт открытия здания школы состоялся 4 января 1959 года. За два дня до этого Советский Союз запустил в сторону Луны многоступенчатую ракету. Это событие придавало особую праздничную атмосферу торжественному собранию музыкантского сообщества.

— Нам, гатчинцам, — сказал на открытии школы заведующий отделом культуры райисполкома Л.И.Фиалков, — особенно радостно сознавать, что мы празднуем открытие нашей детской музыкальной школы как раз в тот день, когда пронзает космос наша советская ракета, запущенная в сторону Луны.

С той поры прошло полвека. За

В.Д. Изотов с внуками Юрой и Иришей.

это время в школе основы музыкальной культуры и исполнительского мастерства получили тысячи юных и взрослых гатчинцев. В числе питомцев школы есть и изотовская поросль: внук Юра — саксофонист, внуки Ира — гитарист и флейтист, еще одна Ира и Наталья — пианистки. Хорошую школу построил им дед, он заслуженно гордился своей работой. В год постройки школы «Гатчинская правда» в первом номере напечатала вот такое его письмо:

Горжусь званием строителя!

Великой исторической вехой вошел внеочередной XXI съезд в жизнь нашей страны, в жизнь каждого человека. Высокими думами, большими чувствами живут в эти дни все труженники нашей великой Родины.

Я — строитель и с гордостью ношу это звание. Мне радостно сознавать, что мой труд украшает быт советского человека. Семнадцать лет работаю на стройке. А сколько за это время при моем участии построено жилых домов, культурно-просветительных учреждений и бытовых предприятий! Моими руками возводились дома в Демянске, и Малой Вишере Новгородской области, застраивались новые кварталы в городах нашей области и Ленинграде.

Неузнаваемо изменится облик Гатчины за семилетие. Появятся новые кварталы жилых домов, бытовые предприятия и многое другое. Глядя на огромные масштабы строительства, невольно думаешь о том, как наша родная партия заботится о благе советского человека. Вот почему каждый из нас делами отвечает на эту великую заботу.

Сейчас моя бригада ведет строительство городской бани. На стройки приходит все новая и новая техника, облегчающая труд строителя. Чтобы умело управлять техникой, производительнее ее использовать, быстрее выполнить семилетний план, нужны высококвалифицированные рабочие.

Мы не можем оставаться равнодушными к своей работе, своему творчеству. И я решил в этом году поступить в школу рабочей молодежи, а по окончании ее пойти на курсы мастеров по строительству.

*В. Изотов,
бригадир комплексной бригады
строительного управления № 9
треста № 2 «Ленoblстрой»*

* * *

В феврале 1963 года была введена в эксплуатацию первая очередь Гатчинского домостроительного комбината (ДСК). В марте его рабочие приступили к сборке первого 64-х квартирного крупнопанельного дома по адресу ул. Киргетова, 9. С этого времени в Гатчине началось индустриальное домостроение. У его истоков стоял и Валентин Дмитриевич Изотов. В то время, как домостроители застраивали панельными пятиэтажками 31-й квартал (участок, ограниченный с 4-х сторон улицами Радищева, Киргетова, Гагарина, К.Маркса), его комплексная

бригада строила для них котельную.

Позже бригада перешла на строительство фундаментов зданий. В связи с этим Александра Андреевна вспомнила одну историю.

«Бригада подготовила на улице Чкалова фундамент для панельного дома на улице Чкалова. В конце рабочего дня, накануне сдачи его комиссии ДСК, приехал оттуда прораб, чтобы удостовериться, что к приемке все готово. Обошел, осмотрел он стройку, а потом говорит Валентину Дмитриевичу:

— У тебя ошибка на полметра, принимать такой фундамент не будем.

— Ошибки не может быть, все точно. Я сам измерял и проверял...

Ночь не спал, все в кровати ворочался, в уме просчитывал: «Не может у меня быть ошибки, не может...». Переживал очень.

В шесть часов просыпаюсь, гляжу — нет его, наверное, убежал на стройку. Я — туда. Вижу: ходит по фундаменту с нивелиром, все перепроверяет, записывает.

— Ну, как? — спрашиваю, — Ошибся?

— Я же говорил: нет никакой ошибки.

В 10 часов приезжает комиссия из ДСК. Пять человек. Все, конечно, знают бригадира.

— Ну, Дмитрич, давай показывай.

Осмотрели фундамент, замеры сделали. Все было точно по чертежу, нигде ни на сантиметр нет отклонений. Вот так аккуратно он работал.

* * *

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 7 августа 1965 году Валентину Дмитриевичу Изотову было присвоено почетное звание «Заслуженного строителя РСФСР». В партийно-производственной характеристике, подписанной «треугольником» СУ-234

— начальником управления, секретарем парторганизации, председателем стройкома, а также секретарем Гатчинского ГК КПСС перечислены морально-деловые качества, основные производственные достижения и общественная деятельность представляемого к награде. Приведу только два абзаца из нее.

«Бригада тов. Изотова В.Д. за последние пять лет построила в гор. Гатчина общежитие на 240 мест, жилые дома площадью более 10.000 кв. метров, музыкальную школу, котельную, в совхозе Скворицы птицеферму, баню на 30 мест, столовую на 60 мест и другие объекты...

Повседневно передает свой опыт членам бригады. Только за последние три года тов. Изотов В.Д. подготовил из числа молодых рабочих 26 квалифицированных столяров, каменщиков, монтажников... принимает активное участие в общественной жизни коллектива строительного управления, член построечного комитета, председатель спортивной секции».

Здесь указано, что 38-летний бригадир был спортивным лидером почти полутысячного коллектива. Любопытно, каким же видом спорта он увлекался?

— Гиревым, — вносит ясность его дочь Светлана Валентиновна. — Папа был хоть и невысок ростом, но сильным. Двухпудовую гирю одной рукой поднимал 18 раз. — Она извлекает из папки с грамотами отца одну, и подает мне.

Читаю: «Грамота. Награждается Изотов В.Д. за 1-е место по гиревому спорту на первенство СУ-234 в Зимней спартакиаде 1971 года среди старшего возраста». Дата, подпись.

— Бывало, — продолжает Светлана Валентиновна, — пойдем всей семьей в парк — раньше по выходным или

праздничным дням там всегда устраивались гулянья. — Идешь, а прямо на аллее аттракцион какой-нибудь: то кольцо на колышек надо набросить, то удочкой деревянную рыбку выловить, то стукнуть молотом по наковальне и стрелка покажет силу удара. Если удар очень сильный, стрелка зашкаливала и пронзительно звенел звонок. Папа обычно всегда «звонил», но от призов отказывался, стеснялся брать их.

— А какие еще увлечения у него были? Музыка? Театр? Книги?

— Любил танцевать. Если читал книги и журналы, то в основном технические. Он был рационализатором, всегда что-то придумывал, чтобы облегчить или ускорить работу, экономить средства. Рацпредложений у него было много.

Больше всего его занимала работа. Он уходил в 5-6 утра, до прихода рабочих все проверял, заранее продумывал куда и как расставить людей. Папа даже в отпуске не забывал о работе. На дачном участке он все построил сам: дом, баню, сарай. Если уезжал куда-нибудь, то посещал там местные стройки, перенимал опыт. Однажды, отдыхая в Сочи, изучил там технику резания витринного стекла. Это сейчас есть любые инструменты и машинки и нарезать 3-х—4-х метровое толстое стекло опытному стекольщику не составляет труда. А в 50—60-е годы никаких инструментов, кроме обычного стеклореза не было. Так вот, папа закреплял на стекле длинную линейку, ложился рядом с ней, приставлял стеклорез, а товарищи тянули его за ноги. Получался длинный и ровный разрез. После легким постукиванием по нему, он рассекал стекло надвое.

— В представлении на почетное звание «Заслуженного» говорится, что он занимался еще и общественной рабо-

той...

— Да, отец не избегал ее. Много лет был членом добровольной дружины по охране порядка на улицах, дежурил с красной повязкой на рукаве. Министр Внутренних Дел СССР Щелоков приказом от 10 марта 1978 года наградил его Почетной Грамотой, как сказано в ней, «за оказание активной помощи органам Внутренних Дел в охране общественного порядка».

* * *

Как уже отмечалось выше, из 34-х Почетных граждан города Гатчины Валентин Дмитриевич Изотов был единственным Героем Социалистического Труда⁴. Оно было присвоено ему Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1971 года.

За годы советской власти звания Героя Социалистического Труда были удостоены свыше 20 тысяч человек. В.Д. Изотов в этом списке был 16415-ым.

Валентин Дмитриевич дорожил высокой наградой, но носить золотую звезду не очень любил. Вероятно из-за происшествия в Симферополе. Там, в уличной толчее какой-то тип сорвал ее с груди Валентина Дмитриевича. Хорошо, что поблизости оказалась милиция. Она выловила грабителя и возвратила Герою медаль. И хотя после этого случая Валентину Дмитриевичу изготовили латуневую копию медали, пристегивал он ее к пиджаку редко, видимо не хотел снова попадать в неприятную историю — любителей чужого у нас, к сожалению, не уменьшилось.

А вот значок Заслуженного строителя РСФСР он носил с удовольствием.

Валентин Дмитриевич гордился своей профессией строителя и в другом качестве себя не видел. В суровую

годину войны, взяв в руки столярный рубанок и мастерок каменщика, он остался верен им на всю жизнь. До 1986 года он возглавлял комплексную бригаду, все строил-строил и со своей любимой работой расстался лишь по состоянию здоровья. Многие здания в городе, построенные с его участием, будут служить людям не один век. И люди будут помнить о нем и его товарищах.

¹ Широкой, выходящей за пределы района известности деревня не имеет, даже в краеведческой литературе почти не упоминается. Но в местную летопись Отечественной войны она попала. В сборнике воспоминаний участников боев тихвинской битвы «Тихвин, год 1941-й» вышедшем в 1974 году, деревня упоминается дважды. В начале ноября 1941 года в Селово располагался штаб 44-й стрелковой дивизии, той самой, которая всего два месяца назад называлась 3-й гвардейской дивизией Ленинградской Армии народного ополчения и обороняла Красногвардейский (Гатчинский) укрепрайон на южных подступах к Ленинграду. Ее полки мужественно сражались на позициях в окрестностях деревень Большое и Малое Одрово, Скворицы, Пудость, городов Красное Село и Урицк. Когда немцы с целью замкнуть кольцо полной блокады Ленинграда, попытались соединиться с Карельской финской армией, дивизия была передана в состав 4-й армии Ленинградского фронта и участвовала в Тихвинских оборонительной и наступательной операциях в октябре-декабре 1941 года.

В годы войны Селово вошло и в историю партизанского движения. Во время недолгой оккупации деревни немцами, сюда для сбора сведений о них по заданию советского командования наведывались смелые разведчицы Тихвинского комсомольского подполья Маруся Канюкова и Аня Жаркова.

² Еще 2 октября 1940 года Президиум ВС СССР издал Указ о государственных трудовых резервах СССР». Им предусматривалось ежегодная подготовка для промышленности в ремесленных и железнодорожных училищах, а также в школах фабрично-заводского обучения (ФЗО) до 1 млн. человек городской и сельской молодежи. Выпускники этих учебных заведений считались мобилизованными и обязаны были отработать 4 года подряд на тех госпредприятиях, куда они были направлены. Указ обязывал

председателей колхозов «ежегодно выделять в порядке призыва (мобилизации) по 2 человека молодежи мужского пола в возрасте до 14-15 лет в ремесленные и железнодорожные училища и 16-17 лет в школы фабрично-заводского обучения на каждые 100 членов колхозов, считая мужчин и женщин в возрасте от 14 до 55 лет».

Городские советы депутатов трудящихся обязаны были ежегодно выделять в порядке призыва (мобилизации) молодежь мужского пола в том же возрасте в количестве, которое ежегодно устанавливалось правительством.

В годы Великой Отечественной войны, был разрешен призыв в школы ФЗО женской молодежи в возрасте 16-18 лет. Возраст мужской молодежи, призываемой в школы ФЗО, был снижен до 15-17 лет.

³ За время войны в Ленинграде было разрушено и повреждено около 5 млн. кв. метров жилой площади, 500 школ, 170 лечебных учреждений и т.д., пострадал почти каждый дом. От ударов вражеской авиации и артиллерии и полностью разрушено 3174 и повреждено 7143 здания...К тридцатой годовщине Октябрьской революции (1947 г.) Ленинград в основном восстановил свой довоенный облик.

⁴ Звание Героя Социалистического Труда было учреждено Указом Президиума ВС СССР от 27 декабря 1938 года. Первому в стране оно было присвоено И.В.Сталину накануне его 60-летия 20 декабря 1939 года. Ему же была вручена золотая медаль «Серп и Молот» за № 1. В Положении почетном звании сказано (цитата): «1. Звание Героя Социалистического Труда является высшей степенью отличия за заслуги в области хозяйственного и социально-культурного строительства. 2. Звание Героя Социалистического Труда присваивается лицам, которые проявили трудовой героизм, своей особо выдающейся новаторской деятельностью внесли значительный вклад в повышение эффективности общественного производства, содействовали подъему народного хозяйства, науки, культуры, росту могущества и славы СССР...». Героям Социалистического Труда вручались: высшая награда СССР — орден Ленин, знак особого отличия — золотая медаль «Серп и Молот», Грамота Президиума Верховного Совета СССР. За период с 1949-го по 1986 год в Гатчине и районе звания были удостоены 15 человек.

«...ОН ХОРОШО ЗНАЛ ЭЛЕКТРОТЕХНИКУ»

Валерий Лукин

В.П. Горячев
1906-1977

На небольшом кладбище в деревне Даймище, Гатчинского района, Ленинградской области среди обычных, в общем-то, ни чем не примечательных крестов и надгробий, есть одно, на которое трудно не обратить внимание. Такие памятники на могилах привычнее видеть где-нибудь на Новодевичьем кладбище в Москве или на Серафимовском в Санкт-Петербурге, а не на скромном сельском погосте. На сером граните этого могильного камня выбито: «Лауреат Ленинской и Государственной премий, доктор технических наук Горячев Владимир Петрович. 1906-1977» В материале данной статьи рассказывается о том, что это был за человек, и чему он посвятил всю свою жизнь.

Владимир Петрович Горячев до 1947 г. был активнейшим участником проектирования и строительства практически всех советских дизель-электрических подводных лодок. В последующем ему было суждено стать первопроходцем создания электроэнергетических систем и электрооборудования советских атомных подводных лодок.

Являясь одним из ведущих специалистов судостроительной отрасли, он внес значительный вклад в разработку и освоение производства новейших по тем временам корабельных образцов электротехники, электроники и автоматики.

Владимир Петрович Горячев родился 30 июня 1906 года в Санкт-Петербурге. Его отец, Петр Филиппович (1858-1942), был церковным сторожем храма на Смоленском кладбище. Мать, Варвара Петровна (1863-1929), занималась домашним хозяйством. В семье еще было двое братьев и шестеро сестер.

В 1914 году Володя Горячев после домашней подготовки поступил в гимназию, что для сына крестьянина тогда было сделать не просто. Там он успешно проучился до 1918 года, но из-за тяжелого продовольственного положения в Петрограде он вместе с тремя сестрами был отправлен родителями на Урал в город Миасс. Там Всероссийским союзом земств и городов была создана детская колония, впоследствии переданная в ведение американского Красного Креста и находящаяся на его обеспечении.

В 1921-1922 гг. детская колония через Владивосток, Сан-Франциско, Нью-Йорк и Финляндию была возвращена в Петроград. Во время пребывания в колонии, включая «кругосветное путешествие», обучение детей шло по школьной программе.

Прибыв в том же 1922 году в Петроград, Владимир окончил среднюю школу и поступил в 1-й Петроградский электротехникум. В 1926 году после успешного его окончания, он был зачислен экстерном в Ленинградский электротехнический институт им. Ульянова (Ленина), который окончил в 1930 году по специальности «электрификация фабрик и заводов». В числе изучаемых в ЛЭТИ предметов был и специальный курс по судовой электротехнике и электродвижению судов.

В сентябре 1928 года, еще в период обучения в институте В. Горячев поступил на работу в электротехническое бюро Балтийского судостроительного завода (техбюро № 3), в группу, которой руководил П.П. Большедворский. Эта группа разрабатывала электрооборудование и вела все работы электротехнического профиля для проектирования и выпуска рабочих чертежей первых советских подводных лодок. С этого начался долгий трудовой путь В.П. Горячева.

К тому моменту уже была спроектирована и находилась в постройке головная подводная лодка I серии «Декабрист» (спущена на воду в ноябре 1928 г.), и Владимир Петрович принял участие в ее достройке и испытаниях.

Большой опыт работы он приобрел, участвуя в восстановлении английской подводной лодки L-55. В августе 1919 года она подорвалась на mine в Копорской губе Финского залива, а 14 августа 1928 года была поднята со дна и отправлена в Кронштадт. Не смотря на то, что большинство оборудования

на ней оказалось разрушенным и подлежало замене, было принято решение о восстановлении подлодки.

В.П. Горячев принял участие в выборе отечественных аналогов для восстановления электрооборудования L-55. Ему была поручена разработка рабочих чертежей, и документации по электротехнической части. Практически подлодка проектировалась заново, поэтому одновременно с этим изучались ее конструктивные особенности для получения необходимого опыта, который в дальнейшем был использован в отечественном подводном кораблестроении.

В 1932 году на Балтийском судостроительном заводе создается Центральное конструкторское бюро судостроения (ЦКБС), и В.П. Горячев назначается туда руководителем группы электротехнического отдела. Одновременно с приобретением опыта проектирования, постройки и испытаний отечественных подлодок рос авторитет Горячева как специалиста электрика.

В 1935 г. началось строительство подводных минных заградителей XIII серии, а в 1938г. — XIII бис. Это были наиболее совершенные подлодки того времени, отлично зарекомендовавшие себя в годы Великой Отечественной войны.

В предвоенные годы большое внимание советские ученые уделяли противоминной защите подводных лодок и, в частности, созданию так называемых электрических сетепрорезателей. Решением этих вопросов занималась группа научных сотрудников Ленинградского физико-технического института. Которую возглавляли Игорь Васильевич Курчатov (создатель советской атомной бомбы) и Анатолий Петрович Александров (в 1975-1986 гг. президент АН СССР). С этого времени у В.П. Горячева установилось с А.П.

Александровым тесное творческое сотрудничество, которое продолжалось на протяжении всей его жизни, и которым он очень гордился. А.П. Александров очень ценил творческий подход к решению проблем и честность В.П. Горячева.

В предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны он принимает участие в создании и совершенствовании электрооборудования для подлодок в качестве начальника сектора электротехнического отдела, зам. начальника отдела и начальника электротехнического отдела Центрального конструкторского бюро Балтийского судостроительного завода.

26 января 1943 года за создание подводного минного заградителя XIII бис В.П. Горячеву была присуждена Сталинская (в последствии Государственная) премия I степени. В числе других лауреатов Владимир Петрович передал свою долю денежного содержания премии в фонд Верховного Главного Командования на строительство боевых кораблей. После этого они получили телеграмму от Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина следующего содержания: «Примите мой привет и благодарность Красной Армии, товарищи Критский, Голосовский, Васильев, Фуников и Горячев, за Вашу заботу о Военно-Морском Флоте Союза ССР».

В марте 1944 года «за создание советских образцов подводных лодок, успешно действующих против немецко-фашистских захватчиков» В.П. Горячев был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

В послевоенные года Владимир Петрович активно участвовал в решении задачи создания новых скоростных дизель-электрических подводных лодок проекта 611, 612, 613 и 615.

Весной 1947 года в составе груп-

пы специалистов, возглавляемой А.А. Антипиным, его командировали в Германию, в г. Бланкенбург, где было организовано Бюро по воссозданию специальной энергетической установки системы Г. Вальтера, применявшейся на немецких подводных лодках. Перед этой группой была поставлена задача – создать советскую скоростную подводную лодку с энергетической установкой, в которой топливо окислялось маловодной перекисью водорода, а углекислота выбрасывалась за борт и растворялась в морской воде. В марте 1948 года группа вернулась в Ленинград с собранными материалами, которые позволяли воссоздать такую установку.

Много сил, опыта, знаний и таланта вложил Владимир Петрович в создание первой советской крейсерской подлодки XIV серии. Главный конструктор и строитель подводных крейсеров М.А. Рудницкий, вспоминая участников разработки проекта, среди которых был и Горячев, писал: «Это были энергичные, инициативные люди, готовые отказать себе во всем, только бы выполнить важное задание».

В 1952 году советские кораблестроители приступили к созданию первой отечественной атомной подводной лодки. Одним из первых участников в работе инициативной группы В.Н. Перегудова по разработке предэскизного проекта был В.П. Горячев. В частности он определил состав основного электрооборудования и сформулировал основные требования к энергоэнергетической системе будущего атомохода.

10 августа 1953 года В.П. Горячев был назначен начальником отдела и заместителем главного конструктора опытной атомной подводной лодки проекта 627 В.Н. Перегудова.

В октябре 1956 года его назначили

главным конструктором по электро-технической части СКБ-143. К тому времени количество отделов электро-технического профиля в бюро увеличилось и их объединили в отделение, которое и возглавил главный конструктор.

В.П. Горячев обеспечил создание электрооборудования, отвечающего условиям эксплуатации атомных подводных лодок при больших скоростях, большой автономности и практически неограниченной дальности плавания.

В 1957 году В.П. Горячев – участник пуско-наладочных испытаний электроэнергетической системы на натуральном стенде Главной энергетической установки в Обнинске. А в 1958 году он член Государственной комиссии по испытаниям первой советской атомной подводной лодки.

В 1959 году В.П. Горячеву за создание электрооборудования первой советской атомной подводной лодки было присуждено звание лауреата Ленинской премии.

В.П. Горячев по праву считается одним из авторов внедрения электро-энергетической системы переменного тока на подводных лодках.

Значительный вклад внес Владимир Петрович в создание главного командного поста нового типа для атомных подводных лодок. Впервые в практике подводного кораблестроения все боевые посты были сосредоточены в одном помещении. Ему потребовалось много усилий, чтобы добиться от разработчиков систем управления единого архитектурного оформления пультов и компоновки их лицевых панелей, обеспечивающих максимальное удобство пользования.

В 1966 году Высшая аттестационная комиссия присвоила Владимиру Петровичу Горячеву степень доктора технических наук.

За свою пятидесятилетнюю деятельность В.П. Горячев внес огромный вклад в разработку корабельного оборудования и обеспечение высокой боеготовности подводных кораблей. Он воспитал множество квалифицированных специалистов-электриков корабельного профиля. Его возраст, опыт, отечески назидательное отношение к подчиненным вызвали уважение. Между собой научные сотрудники, часто называли его «Папа Горячев». Ему были присущи исключительная целеустремленность и ответственность за выполняемую работу. Знавшие его в молодые годы отмечают, что как специалист он пользовался большим авторитетом, но по характеру был несколько замкнут – видимо так сказывались годы юности, выпавшие на трудные времена революций и Гражданской войны.

Главный конструктор атомных подводных лодок проекта 705 М.Г. Русанов оставил о В.П. Горячеве следующие воспоминания:

«Те, кто ответственно относился к работе, оценили его. Вместе с тем, был он суховат и педантичен, иногда даже несколько занудлив. Он не имел друзей. Может быть, ближе всех к нему был я. Во всяком случае, со мной он был очень откровенен, я отвечал ему тем же.

Он хорошо знал электротехнику, разбирался во многих областях электроники и очень уважал свои знания, очень ценил их, уважал самого себя. Он не поощрял технической безграмотности у подчиненных и приводил их в трепет, так как никогда не упускал случая отчитать за ошибку, за незнание. Его боялись!

Я познакомился с ним в Центральном конструкторском бюро – 18 в 1936 г., когда ему было 30 лет. Уже тогда ни один из коллег не обращался

к нему по имени. Обращались только «Владимир Петрович». А ведь в то же время к В.Н. Перегудову, который был старше его по возрасту, имел в бюро одну с ним должность начальника отдела и был еще капитаном I ранга, мы обращались часто накоротке «Миша – Володя». Владимир Петрович сумел себя поставить по-другому.

Сначала мы объясняли это ограниченностью интересов, неспособностью любить обычные житейские проявления, однако в Горьком при более близком соприкосновении мы убедились, что это не так. Он понимал и любил шутку, ценил компанию, мог в ней выпить, но в отношении к себе не позволял перейти какую-то грань, за которой следовала легкость общения, простота. Он не проигрывал от этого, но в моих глазах, правда, и не выигрывал».

Кроме звания лауреата Ленинской и Государственной (Сталинской) премий В.П. Горячев был награжден двумя орденами Трудового Красно-

го Знамени и орденом Знак Почета. 19 марта 1977 года он скончался. В деревне Даймище у него была дача, там, на местном кладбище его и похоронили.

Имя Владимира Петровича Горячева навсегда вошло в историю советского Военно-Морского Флота, как опытного специалиста и талантливого конструктора в области электрооборудования отечественных подводных лодок.

Литература.

1) Мелуа А.И. Инженеры Санкт-Петербурга. – Издательство международного фонда истории науки. – М.– СПб, – с.. 244-245.

2) Морской биографический словарь. – СПб.: «LOGOS». – 1995.– с. 129.

3) Собакин В.А. Владимир Петрович Горячев (1906-1977) // «Тайфун», 2001. – № 5. – с. 35-38.

ЛЮДИ ИСКУССТВА

И вдохновенье, и призванье, и умение...

ИВАН ШИШКИН

Александр Семочкин

И.Н. Крамской.
Портрет художника И.И. Шишкина.

Во времена давние, послевоенные, мною уже вполне, впрочем, воспринимаемые, в эти сороковые-пятидесятые не было художника более популярного, чем Иван Иванович Шишкин. В любом стационарном буфете, в любом сельском «голубом дунае» висели на стеночке тронутые мухами четыре медведя, совершающие утренний променад в чаще соснового бора, или ручеек в чаще леса, или одинокая, огруженная снегом, насуспенная сосна на каменном утесе — это для меланхолического состояния души, властью не поощряемого. Спорили с ними разве что развеселые запорожцы, пишущие письмо султану, или, того же автора, изможденные бурлаки на Волге, что служило напоминанием о страданиях

народа при проклятом царском режиме.

Так и жили мы в сознании того, что Иван Шишкин — это вполне официоз с долей ему присущей глянцевого пошлости. Как то очень удобно вписался он в сталинскую эпоху, и все тому соответствовало, и имя-отчество, и фамилия, и весь облик этого могучего русского мужика с окладистой бородой и татарским прищуром глаз.

О, да, кумирами нашей молодости стали другие художники, совсем другие, от Сезанна и Сислея к «Пылающим жирафам» потопают они, как к светлому своему будущему, а далеко, на обочине нашего сознания застрянут убогие передвижники со своими смешными открытиями и новациями, со своим наивным восхищением Божьим миром.

Но пройдут годы, и пооблетают с наших стен неистовые Винсенты, а их место постепенно займут освещенные солнцем сосны да после долгой зимы прилетевшие, наконец то, грачи.

Сегодня рассуждая об Иване Шишкине, хочется то отметить, что он прошел Школу трех любовей так, как должно мужчине пройти ее в своей земной жизни, в должном порядке и с должными приоритетами.

Любовь первая рождается в детстве вместе с осознанием себя как себя, она самая чистая и самая бескорыстная из всех потом последующих Любостей. Это открытие мира, его радостное творение собой через посредство себя, это непрекращающееся наслаждение открыванием все новых тайных ниш

жизни во вселенной, и это явное осознание того, что ты любим этим миром так же, как любима трава, жаворонок, болотце в лесу. Что отныне ты необходимая и неотъемлемая часть этого мира, и что он был неполон без тебя и сознавал это, и теперь радуется тебе.

Ваня Шишкин родился в глухом Прикамье, в Елабуге, среди огромных лесов и широких рек, да и сам он был крепкий и здоровый мальчик, имеющий дар остро видеть красоту мира и свое полное с этим миром единство. Это любовь первая, святая, и благословен тот, кто пронесет ее сквозь годы, не расплескав. Потому что именно из нее вырастет и любовь к Родине, и любовь к женщине, и любовь к Богу. Умеющий любить — да любит.

Судьба была благосклонна к отроку Ване — он родился в семье, где не было все поедающей заботы о куске хлеба насущного. Отец его был купец 2 гильдии, семья жила если и не богато, то зажиточно. Не было у него французской бонны, которая бы кинулась «исправлять» и «направлять» отрока в единственно правильном направлении.

Так что, думается, упоение первой любовью было полное, ничем не стесненное. Отныне и навсегда Иван Иванович будет чувствовать себя комфортно именно в таком окружении северного русского леса, северных трав и болот, северных туманов и прозрачной воды.

Еще повезло ему в том, что отец не препятствовал фантазиям сына. Он сам был натура увлекающаяся, и он уважал увлечения других. Как легко понять, таковое свойство человека делового отнюдь не способствует бизнесу, поэтому Иван Васильевич из второй купеческой гильдии сполз в третью, а в конце своей жизни и вовсе

писался мещанином. Что никак не мешало ему оставаться самим собою, впрочем.

Только мать противилась решению сына стать художником, полагая это занятие недостойным отпрыска столь достойных родителей. Может быть поэтому Иван увидел написанные маслом картины, когда ему исполнилось уже 20 лет. Его впечатлением было потрясение, он осознал ремесло живописца как акт демиургический, сам же художник представлялся ему тогда неким небожителем, неким со-творцом Творца.

В 16 своих лет Иван Шишкин совершил первый в своей жизни поступок, уйдя из Казанской гимназии. Оправдался он перед родителями тем, что не желает быть чиновником, что одна мысль об этом приводит его в содрогание.

Последовали четыре года полной свободы, родные хоть и сердились порой на тунеядствующего недоросля, но убедились методом проб в его полной непригодности к купеческому делу и постепенно с этим смирились. а он самозабвенно рисовал, уже и не понимая, как можно заниматься в этой жизни чем-то другим. Мир Божий совершенен в каждом своем проявлении, и какой контраст с миром людей, где дрязги и сплетни и поиски выгоды, а еще — чтобы все шло по однажды заведенному кругу.

В 20 лет Иван уедет в Москву, четыре года будет он учиться в Училище живописи и ваяния, а уже через три недели после выпуска уедет в Петербург. Тогда, в 1856 году, состоится первое знакомство Ивана Шишкина с окрестностями великого города, и станет ясно, что Предкамье было только трамплином, что тут средоточье всего, что он понимал под «Россия Севера. Мое».

Начнется все с Сестрорецка, потом — Валаам, Константиновка, станция Серебрянка, с 1874 года — Сиверская, потом Выра, опять Сиверская, Парголово, снова Сестрорецк, потом Нарва, Петергоф, Мери-Хови в Финляндии, Дудергоф, Мерреколя, опять Сиверская и станция Преображенская (теперь Толмачево). В 1898, на 67-м году жизни — смерть в петербургской квартире. Вот — канва жизни.

Это перемежается отъездами, конечно, в родную Елабугу и в неродную Европу, в Крым или Париж на Всемирную выставку 1878 года. С Европой выходит казус — Иван Иванович, уже закончивший Академию художеств, получил право на заграничную командировку. Для абсолютного большинства пансионеров (то есть отправляемых Академией за ее счет выпускников) — пунктом назначения в таких случаях становились Италия или Франция. Но Шишкин даже не побывал ни там, ни там, находя южную природу Средиземноморья приторной и жеманной. Свою командировку он проведет в Германии, и, наездами, в Швейцарии, находя германскую школу пейзажной живописи несравненно высшей в Европе. Нам сегодня, пожалуй, трудно понять преимущества герра Колера или герра Калама перед, скажем, Барбизонской школой живописи, но о вкусах не спорят. Одно ясно — Иван Иванович и тут инстинктивно выбирает то, что станет ему напоминать северную Россию. А это Германия, по полному преимуществу...

«... в молодости, в одной из пивных Мюнхена немцы стали подтрунивать над русскими и Россией, Шишкин вступился. Началась ссора, окончившаяся сокрушением целой толпы немцев. Дело дошло до суда, и там в числе вещественных доказательств фигурировал железный прут пальца

в три толщиной, согнутый в дугу могучими руками сражавшегося Ивана Ивановича. Суд оправдал Шишкина, а немецкие художники отнесли его на руках в ближайшую пивную, где и воздали должную честь талантливому собрату и доброму патриоту.» (Д.Успенский, 1898 год). Этот эпизод неплохо характеризует Ивана Шишкина, впрочем, он столь же выигрышен для характеристики немецких буршей от живописи.

В 1868 году, тридцати шести лет, Иван Иванович уже знаменит, он кавалер ордена Св. Станислава 3-й степени. Именно в этом году он женится на Евгении Александровне Васильевой, сестре тоже уже знаменитого Федора Васильева. Иван Иванович опекал Федора еще с той поры, когда тот был учеником рисовальных классов Общества поощрения художеств, он же ввел Федора в круг Петербургской артели художников. И вот теперь они породнились.

Была ли это нами уже декларированная Вторая любовь? Едва ли. Евгения Александровна была милая и славная женщина — и только. Уютное семейное гнездышко было устроено, пошли детки, росло признание, а с ним и семейное благополучие, «дащей горшок, да сам большой», и что еще нужно человеку, чтобы достойно встретить старость?

Для первой любви, в самом деле, было уж поздно, а для последней — рано... их ведь, как говорят, у мужчин всего две и бывает.

Нет, судьба явно озадачена тем, чтобы Вторая любовь у Ивана Ивановича состоялась в полноте. Пять с половиной лет довелось им прожить с Евгенией, родили они двух детей, мальчика и девочку, а весной 1874 года Евгения Александровна умерла. А на следующий год умер их сын Кон-

стантин. И Иван Иванович сломался. Он запил горько, жестко, как умеет пить русский человек, хорошо битый жизнью. Так и закончился бы художник Шишкин, как до него спивались и заканчивались сотни, да, пожалуй что, и тысячи русских художников.

Только железное здоровье лесного богатыря да замысел Провидения о нем позволили пережить Шишкину этот черный период. В это время он чаще всего живет на даче в Старо-Сиверской, присматривая себе место для домика где-нибудь на берегах Оредежа. Колония художников в Сиверской была обширна, часто собирались, собрания эти заканчивались, как правило, попойками, и, тоже как правило — ссорами. Все это было нехорошо, но работать Иван Иванович продолжал, уже просто потому, что не мог не работать.

И судьба повернулась к нему с улыбкой. Зимой 1877 года Иван Шишкин, 45-летний вдовец и профессор, знакомится с молодой красавицей, которая вскоре становится его любимой ученицей, а потом и просто — любимой. Ее звали Ольга Лагода, она была искрометно талантлива, и она слепо боготворила своего учителя... Господи, что еще можно ждать от женщины! Он влюбился горячо, самозабвенно, на какое то время даже потерял вкус к жудожеству — ну что, как не совершенный шедевр природы был перед ним в образе этого юного, веселого, сверкающего красотой и талантом существа? Можно было легко решить, что это есть высший дар Провидения ему, Ивану Шишкину, что это вершина его жизни, и отныне все, что кроме, может быть отодвинуто в сторону.

Вторая любовь коварна, она умеет подчинять себе. Порою она ломает таких бойцов, что прошли и огни, и воды, и медные трубы, не согнувшись, порою

она так жестока, что слепит глаза, мутит разум и убивает в ярости. Тут не тихое горение семейного камелька, тут пожар... и беда, когда он упадет на седины.

В 1880 году Ольга Антоновна стала женой Ивана Ивановича. Вся полнота жизни, карнавал, праздник на каждый день — вот что был этот счастливый год. Почти всякий день гости, все веселились и дурачились от души, теперь практически без спиртного. Два этих лета — 1880 и 1881 молодые живут на Выре, рядом с Сиверской, где в прелестном старом парке устроен просторный двухэтажный деревянный дом. Здесь рождается дочь Ксения, а через месяц после ее рождения здесь умрет Ольга.

Это был жестокий удар. Иван Иванович рыдал как дитя и впервые заговорил о несправедливостях судьбы. Он еще не знал, что это несчастье откроет самую плодоносную для него пору творчества, его Олимп, где состоятся такие шедевры, как «Среди долины ровныя», «Рожь» или уже поминаемое «Утро в сосновом лесу».

Все, что было отпущено судьбой этому человеку, оказалось исполнено в этом гимне русскому лесу, русскому полю, все оказалось воплощено в том, что есть смысл и оправдание мужчины — в его служении Делу. Любовь третья, последняя, смертная.

И какое счастье в том, что они сошлись — Первая любовь и Третья, и что была в полноте любовь Вторая, потому что не переживший одну из этих трех не может считать себя испившим чашу жизни до дна, он ущерблен, даже если сам не понимает того.

Первая любовь греет, Вторая светит, Третья животворит, Первая есть дар, Вторая суть испытание. По большому счету только так называемая несчастливая любовь к женщине аб-

солютна, пусть она будет безответна или пусть она будет кратка, как миг, но пусть она не умрет в обыденности, ибо нет большего несчастья, чем когда умирает любовь.

Третья любовь обязана завершить то, что пообещала Первая и что не смогла выполнить Вторая. Тогда закат светел, и вечера лучезарны.

В 1886 году написан этот «Сосны, освещенные солнцем». Этот гимн свету и жизни ошеломителен по красоте, во всяком случае это так для меня, конкретного. В эти сосны (в эти!) бабушка посылала нас, двенадцатилетних, собирать сосновые шишки для самовара, и вот этот свет на рыжих стволах, и этот сумасшедший запах смолы и разомлевшей хвои течет, истекает из шишкинского этюда, и не нужно говорить мне, что все было за восемьдесят лет до того, а потом были две войны, и что тех сосен давно нет в живых. Это неправда уже потому, что есть этюд. Эти сосны бессмертны.

Написав такое, можно умереть, понимая, что жизнь прожита не зря. Но Ивану Ивановичу будет дано еще 12 лет. Зачем? Думается, это пустой вопрос. Нетрудно быть влюбленным в жизнь, когда тебе двадцать. Хорошо, если ты несешь в себе эту влюбленность в свои сорок. Сохранить восхищение Божьим миром в свои шестьдесят уже далеко не всякому дано. В эти поры больше любят себя, любимого и стареющего, мир отступает, его заселили молодые и нахальные, а ты все больше замыкаешься в своем коконе, и в нем каждый день с тихим звоном лопаются нити бытия, и кокон этот все больше начинает походиться на саркофаг.

Что же Шишкин? А он пишет свой любимый лес, где постепенно становится меньше солнечных сосен, но больше пасмурных елей, но он так же

светло радуется им, этим кипарисам севера. А вот, в своей странной красоте совершенное «Лесное кладбище». Нет, нету там крестов меж деревьями, потому что это кладбище не людей, а деревьев. Умершие, они лежат на земле, покрытые саваном мха, и отчетливо пахнет грибами, сыростью чернолесья, тихим тлением былой жизни. Воистину, благословен и день забот, благословен и тьмы приход...

Умер Иван Иванович в 1898 году, 8 марта, в своей квартире. Умер светло и обыденно, как и жил — с листом бумаги в левой руке и с углем в правой, передвинулся набросить правую часть новой картины, и тихо стал падать со стула. Его подхватили, не дав упасть на пол, но он был уже мертв. Как говорится, дай Бог так умереть всякому.

Художник закончил труд, завещанный от Бога. Последняя его работа называется «Корабельная роща» —

Могилы жены художника О.А. Шишкиной (урожденной Лагода) на кладбище в Рождествено.

завет и укор нам, ныне живущим, потому что мы не сохранили такого могучего краснолесья нигде, где стоял со своим железным мольбертом великий художник.

Последнему периоду его жизни сопутствовали и откровения, и свои «тараканы», куда без них. Иван Иванович увлекся фотографией, много снимал сам и говаривал всем, что по фотографии можно уверенно восстановить зрительные ощущения, сопутствующие пленэру, то есть работе непосредственно с натуры. Он мог спокойно сокрушить своим мольбертом все то, что представлялось ему лишним или мешало видеть глубину леса.

Но чего никогда не делал Иван Иванович, так это искажения мира Божьего в угоду моде или конъюнктуре, он никогда не дерзал бросить вызов Творцу, конструируя собственные миры, он остался скромным подмастерьем во всемирной Студии Творца, отчетливо сознавая, что любой полевой цветок неизмеримо совершеннее любой картины уже потому, что он живой, потому что он несет в себе будущее миллионов своих потомков, потому что он наивно и чисто славит Жизнь и Дателя Жизни, не требуя ничего себе взамен.

И ему за это заплачено будет Благословением в жизнь вечную.

Александр Баскаков

Исаак Иосифович Шварц

Композитор живет рядом с нами.

Интервью автору публикации, редактору «Ленинградского областного садоводческого вестника», в мае 2003 года дал композитор Исаак Иосифович Шварц.

— В поселке Сиверский живу постоянно свыше тридцати лет в небольшом домике и пишу свою музыку в тиши, в покое, как говорится, вдали от шума городского. Недавно в нашей стране отмечали широко мой юбилей. Очень глубоко признателен нашему президенту Владимиру Владимировичу Путину, что он нашел время и возможность поздравить меня. Поздравляли меня секретарь совета безопасности, министр культуры и другие крупные государственные деятели. Был тронут и признателен губернатору Ленинградской области Валерию Павловичу Сердюкову, с которым у

нас давно установились теплые дружеские отношения, что он нашел возможность вместе с руководителями нашего района Александром Петровичем Худилайненем и мэром города Гатчины, которого я знаю очень давно и уважаю, глубоко симпатичным мне человеком Станиславом Семеновичем Богдановым, приехать ко мне в день моего юбилея. Они преподнесли ценные подарки и поблагодарили меня за труд. Я чувствую, как область и район ко мне по-доброму относятся, и стараюсь платить им той же монетой, потому что в течение многих лет, где бы ни попросили меня выступить в детском саду, в детском доме, в доме отдыха, в воинской части у летчиков — везде даю концерты. У меня сложились прекрасные отношения с жителями поселка, я им, чем могу, помогаю, идут ко мне иной раз и за советом. А порой с ними же, добиваемся улучшения нашего прекрасного места жительства. Хочу поблагодарить главу муниципального образования поселка Марию Ивановну и начальника коммунального хозяйства Юрия Дмитриевича Стволова, которые отдают много сил для наведения порядка. В Сиверском у нас теперь хорошо оборудован вокзал и привокзальная площадь, отремонтировали дороги, это заслуга депутата Государственной Думы Николая Петровича Ботка.

О моем творчестве что говорить? Мои песни поют по всей России, мою музыку играют в Америке, Германии, Франции, в странах СНГ. Недавно меня поздравляли по всем Российским

телевизионным программам, а также по «Голосу Америки» и «Радио Свобода» в передаче «Человек недели». Мне приятно, что моя музыка доходит до слушателя. Я пишу музыку умом сердца, как сказал образно Л.Н. Толстой. Эту прекрасную мысль я давно взял на вооружение и у другого гения, композитора Петра Ильича Чайковского, музыка которого в каждом такте проникает в душу человека. Петр Ильич завещал нам, композиторам, писать музыку, как Бог на душу положит. Этот завет великого человека я стремлюсь исполнять в своем творчестве. Я сочинил много произведений в самых различных жанрах. Написал музыку к ста фильмам. Многие мелодии очень популярны не только у нас в стране, но и во всем мире. Для театров Москвы, Санкт-Петербурга — Ленинграда и других городов также писал музыку к драматическим спектаклям. Мною написаны два балета, которые шли в Кировском и Малом театрах оперы и балета Ленинграда. Я много сочинил симфонических произведений. Недавно в Санкт-Петербургской филармонии второй раз исполняли большое симфоническое произведение, посвященное жертвам фашизма — «Желтые звезды», которое было создано мной в семидесятилетнем возрасте. Как было написано рецензентом в газете: «Шварц вернулся к своей молодости». В молодые годы я писал симфоническую музыку. По ныне эти произведения исполняются в Киеве и Москве под руководством различных дирижеров. Замечательный, выдающийся музыкант Владимир Спиваков дирижировал Российским национальным оркестром, исполнявшим мое произведение «Концерт для оркестра», и записал на компакт-диск. Хочу отметить замечательную работу нашего петербургского талантливого дирижера

Николая Геннадьевича Алексева, который прекрасно исполнил это очень сложное произведение. Кроме того, у меня в филармонии состоялся концерт, посвященный 300-летию основания Санкт-Петербурга, на котором замечательная петербургская певица Юлия Терцина исполняла мои романсы. Очень отраднo, что на 300-летие Северной столицы московская балетная труппа под руководством замечательного танцора Владимира Моисеева (внука Игоря Моисеева) в постановке молодого талантливого балетмейстера Никиты Дмитриевского показала балет «Белые ночи» на мою музыку.

Ленинградской теме посвящены многие страницы моего творчества. В фильме «Мелодия белой ночи» я хотел рассказать музыкой о замечательном явлении природы — о белых ночах. Эта музыка часто исполняется во всем мире. В фильме, посвященном детям-пионерам, защитникам Ленинграда во время Великой Отечественной войны, героическим блокадникам города, была написана музыка на прекрасные, очень трогательные до боли в сердце слова русского поэта Владимира Корастылева. Глубоко в душу проникли мне его строки:

*В далеком тревожном военном году
Под гром батарей у Земли на виду
Стояли со взрослыми рядом
Мальчишки у стен Ленинграда,*

На парте осталась
открытой тетрадь...
Не выпало им дочитать, дописать,
Когда навалились на город
Фугасные бомбы и голод.
И мы никогда не забудем с тобой,
Как вместе со взрослыми
приняли бой.
Им было всего лишь тринадцать,
Но были они — Ленинградцы.

Так вот эта песня была популярна в 60-80 годы у ленинградских пионеров и у тех людей, которые были детьми в годы блокады, пережили ужасы войны и неисчислимые бедствия вместе со взрослыми. Эта песня стала гимном пионеров-блокадников.

— Исаак Иосифович, какие у Вас творческие планы?

Исаак Иосифович улыбнулся и, не спеша, сказал следующее:

— Какие творческие планы могут быть у человека, которому за 80 лет? Я боюсь загадывать, но хочу и буду писать еще, если это будет Богу угодно. Моя жизнь, так сказать, подходит к естественному завершению. Мне не стыдно за прожитые годы. Я старался всю жизнь быть принципиальным. Картотеку своих убеждений держал в образцовом порядке. Ни перед кем не унижался и жил свободно и спокойно. Мне очень дорого, что народ и руководители страны отметили так тепло и сердечно мое восьмидесятилетие. Особую благодарность я хотел выразить работникам кино, ведь большую часть жизни я потратил на создание музыки к кинофильмам, таким как «Дикая

собака Динго», «Балтийское небо», «Белое солнце в пустыне», «Звезда пленительного счастья», «Станционный смотритель» и многим другим. Я много поработал с выдающимися нашими режиссерами, писателями, сценаристами.

Александр Иванович, Вы видите мой домик, он требует ремонта, пора красить и подновить шиферную крышу. Участок вокруг дома меня радует, кругом растут удивительные одуванчики. Раньше, когда были силы, супруга выращивала очень крупные ароматные помидоры, тыквы и кабачки, великолепно консервировала огурчики. Очень больно было видеть, когда умирало удивительно красивое дерево, пьянящее ароматами ранних цветов. Осенью ее прекрасными яркими яблоками я наслаждался вволю. Сейчас моя жена очень занята работой, она ведет мою канцелярию, водит мой автомобиль.

Садоводам Санкт-Петербурга пожелаю, пока есть силы, и возможность, как можно больше и усердней заниматься огородом. Желаю хорошей погоды, прекрасного урожая и долгого здоровья. Надо помнить, что земля дает человеку все.

За свое долголетие особенно признателен выдающемуся кардиологу, чуткому врачу Людмиле Григорьевне Ермошкиной. И низкий поклон человеку, который очень много сделал в организации медицины, возглавлял не одно десятилетие Центральную районную больницу города Гатчины, Иосифу Кузьмичу Якубовичу.

май 2003 г.

ДИНА

Беседовал с Диной Огородновой
Михаил Огороднов

Дина Огороднова
в Приоратском дворце

Дина:

«Временами история детства, проведенного в Туркмении (мой отец был военным врачом), кажется мне такой же сказочной, какой в детстве была моя мечта о Ленинграде — городе, в котором семья гостила как-то у родных, и который ошеломил своим величием и красотой девочку из пустыни Кара-Кумы. По счастью, в туркменском городе Небит-Даге были и музыкальная школа, и Дом культуры с танцевальным кружком.

Папа из небольшого Казанджика привез немецкое пианино. Я до сих пор помню, как оно прибыло к нам в деревянном футляре, как взрослые осторожно снимали доски, и как оно, подобно Венере, рождающейся из пены морской, прекрасное и удивительное, постепенно представало перед нами, загадочно, неизъяснимо-притягательное, подобное чуду, словно обещая что-то очень важное и волнующее. Мне тогда было 5 лет. Вскоре у меня обнаружился абсолютный слух. И как-то очень быстро определилось, что будущее мое — это музыка.

Такую перспективу с радостью поддерживали и папа — меломан, обожавший музыку, хотя сам и не умевший петь, но постоянно что-то невнятное мурлыкавший себе под нос, и мама, тоже медик, обладательница прекрасного сопрано. Но, кроме голоса, у мамы было еще трое детей, что, при отсутствии чьей-то помощи, профессиональную музыкальную карьеру исключало. Зато дом наш был наполнен песнями. Сколько себя помню, мы

Композито-певица-аккомпаниатор, или - п е в и ц а - а к к о м п а н и а т о р - композитор, или как кому нравится, но все равно — единство трех стихий. Еще — преподаватель музыкальных дисциплин, не по совместительству. И еще — много-много всего... Но давайте пока — о триединстве.

Дина Огороднова. Это имя сейчас неразрывно связывается с культурной жизнью Гатчины. Многие жители города знают ее по выступлениям на самых разных площадках: Дом культуры, ЦТЮ, Приоратский дворец, гатчинский Дворец-музей, городская и районная библиотеки и т.д., и т.п., и проч., и др.

Как это все начиналось?

с мамой пели на два голоса, и я очень рано научилась подбирать на пианино аккомпанемент».

В музыкальное училище Дина поступила в Ашхабаде. Когда окончила 1-й курс, семья переехала в Волгоград, и среднее специальное образование было завершено там.

И вот — дерзкое решение поступать в Ленинградскую Консерваторию. Дерзкое для девушки из провинции, знающей пока только понаслышке, что «не боги горшки обжигают».

Дина:

«Оканчивала Консерваторию я уже под фамилией Огороднова, но тогда еще не подозревала, какие новые возможности в музыкальном космосе откроет мне, как золотой ключик, методика Дмитрия Ерофеевича Огороднова, ставшего моим свекром.

Занимаясь сначала в вокальном ансамбле «Тоника», созданном Дмитрием Ерофеевичем, а потом и сольно, с Михаилом Огородновым, я подготовилась к ленинградскому конкурсу песни «Весенний ключ» и стала его лауреатом.

Дальше, наверное, должен был бы состояться взлет артистической карье-

ры, но..., став счастливой родительницей двух весьма бойких девочек, я, как когда-то моя мама, оказалась перед выбором — дети или сцена».

Это правда, что всему в жизни надо говорить спасибо. Потребность реализовать новые возможности голоса вылилась у Дины в сочинение песен. И если бы она была занята исполнением чужих песен, собственная музыка могла бы и не придти, как не пришла она во время обучения в Консерватории. Правда, тогда петь «по-настоящему» будущая певица-композитор еще не умела.

Дина:

«Свои песни я часто и с охотой исполняю и в Гатчине, и в других городах и странах. Запомнились концерты в Берлине, где я получила от слушателей высшую для себя оценку: притом, что слова моих песен звучали на чужом для них языке, им было понятно и близко то, о чем я пою (по отзывам берлинцев, музыка проняла их «до мурашек»)».

Очень хорошо у певицы-композитора прошел концерт в Тироле (Италия) в 2003 году. Трудность этого выступления состояла в том, что зал был

довольно большой, а поет Дина, как правило, без микрофона и сама себе аккомпанирует. Публика собралась тогда интернациональная, т.к. в эти красивейшие горные курортные места приезжают люди со всего света. Успех того концерта был Дине по-особому дорог: уж очень нелегко он достался.

Но самое большое удовольствие для нее — это все же петь здесь, на родине, где слушатели могут оценить все оттенки чувства, все нюансы текста, где сопереживание аудитории ощутимо почти физически. Кроме того, большая часть ее песен написана на тексты поэтов, хорошо известных Гатчине и окрестностям: Николая Бажина, Алены Тришиной, Владимира Лаврова, Евгения Докучаева, Тимура Байрамова.

В 2000-м году актер театра «Встречи» Николай Бажин поставил небольшой музыкально-поэтический спектакль с песнями Дины. К сожалению, спектакль больше не повторялся.

Еще одно дело жизни — это воспитание детей и педагогическая работа. С момента окончания учебы и до сего дня она преподает сольфеджио и фортепиано в Войсковицкой ДШИ.

Дина:

«Многие выдающиеся музыканты считали, что учить музыке надо всех — способных и не очень. Я придерживаюсь того же мнения, т.к. за годы преподавательской деятельности много раз видела, как соприкосновение с музыкой может приподнять ребенка над отпущенными ему природой возможностями, расширить восприятие мира в целом, и даже дать путеводную нить в жизни».

Несколько последних лет отмечены необычным музыкальным совместным творчеством с художником Иваном Радюкевичем. Будучи очень музы-

кальным человеком, Иван попробовал (и еще как успешно!) сочинять песни и попросил Дину помочь ему в некоторых моментах. Эта работа вылилась в со-творчество, результаты которого представлены частично в данном альбоме.

Песни Дины вобрали в себя серьезность и сложность классического романса, пряность эстрадизированной — иногда с оттенками джазово-роковой — гармонии, они одновременно демократичны и тематически высоки, среди них есть драматические баллады и романтические поэмы, песни лирико-философские, и заряжающие оптимизмом ироничные музыкальные «подначки».

Что касается певческого облика Дины, то она, наряду со многими хорошими певцами, своей искренностью, богатством смысловых оттенков голоса и профессиональным мастерством, всегда находит ключик к сердцам благодарных слушателей. И рождаются новые песни, и звучат все новые концерты...

Дина:

«А жизнь продолжается, и как радостно думать, что возможности, которые она сулит, воистину неиссякаемы!»

Дина Огороднова и Владимир Лавров

Концерт Дины Огородновой

ПОГОЖИЙ ДЕНЬ

Слова Е. ДОКУЧАЕВА

Музыка Д. ОГОРОДНОВОЙ
И. Радюкевича

Спокойно, мягко

Музыкальная партитура для песни «Погожий день». Песня написана в тональности Bb и 4/4 такта. Темп «Спокойно, мягко». Музыкальная запись включает ноты для голоса и аккорды для фортепиано. Текст песни:

По - го - жий день про - зра - чен, тих и све - тел. За -
кон - чил - ся, по - тух костёр за - ри. На - по - ми - на - я о про - шед - шем
ле - те, со мной сей - час сен - тя - брь го - во - рил.
Пря - му - ю речь сво - ю не брал в ка - выч - ки и не про - сил вни - ма - ни - я взаи -
мы в по - лу - пу - стом ва - го - не э - лек - трич -
ки, по - след - ней э - лек - трич - ки до зи - мы.

ОКТАВА

Слова А. МАЙКОВА

Музыка Д. ОГОРОДНОВОЙ
И. РАДЮКЕВИЧА

Спокойно

Музыкальная партитура для песни «Октава». Песня написана в тональности Bb и 4/4 такта. Темп «Спокойно». Музыкальная запись включает ноты для голоса и аккорды для фортепиано. Текст песни:

Гар - мо - ни - и сти - ха
И го - во - ры ду - брав
бо - же - ствен - ны - е тай - ны не ду - май раз - га -
их звук не - о - бы - чай - ный про - чув - ствуй и пой -
- дать по кни - гам му - дре - цов:
- ми... В со - зву - чи - и сти - хов
у бре - га сон - ных вод, о - дин бро - дя слу -
не - во - ль - но звуч - ны - е, раз - мер - ны - е ок -
- чай - но, при - слу - шай - ся ду - шой
- та - вы по - льют - ся с уст тво - их
1. Вб 2. Вб
к шеп - та - нью трост - ни - ков. // - ков.
как му - зы - ка ду - бра - вы. // - бра - вы.

Татьяна Иванова

Как рассказать о художнике людям, которые не видели ни его картин, ни рисунков? Может быть, сначала познакомить их с теми впечатлениями, которые остаются у посетителей выставок работ художника? Пожалуй. Тем более, что это несложно сделать, нужно только открыть альбом с отзывами. Вот пишут взрослые — односельчане, дачники, гости:

«От выставки получила огромное удовольствие! Картины изумительные радуют глаз, поднимают настроение. Хочется смотреть эту выставку не один раз, побыть в мире прекрасного как можно дольше. Огромное спасибо.»

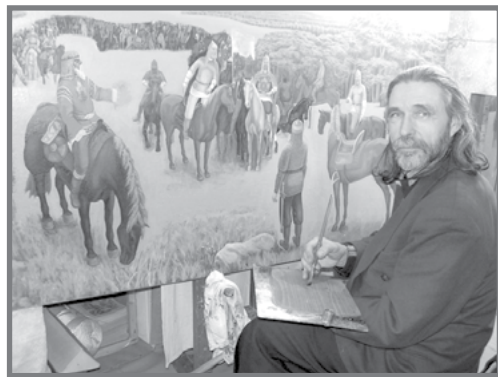
Учителя школ:

«Благодарим за замечательную выставку! Получили большое эстетическое удовлетворение. Картины благотворно влияют на воспитание нравственных качеств детей — любви к родному краю, к природе. Дети с большим удовольствием рассматривали картины и радовались, когда узнавали родные и знакомые места. Желаем дальнейших творческих успехов!». Дети, ученики елизаветинских школ:

«Мне очень нравятся Ваши картины. Вы — самый хороший художник, Вы так красиво рисуете!! Я побывала на Вашей выставке, а потом была почти на всех тех местах, которые на картинах. Это здорово!»

Впечатляет. Вдохновляет на будущую встречу с работами художника, не правда ли? Теперь, наверно, нужно познакомиться с автором выставочных работ, с художником.

Это — Валерий Леонидович Куклев,

Художник работает.

житель пос. Елизаветино, член Гатчинского Товарищества Художников со дня его основания (более 20 лет назад). Работы — в основном живопись маслом и карандашная графика. Художник работает в стиле реализма (пейзажи, портреты), имеет несколько исторических полотен, которые нахо-

В кольчуге.

дятся в Гатчинской Музыкальной школе, в Детской Художественной школе, в

Елизаветинской СОШ. Сейчас художник как раз работает над очередной картиной исторического плана под названием «За Русь!». Патриотическая тема очень вдохновляет Валерия Леонидовича, и как одержимый, творческий человек, он способен почти полностью раствориться в выбранном сюжете, ощутить тот дух и настрой, который присутствовал в войнах древней Руси. Но не только мысленно, а реально, надев НАСТОЯЩУЮ кольчугу и шлем, изготовленные собственноручно! Действительно, творчество многогранно...

Валерий Леонидович поселился в Елизаветино в 1979 году. На столь дальний переезд художника вдохновило и подвигло желание «быть поближе к искусству, к Ленинграду», как он сам объяснил. А до этого был г. Копейск Челябинской области, место рождения. Затем - учеба в Художественном училище г. Душанбе (Валерий Леонидович имеет специальность учителя черчения, рисования), служба в армии.

В Дылицком парке.

Художник Куклев успешен и уважаем не только в творчестве. В жизни он — хороший семьянин, имеет уже трех внуков! А когда у художника надежные «тылы» и моральная поддержка в жизни, приходит и в работе вдохновение.

Картины Валерия Леонидовича признаны не только земляками. Его работы нашли свое постоянное место пребывания в частных коллекциях в Финляндии, Израиле, в США. В 2001 г.

состоялась персональная выставка художника Куклева в г. Бремен, Германия.

Несколько лет тому назад по картинам Валерия Леонидовича была представлена экскурсия на конкурсе юных экскурсоводов по теме «Мой край». Ученик Елизаветинской основной школы Богданов Саша занял тогда первое место!

Что рисует Валерий Леонидович? Любимые и знакомые всем жителям окрестности Елизаветино весной и летом, осенью и зимой, во всем многообразии сюжетов, красок и

Горбатый мостик.

настроения. На более ранних работах мы можем увидеть еще доступный для всех «смертных» Дылицкий парк с его загадочными прудами, живописными соснами и елями, с многоцветным разнотравьем полянок у кромки зарослей кустов и деревьев, с трогательным «горбатым» мостиком, под которым течет неторопливо темная вода (кстати о воде — у Валерия Леонидовича изображение воды на всех картинах настолько достоверно, что создается полное ощущение реальности).

Далее, в продолжение разговора, позволим себе процитировать еще один отзыв из книги посетителей выставки: «Хочется опустить туда руку, а потом обмыть этой водичкой лицо. Кажется,

что она будет пахнуть травами, пыльной цветочной пылью, которые окружают Ваши прудики, речки и ручейки. Кругом — красота в природе, и, если кто-то ее не заметил, пусть приобщится к ней, глядя на Ваши картины. Всего Вам доброго — и в жизни, и в творчестве!».

Давайте же присоединимся к этому искреннему пожеланию и, по возможности, найдем время познакомиться с творчеством Валерия Леонидовича Куклева. Его картины также ждут вас в библиотеке пос. Елизаветино, где проходит ежегодная выставка работ художника.

К ПОРТРЕТУ СОВРЕМЕННОГО

Делай великое, не обещая великого

«Людская молва гласит много лет, что лучшего хирурга в Гатчине нет. Но молва молвой, а я человек принципиальный, и верю только фактам. Два десятка лет прошло, с тех пор как экстренно пришлось оперировать моего брата. Александр Григорьевич [Мец] был на учебе, и сделать очень сложную операцию пригласили, пожалуй, лучшего хирурга из ленинградской онкологической больницы. Подобные операции редко проходят удачно, и мы, родные больного, это понимали. Брат на реанимационной койке после операции потихоньку уходил в мир иной. К счастью, из учебной командировки вернулся Мец. Тяжелобольного, которому за какие-то добрые дела Бог добавил еще несколько часов жизни, Александр Григорьевич взял его [брата] на повторную операцию. Не люблю говорить «врач от Бога», учитель тоже от Бога. Скорее всего, такими талантливыми людьми руководит сам Всевышний. Сорок дней брата выхаживали два замечательных, чутких и отзывчивых к людям врача: заведующий отделением реанимации и анестезиологии Георгий Емельянович Ковган и хирург Александр Григорьевич Мец...», — пишет Александр Баскаков.

ИЗ БИОГРАФИИ:

Мец Александр Григорьевич родился 30 октября 1944 года в городе Алма-Ата. Далее с семьей переехал в город Киев, где окончил среднюю школу в 1961 году. Один год работал в Киевском НИИ нейрохирургии санитаром. В 1962 году поступил в Курский государственный ме-

дицинский институт. После окончания института был направлен для работы в Ново-Епатскую сельскую участковую больницу Вологодской области главным врачом. Через год работы был назначен главным врачом Грязевской центральной районной больницы Вологодской области, где проработал до 1972 года. Работу главного врача постоянно совмещал с работой врачом хирургом, был главным районным хирургом. Александр Григорьевич продолжил обучение в ординатуре Ленинградского санитарно-гигиенического медицинского института по специальности «хирургия», вернулся в Вологодскую область и работал в санитарной авиации врачом-хирургом.

С 1975 года работает в Гатчинской центральной районной клинической больнице врачом-хирургом, многие годы воз-

главлял хирургическое отделение, высококвалифицированный врач хирург, аттестован на высшую квалификационную категорию врача по специальности «хирургия». Владеет смежной специальностью врача проктолога. Знания и практические навыки передает молодым специалистам, подготовил ни одно поколение молодых врачей хирургов.

Награжден Почетной Грамотой Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации, Почетной Грамотой Губернатора Ленинградской области.

Александр Григорьевич еще и талантливый писатель, им написаны пять книг, из которых три посвящены известному поэту Осипу Эмильевичу Мандельштаму.

С глубоким уважением к Александру Григорьевичу относятся его пациенты и коллеги, его любят друзья.

Александр Иванович Баскаков с почтением посвятил уважаемому врачу свои самые добрые чувства в прозе и в поэзии.

...Как «Отче наш» врач должен знать,
Чем все болезни врачевать.
Согласно клятве Гипократа,
Больного возлюби как брата.

И были земские врачи
Среди российских эскулапов,
Спешивших к страждущим в ночи,
Был доктор Чехов и Булгаков.

Сменивши скальпель на перо,
Не открывая вранья бюро.
И знай, душа важней, чем плоть, —
Нас учит этому Господь...

Кто жизнь спасает страждущим в
ночи?

Конечно не поэты, а врачи.
Поверьте, доктор Мец, я не шучу,
Я предпочтенье отдаю врачу.

Глаза-незабудки, глаза-небеса...

Наталия Пунжина

Глаза-незабудки, глаза-небеса.
Да, редко увидишь такие глаза.
Как те незабудки — синей не найти, —
Что там, в сорок третьем, остались цвести.

Навек в сорок третьем. Цветут для солдат,
Чьи юность и счастье в окопах лежат,
Для тех, кто с небес лишь увидел салют.
Цветут они в памяти. Вечно цветут.

Как синие капельки старческих слез,
Цветут у израненных белых берез, —
Во имя Победы святой и добра,
Во имя того, чтоб вовек детвора

Не знала, что юность бывает седой,
Что тонет в воронках с кровавой водой,
Что слепнет от взрывов и в танках горит,
Что стынет в снегах у прибрежных раки.

Не знала б... Но в жизни, увы, ветеран,
У внука — Чечня, а у сына — Афган.
И мальчик, прищутив задумчиво глаз,
Глядит, как медали сияют у вас.

...Цветут незабудки — в траве небеса.
У правнука точно такие глаза.
Ничто не забыто. Никто не забыт.
Цветут незабудки у мраморных плит.

16 января 2004 г.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

*Небо загорелось, звезды падали,
Ослепленные неистовым огнем*

БЫЛ РАНЕН В БОЯХ

ПОД ГАТЧИНОЙ

Маргарита Семенова

Яков Александрович Плоткин
1930-е гг.

Мы печатаем письма

Уникальные документы войны принесла в редакцию бывшая учительница, пенсионерка из Гатчины Маргарита Яковлевна Семенова. Среди них — Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 декабря 1942 года о награждении ее отца — Якова Александровича Плоткина — медалью «За оборону Ленинграда», солдатский треугольник, посланный отцом дочери в далекую эвакуацию, в Кировскую область, и портрет отца, служившего в Красной армии. Маргарита Яковлевна приложила к своим военным семейным реликвиям и письмо своего папы, на котором стоит дата: 28 января 1944 года. Вот это письмо с фронта.

Выдержки из писем Я.А. Плоткина:

12.12.41 г.

«Последнее время на нашем Ленинградском фронте (как и на других) мы бьем фашистских бандитов, разбойников и убийц с большой дороги, как говорили в старину, которые убивают мирное население, детей, стариков, женщин и издеваются над ними, грабят и забирают все, что попадает под руку. Уже много их разбили в Тихвине и в других местах на подступах к Ленинграду. Когда враг будет уничтожен под Ленинградом, ты сумеешь, я думаю, вернуться домой.

А сейчас очень приятно, что ты, несмотря на нехватку бумаги и учебников, учишься на «хорошо». Ты этим не только делаешь приятное мне и полезное себе, но и доставляешь неприятное немецким варварам, которые выступают против всякой культуры и считают, что все и, в особенности, мы должны быть темными, неграмотными, некультурными. Поэтому учишься как можно лучше, добивайся сама и этим подтягивай других, чтобы и занятия, и поведение было еще лучше, было на «отлично».

24.12.41 г.

«Наши войска очистили от немецких бандитов почти всю дорогу от Тихвина до Ленинграда. В газете уже писали, что дорога от Тихвина до Меи очищена, и что наши части продолжают двигаться дальше, и

громить врага.

У меня дела без изменений, но настроение, в связи с блестящими победами Красной Армии и продвижением ее вперед, стало более бодрым, несмотря на то, что я никогда не сомневался, что разгром фашистских грабителей и убийц раньше или позже неизбежен».

25.07.42 г.

«Умирать я еще не собираюсь, и Ленинград — наш, мы его не отдадим, и если часть зданий повреждена гитлеровскими бандитами, все же в основе своей город остался прежним и таким должен остаться. В этом можно быть твердо уверенным».

27.08.42 г. Ленинград

«Вчера вечером начали передавать по радио радостную весть об успе-

хах наших войск на Калининском и Западном фронтах. Самое главное — начало. Второе начало разгрома уже будет окончательным. Докоаем его обязательно. Скорее бы».

3.07.43 г.

«О Ленинграде. Трамвай ходит, свет горит, вода почти везде течет, в особенности, в нижних этажах. Солнце светит, как и до войны. Не изменились и белые ночи. Неприятно только, что еще вокруг Ленинграда держится фашистский сброд».

25.01.44 г.

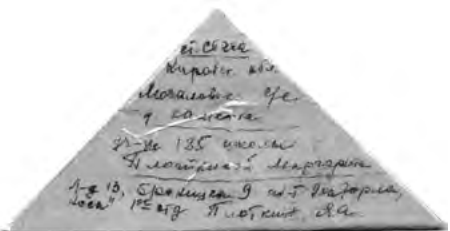
«По твоему заказу я немало уничтожил фрицев, но и меня легко ранило. Я сейчас нахожусь в Ленинграде по адресу: Бронницкая ул., д. 9, интернат «Ухо, горло, нос».

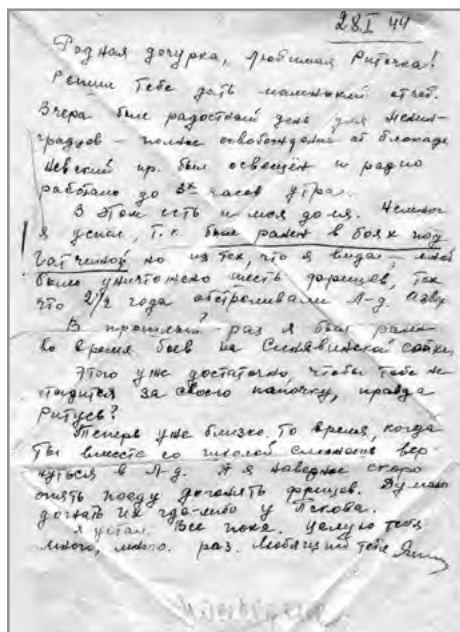
Братская могила пос. Синимяз Кохтла-Ярвенского района Эстонской ССР.
Здесь захоронен Плоткин Я.А.

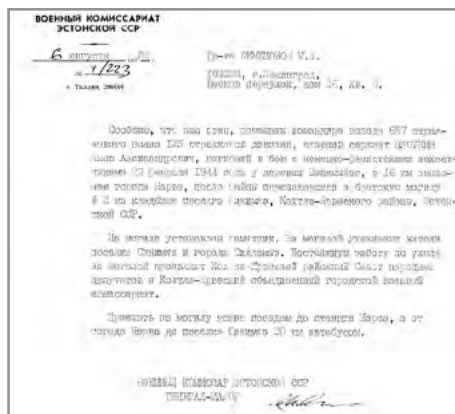
Треугольник письма

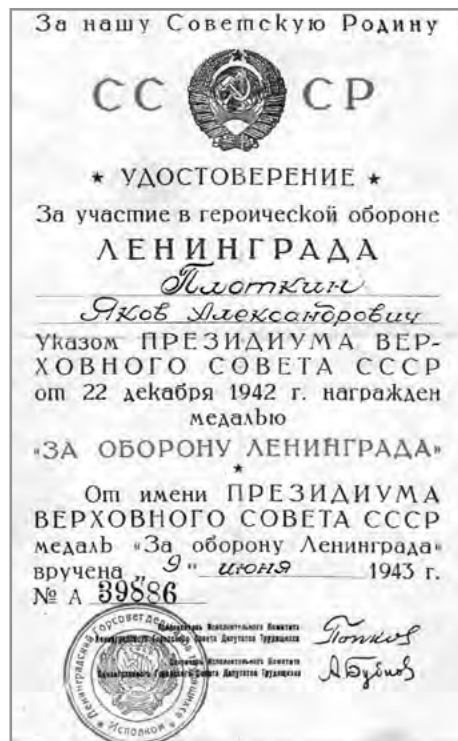
Треугольник письма обратная сторона

Письмо. Содержание

Извещение о смерти

Удостоверение на медаль «За оборону Ленинграда»

АВИАТОР В.Т. АНИСИМОВ

Зоя Бобкова

Владимир Тимофеевич
Анисимов

Владимир Тимофеевич Анисимов (ныне покойный), штурман самолета, Почетный гражданин города Гатчины, Заслуженный работник культуры РФ, Председатель Совета ветеранов войны и труда своим вторым Днем рождения считал 26 июля 1944 г.

Был 1944 год. Шли наступательные бои на территории Эстонии. Воевал он тогда в составе 276-ой Гатчинской бомбардировочной дивизии, впоследствии дважды Краснознаменной, орден Суворова и Кутузова. 26 июля их полк (34 гвардейский авиационный) получил задание уничтожить скопление эшелонов противника на железнодорожной станции Тапа. Операция носила массированный характер, в

ней участвовало почти пятьдесят самолетов. Удачно отбомбившись и сфотографировав нужные объекты, полк возвращался домой. Неожиданно из облаков вынырнули «Фокеры». Завязался воздушный бой. Звено, в котором шел В.Т. Анисимов, целиком было подбито. Пламя кистей неслось к земле. В самолете Владимира Тимофеевича сразу же убило стрелка-радиста Евгения Нестерова. Это был его первый боевой вылет. Младшего лейтенанта Нестерова после окончания училища прислали в полк начальником связи эскадрильи, но в этой должности он не пробыл ни дня. Летчик Куликов вопреки инструкции первым покинул самолет, штурман Анисимов остался в пылающей машине один. Адское пламя стремительно подбиралось к человеку, оно окружало его со всех сторон и готовилось навечно поглотить. Но спас счастливый случай – человека выбросило из горящей машины. Раскрылся парашют. Но, как оказалось, неудачно, летчик запутался в стропах, и его закрутило. Пришлось очень постараться, чтобы выбраться из опасной ситуации. Внизу, на болоте, догорал самолет. Парашют стало относить к железнодорожной ветке. Все это происходило на территории, занятой врагом, и, чтобы не приземлиться на станцию, прямо им в лапы, пришлось притормозить парашют.

Наконец, под ногами оказалась твердая почва. Ощущение было такое, будто вновь родился на свет. Сбросив с себя парашют, Владимир Тимофеевич побежал в лес, под укрытие де-

ревьев. Направление на линию фронта он знал точно, но прошло десять долгих суток, пока до нее дошел, по болотам, по территории, занятой врагом, в постоянном напряжении. Шел обычно по ночам, но, если вокруг были тишь да глушь, то шел и в дневное время. Одежда была обычная, летняя: гимнастерка, комбинезон, шлемофон с наушниками, которые впоследствии срезал себе на память немец, стеганая фуфайка. Ее перед вылетом на задание в последнюю минуту дал товарищ, ведь на большой высоте без теплой одежды замерзнешь. Фуфайка очень пригодилась и в лесу. Первые дни Владимир Тимофеевич ничего не ел и не пил. Жажда особенно донимала его. Пробовал напиться болотной воды, стало тошнить.

На четвертые сутки он вышел к хутору. Подходил с крайней осторожностью, с пистолетом в руках. Правда, тот был не заряжен, все патроны были расстреляны до вылета на задание, тренировался, но все-таки с оружием было спокойнее. На хуторе русский работник вынес ведро воды. Оторваться от него было невозможно, и он выпил воду чуть не до дна. Вскоре подошла хозяйка-эстонка. Она принесла краюху хлеба с маслом и бутылку молока. Все это для оголодавшего человека было на вес золота. Высоко-высоко в небе пролетали немецкие самолеты. Женщина перепугалась и затащила его под навес. Задерживаться на хуторе было опасно, и Владимир Тимофеевич пошел дальше.

Проходили дни и ночи, менялась окружающая панорама, то болота, то леса, смешанные, еловые, сосновые. И опять болота, мерзко чавкающие, с обманчивой трясиной, с кровососущим гнусом. И в любое время можно напороться на врага.

4 августа ему исполнялось 22 года.

Он решил отдохнуть и закатил себе пир. Удобно устроившись на кочке под сосенкой, отведал лесное угощение — древесную кору. Разжевывал ее долго и тщательно, а потом старательно проглатывал. Насытиться, конечно, не смог, но День рождения отметил. Ничего лесного, ни ягод, ни грибов он не ел, они бы только раздражили аппетит, да и времени терять не хотелось, постоянно казалось, еще немного — и он окажется у линии фронта.

На десятые сутки Владимир Тимофеевич услышал канонаду и редкие автоматные очереди. На пути оказалась мощенная бревнами дорога. Он пошел по ней и вдруг услышал и увидел немцев. Их силуэты четко вырисовывались на фоне темноватого неба. Он решил обрядиться под немца и проскочить этот участок пути. Прикрепил за спиной длинную палку, якобы это винтовка, шлемофон подделал под каску. Дважды лицом к лицу сталкивался с немцами, но в ночной темноте они не распознали в нем чужого. Увидев большую кучу неизвестных предметов, он их принял за термосы с едой и начал вскрывать. В голове билась мысль: «Сейчас поем, сейчас поем...». К его горькому сожалению, предметы оказались противогАЗами. Он уже поднялся, чтобы идти дальше, как увидел в трех шагах от себя немцев. Спешить и бежать было нельзя, откроют огонь, и он двинулся медленно. Вдруг за спиной раздалось: «Хальт», и тут же по ногам прострочила автоматная очередь. Он упал вниз лицом. В голове зазвенело: «Все, убит, а мысля остатками сознания». Один из подошедших немцев пнул его по сапогу, сказал «Капут», и они ушли.

Когда Владимир Тимофеевич осознал, что он не убит, а ранен в бедро, и двигаться не сможет, то решил закопать в землю документы. А у него при

себе были: удостоверение личности и кандидатская карточка, незадолго до вылета его приняли в кандидаты партии. Земля оказалась мягкой, торфяной, копать было легко. Он осторожно, чтоб не заметили немцы, вынул из гимнастерки документы и зарыл их. Тут подошел еще один немец, взял его за руку, а рука была теплой. И сразу же последовало: «Иван вставай». Но, увидев, что «Иван» встать не может, перенесли его в укрытие. Начался краткий допрос. Пришлось сказать, что он — летчик, сбитый десять дней назад.

Немец, что был постарше, оказался человечным: перевязал рану, угостил сигареткой, дал сухарь и воды. Сухарь сгрызть не удалось, кровоточили десны, поберег на следующий случай. Через переводчика завязался разговор. Немцев интересовало, когда закончится война. Владимир Тимофеевич вспоминает: «Терять мне уже было нечего, охватило безразличие к своей судьбе и поэтому я нахально говорю им: «Вы в Балтийском котле, со всех сторон наши войска, и в нем вы останетесь». Немцы возбужденно залопотали, а меня сверлила только одна мысль, когда меня будут расстреливать».

Вскоре начало светать. Подъехала большая фура, туда погрузили раненых и повезли. Немцы и русский стонали одинаково. А потом немцы своих раненых повезли дальше, а русского оставили на целый день лежать на земле. С нашей стороны шла активная стрельба: свистели осколки снарядов, с деревьев отлетали щепки. Все это над головой раненого. Неожиданно его окликнули по-русски: «Ползи в землянку, а то убьют». Позвал его немец. В землянке их было много. Дали попить, кусок хлеба, а в ужин даже немного пива. Разговорились. Тот не-

мец, что говорил на чистейшем русском языке, оказывается, до войны работал в Донбассе, в качестве иностранного специалиста. И здесь немцев интересовало, когда же закончится война. «Я, — вспоминает Владимир Тимофеевич, — хотел опять провести политбеседу, но шахтер показал мне, чтоб я помалкивал. Вскоре за мной пришли».

Отнесли его к немецкому капитану. Накануне краха своей империи фашисты становились обходительными, даже русскому пленному предложили чаю. А потом начался допрос, на котором Владимир Тимофеевич стал путать события и имена. Имя летчика вместо Куликов, назвал Кулаков, а подбили их самолет сначала, якобы, артиллерия, а потом уже истребитель. Насчет имени летчика его быстро раскрыли, показали удостоверение Куликова. Оказывается, тот тоже попал в плен. А насчет артиллерии немцы начали разбираться, поскольку пленный упорно твердил, что это правда. У немцев велся строгий учет, кто кого и сколько подбил. В данном случае сведения не состыковывались, и это настораживало. Целый день его возили на «виллисе» по Эстонии, выясняли, правду. Кормили по солдатскому пайку, был даже кусок сыра и кусок колбасы. Раны загноились и болели.

На следующий день его поместили в концлагерь: в пространство, окруженное проволокой, где стояло несколько домиков и барак-лазарет. Два месяца и четыре дня провел здесь Владимир Тимофеевич. Кормили, конечно, плохо: супчик из очисток, маленький кусочек эрзац-хлеба. Но два раза был праздник — в супе попадались кусочки мяса, правда, от дохлой лошади. Состоялась в лагере и встреча с летчиком Куликовым. Тот в ответ виновато опускал глаза.

Было начало октября месяца 1944 года. Владимир Тимофеевич стал самостоятельно передвигаться с палкой в руке. На Ригу наступали наши войска, и немцы начали подготавливать заключенных к отправке. Всех здоровых уже увезли в Германию. Ходили слухи, что остальных отправят в газовую камеру. Но осуществить это немцы не успели или не посмели, ведь сами находились в котле. Они отвели заключенных в здание школы и сказали дожидаться русских.

Наконец, пришло освобождение. Потом была спецпроверка. В Риге наши захватили часть немецкого архива, документы из которого подтвердили показания Владимира Тимофеевича. Вскоре его подлечили и направили в свой полк, 34-й гвардейский авиационный, который воевал уже в Восточной Пруссии, участвовал в боях за взятие Кенигсберга. В Восточной Пруссии В. Анисимов встретил День Победы.

Владимир Тимофеевич Анисимов родился 4 августа 1922 года в Москве. Был единственным ребенком в семье. Отец работал заведующим отдела народного образования Хамовнического района (Арбат). Мать была учительницей. Когда мальчику исполнилось полтора года, семья переехала в г. Волоколамск. Туда отца направили, он стал заведующим отдела народного образования уезда, потом председателем уездного профсоюза. Отца переводили в другие города, и семья следовала за ним. Мальчику восемь лет, отец – управляющий Госбанка в г. Егорьевске, подростку 12 лет, отец – управляющий Госбанка в Кунцево, юноше 16 лет, отец – заместитель управляющего областным отделением Госбанка в Киеве. И во всех городах у Владимира были настоящие друзья. С ними строились интересные планы на будущее, которое виделось прекрас-

ным и удивительным. Ребята совместно писали захватывающий роман, собирались отправиться в путешествие по реке Припяти, посещали выставки и музеи, дружили, взаимно духовно обогащаясь.

В Киеве Владимир окончил десятилетку. На дворе был 1940 год. Его вызвали в райком комсомола и сказали буквально следующее: «В воздухе пахнет грозой» и предложили идти учиться в авиационное училище. Но Владимир, очарованный новым фильмом «Трактористы», с неподражаемым Крючковым в главной роли, попросил его направить учиться на танкиста. Ответ был однозначным: «Туда нет разрядки, есть только в летное училище». Так Владимир Тимофеевич стал летчиком.

Учиться его направили в Харьковское авиационное училище стрелковых бомбардиров. В 1941 году училище эвакуировалось в Красноярск. Летали на самолетах Р5, Р10, ТБЗ. Осенью 1943 года учеба закончилась, последовало направление в запасной полк в Казани, а в январе 1944 года – на Ленинградский фронт. Из училища выпустили младшим лейтенантом, штурманом самолета. Прибыл к месту назначения в день снятия блокады Ленинграда. В дальнейшем участвовал в освобождении Гатчинского района, поселков Сиверский, Вырица и других населенных пунктов. Полк в то время дислоцировался на аэродроме в Сиверском, а штаб находился в Гатчине. Готовилось масштабное наступление на Карельском перешейке, усиленно пополнялся самолетный парк. Владимира Тимофеевича откомандировали перегонять самолеты из Казани.

В июне 1944 года началась операция по освобождению Карельского перешейка. Было много боевых вылетов на линию Маннергейма, ее хо-

рошо отутюжили. Участвовал полк и во взятии Выборга, Кексгольма (ныне город Приозерск). На Выборг операция носила массированный характер, о ней передавали по московскому радио. При налете на этот город яростно били зенитки. В самолет В. Анисимова попал осколок. Машину развернуло в воздухе, заглох мотор, она стала падать. Нужно было ее посадить и остаться живыми. Задача была сложной. Чтобы Куликов не разбил лицо о панель управления при ударе о землю, пришлось его держать изо всех сил. Это получилось, но на штурмана, прямо на спину, свалился ящик с патронами. Его контузило. Пронеслась под крыльями деревушка, мелькали просветы среди деревьев, сбили три столба и даже не поверили, когда самолет приземлился. Пусть брюхом, но на земле. И не взорвался! Это была удача! Экипаж выбрался из подбитой машины чуть живой. У самолета оставили караульных, а сами отправились на свой аэродром. Прибыли и получили выволочку: «Почему не дотянули до аэродрома?». Но, когда самолет на месте подмонтировали и перевезли его на грузовике на аэродром, заместитель командира дивизии похвалил экипаж, в сложившихся условиях посадка была проведена мастерски.

После операций по освобождению Карельского перешейка, полк участвовал в боях на территории Эстонии.

Потом был роковой для В. Анисимова день – 26 июля, который стал одновременно и роковым и вторым Днем рождения.

После войны Владимир Тимофеевич до 1949 года оставался в армии. Он кавалер боевых орденов: Отечественной войны I степени, Красной Звезды, Знака почета. В 1946 году он встретил свою будущую жену, Фриду Андреевну, с которой они вырастили двоих

детей, дочь и сына. У них две внучки. Обе работают преподавателями. Есть и внук. Он сейчас служит в армии, в автомобильных войсках.

После увольнения в запас в 1949 году Владимир Тимофеевич приехал к родителям, в Елабугу. Они были туда эвакуированы, да там и остались. На гражданке образования не хватало, он окончил Елабужский учительский институт. Стал работать преподавателем в вечерней школе. Потом заочно окончил Казанский педагогический институт. Взяли работать в редакцию местной газеты «Новая Кама», корреспондентом. Через год назначили редактором этой газеты. В этой должности Владимир Тимофеевич пробыл двенадцать лет.

Однажды, в 1962 году, в редакцию пришли студенты и рассказали о Марине Цветаевой и ее жизни в Елабуге. В газете «Новая Кама» была опубликована большая статья о поэтессе. Она трагически погибла в Елабуге в 1941 году, но до 1962 года ни разу об этом не писали.

В 1970 году Владимир Тимофеевич приехал в Гатчину на очередную встречу с однополчанами, его полк базировался на аэродроме в Сиверском. Здесь остались его друзья, одним из которых был Михаил Николаевич Колокольцев, чьим именем впоследствии была названа улица в Сиверском. Тогда-то и решили, что пора Владимиру Тимофеевичу перебраться поближе к однополчанам. Работать он стал в газете «Гатчинская правда», корреспондентом. Но уже через год с небольшим его назначили редактором газеты, в этой должности он и проработал до пенсии.

Но и после от активной жизни Владимир Тимофеевич не отошел, плодотворно участвовал в общественной жизни города. И еще. Написал книгу

скрытно отходили к центру поселка, где по кромке улицы можно добраться до леса.

Цепью по одному с интервалом в 10-15 метров наши бойцы удалялись в лес. Когда эвакуация из села закончилась, многих бойцов не досчитались. А немцы продолжали «лупить» по поселку, мстя за прошедшую ночь.

19 января поредевший батальон по приказу совершил 18-ти часовой маршбросок. Когда подошли к какому-то населенному пункту, еще от опушки услышали рев моторов, крики немцев. Разведка доложила о крупном немецком соединении, поэтому наши бойцы уклонились от боя, немного изменив маршрут, продолжили движение к пункту боевого назначения. Отойдя на несколько километров от немецкого соединения, немного отдохнули, т.к. все выбились из сил, но все догадывались, что впереди бой. А пока — выставили дозоры, на снегу расстелили плащ-палатки и заснули. Когда бойцов разбудили, было уже достаточно светло. Они продолжили свой путь. Это были уже четвертые сутки с начала наступательной операции.

20 января вечером 2 батальон и 4 рота, в которой воевал наш рассказчик, соединилась с соседом, 160 стрелковым полком общей 224 дивизии. Его 2 батальон на исходном рубеже у крупного населенного пункта был подготовлен к атаке. Батальон нашего героя без задержки был направлен к следующему населенному пункту.

Подошли к деревне, а немцев там уже не было — опять маленькая солдатская удача. Бойцам был предоставлен отдых.

Утром 21 января 2-ой батальон только вышел из деревни и направился к дороге через лес, как был обнаружен немецким самолетом-разведчиком. Было это в районе между Пудостью и

Тайцами (когда бойцы пересекали железную дорогу, наш рассказчик успел заметить на столбе указатель «Тайцы»). Когда бойцы шли по редкому лесу, немцы обстреливали их из пулеметов и минометов. Наступил вечер, когда удалось выйти из-под обстрела, и только в полночь удалось соединиться с тылом полка.

Общие резервы оказались скудными: от всего полка набралось не более половины батальона, поэтому для предстоящего боя за Пудость приказано было собрать и бросить в бой поваров, саперов, санитаров, автоматчиков охраны штаба.

От Тайцев бойцы шли вдоль железной дороги. Около 6 часов утра 22 января «усиленный состав» батальона подошел к разрушенной электростанции. Железнодорожный мост через реку Ижору был взорван. Рядом был перекинут пешеходный мосток, по которому бойцы перебирались маленькими группами. На противоположном берегу, метрах в ста от вокзала, бойцы создали исходный рубеж для атаки. Когда все были готовы, с криками «Ура!» бросились в атаку. Немцы встретили наступление плотным пулеметным огнем. Еще не сблизившись с противником, батальон уже потерял много бойцов. Вынужденное сидение на прежних позициях заставило оглядеться получше. Петр Семенович вспомнил, что вокзала не было, рядом с багажной платформой были сложены штабеля дров, тюки прессованного сена.

«Мы, человек 50, схватились с немцами врукопашную. Все перемешалось: они в маскхалатах, мы — тоже, стрельба совсем прекратилась, началась драка. Тут и стоны, и ругательства на двух языках», — даже спустя годы эмоционально рассказывает Петр Семенович.

Группа немцев, отделившись от толпы, гуськом, хотела скрыться за поленицу дров. Петров бросил туда гранату, пришлось и самому пригнуться под платформу: дрова разметало взрывом. Когда Петров был готов вновь присоединиться к драке, немцы бросились по направлению к мельнице. В этот момент к бойцам подошел старший лейтенант Жуков, замкомандира батальона, у него была разбита челюсть. Его перевязали. Он отдал приказ Петрову и рядовому Волкову из того же отделения: через местных жителей выяснить, каковы силы обороны у немцев в направлении мельницы. У одного из домов были слышны крики. Оказывается, местные жители поймали старосту. Двое разведчиков зашли в дом вслед за местными. На кухне при свете лампы старик лет за шестьдесят одевается, его жена плачет: Что с ним будет?.

— А что делают с прихвостнями немцев?

— Я не немецкий ставленник, меня народ выбирал.

Петр Семенович как старший группы спросил старика, сколько в деревне жителей. Оказывается, оставлены только из девяти семей самые престарелые. Один из солдат должен был сопровождать старосту в штаб полка, а Петров с Жуковым пошли выполнять задание. Прошли по деревне, в подполе одного из домов нашли двух стариков, трех старушек, плачут, обнимают бойцов, торопятся рассказать, как издевались немцы над людьми. Они подтвердили, что немцы оставили только стариков, молодежь была угнана в рабство. Старики подробно рассказали, как немцы готовились за мельницей к обороне. Пока разведчики беседовали со стариками, прошло минут 15. За это время 2-ой батальон захотел с ходу ворваться в деревню

Гатчинская мельница, но, встретив сильное сопротивление, понеся большие потери, вынужден были retirоваться к вокзалу; разведчики, не зная сложившейся обстановки, направились выяснять ситуацию к мельнице.

На повороте дороги, что выходит на плотину, загорелся большой дом, плотину и мельницу осветило. Разведчики решили, что бой закончился поражением немцев, т.к. увидели за мельницей группу смело передвигающихся солдат. Разведчики уверенно ступили на плотину, стали сближаться с солдатами в маскхалатах, когда заметили под белыми капюшонами каски со свастикой.

«Один из фашистов ухватился за ствол моего автомата, нагнул его к земле, еще двое навалились на меня. На Волкова, мне показалось, навалилось человек десять. Из последних сил пригибаюсь, увертываюсь, не борюсь за автомат, спасаюсь бегством. Немцы стреляют в меня, но мне везет. Я сбросил маскхалат, полушубок, налегке убегаю к вокзалу. Меня спасают помкомвзвода Тупицын и солдат Логинов, открывшие огонь по моим преследователям. Двое фашистов были убиты, остальные retirовались», — рассказывает, еще раз проживая те события ветеран.

Петров рассказал своим однополчанам, как Волков попал в плен, его послали доложить о случившемся в штаб полка, в здание разрушенной электростанции. Фактически штабом служил угол двух уцелевших стен, наружная стена с дверным проемом отсутствовала, «дверь» штаба из плащ-палатки охранял часовой.

Безоружный, в одной гимнастерке, дрожащий от озноба, Петров прошел к командиру полка полковнику Демину, доложил о случившемся. Автомат Петрову выдали, а вот одежду пред-

ложили поискать самому.

Из штаба полка он направился к вокзалу, разыскивать остатки своего батальона. В одном из домов он нашел черную шубейку, перчатки, трикотажный подшлемник — превратился в партизана; двинулся по поселковой улочке к мельнице. В одном из переулков встретил пулеметчика Еремеева, он указал дом, в котором разместился штаб батальона и раненые. Всем, кто уцелел, уже поступил приказ готовиться к немецкой контратаке, а это всего 12 человек. Не успели занять более выгодные позиции, как были обстреляны с немецкого самолета.

В одном из домов на чердаке установили станковый пулемет, слуховое окно смотрело как раз на мельницу. Сектор обстрела был приличным, но кто-то обстановку оценил по иному — вбежал лейтенант, командир 2-го взвода и приказал снять пулемет и подняться к штабу батальона. Он успел выбежать первым, а когда выносили пулемет, разорвавшаяся рядом мина вывела пулемет из строя и убила пулеметчика Еремеева. Почти в этот же момент, когда Петров перебежал дорогу, его ранило в ногу, он упал лицом в снег, а когда поднял голову, то увидел, что группа бойцов была далековато от него, помощь оказать было некому, а немцы уже ворвались на улицу, что-то крича. Петр Семенович постарался не подавать признаков жизни, когда немцы забирали автомат, из кармана прихватили брезентовый бумажник. Ветеран не помнит, сколько он пролежал, но когда осмотрелся, кругом было тихо; далеко, километрах в двух, были слышны пулеметные очереди. Он сел, снял со спины немецкий кабель телефонной линии, попробовал двигаться. От потери крови обе ноги были ватными, решил ползти к ближайшему дому.

Старушка, хозяйка дома, предложила укрыться в бесхозной половине дома, долго пришлось ползти в это убежище — стало темно, да силенок убавлялось с каждым метром.

Бинтов не было, пришлось рвать на себе нательную рубаху, для того, чтобы перевязать себе раны на ногах. Петр Семенович лег под верстаком, укрылся каким-то тряпьем. Ночью старушка принесла поесть, стало намного легче от еды и от ее участия. Герой войны не помнит, сколько прошло времени, но слышались топот, немецкая речь, он подумал, что бабушка испугалась и выдала его местопребывание, но немцы зашли в помещение, пошарили фонариком по углам и вышли.

«Нервы у меня были на пределе, «ныли» ноги, за стенами слышно было, что завязался бой, я не вытерпел и закричал. Мой голос услышали! Так я подумал, но это моя спасительница сообщила моим боевым товарищам о раненом. При свете фонарика я рассказал о случившемся, и лейтенант обещал прислать санитаров. Я спросил его о времени: было 5 часов 30 минут. Это было утро 23 января».

На рассвете пришли бабушка и мужчина лет 40. Петров посетовал, что обещали прислать санитаров, но никак не дожидаться. Старушка говорила, что боец совсем плох, надо что-то делать. Мужчина, а это был Иван Владимирович Баранов, пошел искать «начальство» в нашем штабе. Старушка рассказала, что немцы, выбив наших бойцов из деревни, зверски замучили раненых капитана и старшего лейтенанта. Наконец пришел санитар, перевязал раны, но забрать обещал по окончании боя. Все ушли, Петров остался один и слушал голос боя за стенами, а бой не прекращался, а усиливался в еще большем масштабе. Под окном разорвался снаряд, оскол-

ком выбило раму, разрушило круглую печь, от пыли и гари стало темно и душно, а Петру Семеновичу тогда помог верстак, принявший на себя основной удар. Когда пыль осела, стало видно, что горит соседний дом, а его убежище не загорелось, благодаря шапке снега на крыше.

Заканчивались очередные сутки военной эпопеи страны, эпопеи нашей малой родины, но на этом совсем закончилась личная военная эпопея солдата Великой войны ПЕТРОВА ПЕТРА СЕМЕНОВИЧА.

В конце вечера пришли санитары, на волокуше, потом на лошади отвезли раненого в Красное Село в медсанбат. 26 января его в санитарной машине отправили в госпиталь Ленинграда, где ему была сделана операция по ампутации одной и спасению второй ноги.

22 апреля 1965 г. Петр Семенович вторично оказался в Пудости: поклониться могилам боевых друзей, рас-

спросить старожилых Мыза-Ивановки, чтобы восстановить всю картину январских «боев местного значения». В 1965 году в живых оставался только Иван Владимирович Баранов, тоже одноногий старик. Петр Семенович встречался со школьниками, рассказывал о войне, о героях, о солдатском счастье, о своей полноценной послевоенной жизни. В 1965 году он не чувствовал себя стариком, требующим внимания, он просил молодежь не забывать тех стариков, которые живут рядом с нами, просил окружить их вниманием: всегда может оказаться, что скромный старик по-соседству — легенда целой эпохи и необыкновенно уникальная Личность.

Встреча была организована и записана первым директором Музея боевой славы Барановой Раисой Васильевной. Материалы хранятся в музее Боевой Славы Пудостьской школы и в Пудостьской сельской библиотеке.

Виктор Иванов

В.Я. Смирнов
1915 – 2008

Высокий, стройный, подтянутый по военному, немногословен, выдержан — это он — защитник Ленинграда, сражавшийся с фашистской нечистью на огненном «пяточке» Невской Дубровки, участник разгрома войск милитаристской Японии на дальнем Востоке, майор в отставке Смирнов Виктор Яковлевич, которому 21 декабря 2007 года исполнилось 92 года.

Родился В.Я. Смирнов 21 декабря 1915 г. в деревне Звад Новгородской губернии в семье сельского учителя Якова Алексеевича Смирнова, который закончил Петербургскую духовную семинарию при Александро-Невской Лавре и получил образование священ-

ника и учителя сельской школы. Когда Виктору исполнилось 3 года, умерла его мама Екатерина Егоровна.

С 1931 года жизнь Виктора Яковлевича связана с нашей любимой Гатчиной, где в то время проживала его старшая сестра. Школа ФЗУ на улице Юного пролетария (ныне улица Чкалова), где он учился на токаря, далее работа на заводе «Свобода» в Ленинграде, участие в самодеятельном струнном оркестре, игравшем регулярно по вечерам на танцплощадках.

Токарь, наладчик, заместитель начальника цеха, а в 1938 году Виктор поступил в Ленинградский институт повышения квалификации инженерно-технических работников. Из-за болезни ног Виктора в армию не призывали. А в мае 1941 года его направили на лечение в Крым, где его и застала весть о вероломном нападении на СССР фашистских мерзавцев. На восьмые сутки с начала войны он приехал в затемненный Ленинград, где нижние этажи зданий были уже заложены мешками с песком от осколочных снарядов, на окнах — светомаскировка. Ленинград уже подвергался бомбежкам.

С октября 1941 года Виктор Смирнов — курсант военно-политического училища им. В.И. Ленина на Каменном Острове. В январе 1942 года В.Я. Смирнов был направлен на «Невский пяточок» ленинградского фронта, где шли ожесточенные бои с подлыми фашистскими уродами, практически круглосуточно. Бомбежка «пяточка», обстрел из орудий не прекращались ни на минуту. Во время этих боев Вик-

тор Смирнов получил сначала легкое, а потом и тяжелое ранения. Госпиталь в Вологде, а потом Свердловск — и так восемь месяцев с дальнейшей комиссацией, но... Ленинград был в блокаде, ехать некуда и ... Виктор Яковлевич был направлен в Забайкальский военный округ в нестроевую часть в Читу в военную железнодорожную бригаду. Далее Монголия, участие в войне с милитаристской Японией.

3 сентября 1945 года в г. Харбин В.Я. Смирнов отметил окончание Второй Мировой Войны, а потом продолжение службы в Забайкальском военном округе, где на его пути повстречалась чудесная девушка — Ирина Владимировна Сазонова, ставшая впоследствии его женой. После увольнения в отставку по состоянию здоровья Виктор Яковлевич вместе с женой обосновался на Алтае, где работал в коммунальном хозяйстве, в райкоме партии. Учился в Краевой партийной школе в Барнауле, осваивал целинные земли. В 1963 году Виктор Яковлевич был избран делегатом XIII съезда профсоюзов СССР, который проходил в Москве во дворце Съездов. На Съезде были Ю.А. Гагарин — первый космонавт мира и В.И. Терешкова — первая женщина-космонавт мира. Фотографию тех лет сын В.Я. Смирнова бережно хранит и сейчас (он сфотографирован рядом с Ю.А. Гагариным).

С 1972 года В.Я. Смирнов снова проживает в любимой Гатчине. Работа на заводе «Ленинец», активное участие в общественной жизни города, в военно-патриотическом воспитании молодежи, забота о сыне с невесткой, внуке и внучке — на месте он не сидел.

По заслугам родина отметила своего сына — майора в отставке Виктора Яковлевича Смирнова, наградив его орденами «Отечественной Войны 1 степени», «Красная Звезда», «Знак

Почета»; медалями «За оборону Ленинграда», «За боевые Заслуги», «За Победу над Германией», «За Победу над Японией» и мн. др., а почетных грамот и ценных подарков — трудно сосчитать.

А недавно в связи с 90-летием Великой Октябрьской Социалистической Революции Виктор Яковлевич Смирнов, являющийся членом партии более 43 лет, был награжден орденом «Партийная доблесть» от имени Президиума ЦК КПРФ.

Когда отмечалось 70-летие со дня введения высочайшего звания «Герой Советского Союза» в нашей стране, В.Я. Смирнов был удостоен чести встретиться с Героями Советского Союза: номер один в СССР — Анатолием Васильевичем. Ляпидевским, а также с Юрием Алексеевичем Гагариным, Валентиной Владимировной Терешковой и другими.

И где бы он ни был, Виктор Яковлевич всегда сплачивал коллектив, являясь членом комитета офицеров запаса и в отставке Гатчины и Гатчинского района, он регулярно выступал в школах, лицеях, колледжах и на предприятиях, делился воспоминаниями.

Виктор Яковлевич Смирнов был всегда чутким, отзывчивым человеком, скромным, добродушным. Он всегда, до последних дней жизни принимал самое активное участие в общественной жизни района и области. Очень хорошо пел и особенно песни военных лет. Его всегда окружали друзья, близкие, родные. В.Я. Смирнов скончался на 93 году жизни 9 апреля 2008 года. Светлая память о нем останется в наших сердцах.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СТАРОЖИЛ

Зоя Бобкова

Н.А. Новожилов
в Рождественской сельской библиотеке

Прожить долгую, насыщенную событиями мирового уровня жизнь, доводится далеко не каждому из детей человеческих. А вот жителю села Рождественно, Николаю Александровичу Новожилову, удалось. Только некоторое перечисление того, каких событий он был участником, поможет вам представить, насколько много он пережил. Николай Александрович — единственный оставшийся в живых человек, который находился при немцах в концлагере в Гатчине. Об этом его рассказ позже. Он прошел концлагеря Эстонии, сидел в немецкой тюрьме. А потом началось его кругосветное путешествие: Франция, Англия, Америка, наконец, родная земля, Владивосток. И целый год — проверочный лагерь на предмет его лояльности советской власти. После этого — долгая и разная жизнь в России. На восьмом десятке он вернулся на малую родину, в Рождественно.

Детство.

Свой род Николай Александрович проследил до 1760 года и составил его древо, поименно. Это род крепостных крестьян. На батовской земле Новожиловы обосновались после получения вольной. Его дед Федор (умер в 1926 году) поставил небольшой дом в деревне Батово. Видать, приглянулись ему плавные воды реки Оредеж, густые леса и вольные поля. Места и вправду здесь удивительные. Отец Николая Александровича родился в 1894 году, а он сам 2 января 1924 года.

Батово — место знаменитое, там в свое время располагалась усадьба декабриста Кондратия Рылеева, от которой, правда, уже в наше время мало что осталось... и от рылеевского парка тоже. Только память, только пока невыполнимое желание воссоздать усадьбу из праха.

«Девять семей Новожиловых, семь семей Бурьяновых, а всего около 60 дворов, — вспоминает Николай Александрович. — Вот какое было тогда Батово. По тем временам деревня не большая, не маленькая — средняя. Все живут испокон веков на одном месте, сын почитает отца, отец — своего отца, устойчивый быт, стабильность и большие семьи».

У Николая Александровича еще четыре сестры, он был единственным мальчиком в семье. Отец участвовал в первой мировой войне, прошел революцию. Семья была дружной, к тому же музыкальной. Отец играл на всех струнных инструментах и привил любовь к музыке всем детям. Поэтому со-

стоялся семейный струнный ансамбль: Николай играл на балалайке.

Отец работал то бухгалтером, то главным бухгалтером. Были у них, конечно, лошадь, корова, птица. Была и небольшая полоска земли, на которой сеяли или сажали, по возможности, все. В селе выращивали рожь, овес, ячмень, лен. Посевные и уборочные работы проводились вручную. Первая попытка внедрить в деревне Батово коллективизацию оказалась неудачной. Это был 1930 год. Но уже в 1932 г. по распоряжению свыше новый вид хозяйствования был внедрен в быт крестьян.

— На том месте, где стоял наш дом, — вспоминает Николай Александрович, — теперь выстроен большой пятиэтажный. Свято место пусто не бывает.

В 1-й класс мальчик пошел в 1932 году. В его селе школы не было, ходил в соседнее — в Даймище. Отдельного здания школы тогда не существовало, классы располагались в разных, частных домах. Тетрадей не было тоже, писали на грифельных досках. В 1932 году построили в Даймище новую школу. Стала она называться именем Газа.

Вся живность в крестьянских хозяйствах облагалась налогом, который взимался в натуральном выражении. Николай Александрович помнит, как приходилось ему носить бидончик с молоком на приемный пункт, это было по пути в школу.

4-й класс он закончил в 1936 году, продолжил свою учебу в рождественской школе.

Окончив семилетку, Николай хотел поступать в электротехнический техникум, но жить было негде, и он пошел учиться в ветеринарный, там работал его отец. Летом 1940-го года ввели платное обучение.

Начало войны.

Солнечный, воскресный, прекрасный день 22 июня 1941 г. Накануне Николай сдавал экзамены за II-ой курс техникума, зато в воскресенье пришлось работать по хозяйству. Пришел с поля и услышал, что началась война. Людей охватило смятение, никто не знал, что нужно делать. Уже вечером этого же дня была объявлена мобилизация, возраст призываемых был от 20 до 45 лет. Николаю было 17, его отцу 47, они остались дома. Уже в начале июля начались бомбежки. Первая бомба в деревне упала в Рождественно у скотного двора. Была убита женщина. Бомбежки становились неотъемлемой частью деревенской жизни, потому что за Вырой был военный объект — ложный аэродром.

Директор техникума, где учился Николай, Павел Симиригин, был переведен в Гатчину на организацию оборонных работ. Он вызвал туда и своих учащихся. 15 июля на оборонные работы поехал и Николай. Сначала они работали на гатчинском аэродроме, возили землю, разравнивали площадку для самолетов. Потом их перевели в Мариенбург. Оборонительные работы шли в районе завода Рошаля. Народу там было собрано много, были и студенты из Ленинграда. Жили в палатках, работали от зари до зари. День 1 августа Николаю запомнился особо. В этот день из кучевых облаков на них вывалилось шесть немецких самолетов, они ударили в самую массу людей. Николай чудом остался в живых, он работал в стороне от большинства народа. Два последующих дня от завода Рошаля увозили убитых и раненых.

На товарной станции в Гатчине были разбиты немецкой авиацией цистерны с нефтью, и два дня над городом стоял черный дым.

На оборонительные работы Николая забрали на месяц, и 15 августа его отправили домой. Добираться пришлось на попутном транспорте. Он уговорил взять его с собой шофера, который вез в Лугу бензин. В родной деревне колхозники собирали урожай. Николай сразу же включился в работу. Немецкие бомбежки становились все интенсивнее. Однажды прилетело аж тридцать самолетов. Отстреливались от них из винтовок, а жители хоронились в лесах.

В оккупации.

Уже 22 августа в Батово пришли немцы. «Это произошло, — пишет в своих воспоминаниях Н.А. Новожилов, — без должного сопротивления наших войск, хотя командованием было строго приказано всему населению покинуть свои дома и укрыться в лесу, мотивируя тем, что здесь будет проходить линия обороны. Стратегического значения шоссе Ленинград — Псков и железная дорога на Лугу были очень важны для отступающих с Лужского оборонительного рубежа наших войск. Но в нашем районе не было даже окопов, а деревянный мост, так называемый, рылеевский, через Оредеж, не был даже взорван или сожжен. Немцы воспользовались этим упущением, их войска беспрепятственно вышли на шоссе Луга — Псков и станцию Сиверская. Наши солдаты еще долго бродили по лесам и болотам. Нам же, находившимся в местном лагере, немцы приказали вернуться по домам, в противном случае всех посчитают партизанами и расстреляют, а дома сожгут».

И они вернулись в свои дома. Первые дни боялись выходить на улицу. Было дико и страшно ощущать себя под чужеземцами. В Рождествено ок-

купанты организовали комендатуру, а в деревнях было приказано выбрать старост.

«Все мужское население, — пишет дальше в своих воспоминаниях Н.А. Новожилов, — было поставлено на учет, и каждому присвоили номер, написанный на небольшой дощечке из фанеры. Этот номер должны были носить поверх одежды.

Оставшийся скот немцы сразу перебили, а зашедшие к нам во двор солдаты перебили всех наших кур. В рылеевском парке остановилась какая-то воинская часть, состоящая из поляков, они часто проговаривали такую поговорку: «Мама, курки, мама, яйцо, большевик далеко».

И вот в конце октября, ночью, эти солдаты, якобы, услышали выстрел и, по-видимому, сообщили командованию (они очень боялись партизан), а утром Батово окружили немцы, выгнали всех мужчин и погнали в Выру, в лагерь для военнопленных. Их загнали в вырытые траншеи, поверх накрытые хвойными ветками. Более месяца продержали жителей Батово в лагере. Допросы и угрозы были постоянно. Потом выпустили домой, но предупредили, еще раз услышат выстрел, жителей расстреляют, а дома сожгут.

Потом начался голод — запасов уже не было. У немцев стали выпрашивать справки с разрешением ходить в соседние деревни и обменивать вещи на продукты. Отец Николая однажды ушел в Лугу и больше домой не вернулся.

Зима 1941-42 годов была морозной, и немцы отбирали у населения теплую одежду.

«Иду я, — вспоминает Н.А. Новожилов, — навстречу два немецких солдата, наставили свои автоматы и тут же содрали с меня еще дедовский по-

лушубок. Зиму и весну пережили чудом. Мама пекла лепешки, в состав которых входили березовые опилки и торф, а для связки мизер муки. Весной появилась лебеда, ели ее. Люди пухли, и многие умерли».

В первые месяцы войны немцы про Ленинград говорили «капут». Потом на эту тему не распространялись. Но хотелось знать, что же происходит на фронте, тем более в Батово были слышны орудийные выстрелы. Николай выпросил у своего дяди чудом сохранившийся приемник и стал слушать блокадный Ленинград, а новости с осторожностью пересказывать сельчанам. Но кто-то донес, и немцы устроили в его доме погром. Повезло, что его самого не было в то время дома, поэтому не забрали с собой.

Почти каждый день всех, кто мог работать, вывозили на расчистку дорог и аэродрома. Лагерь для военнопленных в Рождествено был страшен. Умерших людей укладывали штабелями и закапывали в траншеях. Там погибло наших солдат несколько тысяч.

В концентрационных лагерях.

В 1943 году в окрестных лесах стали появляться партизанские отряды. Один из них немцы окружили и расстреляли. Именно в день рождения Николая его забрали немцы. Это было

на следующий день после разгрома партизанского отряда. «Нас, оставшихся еще не вывезенными, — вспоминает Николай Александрович, — и как соучастников партизан, арестовали. Вначале нас, вместе с местными жителями, которые были в лесном лагере, перевезли в Гатчину. Лагерь находился в то время на Красноармейском проспекте, где сейчас оранжерея. В каких условиях мы там находились — даже жутко вспоминать. Наконец, настал день, когда наши войска стали штурмовать засеженные, а, вернее, завязшие под городом немецкие войска. У нас появилась мизерная надежда. Мы уже слышали канонадный грохот. Но немцы решили нас вывезти. Нас из лагеря повезли на товарную станцию, загнали в вагоны и ночью отправили в Эстонию. Сначала в Таллиннскую тюрьму. Потом поместили ненадолго в лагерь под городом».

По мере приближения советских войск пленных увозили все дальше на Запад. Так Николай оказался во Франции, в городе Шербур, где была военно-морская база. Пленных гоняли на работы по восстановлению так называемого атлантического вала.

Однажды немцы в лагерь не пришли. Оказалось, на полуостров высадились англо-американские войска...

ОБЕЛИСК

посвящается военному мемориалу в Малом Верево

Александр Воронов

Эх, война, боль сирот, матерей, слезы вдов!
Сколько бед ты родимой земле принесла!
Сколько стертых, разрушенных сел, городов!
Сколько братских могил...
Сколько?.. Нет им числа.

У дороги среди яблонь стоит обелиск.
Три лица молча в небо и в вечность глядят.
Только трое их – летчик, солдат и танкист,
А в земле их друзья боевые лежат.
Здесь на подступах к Гатчине в схватке с врагом
Смерть ждала, но никто не хотел умирать.
Так мечталось бойцу повидать «отчий» дом,
Но он помнил приказ: «Биться! Насмерть стоять»
Да, он выполнил воинский долг как герой.
Мы, хранящие мир, завоеванный им,
Всем, кто пал на войне, кто вернулся домой
Благодарность навечно в сердцах сохраним!

Сад, цветы! Соловьи, заливайтесь звончей!
И хоть павшим бойцам не восстать ото сна,
Пусть для них оживет хоть на несколько дней
Та, что памятна всем - в сорок пятом - весна!!!

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

*Как велико призвание – прокладывать путь
для непонятых истин и для новых
мужественных идей*

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ «КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА г. ГАТЧИНА» 1991–2008 гг.

Валерий Мачульский

Его создание определили бурные события 1991 года. Инициатива по его рождению была рассмотрена и одобрена начальником отдела культуры г. Гатчина Качаловой Антониной Максимовичей и депутатской комиссией по культуре.

В задачи нового подразделения отдела культуры входило:

- Сбор материалов о творческой деятельности коллективов, входящих в отдел культуры, а так же — по деятелям культуры и искусства, работающих самостоятельно.

- Систематизация собранных материалов.

- Пропаганда культурного наследия г. Гатчина.

Особенность архива состояла в том, чтобы собирать материалы по новейшей истории города, пока они не потерялись и не канули в лету. То, что сейчас является заурядной обыденностью сегодняшнего дня, через 50-100 лет может оказаться редким экспонатом в музейной экспозиции. Примеров небрежного отношения к предметам и документам материальной культуры современности в тысячу раз больше, чем удачных единичных находок усердных историков и краеведов.

Перед архивом стояла скромная задача помочь будущим поколениям краеведов, журналистов, писателей, деятелей культуры, на основе собранных материалов, развивать и пропагандировать культурное наследие нашего времени.

Что же представлял собой фонд архива на момент передачи его 11 июля 2008 года в «Музей истории г. Гатчи-

на»? (пр. 25 Октября, 18).

Как формировался фонд архива? Выбран был классический способ сбора материалов — через личное общение с творцами культурных ценностей. В результате этого общения на полках архива появились папки с документами, фотографиями, плакатами, афишами, коробки с пластинками и т.д. Для себя в этой работе я находил большую пользу в общении с творческой интеллигенцией нашего города, был в курсе всех событий культурной жизни.

Первоначально мыслилось создать архив кино-фото документов. Поэтому пустые полки архива заселили новоселы-коробки с негативами и папки с фотографиями. Первым реальную помощь в формировании фондов оказал Аркадий Львович Кац. Это краевед от бога, человек большой культуры и профессионал своего дела. Начал свою трудовую деятельность в «Гатчинской правде» с 1954 года и по 2003 год, работал и в газете «Спектр-Гатчина». На протяжении 50 лет им создавалась фотолетопись событий города Гатчина и Гатчинского района по масштабам, сравнимая с деятельностью Санкт-Петербургской фотомастерской позапрошлого и начала прошлого века Карла Буллы. В разные годы А.Л. Кац передал в архив 3500 тысяч фотографий и более 30000 тысяч негативов. Позаботился он и о наследии своего старого друга фотографа Э. Зайцева, рано ушедшего из жизни. Забрал у вдовы друга 356 негативов, 50 фотографий и передал их в архив.

Ценность имеют подписи и даты,

коробочки с негативами подписаны, и по этим данным мы можем найти статьи «Гатчинской правды» и получить исчерпывающую информацию — это бесценное достояние истории и культуры нашего города и района. Такое подвижничество скромного человека могло бы послужить поводом для коллективов всех наших СМИ ходатайствовать перед администрацией города о присвоении А.Л. Кацу звания «Почетный гражданин г. Гатчина».

Большую заинтересованность в формировании фондов проявлял Борис Иванович Куликов (1926–2008 г.г.) участник Великой Отечественной войны, полковник медицинской службы в отставке, коренной житель нашего города, внештатный фотокорреспондент «Гатчинской правды». Интересуясь культурной жизнью города и района, он вместе со своей супругой Нинель Александровной постоянно посещал культурные мероприятия города и района, и всегда вместе с ним был фотоаппарат. Его личный архив был в идеальном порядке, все фотоматериалы подписаны. Дополнительно к этому он вел альбомы, куда вкладывал газетные статьи со своими фотографиями. После ухода из жизни Б.И. Куликова, Нинель Александровна передала весь архив мужа в «Культурно-исторический архив г. Гатчина» безвозмездно. В общей сложности это 9998 фотографий и негативов за период с 1978 по 2006 годы. Так же были переданы материалы по истории семьи Куликовых. Его мать — Куликова Антонина Семеновна — до войны работала директором школы №3, ныне гимназия им. К.Д. Ушинского в г. Гатчина. Брат — Леонид Иванович Куликов — стал детским писателем. 24 сентября 1983 года на улице Соборная 10\12 в его честь была открыта мемориальная доска. Замечательная семья, с большими культурными тра-

дициями.

Бескорыстную помощь в подборе материалов оказывал Константин Андреевич Буш (1944–2006 гг.). Первое наше знакомство состоялось 11 февраля 1983 года на открытии бюста-памятника Б.П. Константинову, работы скульптора М.А. Аникушина, на территории ПИЯФ РАН. По моей просьбе он напечатал серию крупноформатных фотографий, запечатлевших это событие. Первая его газетная публикация появилась в 1957 году. Долгие годы К.А. Буш работал фотографом в ПИЯФ. С 1997 по 2006 год работал фотокорреспондентом газеты «Гатчинская правда». Первым из гатчинских фотографов стал использовать цифровой фотоаппарат и камеру. В его домашнем архиве и поныне хранятся тысячи «свидетелей» нашей истории.

Вспоминаю добрым словом Кима Александровича Холщигина, участника Великой Отечественной войны, умершего 29 ноября 2001 года. Проживал он в неказистом доме по ул. Матвеева, 72. Из рассказов я помню, что первый свой фотоаппарат он приобрел в Германии во время войны и с тех пор фотографировал всю жизнь. Большой любитель фототехники, он собирал коллекцию старинных фотоаппаратов, восстанавливал их до рабочего состояния. Долгое время работал фотографом на заводе «Буревестник», активно участвовал в создании первого музея истории предприятия. Вследствие чего, в архиве оказались сотни фотографий и негативов, отразивших жизнь завода за период 1970-80-х годов. Его склонность проявлялась в бытовом жанре. Народные гуляния, праздники, всевозможные собрания, свадьбы, похороны, пейзажи парка и т.п. была у него еще одна особенность: фотографируя пейзажи парка и своих соседей в Химози, печатал крупно-

форматные черно-белые фотографии на матовой бумаге и цветными карандашами старательно их раскрашивал. Над этим древним способом «цветной фотографии» часто посмеивались его товарищи по цеху. К.А. Холцигин не был краеведом, не оставил сопроводительных надписей, и поэтому сотни фотографий и негативов остались безымянными.

Другой гатчинский фотограф, Евгений Николаевич Курганский, начал заниматься фотографией с пятого класса, обучаясь в школе № 7; до окончания учебы был школьным фотокорреспондентом. Сначала его увлекал чисто технический процесс фотографии, но с годами освоил все премудрости и занялся художественной черно-белой фотографией. В 1982 году в «Гатчинской правде» была опубликована первая его фотография. Работал штатным фотографом в 33 училище и внештатным в газете «Гатчина-Инфо». Печатался в областных газетах. Но жизненные обстоятельства сложились так, что в последние годы сменил любимую профессию. Имеет большой личный систематизированный архив, но на данный момент фонды его не востребованы обществом.

Любой профессиональный фотограф, куда бы он ни шел — в магазин или на официальное мероприятие, — всегда берет с собой своего друга — фотоаппарат. В «три глаза» они фиксируют события, которые в последствии становятся фотодокументом. Но не всегда это бесценное наследие становится достоянием города и горожан. В этом я убедился, разыскивая гатчинских фотографов по списку, составленному А.Л. Кацем в 1970-х годах. Обход по адресам выявил следующее: многие уехали из г. Гатчина; некоторые умерли, не оставив после себя творческого наследия. Но самое печальное, что после их смерти близкие родственни-

ки выбросили фотографии и пленки. Трудно объяснить такие поступки со стороны людей, которые прожили вместе не одно десятилетие и так бездумно распорядились памятью о родном человеке. Таких примеров немало. Гатчина город небольшой и все знают, что у нас есть два краеведческих музея, сотрудники которых с большой благодарностью примут любые предметы и документы, связанные с историей г. Гатчина и района. Все музейщики и краеведы знают, как трудно найти новые документы и фотографии довоенной и послевоенной Гатчины. Из-за этого в СМИ, журналах и книгах десятки раз тиражируются одни и те же фотографии и тексты документов. Поэтому я благодарен всем гатчинцам, с кем мне довелось общаться, и от которых я получал бесценные материалы для городского архива.

Бекренев Павел Михайлович передал дореволюционные фотографии 33 штуки, фотографии 20-50-х годов 25 штук. Документ: свидетельство о браке от 05.01.1940 года на имя Д.Т. Трофимовой и личную карточку Никитина А.Д. за 1937 год. Все эти материалы принадлежали родственникам П. Бекренева, проживающего в д. Лампово, Гатчинского района.

Скрпнев С.Л. — председатель городского отделения ВООПиК (10.02.1999 г.), передал 92 папки с документами по памятникам Ленинградской области, посвященные Великой Отечественной войне из архива Областного отделения ВООПиК, собранного В.И. Громовым. Как получилось, что эти папки оказались в г. Гатчина? Поговорка гласит: «Переезд равен двум пожарам». В нашем случае переезжал на новое место областной ВООПиК, сотрудники почитали этот материал малоценным и оставили его в коридорах старого помещения. С. Скопнев и корреспондент «Гатчинской правды» В.И. Никола-

ев на редакционной машине вывезли брошенные документы в г. Гатчина и передали в архив. Просмотрев полученный материал, я отобрал 155 документов и 21 фотографию по истории Гатчинского района и передал А.В. Бурлакову. Можно надеяться, что эти материалы будут востребованы, когда в Ленинградской области в полной мере возродятся районные отделения ВООПиК. Для них это будет ценным подарком, а г. Гатчина в очередной раз подтвердит свой статус «культурной столицы» Ленинградской области.

Главный архитектор г. Гатчина Сергей Николаевич Романов подарил архиву более 500 фотографий домов и улиц города за разные годы. Эти фотографии были заказаны отделом архитектуры для своей профессиональной работы и являются ценным материалом по истории градостроительства.

Большой вклад в формирование фондов архива внесла Татьяна Соломоновна Званская, Почетный гражданин г. Гатчина, Заслуженный учитель школы РСФСР. С августа 1968 по ноябрь 1984 гг. — ответственный секретарь Гатчинского городского отделения ВООПиК. Благодаря ее энергии и профессиональным знаниям было собрано большое количество документов по истории г. Гатчина. Часть этого наследия Т. Званской была передана в архив, это в основном документы, связанные с деятельностью ВООПиК.

Пути приобретения будущих экспонатов бывают непредсказуемы. Приведу пример: еду в автобусе, в «непростом для простых людей 1998 году», контролер поймал «зайца» — мужичка, который в свое оправдание, помахивает каким-то удостоверением и доказывает свое право на безбилетный проезд. Контролер забирает удостоверение и заставляет оплатить проезд. Возникает вопрос, куда потом контролер денет этот документ?

Иду в Гатчинский ПАП, встречаюсь с зам. директора по эксплуатации В.А. Витковским, и он в ответ на мой вопрос достает два мешка с различными документами и говорит: «Забирайте, у нас каждый месяц добра по мешку набирается». Отобрал 208 штук, в основном это были пропуска на предприятия, которые перестали существовать, различные удостоверения, профсоюзные билеты и всякая разность, которая в быту выбрасывается без сожаления.

В моей работе были и элементы системности. В конце каждого года я приходил к А.М. Качаловой или В.М. Ключниковой и забирал афиши и документы, которые накапливались и хранились для передачи в архив. Из всего множества приведу перечень нескольких папок:

- Пушкинские праздники 1986–1988 г.г.
- Программы КС К (культурно-спортивный комплекс) с 1986–1988 г.г.;
- Любительские объединения;
- Программы Ленконцерта;
- Списки работников культуры;
- Грамоты, дипломы;
- Программа художественной самодеятельности.

И многое другое, что в совокупности отражает большую и плодотворную работу отдела культуры и его подразделений за период более 25 лет. За этот период были сформированы отдельные папки о деятельности творческих коллективов: театр «За углом», театр «Встречи», театр костюма «Катюша», кинотеатр «Победа», ЦГБ им. А.И. Куприна, оркестр баянистов «Гармоника», дом-музей Щербова, Дом Культуры, клуб авторской песни «Шхуна», ЦТЮ, ГДМ, ДХШ, школа бальных танцев «Олимпия», хор «Гармония». Список можно продолжать, но остановимся. Так же имелась большая подборка по конкретным персо-

нам: скульптор В. Шевченко, поющий поэт В. Шутилов, архитектор В. Кустов, поэты Н. Терентьев, З. Бобкова, А. Ярковец, художники В. Монахов, А. Фотеев, М. Ткаченко, А. Гришанцев и многие другие деятели культуры нашего города.

С большим уважением я относился к людям, которые ценят свой труд, сами тщательно собирали материалы о своей деятельности и оформляли их в удобной форме для дальнейшего изучения. Как правило, это люди в возрасте, понимающие и умеющие ценить время. Пять прекрасно оформленных альбомов передала жена певца Н.Н. Финоченко. Все материалы в альбомах расположены в хронологическом порядке и подписаны: фотографии, программки концертов, газетные заметки, поздравительные открытки. И не удивительно, что результатом такого труда, стало появление автобиографической книги «Неоконченная песня», 2000 года издания. Такие примеры редки. В основном бытует иная позиция. «Я занят творчеством, а если вам угодно, то пишите обо мне, я не возражаю». Но из-за отсутствия готовых материалов написать что-либо будет сложно.

Сбор и систематизация материалов архива это не самоцель, материал должен «работать», когда его набирается достаточный объем, он должен трансформироваться и стать публичным, в любом виде: книга, музейная экспозиция, серия публикаций, радио передачи, телесюжеты.

Так я поступил, оформив выставку «Монументальное и монументально – декоративное искусство г. Гатчина с 1919-1997 г.г.». Этот вид искусства имеет свою специфику, так как все объекты экспозиции разбросаны по всей территории города, и ни один гатчинец не видел их все собранные вместе. Выставка и дала такую воз-

можность: в единстве увидеть все многообразие монументального искусства. Выставка проходила в ЦГБ им. А.И. Куприна с 4 по 22 августа 1997 года. На 47 планшетах располагались более 200 фотографий памятников, мемориальных досок, надгробий и художественных произведений монументально-декоративного искусства. В 1998 году, дополненная новыми материалами, эта выставка была развернута в ДХШ на Аэродроме. Многие посетители высказали пожелание сделать эту выставку постоянно действующей в зале краеведческого музея и просили написать книгу по ее материалам. Чтобы дополнить выставку, по совету А.М. Качаловой, я забрал с автобазы УЖКХ мемориальные доски: Киргетову И.А. (старую), УКОМ и РКСМ (2 шт., дом сгорел), М.Л. Лозинскому, Н.Я. Кузьмину. Две последние были установлены 27.05.1998 г. на пр. 25 Октября, 40 и 07.11.1997 г. на ул. Кузьмина, 1. В последствии в архиве появились еще мемориальные доски: Н.А. Львову, А.И. Перегудову, «Ополченцам Балтийского завода», «Первому организованному собранию большевиков в 1917 г.». Продолжая работать по данной теме и помня доброжелательные пожелания зрителей, в 2007 году я приступил к написанию книги, в которой описываю историю создания памятников в г. Гатчина.

Чтобы отвлечься от серьезных тем, попутно собирал коллекцию бутылок разных лет необычного вида, набралось 1000 штук. Плакаты 1970–1980 годов и другие материалы, посвященные борьбе с пьянством. На день города в 2002 году оформил временную выставку: «Бутылка в нашей жизни». Она была развернута на площади микрорайона «Аэродром». Задача выставки: в юмористической форме, с использованием инсталляций, обличить пагубное явление пьянства. У нашего

народа хорошее чувство юмора, поэтому выставка имела большой успех.

Фонды архива расширились, и в 1988 году было принято решение выделить в отдельную группу материал «История градостроительства г. Гатчина» и оформить постоянно действующую экспозицию в помещении Музея-усадьбы Кладницкого по ул. Достоевского, 20. За год прилегающая территория с садом была приведена в порядок, экспозиция оформлена и принимала первых посетителей. Но экономический и финансовый кризис 1989 года «похоронил» перспективу развития данного культурного объекта. К тому же, какой то злоумышленник, разбив оконное стекло, поджог помещение. Соседи по дому вызвали пожарных, которые быстро справились с огнем. Но все экспонаты были залиты водой, вследствие чего пришли в негодность. Это большая, невосполнимая утрата, так как многие экспонаты были в единичных экземплярах. Из немногого, что сохранилось – это коллекция кирпичей с клеймами – 61 штука, собранных по улицам и стройкам г. Гатчина.

С образованием в апреле 2004 года «Музея истории г. Гатчина» я стал планомерно передавать собранные материалы из архива директору музея Еремеевой Людмиле Александровне, чему она была очень рада. Ведь ей приходилось начинать свою работу с нуля.

В завершении краткого обзора хочу поблагодарить всех гатчинцев, кто принял активное участие в приумножении и сохранении культурного наследия г. Гатчина, и надеюсь, что сотрудники Музея истории г. Гатчина продолжат работу по сбору материалов по новейшей истории нашего города.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ, ДОПОЛНЯЮЩИЕ ТЕКСТ:

Скорнякова З., Мачульский В. Три прогулки по городу // Старая Гатчина: Исторические очерки. Архивные исследования. Воспоминания. Литературные материалы. – СПб.: Лига, 1996. – с.199 – 218.

Александрова Т. Остановись, мгновение, ты – история! //Гатчинская правда. – 1997 – 14 августа.

Мачульский В. Горожане – архиву, архив – горожанам //Гатчинская правда. – 1997 – 16 января.

Мачульский В. История вчерашнего дня. // Гатчинская правда. – 1991. – 20 марта.

Николаев В. О монументальном искусстве // Гатчинская правда. – 2007 – 7 апреля.

Николаев В. Собиратель истории. // Гатчинская правда. – 1996 – 9 апреля.

Скорнякова З. Каменная летопись города // Гатчинская правда. – 1997 – 21 августа.

Скорнякова З. Сохраним последнюю усадьбу //Гатчинская правда. – 1998 – 6 октября.

Скорнякова З. Живы в памяти народной // Гатчинская правда. – 2002–21 сентября.

Скорнякова З. Бутылка в нашей жизни // Гатчинская правда. – 2002 – 22 сентября.

Краеведы и деятели культуры г. Гатчина
на открытии выставки.
Фото Б.Куликова.

Слева направо: Кузьмичева Лариса Алексеевна, директор ЦГБ им. А.И. Куприна; Гусев Евгений, корреспондент Гатчинского радио; Бураков Андрей Вячеславович, краевед; Кучеров Анатолий Александрович, художник; Бунин Валентин Петрович; Скопнев Сергей Леонидович, член ВООПИиК г. Гатчины; Мачульский Валерий Алексеевич; Куликова Нинель Александровна; Судзиловский Николай Анатольевич, автор памятного знака; Бобкова Зоя Степановна, поэтесса; Фокина Людмила Владиславовна, сотрудник ПИЯФ; Скорнякова Зинаида Васильевна, корреспондент «Гатчинской правды».

ВЛИЯНИЕ РУССКОГО ПРАВОСЛАВИЯ НА РЕЛИГИОЗНОСТЬ ИНГЕРМАНЛАНДСКИХ ФИННОВ-ЛЮТЕРАН ГАТЧИНСКОГО РАЙОНА

Павел Крылов

Принадлежность к Евангелическо-лютеранской Церкви на протяжении без малого четырех столетий была для финского населения Ингерманландии, одним из исторических и духовных центров которой является Гатчинский район, важным фактором этнического самоопределения и консолидации. Наряду с использованием финского языка, лютеранское исповедание являлось важнейшим маркером этнической дифференциации ингерманландских финнов от русского православного населения, доля которого в Ингерманландии постоянно увеличивалась в послепетровское время.¹

Впрочем, здешние финны-лютеране поддерживали постоянные контакты с народами, традиционно придерживающимися православия: не только русскими, но также водью, ижорой и православными эстонцами. Их быт, культура, религиозные обряды испытывали серьезное и многостороннее влияние со стороны соседей. Особенно мощным оно стало в послевоенные годы, когда в результате репрессий, выселения из мест традиционного проживания, ссылки и возвращения в 1950-е — 1960-е гг. ингерманландские финны стали меньшинством, дисперсно проживающим на территории Гатчинского района. Свою роль сыграли и процессы секуляризации, протекавшие в советском обществе в форме борьбы с религией и насаждением атеизма, вытеснявшие религию и религиозные практики на обочину общественной жизни. Последнее привело к формированию в советском обществе

весьма своеобразной парарелигиозной обрядности, проявляющей свою живучесть и по сей день.

В позднесоветские годы и в период 1990-х гг., по утверждению исследователя-этнографа А.Ю. Чистякова, для верующих российских финнов более важным критерием отличия от православных представлялся язык богослужения, нежели собственно лютеранское вероучение, основанное на Книге Согласия. В доказательство своих слов он приводит высказывание собеседника относительно православных: «Вера у нас одна, обычаи разные».² Примечательно, что подобное мировоззрение существовало в период активного возрождения приходов Церкви Ингрии, в которых зачастую заново приходилось создавать регулярную богослужебную практику и внутреннюю приходскую культуру. В результате, сформировавшиеся в эти годы евангелическо-лютеранские приходы приобрели самобытные черты, отличающие их как от довоенных уничтоженных репрессиями 1930-х гг. приходов Ингерманландии, так и от современных приходов в соседних государствах — Эстонии или Финляндии, где Евангелическо-лютеранские Церкви объединяют, по крайней мере, формально, большинство населения.

Своеобразие сегодняшнего лютеранства в Ингрии только отчасти обусловлено особенностями государственно-конфессиональных отношений в Российской Федерации. Пожалуй, в существенно большей степени оно объясняется влиянием русского Право-

славия и довольно глубоким проникновением его элементов в повседневную жизнь российских финнов.

Очевидный в условиях активного межэтнического взаимодействия «синтез различных традиций» в «календарной обрядности, повествовательных традициях и ритуальной практике»³ приобрел идеализированные и романтические черты в сочинении известного в церковных кругах журналиста А.В. Щипкова. Слово древний эпос звучат слова одного из пасторов Церкви Ингрии, приведенные им в цитате: «Если мы, лютеране и вы, православные, сохраним верность Слову Божьему, это Слово станет в России обоюдоострым мечом против притупленной либерализмом европейской шпаги. И как знать, не окажемся ли мы — лютеране Ингрии и наши православные братья — по одну сторону баррикад, а феминизированное западное христианство — по другую».⁴ Однако вопрос насколько далеко зашел процесс «религиозной ассимиляции» финнов-ингерманландцев с их превращением «в почти православных» остается открытым.

Сам А.В. Щипков характеризует его следующими словами: «Естественным образом под влиянием православной церкви укоренилось крестное знамение (справа налево), некоторые православные песнопения. Вспоминая традицию алтарных картин, ингерманландцы рассуждают о возможности украшения храмов православными иконами. Это, в свою очередь, провоцирует дискуссию об иконопочитании, совершенствовании и усложнении обряда и т.д.».⁵ Довольно красочная картина, тем не менее, нуждается, во-первых, в существенной корректировке и осмыслении.

Прежде всего, надо отметить, что вероучение Церкви Ингрии в своей

основе остается сугубо евангелическо-лютеранским. Впрочем, возможно усмотреть влияние консервативного русского православия в том, что и Церковь Ингрии стоит на очень консервативных в лютеранском мире позициях. Внешними признаками ее консерватизма являются неприятие ни женского священства, ни благословения гомосексуальных союзов, ни права на эвтаназию или аборт. С богословской точки зрения, консерватизм основан на буквальном прочтении Священного Писания, однако, внешнее сходство с позициями православных выглядит более существенным.

Заметно влияние и в некоторых экклезиологических деталях. Так православная по происхождению терминология и символика используются в «Положении о ЕЛЦИ», документе, регулирующем внутреннее церковное устройство. К примеру, здесь можно встретить такие понятия как «священник», «принадлежность к священству» или «рукоположение в сан (диакона, пастора, епископа)».⁶ Кроме того, подобно православным, все ординированные духовные работники ЕЛЦИ носят наперсные кресты. В среде последних заметно формирование своеобразной клерикальной субкультуры. Пасторы и диаконы охотно самоидентифицируют себя в качестве представителей сословия священников, своего сообщества в качестве «клира», а не принадлежащих к нему прихожан в качестве «мирян».

Последние, впрочем, весьма охотно поддерживают подобное отношение, нередко используя в адрес духовного работника обращение «отец имярек» или просто «батюшка».

Еще более существенное православное влияние прослеживается на литургический обиход многих приходов Церкви Ингрии, в особенности,

использующих во время богослужения русский язык. Здесь можно услышать произносимые нараспев молитвы и чтения, увидеть укаждение (чаще всего, во время наиболее почитаемых праздников). В последние годы получает распространение пасхальный крестный ход и пасхальная всенощная служба. В целом же, для всей ЕЛЦИ характерно повышенное внимание к внешней, эстетической составляющей богослужения, его стройности и динамике, музыкальному оформлению и дисциплине участвующих в богослужении прихожан, которые должны в нужный момент подниматься или садиться на скамьи, преклонять колени и осенять себя крестным знаменем, а также громко и четко произносить предполагаемые чином богослужения ответы. Идеал т.н. «высокой церкви» не только внедряется «сверху», организованными духовными работниками, прошедшими систематическое обучение в Теологическом институте ЕЛЦИ, в среде многих прихожан он находит благоприятный отклик, отражая и воплощая т.о. их представления и ожидания об эстетике богослужения.

В советский период возникла общность некоторых религиозных обычаев, главным образом, в области погребальной обрядности. Живущие по соседству финны и русские сохраняют ее и по сей день, по большому счету, вопреки усилиям как православных священников, так и пасторов ЕЛЦИ. Для подобного общего погребального обряда характерны: погребение усопшего в течение трех дней после кончины, бросание денег на гроб в открытой могиле, поминальная тризна над могильным холмом, нередко, с обильным употреблением спиртных напитков, поминание на 9 и 40 дни, посещение могил родных в дни Пасхи и

Троицы (исчисление Троицы возможно для лютеран по юлианскому календарю, тогда как Пасху они отмечают по календарю григорианскому). Общесоветская традиция для ингерманландских лютеран оказалась наполнена особым смыслом: кладбища превратились для них в места полуподпольных богослужений или религиозных собраний в дни особо чтимых праздников.⁷ Поминальные богослужения на кладбищах в настоящее время проводятся в ряде финноязычных приходов в ознаменование памяти о том недавнем прошлом.

С другой стороны, в похоронной обрядности лютеран присутствует ряд специфических черт. Так последнее прощание — благословение тела усопшего — осуществляется крестообразным движением ребра ладони (практикуют его, впрочем, не все, главным образом, лютеране финского происхождения). Во время погребения поются траурные гимны из лютеранского сборника церковных песнопений, могильный крест, обязательно четырехконечный (латинский), ставится в головах («Иисус не ногами крест носил»), надпись на памятнике может быть сделана на финском языке. Праздничные дни, в которые происходит посещение могил, определяются по новому стилю. Кроме того, в последние 10 — 15 лет у лютеран Гатчинского района появляется обычай посещения захоронений в рождественский сочельник. Поминание осуществляется возжиганием большой поминальной свечи, подобно тому, как это происходит в Финляндии в день Всех Святых. Впрочем, и сам День Всех Святых (первая суббота после 1 ноября) стараниями приходских пасторов и диаконов, а также под влиянием уехавших в Финляндию родственников постепенно занимает место среди особо чтимых праздников.

В целом, по словам Каарины Юленен, для российских лютеран финского происхождения отмечается большее, нежели в Финляндии, внимание к соблюдению церковных обрядов: крещения, конфирмации, браковенчания, благословения погребения.⁸ Однако, за прошедшее с момента проведения К. Юленен исследования время, количество первых трех обрядов сократилось, в то время как среднее поколение по-прежнему демонстрирует желание проводить ушедших из жизни стариков в последний путь по финскому церковному обычаю, прося, однако, в подавляющем большинстве случаев о полном или частичном переводе церемонии прощания на русский язык. Просьба мотивируется наличием среди провожающих усопшего большого количества лиц, не владеющих финским. Благодаря этому в погребальный обряд проникает такой православный элемент, как чтение нараспев, а для самого обряда все чаще используется термин «отпевание».

Главными среди церковных праздников являются Пасха (*Pääsiäispäivä*) и Рождество (*Joulu*). Примечательно, что в повседневном обиходе, также как и в отношении Дня Святой Троицы (*Pyhän Kolminaisuuden päivä*), используются преимущественно, а в последнем случае и вовсе исключительно их русскоязычные названия.⁹ Последнее в особенности интересно, поскольку для заключительного праздника рождественского периода, Богоявления, употребляется лишь его финское название — *Loppiainen*. Сходным образом Сретение Господне называется либо по-фински *Kynttilänpäivä*, либо в дословном переводе на русский «Днем Свечей», а Благовещение — соответственно *Marianpäivä* или «Днем Марии». По-фински предпочитают называть еще некоторые церковные праздни-

ки: *Helatorstai* (Вознесение Господне), *Helluntai* (Пятидесятница), *Mikkelinpäivä* (День Святого Михаила — 30 сентября), *Katrinpäivä* (День Святой Екатерины — 25 ноября), уже упоминавшийся нами *Pyhäinmiesten päivä* (день Всех святых). День Реформации (31 октября), отмечаемый с размахом в Евангелическо-лютеранских Церквях немецкой традиции, в приходах Церкви Ингрии не пользуется популярностью. Впрочем, это едва ли следует относить на счет православного влияния, поскольку и в ЕЛЦ Финляндии данный праздник не принадлежит к числу особенно чтимых.

Пасхальное приветствие: «Христос воскрес! — Воистину воскрес!» известно верующим в его церковнославянском варианте. Аналогичное финское «*Kristus on ylösnoussut! — Totisesti on ylösnoussut!*» известно очень ограниченному кругу прихожан.

Наиболее почитаемым из традиционных народных праздников является Юханнус — Иванов день (*Juhannus* - Рождество Иоанна Крестителя), время которого определяется по современному финскому календарю — первая суббота после дня летнего солнцестояния. Открыто праздник отмечается с 1989 года. Программа состоит из исполнения традиционных песен и танцев, соревнований по метанию сапога и хороводов вокруг «*juhannuskokko*» - особого костра, зажигаемого в окончании праздничного дня. В последние годы праздник утрачивает свой этнический характер, привлекая многочисленных участников и зрителей, не имеющих отношения к ингерманландским финнам. Со значительно меньшим размахом отмечают *Laskiainen* — Масленицу в последнее воскресенье перед великим постом (по новому стилю).

В языке сохраняется конфессиональная и околоконфессиональная

терминология: *ehtollinen* (причастие), *gippi* (конфирмация), *gippikoulu* (воскресная школа), *hautajaiset* (похоронный обряд — проводы в последний путь), *seurat* (духовное собрание в частном доме, проводимое в дружеской обстановке), *kolehti* (церковные пожертвования), *kirkonkahvi* (церковный кофе после богослужения), *juhannuskokko* (костер, зажигаемый в Иванов день), *joulupukki* (Дед Мороз), *joulukortti* (рождественская открытка), *virsi* (духовное песнопение), *virsikirja* (сборник духовных песнопений).

Определенное влияние можно обнаружить и на обстановку в домах лютеран. Иногда, впрочем, не очень часто, здесь можно встретить иконы, которые, однако, располагаются не в красном углу, а между окнами, там же где и репродукции популярных в Финляндии духовных картин. О происхождении репродукций рассказывают, что их продавали в 1960-е гг. глухонемые. Чаше, чем иконы, в домах можно встретить православные календари, наряду с церковными календарями из Финляндии, по которым ведется определение праздничных дней.

В заключение следует сказать, что финское лютеранство современной Ингрии — своеобразное явление российской духовной жизни, развивающееся под сильным и разносторонним влиянием православного окружения, взаимоотношения с которым остаются мирными и уважительными друг к другу, при сохранении основ лютеранского вероучения и самобытности церковного обихода.

¹ Ylönen K. Inkerin kirkon nousu kommunistivallan päätyttyä. Jyväskylä, 1997. P. 68.

² «В целом лютеранство воспринимается финским населением не как принципиально отличная от православия конфессия, а как церковь, где богослужение ведется на родном языке». Гадло А.В., Верняев И.И., Егоров С.Б., Чистяков А.Ю. Этнография Северо-Запада России. СПб, 2004. С. 72.

³ Раудалайнен Т.К. Функционалистская система или динамика речевых практик? (Пророчество в среде финноязычных крестьянок Ингерманландии) // Сны Богородицы. Исследования по антропологии религии. *Studia Ethnologica*, вып. 3. СПб., 2006. С. 244 – 266. С. 264.

⁴ Щипков А.В. Во что верит Россия? Религиозные процессы в постперестроечной России. СПб., 1998. С. 218.

⁵ Щипков А.В. Во что верит... С. 217.

⁶ Положение о Евангелическо-лютеранской Церкви Ингрии на территории России. СПб, 1999. С. 15.

⁷ Некоторые собеседники вспоминают о том, что подобным собраниям в то время препятствовали: «Это было еще тогда, когда нас с кладбища гоняли...»

⁸ Ylönen K. Inkerin kirkon nousu..., P. 205.

⁹ При этом если термин *Joulu* (Рождество) хорошо известен и может быть использован в речи, то термины *Pääsiäinen* (Пасха) и *Ryhän Kolminaisuuden päivä* (День Святой Троицы) полностью неведомы и вытесняются их русскими аналогами.

ДЕТСКИЙ МУЗЕЙ

ОТКРЫТКИ

Зинаида Скорнякова

Детский музей открытки открылся в Гатчине 2 ноября 2002 года в школе № 8, имеющей статус «Центр образования».

СЧАСТЛИВЫЙ СЛУЧАЙ

Созданию музея помог счастливый случай. В Фонд культуры Санкт-Петербурга поступило 17 тысяч открыток из Российской Национальной библиотеки, куда они были присланы из Новосибирска членом-корреспондентом Российской Академии наук Еленой Константиновной Ромадановской. Она отправила в библиотеку посылки с коллекцией своих родителей, Анны Николаевны и Константина Владимировича Ромадановских, известных детских врачей. Так как экземпляры таких открыток

уже имелись в библиотеке, их решили передать филиалу Фонда культуры — «Центру образования» в Гатчине. Открытки из РНБ и еще 10 тысяч открыток, подаренных самим организатором музея Виталием Петровичем Третьяковым, и составили его первоначальный фонд. Сегодня в нем хранится более 300 тысяч открыток, музей имеет три специально оборудованных помещения и, по общему признанию, стал центром интеллектуальной и культурной жизни школы. «В музее мы приучаем детей работать с информацией, имеющейся на открытках, — говорит Виталий Петрович. — Разрешаем брать открытки домой, чтобы дети показали их друзьям и, конечно, родителям. Кто-то из них, возможно, создаст свою коллекцию, а кто-то просто будет занят интересным делом. Главное — открытки становятся помощниками в познании мира».

ГЕНЕРАЛЬНОЕ ХРАНИЛИЩЕ

Три помещения музея в новой, недавно построенной гатчинской школе — это генеральное хранилище фонда, хранилище личных коллекций и выставочный зал. Главный хранитель — Зинаида Александровна Пугачева, экскурсовод Гатчинского дворца-музея, ведет нас вдоль стеллажей с ящичками, где находятся собранные музеем открытки. Самый большой раздел — 66 ящичков по 1,5 тысячи экземпляров в каждом — составляют открытки, на которых воспроизведены репродукции художественных произведений.

Неподалеку находятся открытки по прикладному искусству, архитектуре. Открытки, представляющие экспонаты из коллекций Государственного Эрмитажа, Русского музея, Третьяковской галереи и Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина в

Члены петербургского клуба любителей истории открытки в генеральном хранилище. 2007 г.

Москве. Мы насчитали много ящичков с открытками по географии России и зарубежных стран. Главный хранитель говорит, что, разбирая и просматривая поступившие открытки, школьники конкретнее воспринимают сведения, которые они получают на уроках. Кстати, открытки из музея берут на уроки в разные классы школы и учителя литературы, истории, биологии и рисования. Ведь на многих открытках есть иллюстрации к русским народным сказкам, к литературно-художественным произведениям. Найти их в хранилище несложно: они расположены по фамилиям писателей. Много открыток собрано по истории. На них изображены знаменитые люди, герои, политические деятели. Немало занимательных открыток и по биологии, где представлены жуки, животные, рыбы, птицы, растения. Одной из самых востребованных в школе является коллекция детских новогодних

открыток, выпущенных в свет с 1948 года и по сегодняшний день. Улыбку вызывают открытки с изображением зайцев, медвежат и снеговиков известного детского художника Владимира Зарубина.

Хранилище личных коллекций достойно отдельной статьи, ведь здесь хранятся открытки, которые собирали годами известные коллекционеры. Поражает систематизация коллекции писателя Леонида Владимировича Дьяконова. Это 90 тысяч открыток, упорядоченных по времени создания произведений, изображенных на них. «Главная задача сохранения коллекций, — поясняет В.П. Третьяков, — сохранение колоссального коллекционерского труда, вложенного автором в свою коллекцию».

ВЫСТАВКА ХОРОШЕГО НАСТРОЕНИЯ

Стало доброй традицией музея к наступлению нового учебного года готовить передвижную выставку, которая создает у школьников хорошее настроение. Бывает, что она встречается ребят в холле первого этажа школы или находится возле помещений музея. Одна из них посвящена дореволюционной праздничной открытке, вторая — освоению космоса.

К слову, выставочная деятельность музея давно распространилась за территорию школы. Каждый год к началу проведения в Гатчине кинофестиваля «Литература и кино» музей готовит экспозицию открыток, посвященных актерам театра и кино. Нетрудно представить, какой это приятный подарок для артистов. Открытки из фондов музея уже побывали на выставках в Санкт-Петербурге, Новгородском детском музейном центре и на двух международных специализирован-

ных выставках POSTCARDEXPO в Москве. В прошлом году школьники столицы и Московской области, посетив выставку, возвращались туда на следующий день и дарили музею свои открытки. А экспозиция выставочного зала музея «Серебряный пояс России» стала замечательным подспорьем в изучении ребятами истории своего края. Неподдельный интерес вызвали у них представленные на выставке открытки с видами дореволюционной Гатчины. Они позволили детям зримо увидеть прошлое. В витринах выставочного зала — увеличенные дореволюционные фотографии, открытки, детские игрушки, повествующие о жизни дворянских и крестьянских детей. На большом овальном столе — множество старинных детских открыток популярной художницы Е.К. Бем. Интересно были представлены и другие города Ленинградской области: Луга, Выборг, Тихвин, Волхов.

ПОДАРКИ СО ВСЕГО СВЕТА

География поступлений в Музей открыток охватывает многие страны мира. Последние открытки прибыли сюда из Америки. Карта, на которой отмечены страны, откуда поступили открытки, находится рядом со списком дарителей, насчитывающим уже более 120 фамилий. Только за лето 2008 года в музей поступило 12 тысяч открыток, и среди них есть очень редкие экземпляры. Дарителями музея стали известные люди: путешественник В.С. Кетов, поэт М.Е. Юпп, художник М.М. Шемякин, историк Е.В. Анисимов, филолог Ренэ Герра. Активно помогают формировать фонд музея коллекционеры А.А. Мелитонян, П.Д. Цуканов, Н.В. Краснушкина из Москвы, А.Д. Гдалин, А.Г. Брегман из Петербурга, А.Н. Се-

Открытие детского музея открытки
2 ноября 2002 г.

менов из Твери и Р.В. Полчанинов из Нью-Йорка. Московский клуб филокартистов по инициативе его председателя В.Н. Луткина передал в музей около пяти тысяч открыток. Друзья музея передают в его фонд все открытки, которыми их поздравляют с различными праздниками. Так в музее образовалась уникальная коллекция поздравительных открыток, пришедших вице-губернаторам двух областей — Ленинградской и Новгородской, одному из руководителей Росзарубежнефти, директору Инженерного (Михайловского) замка, главному редактору журнала «Русское искусство». Благодаря иностранным дарителям, в музее появились фонды американской и португальской открытки. В этих странах существуют свои традиции, например, открытки-соболезнования, которых у нас нет. Однако основная масса поступающих открыток — подарки от людей, с которыми музей не знаком.

За шесть лет в музее сформировался коллектив из трех взрослых и двенадцати учащихся-активистов, среди которых ребята со 2-го по 11-й класс. Именно через их руки и проходит каждая поступившая в музей открытка.

«Чем больше в музее открыток, тем интереснее с ними работать, — говорит

В. П. Третьяков. — На наших видовых открытках точно зафиксирована вся история страны. Как разобрать новые поступления? В этом деле огромную роль играют дети. В музее сложилась определенная технология разборки: со столами, коробками и ящичками. За эти годы за столами сменилось много ребят. Мы, взрослые, видим, как быстро открытка развивает ребенка. Вначале дети только разбирали открытки, а к международной выставке POSTCARDEXPO они уже подготовили доклады».

ЖИВАЯ ОТКРЫТКА

Детский музей открытки в Гатчине все чаще стали посещать исследователи открыток. Приезжали сотрудники киностудии «Мосфильм», готовившие съемки нового фильма «Ирония судьбы-2». Одних исследователей интересует тема футбола, других — штемпели на открытках, а кто-то приехал «погулять» по улицам старой Ялты. Иногда они не только изучают фонды, но и помогают музею. Недавно московский коллекционер открыток

Концерт ансамбля «Солнышко» на 5-летнем юбилее музея.

Наталья Васильевна Краснушкина разобрала и упорядочила по темам раздел музея «Цветы», а это около 10 тысяч открыток.

Сегодня у открытки много характеристик, которые ей дали взрослые. Ее называют визитной карточкой времени, памятью эпохи, зеркалом истории. Но для детей она не только носитель информации. В их восприятии — это скорее живое существо, которое, несмотря на свой возраст, может неведомым образом преодолевать огромные расстояния и появляться в нужное время в нужном месте — в их генеральном хранилище.

РАДОСТЬ ВСТРЕЧ И ОТКРЫТИЙ

Нина Суховеева

«Помнишь ли ты свою первую книгу? Я спрашиваю про книгу, которую ты выбрал — или тебе помогли выбрать — среди множества других, которую ты раскрыл дома, оставшись один, и которая навсегда запала в твою память чудесными мыслями, волнующими словами, чернотой отчетливых, красивых букв, рисунками, переплетом...и запахом какого — то другого дома, в котором, перед тем как оказаться у тебя, побывала эта книга?»

Лиханов А. «Детская библиотека»

У библиотеки, как и у человека, своя биография. Есть она и у Гатчинской городской детской библиотеки, куда вот уже на протяжении многих десятков лет идут за книгой юные читатели, открывая для себя книжный мир.

По воспоминаниям жителей города, в 30-е годы библиотека располагалась по адресу проспект 25 ого Октября, д. 9/11. Ее заведующей была Стручкова Наталия Моисеевна. Фонд библиотеки в основном состоял из книг последних лет издания, хотя встречались и дореволюционные книги. В годы оккупации судьба библиотеки неизвестна. После освобождения Гатчины в 1944 году вместе с городом стали возрождаться и библиотеки, среди них и детская библиотека. Городские власти и жители города стали собирать книги для детей, ведь никакое суровое время не может убить интереса к чтению, заложенного в самой природе ребенка. В первые послевоенные годы библиотекой руководила Смирнова Наталья Сергеевна.

В 1952 году коллектив библиотеки возглавила Елена Николаевна Хабарова. Для детей организовывались многочисленные литературные утрен-

ники, праздники, встречи с писателями. Активно работали в это время Ботова Е.В., Одинцова Я.Н., Гладышева Л.П., Зорина Т.Г. и др.

В 1967 году читатели получили подарок — новое просторное помещение на улице Киргетова в доме № 8, в котором библиотека и располагается и сегодня.

Библиотека 50-х годов

В 70-80-е годы библиотека становится известной в области, получив почетное звание «Библиотека-школа передового опыта по эстетическому воспитанию читателей». Возглавляет библиотеку в эти годы Тамара Владимировна Величкевич, которая создала интересный, творческий коллектив. Благодаря ей многие сотрудники библиотеки — среди них Н.В. Юронен, Е.А. Исаева, И.В. Третьякова, Н.Г. Краева, И.И. Кондратьева, Е.А. Коренева, Н.Г. Суховеева — стали настоящими специалистами. Многие годы проработала в библиотеке ее старейший сотрудник В.И. Боровикова.

Наталья Георгиевна Краева приняла библиотеку уже в 90-х годах, продолжив ее традиции, сохранив творческий коллектив, расширив горизонты работы. Со временем пришли новые библиотекари — О.Ю. Обуховская, Н.С. Токарева, Е.Г. Пенежка, А.Н. Касьянова, Л.Л. Воробьева — люди высоко профессиональные и творческие. Сейчас библиотека проходит новый этап в своем развитии под руководством энергичного специалиста Елены Александровны Кореновой.

Библиотеке 65 лет. Немалый возраст, но она не отстает от нынешнего ритма жизни. Современные интерьеры, зал новых технологий, где можно поработать на компьютере, заглянуть на странички Интернета, познакомиться с электронными энциклопедиями и справочниками, вместе с друзьями посмотреть видеofilмы по произведениям детской литературы на большом экране. Сегодня библиотека — самое крупное книжное собрание для детей в городе, насчитывающее около 32 тыс. экземпляров художественной, научно-популярной и справочной литературы, периодических изданий для детей, родителей, учителей, воспитателей детских садов. Библиотека располагает

большой (36 тысяч названий) электронной справочно-информационной базой.

Кто они, наши читатели? Конечно, они очень разные, но всех их объединяет библиотека и книга. И каждого из них наверняка ждет своя единственная книга, которая заставит задуматься, порадоваться или расстроиться до слез, определит его читательский вкус.

Потрясающее изобретение — компьютер. Не проще ли воспользоваться Интернетом и найти все, что нужно. Но стоит ли спорить: нужна ли в компьютерный век книга? А шелест страниц?! Потрепанные книжные обложки... Ведь всегда считалось, что самые интересные книги — зачитанные до дыр. А то настроение, которое создает книга, когда держишь ее в руках, то состояние души, когда радуется все — от слов до картинок! Пусть на час, на день ребенок может стать героем книги, совершить путешествие куда угодно, да хоть на Луну, стать участником исторических событий и приключений. У книг, как и у людей, своя судьба. Одни из них приходят на год, другие — на все времена. Наверное, очень непросто написать такую книгу, но счастье, что они все-таки есть! Читатели всегда верят талантливому автору, как поверили все дети мира в реальность Карлсона и Пеппи Длинныйчулок.

В чем же состоит секрет детских книг? В книге все возможно, она дает простор воображению, позволяет читателю сопереживать героям. Стоит только перевернуть книжную страницу — и ты из старика превратишься в ребенка, а сердце в груди Железного Дровосека будет биться, как настоящее.

Все любят мечтать. Мечтают и писатели. В книге «Дом 22, квартира 16»

А. Шевченко —
петербургский писатель

Санкт-петербургского писателя Алексея Шевченко живет Мечтатель, который открыл для своих друзей школу, где каждый мог бы научиться мечтать, дружить, придумывать забавные истории. Есть книги, от которых просто становится весело и радостно на душе. От них исходит доброта. Именно таковы чудесные стихи современных поэтов: С. Махотина, М. Яснова, Н. Хрущевой, М. Тахистовой.

У сегодняшних детей сохранился интерес к чтению. И читают они не только фэнтези, но и классику, и книги, написанные авторами XXI века. Никого не может оставить равнодушным книга Екатерины Мурашовой «Класс коррекции», поднимающая проблемы подростков.

Как найти свою книгу, сделать правильный выбор в потоке современной детской литературы? Даже если у вас дома много хороших книг, их количество наверняка меньше книжного фонда детской библиотеки. А вдруг именно здесь вы найдете совершенно новую для себя книгу, которая доставит радость, поднимет настроение, заставит грустить, научит фантазировать. Библиотека знакомит своих читателей с новой детской книгой, современными авторами, такими как И. Амбьернсен, А.А. Гиваргизов, В. Роньшин, Д. Пеннак, Л. Сникет. Нельзя представить себе мир юного читателя без волшеб-

ного мира сказок и познавательных, красочных журналов, которых в фонде библиотеки свыше 100 наименований.

За эти годы в библиотеке побывали лучшие писатели Ленинграда, Санкт-Петербурга, Москвы: А. Гиневский, А. Кушнер, Б. Никольский, Ю. Поляков, Л. Аннинский, Т. Кудрявцева, Е. Мурашова. Каждая встреча с писателем становится очередным открытием для юных читателей, а порой и для их родителей, которые в последнее время стали непосредственными участниками многих интересных встреч в информационно-досуговом центре «Семья». Совместные занятия с психологом, обсуждения книг, праздники читающей семьи для библиотеки традиционны. «Библиотека стала для ребят теплым, радостным домом, в который хочется приходить чаще...» (Смирнова С.Г., мама воспитанника д/с № 6).

Главное богатство библиотеки — это книги. От изданий русской и зарубежной классики до мировых бестселлеров. И, конечно, юные читатели, которыми мы дорожим. А они у нас замечательные: озорные, любознательные, талантливые. Библиотека предоставляет детям возможность проявить свои творческие способности. Не раз уже в ее стенах проходили их персональные выставки (Вани и Даши Хайменок, сестер Поляковых). Фантазии, мысли, чувства, навеянные книгой, находят выражения в рисунках, поделках, сочинениях ребят. А какие любопытные, необычные отзывы оставляют наши читатели о библиотеке и чтении:

- «Я замечательная личность, которая очень любит читать книги».
- «Желаю, чтобы ваша библиотека сохранилась еще настолько лет, чтобы я могла бы в будущем привести к вам мою дочь».

- «Прихожу за вдохновением, чтобы написать свою книгу».
- «Мои родители не были читателями детской библиотеки, но моя мама и бабушка часто отбирают у меня библиотечные книги почитать».
- «Огромный книжный мир под названием «Детская библиотека» всегда ждет своих читателей. Впереди у нас с вами новые, интересные встречи!»

На встрече в библиотеке

Вокруг книг с игрушкой

ДОЛИНА РАДОСТИ

Екатерина Сунайт

И как стрелы амура ранят мгновенно, делая человека зависимым от объекта своей страсти, так и муза поэзии поражает некую сердцевину человеческой души. И надолго, порой на всю жизнь, заболевает человек этой болезнью — сочинительством.

«Но какая же это не сравнимая ни с чем радость — писать стихи», — сказала как-то на одной из встреч нашего объединения ленинградская поэтесса Лидия Люблинская.

С Вырицкими поэтами я познакомилась, когда пришла работать в библиотеку и согласилась с предложением заведующей Н.П. Давыдовой заняться поэтическим объединением. Творческие люди приходили в библиотеку, но, несомненно, требовалось «провести реанимационные мероприятия», а иными словами — вдохнуть новую жизнь в это дело. Думается, всем вместе нам это удалось.

Первое, что требовалось, — выявить и применить некую общую концепцию в этом вроде бы простом, но на самом деле довольно сложном предприятии — объединить в нечто живое, интересное и нужное людей творческих, очень разных, порой инертных и самолюбивых.

Колоритный Юра Антонов, похожий то ли на хиппи, то ли на кузнеца из русской сказки, заядлый грибник и собиратель ягод, ощущает себя в первую очередь поэтом. Его своеобразное кредо — это две «ударные» последние строчки стихотворения:

«Я от слез и печалей до нитки
промок,

И, увидев меня, улыбается Бог».

Татьяна Тюлина смотрит на мир с напряжением и болью и стихи свои читает, словно вколачивает гвозди. В противовес ей — уверенный в себе Анатолий Михайлович Розенблат. В стихах его звучит ирония и юмор, он прекрасно владеет техникой стихосложения. Володя Свиридов, ранимый и щедрый. И строчки у него иногда являются замечательные, запоминающиеся:

«От мерцания глаз серо-синего
Обязательно вмиг поскользнусь.
Неуклюжего, обними меня,—
Как без этого обойдусь?..»

Лилия Муравьева — энергичная, самодостаточная. Стихи — сплошь о Вырице. У нее удивительное чувство природы.

«Рябины яркие фонарики
Зажглись оранжевым огнем.
Возле нее наш домик старенький.
Рябины гроздь за окном».

Даша Сульженко — романтическая и твердая, поклонница «металла» и вместе с тем нежно любящая детей. Стихи у нее звонкие.

Маша Крылова умная, романтическая, ее стихи, словно легкое дыхание.

Татьяна Волконская, женственная и загадочная, с «лунной» поэзией. Вот они все, вырицкие, — пишущие, сочиняющие, словом, поэты.

И вот, пожалуй, главное, первое, что надлежало понять и принять мне,

а потом и всем другим, кто пришел к нам в объединение, что каждый из них поэт, как бы я или кто-то другой не относился к творчеству того или иного человека. Я приняла это как аксиому: каждый, кто пришел к нам с листочками собственных стихов, для нас, несомненно, поэт. Нет графоманов, нет бесталанных. У нас рады каждому.

Не сразу и не всеми членами объединения такой подход был принят. Разумеется, более искушенному стихотворцу это как зубная боль — слышать, когда звучат откровенно слабые, иногда смешные творения наивных авторов. Но постепенно проникаясь мироощущением, когда главное все-таки любовь, мы постепенно стали терпимее и добрее друг к другу. И такое отношение улавливается аудиторией и по достоинству оценивается.

А вдруг человеку это очень важно быть услышанным? А вдруг это его единственный шанс — почувствовать себя «другим»? В связи с этим хочется вспомнить один эпизод.

Пожилой, молчаливый читатель библиотеки, с натруженными руками и рюкзаком за спиной, пришел к нам на вечер и молчал, прислушивался. Но глаза его сияли. Где-то на третью встречу принес листочек и, сильно волнуясь, прочел стихотворение о Байкале. Была в стихотворении наивность, шероховатость, но была и свежесть, и детский восторг.

«Россыпь тысячи алмазов.
Звон в ушах стоит.
Катерок у зыбких сходен
Безмятежно спит».

Принарядившись, приходил он на наши встречи, ощущая их как праздник. В сборник «Обними идущего меня», который мы тогда выпустили, включили и стихотворение Юрия Черемныха. Как же он радовался этой

книжке! Но после этого вдруг исчез. Оказалось, серьезно заболел. Когда позвонила, сказал: «Как встану на ноги — сразу в библиотеку». Чувствовалось, что рад звонку. Но вскоре его не стало. Утешительно сознавать, что хоть что-то успели сделать для человека. До сих пор стоит карточка в картотеке. Ю. Черемных. 70 лет...

Довольно долго мы не могли придумать названия объединению. Я торопила всех, чувствуя, что название — это важно, как важно имя для человека. Обсуждались те или иные варианты, но все как-то не ложилось. Потом вспомнилось, что Вырица — это в прошлом Княжеская Долина (часть ее). Вот это сочетание, не применимое сегодня, крутилось в голове. Наутро, как водится, родилось решение — «Долина». Поэтичное, связывающее прошлое и настоящее, сулящее отдых и дальнейший путь.

В нашей Долине тепло и уютно
любому.
На костерок наш зайди,
и знакомый и нет.
Здесь со вниманием
каждое слушают слово.
Здесь и молчащий
ведь тоже немного поэт.

Такими словами я начала одну из наших встреч, порываясь, естественно, говорить в рифму, что и не удивительно. Как говорится, с кем поведешься....

Были определены цели и задачи объединения «Долина». Не докучая читателям выкладками из рабочих записок, приведу только два пункта, имеющих прямую связь с темой статьи.

— Способствовать приобщению молодых выричан к литературе, поэзии, творчеству, объединяя людей разных

поколений.

— По мере сил способствовать преодолению разобщенности в современном обществе, объединяя людей по интересам, решая совместно творческие задачи.

Было определено на совете самых активных «Долинцев» встречаться раз в месяц, каждую третью субботу, в три часа.

И зажила «Долина» полнокровной жизнью. Вот уже третий год проходят наши субботние встречи. И многие выричане не мыслят себя без этих библиотечных вечеров. К нам пришли художники, фотографы, музыканты. На одном из отчетных концертов, которые мы проводим обычно в конце года, вдруг выяснилось, что некоторые из наших поэтов отлично играют на гитаре, сочиняют песни на свои стихи. И этот факт, конечно, подогрел нашу аудиторию. Ведь у поэтов «Долины» есть свои поклонники, которые неизменно приходят на наши вечера и являются полноправными членами объединения. Авторская песня очень украсила нашу жизнь. Тут нельзя не упомянуть Дмитрия Михайловича Быковицкого, врача-кардиолога, А.М. Розенבלата, Аню Козлову.

Д.М. Быковицкий, например, кроме того, что он врач, поэт, еще и замечательный писатель. Его книги заняли свое место на постоянно действующей выставке, часть которой и представляет творчество наших поэтов, прозаиков и друзей «Долины». Тут можно увидеть и книжку юмористических рассказов Розенבלата, а что касается друзей, то это, конечно же, «Сиверское братство», молодежь из лит. объединения при ж. «Аврора» и многие другие. Разве забудем мы тот замечательный вечер, когда внезапно погас свет. Мы держали свечку в банке (да простят нас пожарные), и каждый выходящий

на «сцену» был похож на Данко. Выходили по очереди: наши и гости, молодые поэты из СПб.

Важно, что к нам потянулась молодежь. Свежо проявилась двадцатилетняя Маша Федоренкова: интересная фото-выставка, участие в поэтическом сборнике. Активным участником нашего общего дела стала дочь Владимира Свиридова — Лидия. На последнем вечере решил выступить скромный паренек, столяр-краснодеревщик Алеша Климов. Голос его звучал неуверенно, иногда сбивалась рифма. Но тем громче были аплодисменты и зримее поддержка!

Но не стоит думать, что деятельность «Долины» — это отказ от здоровой критики и конкуренции в творческой среде и сплошь слезы умиления по любому поводу. Талант все же вещь штучная и редкая. И когда звучат у нас стихи самобытные — это радость для большинства. Считаю, что это важно для взращивания собственных талантов — тесное общение со способными людьми, приезжающими из разных мест нашей области. И они наши: Дмитрий Петровский из Санкт-Петербурга, талантливый поэт из Семрино В. Гореликов, ни на кого не похожий Валентин Хрящев из Кобралово.

Считаю благим делом «Долины» и то, что мы печатаем в своих сборниках стихи вырицких поэтов, не доживших до сего дня, не осуществивших мечту — увидеть свои стихи напечатанными. Это важно, как акт любви к ушедшим и как дар их живущим родным.

Наша «Долина» живет. Потому даже, если на дворе самый пасмурный день на свете, народ приходит в библиотеку в третью субботу месяца. И кто-то делится своим душевным богатством, результатами творчества, а кто-то, нуждаясь в человеческом тепле

и творческой обстановке, приходит, чтобы согреться душою, убедиться в том, что есть на свете вещи более важные, чем те, о которых твердят нам ежечасно бесчисленные проводники массовой культуры...

*Под звуки музыки барочной
Ночного радио-эфира
Душа возносится воочию,
Покинув тесную квартиру.*

*Она возносится над домом,
Что как корабль плывет
в пространстве,
Сквозь сосны, выше, в невесомость,
Туда, где чистый ветер странствий.*

*Под звуки музыки барочной
Как будто снова ближе к Богу.
И, покидая круг порочный,
Замру у стертого порога.*

*«Вырицкий романс»
Е. Сунайт*

ФЕСТИВАЛЬ “ЛУКОМОРЬЕ”

ГАТЧИНА, ЛЕТО 2008

Наталья Косьянковская

«Суйда? А где это? А почему фестиваль сделали не в Гатчине? Удобнее же добираться!». Но что я могла ответить на эти вопросы в век мобильных телефонов и скоростей... И ничего не отвечала, только схему, как добраться растолковывала. А выйти надо было «на дальней станции сойду, трава по пояс...». Идти два километра пешком по проселочной грунтовой дороге или чуть срезать путь и идти по тропинке через поле, придерживаясь ориентира — деревянной церкви Воскресения, где венчались родители А.С.Пушкина.

Кругом бескрайние просторы, полоски лесов, деревенские избы, голубое небо с кучевыми белыми облаками, цветущий малиновый иван-чай и желтая пижма, жужжание пчел — красота! Идешь, любишься, думаешь, а мысли сами собой упорядочиваются, и уже дела нет до мобильного телефона. У церкви сворачиваешь на березовую аллею, что ведет в усадьбу А.П.Ганнибала. Вот и попадаешь в сказочное Лукоморье.

Легендарный дуб сгорел в 2003 г. от костра, зажженного оголтелыми отдышающими.

Но, не смотря на эту утрату, Лукоморье не стало менее привлекательно. Старинный парк, с прудом в форме лука, остатки усадебных построек 18 века, маленький, но очень содержательный музей с подлинными вещами Арапа Петра 1 — все это создает определенное настроение.

Открытие фестиваля, тема которого «Русская усадьба от барокко до хайтека», началось, как водится, с привет-

ственных слов..., а потом на площадку вышли девушки с необыкновенными прическами Школы парикмахерского искусства Натальи Гасан.

Русская коса — девичья краса: косы, венки из живых цветов и дубовых листьев, неземные наряды лесных «ма-

вок» (коллекция Антонины Солодкой, г.Гатчина). «Там лес и дол видений полны...». Эти «видения» одна за другой выходили на публику с букетами ромашек, плели замысловатые хороводы, такие же, как косы на прическах. Их выступление задавало определенный настрой всему дню.

На импровизированную сцену, задником которой были лоскутные одеяла, развешенные на жердях, выходили участницы конкурса «Аринушка, Арина, Арина Родионовна»: в этом году отмечалось 250 лет со дня рождения знаменитой няни.

Демонстрировали костюмы и сами участницы и манекенщицы из театра моды Гатчинского лицея «Мода». Демонстрация перемежалась выступлениями фольклорного ансамбля «Лесная сказка» из п. Рощино и народной филармонией под управлением Л.В. Кудряковой из г.Гатчина. Когда концерт закончился, участники фестиваля были приглашены на «Обед в парке». Где среди развешанных на веревках между деревьями лоскутных скатертей и салфеток, были накрыты столы с вкуснейшем на природе горячим обедом, любезно предоставленным кафе «Раут».

А кругом на дорожках и тропинках шла бойкая торговля сувенирами, привезенными и выполненными лоскутницами.

В конюшне А.П. Ганнибала (сейчас это сельский дом культуры) и была

развернута главная экспозиция работ. На «Лукоморье» было представлено 80 участников, это отдельные мастера и клубы из 46 городов России. Экспонировалось 104 работы. И хотя площадь конюшни большая, но когда все работы были развернуты, то поначалу казалось, а как это все поместится? И поместили, пока конкурсанты ездили на 10-часовую экскурсию «Усадьбы под Петербургом» и знакомились не только с историей и краеведением, но и с экспозициями квилта, которые во всех этих усадьбах были заранее выставлены. Тем временем квилт-студия «Гатчина» усердно трудилась над развеской незнакомых нам произведений.

Что такое экспозиция выставки? Это тоже, что композиция квилта. Но не только плоскостная (стена), но и объемная (зал). Здесь не читаются этикетки, кто автор, какое название. Здесь все komponуется по пятнам, по цвету и масштабу. Здесь нельзя повесить рядом с сильной работой слабую, которая от такого соседства будет выглядеть еще слабее. Здесь нужно создать общую гармонию. А если учесть, что в зале было плохое освещение, стены были корявые из-за «архитектурных излишеств» времен колхозного клуба, большое количество работ, минимум времени — все это создавало определенные трудности для нас. Выручил большой опыт развески выставок в разных экстремальных условиях.

В меньшем зале висели работы, которые отражали «дворянскую тему». В большом зале была представлена «крестьянская усадьба». Конечно, в обоих залах экспонировались и нейтральные по тематике работы.

Большинство работ было посвящено крестьянскому быту. И это не случайно, т.к. лоскутное шитье более тяготеет к народной традиции, чем к светской. Тема крестьянской усадьбы оказалась ближе и доступнее. Очень мало работ было посвящено дворянской усадьбе.

В целом экспозиция фестиваля показала достаточно высокий уровень мастерства. Приятно было видеть аккуратность в работе, хорошую

стежку у некоторых мастеров. Что меня порадовало, как художника, так это цветовая гамма работ, все они были гармоничны по цвету. Композиционное же решение было в некоторых случаях и неудачно, но каждый раз цветовая палитра вытягивала ошибки композиции, в результате чего работа не выбивалась из общего ряда.

На фестивале были проведены интересные мастер-классы А.А. Якуничевой, М.В. Концевой, Л.Г. Галумовой, В.В. Минасян — специалистами питерской школы квилта. Фирма «Бразер» познакомила участников с новинками своей техники. Была организована продажа аксессуаров для шитья. Участники посетили интереснейшие экскурсии по Гатчинскому дворцу и Петергофу. В Гатчине и районе в рамках «Лукоморья» было устроено 18 выставок мастеров и клубов лоскутного шитья Петербурга и Ленинградской области. Для того чтобы «заморские гости» могли составить для себя объективную картину питерской школы лоскутного шитья, ее течений и направлений.

Но «заморские гости» так же увидели, в каком плачевном состоянии находится русская культура в культурной столице России. На строительном рынке приветствуются только торговоразвлекательные центры, бизнес-центры и жилье; нет выставочных залов, домов культуры, библиотек. А то, что есть — остатки советских или царских времен, но и это неумолимо приходит в упадок. Одной из целей фестиваля было обратить внимание общества, что жива тяга к художественному творчеству, не смотря на ориентирование человеческого сознания на потребление, желание сделать из нас рабов рынка. Что душа человеческая во все времена стремилась к прекрасному, и «не хлебом единым» жив человек. Нельзя так варварски относиться к русской культуре, ее истории.

Вообщем впечатлений было много, да и рабочее расписание было очень напряженное. Дни пролетели на одном дыхании. И уже закрытие, вручение подарков и призов.

Все участники получили подарки с альманахом «Лукоморье», который признан лучшим краеведческим журналом России, и фото-альбомом «Квилт-студия «Гатчина».

В жюри фестиваля входили: А.Б.Симуни — Заслуженный деятель искусств РФ, член Союза дизайнеров, кандидат искусствоведения, доцент кафедры художественного текстиля СПбГХПА им. А.Л.Штиглица; Л.Н.Хоманько — член Союза художников, кандидат искусствоведения, доцент кафедры художественного текстиля СПбГХПА им. А.Л.Штиглица; Е.А. Одинцова — член Союза художников, старший преподаватель кафедры художественного текстиля СПбГХПА им. А.Л.Штиглица; А.А.Якуничева — член Союза художников, художник-

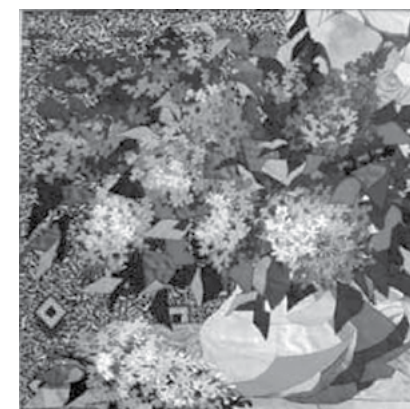
текстильщик, преподаватель студии при Русском музее. Оценивались работы за художественную выразительность, цельность композиции, цветовую гармонию, ассоциативное мышление и нестандартное видение.

И вот все работы сняты, все участники отправлены на автобусах в Гатчину, а квилт-студия «Гатчина» еще убирала залы, затаскивала скамейки в помещения, наводила порядок. И когда все было готово, мы снова вытащили столик из конюшни, взяли стулья и отметили окончание фестиваля. Кругом тишина, покой, шелест старинного парка и мы в лучах мягкого вечернего солнца одни. Делились впечатлениями об уже прошедшем и мечтали о будущем, что и как надо исправить или поправить. Но все были счастливы безмерно! И благодать Лукоморья окутывала нас, и так не хотелось покидать это сказочное и волшебное место! Потом мы пешком шли проселочной дорогой до станции, где трава по пояс, и счастливым нашим разговорам не было конца. Электричка привезла в Гатчину, и тут разверзлась ужасная гроза с ливнем.

Надо же, как терпелива была природа, подарив нам, пять дней солнечной красивой погоды, пять дней счастья, доброты, вдохновения и радости общения!

Прощай «Лукоморье»! Мы ждем всех Вас через два года в Суйде!

Тема следующего фестиваля: «Нетрадиционные ткани».

Татьяна Кирсанова

Ежегодно в июне Детская библиотека в Вырице выходит из себя. На улицу. Летний день и детская библиотека объединяет всех и детей и взрослых в стремлении ощущения Радости от чтения. Происходит уличный Фестиваль детской книги «ЧИТАТЕЛЬСКАЯ УЛЫБКА ЛЕТОМ, ИЛИ КНИГА НА КАНИКУЛАХ». Это веселый, добрый, волшебный праздник, где главное — быть или очень захотеть стать читателем. Дети создают праздник сами, он возникает как радость от чтения, от возможности и желания рассказать о себе как о читателе и друзьям, и взрослым — писателям, важным персонам, и просто прохожим. «Восторг», «Сюрпризы», «Слушать», «Читать стихи», «Быть читателем», «Встреча с писателями», «Мы радуемся вместе» — из впечатлений детей и взрослых. Непосредственность общения вокруг детской библиотеки, доверие событию, которое радует и взрослых, и детей развиваются как увлекательный сюжет, стремительно и неожиданно, и завершаются выставкой детских рисунков: «Улица. Книга. Волшебники». Рисунки, созданные во время Фестиваля о книгах, о читателях, о библиотеке, о себе отражают особое время на Фестивале — время рождения новых читателей, время изумления взрослых. Дети и взрослые радуются книге под солнцем. Маленький мальчик — участник Фестиваля — нарисовал

Уличный Фестиваль детской книги
«Читательская улыбка летом,
или Книга на каникулах»

вал книгу «на всю землю», раскрытую под солнцем. «Книга под солнцем» — символ заботы о детях в Детской библиотеке и вокруг нее.

Яркий фестиваль детской книги «Читательская улыбка летом, или Книга на каникулах» организовали для детей в июне 2001 года Вырицкая детская библиотека, администрация поселка Вырица, Ленинградская областная детская библиотека.

С радостью и увлечением участвовали дети в конкурсах: рассказывали друг другу о любимых детских книгах, рисовали самых интересных и необыкновенных героев книг, проводили интервью «Летние приключения читателей

и книги в Вырице, или Как читали книги в детстве взрослые».

Вместе с вырицкими детьми радовались хорошей детской книге, удивлялись талантливым детям их добрые друзья — писатель Л. Каминский, главный редактор журнала «Костер» Н.Б. Харлампиев и детские библиотекари Ленинградской области.

2002 год. Дети и взрослые объединились вокруг веселого, доброго, волшебного события.

Все вместе устроили праздник. Возник «Книжный город на Липовой аллее», произошли «Летние приключения книги и ее читателей». Детская книга, ее читатели — взрослые и дети — встретились на улицах, ведущих в Детскую библиотеку! У Детской библиотеки появились новые читатели!

В 2003 году Вырица, как и в прошлые два года, стала культурным и научным центром детского чтения и детской литературы. Детские библиотекари Ленинградской области, детские писатели, ученые-филологи Санкт-Петербурга в третий раз провели Летние дни детской литературы в Вырице. 27 июня на всех улицах поселка, ведущих в Детскую библиотеку, каждый прохожий, любого возраста и звания, мог стать участником уличного Фестиваля детской книги Читательская улыбка летом, или Книга на каникулах. Главные создатели этого уникального и неповторимого события — дети Вырицы, они создали праздник своего чтения, они радовались своему чудесному качеству и творчеству вместе с писателями, сверстниками и взрослыми. Детская библиотека вышла на улицу, чтобы показать вместе с детьми свободу и ценность читающего человека. Фестиваль вовлек в книжное и библиотечное пространство нечитающих детей и взрослых. Читательская улыбка летом и приветствие и встреча взрослых с детьми на общей территории детского

чтения, встреча без границ. «Книга как крылья», — сказал мальчик — участник прошлогоднего Фестиваля. Эта мысль объединила всех участников конкурсов.

2004 год начался с «Летней прогулки Книговичка» (Герой детской библиотеки). Вместе с поэтом С. Махотиным путешествовали в... Тридцатый век! Раскрывали петербургские сказки и тайны поэта А. Шевченко. Восхищались историей Отечества в рассказах писателя Д. Орехова. Новизной стало открытие книжной выставки новых детских книг XXI века и лучших детских книг XX века.

«Великолепная идея — наша Детская библиотека!» — Фестиваль 2005 года был посвящен 55-летию юбилею Вырицкой детской библиотеки. Ключевым моментом стали: конкурс рисунков о библиотеке «Солнце! Книга! Свобода!», «Книжный сад для малышей или «Солнышко в подарок» — игры и конкурсы для самых маленьких читателей, их родителей, бабушек и дедушек, братьев и сестер; «Летние приключения книги и ее читателей» — интервью и диалоги на улицах поселка — в окрестностях библиотеки, конкурс среди детских библиотекарей, родителей, учителей на лучший вопрос детям. Одна из участниц фестиваля посвятила библиотеке стихотворение:

Вот большой уютный дом
Поселились книжки в нем
И живут, не зная бед,
Целых 55 лет.
Здесь приветливые тети,
И, когда вы к ним придете,
Будь вы взрослые или дети,
На любой вопрос ответят.
И узнав ваш интерес,
Поведут вас в мир чудес.
Я хочу вам пожелать
Много новых книжек,
Любознательных ребят —
Девчонок и мальчишек.

А когда чуть-чуть попозже
Стану я поэтом,
Напишу поэму, может,
О добром доме этом.

Кондратьева Аня, п. Пудость.

Уникальным событием Фестиваля 2006 – «ТЕПЛЫЙ КНИЖНЫЙ ВЕ-ТЕР» стало рождение гимна на мастер-классе Сергея Махотина.

Летнее чтение!
Букв не забывай.
Наше вам почтение
Книги почитай.

Летнее чтение!
В Вырицу скорей.
Наше почтение
Книгам про зверей.

Летнее чтение!
Это просто-АХ.
Наше почтение
Книгам о друзьях

Летнее чтение!
В дождик и жару.
Наше почтение
Гарри Поттеру.

Летнее чтение!
Двигается вперед.
Наше почтение
Книгам про народ.

Летнее чтение!
В Вырицу зови.
Наше почтение
Книгам о любви.

Летнее чтение!
В Вырицу спеши.
Наше почтение
Книгам для души.

**Стихи и музыка детей
при поддержке поэта С.Махотина.**

Победителей Конкурсов Фестиваля ожидал сладкий сюрприз от Администрации Вырицы

На Фестивале 2007 года ВПЕР-ВЫЕ! открылась специализированная выставка-продажа лучших детских книг, представленных издательствами «АЗБУКА», «САМОКАТ», «ДЕТГИЗ-Лицей», «ОГИ», книготорговой фирмы «ИНОР.

Девиз восьмого уличного Фестиваля: «Я! Свобода и чтение без границ!»

Гости Фестиваля – детские писатели и издатели Санкт-Петербурга, Москвы, Финляндии провели открытые студии для детей и взрослых:

«Для тех, кто не боится высоты» – прогулки по литературной радуге с Михаилом Ясным.

Что такое литературная радуга? У каждого поэта свой цвет, своя книжка – так и получается литературная радуга. Ребята представляли свою литературную радугу в рисунках, сочинениях.

«Литературная радуга, это когда каждый цвет обозначает какую-то тайну, приключение. В этой радуге есть место для сказок, стихов. Есть место для рассказов. Каждое произведение имеет свой цвет, свое место. По этой радуге можно бродить как по любому книжному месту, которое нравится перечитывать. На литературной радуге много интересного, много неизвестного... тайны, приключения, школа и растения...» (Разумовская Аня).

«Радуга – это солнце и снег и вода, это то, что любит меня» (Бабенко Настя).

«Книжная радуга – это фантастика, рассказы о животных, стихотворения, сказки, познавательные книги, книги о войне, книги – легенды» (Левицкий Влад).

«Радуга – это капелька дождя и лучик солнышка» (Шикова Настя).

«Радуга – это когда капельки воды на солнце блестят и получается РАДУГА. А литературная радуга – это когда у писателей разного цвета книги.

«Книжка про меня» (Картунен Лера).

«Литературная радуга это просто книжки цветов радуги. Бывают книжки, в которых пишется о радуге. Радуга – это семь цветов в небе, но не думайте, что радуга всегда! Она редко появляется на небе.

Радуга в небе светит для всех,

Так же как солнышко дает нам всем свет.

Радуга в небе растет,

Дольше всех она живет» (Хайлова Анна).

«Литературная радуга – это, например, когда книжки стоят в ряду разных цветов. Литературная радуга – это разные книги про фантастику, сказки, мифы, легенды, книги всех народов» (Ушид К.).

«Приключение между небом и книгой» – Сказко – Творение и Стихотворение вместе с Рееттой Ниемеля.

Конкурсное задание: «Представить себя птицей».

«Дорогой папа! Брод, где я живу, очень красив! У меня появились новые друзья: ласточка, скворец, кукушка. Мы всегда летаем вместе и читаем интересные книги. Прилетай к нам, полетаем и почитаем вместе! Воробей» (Ковалевский Ростислав).

«Папе и маме! Привет мои родные. Пишет ваш сын воробей. У меня все хорошо, очень скучаю! Живу на очень высоком, красивом дереве. Ко мне приходят в гости мои друзья. Питаюсь хорошо, ем три раза в день. А как вы живете? Я очень скучаю! Приезжайте скорее мои родные папа и мама! Я с к у ч а ю !!! пока» (Афанасьева Валерия).

Чайке – маме. «Здравствуй, мама Чайка! Как у тебя дела? Хорошо? У меня тоже! Я поступила в институт «Птицина» там учат летать, читать и ловить рыбу! Скоро каникулы. Прилетайте! А еще, скоро будет экзамен на озере по ловле рыб. Учитель меня хва-

лит, говорит, что я правильно все делаю. Мне приятно! Здесь здорово! Привези братика. Кстати, как у него учеба в школе? Все также отлично?! Отвечай на вопросы! Жду ответа. Чайка – дочь! С любовью!» (Дю Оксана).

Синичка пишет своему отцу, папе. «Папе, сегодня хорошая теплая погода, Я сижу на сосне и клюю вкусного жучка. Ворона сидит на ели и каркает во все воронье горло. Кошка Муська бегают за бабочками. Скоро прилечу вместе с птенцами»

«Дорогой папе! Это твой сын попугай! Мы очень долго с тобой не встречались. Я очень хочу тебя увидеть. Приезжай скорее. Я буду тебя ждать! Люблю и жду! Попугай Ка» (Реетте от Кати).

«Классное задание для необыкновенных» – чудо крупным планом с Сергеем Махотиным.

Для всех детей лето – самая чудесная пора. Но запоминают они только самые яркие моменты. В студии Сергея Махотина ребята рисовали лето во всей его красе. А сам автор «ловил момент» и фотографировал ребят в творческом полете: «Мечтаю», «Удивляюсь», «Подружки» и другие. Получилось замечательное слайд-шоу, созданное из портретов детей.

«Происшествие для отважных» – рисование и говорение со Стасом Востоковым собрало свою аудиторию. Московский писатель рассказывал о себе, о своем творчестве и учил делать портреты зверей.

«Совсем нескучная скучнятина для озорников» – издательства «Азбука», «Самокат», «ОГИ» открывали тайны своим читателям.

Работа в студиях отличалась необыкновенным творчеством. Взрослые в этот момент забывали, что они взрослые, и творили вместе с детьми. Многим хотелось побывать сразу на всех студиях. Возраст участников самый разный от

детей в колясках до...

За время проведения фестивалей у нас выросло поколение подростков, которое осуществляло основную коммуникативную связь между взрослыми и детьми, создавало условия для радости творчества.

16 – 17 июня 2009 года вокруг Вырицкой детской библиотеки дети и взрослые под солнцем и проливным дождем открывали себя как сказочный, приключенческий, фантастический текст. Они шелестели страницами, рассматривали и бегали за книгами, их авторами, художниками, издателями и по всему свету в Интернете, и по Вырицкой детской библиотеке. Любимые страницы из смеха, ветра, цветов, детских возгласов. Сопровождали детей в их устремлении взрослые: 12 российских и 12 финских писателей, художников, издателей, переводчиков, деятелей детской книги.

Сергей Махотин и Михаил Яснов, не боясь последствий, дарили каждому ребенку уверенность «Ты все можешь!». Е. Толстая, Н. Хрущева, Р. Ниемеля, С. Янссон, В. Весанен – Лаукканен превращали в реальность детские сказки, сны и грезы, менялись с детьми тайнами и вдохновением.

Дети увели своими рисунками в путешествие по Вырице художника и писателя Маркуса Маялоума.

А. Райхштейн и С. Востоков позвали детей к себе, чтобы они «разбудили своего зверя, а потом укротили его в присутствии взрослых!».

Московское издательство «РОЗО-ВЫЙ ЖИРАФ» -on-line- устроило путешествие к динозаврам, в пучину океана к звездам на... жирафе. Взрослые были ошеломлены! Из детских идей по книгам издательства творилась реальность по эту сторону монитора.

«Детская сторона», во главе с волонтерами и своим пресс-центром, строго соблюдала условия: всюду сопрово-

ждала взрослых.

Детская библиотека в поселке – равный партнер, как для администрации, так и для всех институтов детства, создающих единое культурно-образовательное пространство, открытое каждому ребенку. Поэтому в Вырице и должен был возникнуть замысел, ярко демонстрирующий отношение взрослых к детям.

Детская библиотека является лидером в заботе о детском чтении и духовном развитии ребенка. Главная идея детских библиотекарей Вырицы – творчество вместе с ребенком. Фестиваль подтверждает реальность и красоту творческого взаимодействия с детьми здесь и сейчас.

Уличный Фестиваль «Читательская улыбка летом, или книга на каникулах» – это уникальный выход детей из Детской библиотеки, чтобы вместе со взрослыми объединиться в свободе и радости читать. Фестиваль стал частью культурной жизни Вырицы, Гатчинского района, ожидаемым событием в жизни детей, родителей, учителей, писателей, издателей

Фестиваль проходит в рамках традиционных ЛЕТНИХ ДНЕЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, которые учреждены с 1999 года Ленинградской областной детской библиотекой, Кафедрой детской литературы Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. В Вырице на «Летних Днях Детской литературы» встречаются писатели, издатели, библиотекари. Корпорация библиотекарей и Кафедра детской литературы СПбГУКИ ежегодно проводят Областную «АВТОРСКУЮ БИБЛИОТЕЧНУЮ ШКОЛУ» (АБШ). Это высшая профессиональная школа для библиотекарей Гатчинского муниципального района и Ленинградской области, где обсуждают новые идеи понимания и поддержки детской литературы и детского чтения.

СЛОВО ПОЭТА

Если душа родилась крылатой...

М. Цветаева

Гатчинские миниатюры

Таисия Тарасова

О, Гатчина! Любимый городок –
Бездонной лирики живая жила.
Еще не весь твой выпила глоток,
Не все я строчки на стихи сложила.

Куприн жил в Гатчине – мгновенье.
Но память здесь о нем легка.
Дал БОГ ему благословенье –
Остался с нею на века.

Суйда

Анатолий Аниконов

Село – Высоко-Ключевое,
Воскресенское,
Места нам с детства дорогие,
деревенские.
Над Суйдой небо голубое, тучи
белые.
Все это Матушка-Россия
незабвенная.

Дубы и клены Лукоморья, липы с
вязами,
С великой славою России Суйда
связана,
Чтоб нам перенестись сюда, немало
пройдено,
Мы Суйду называем нежно “малой
Родиной”.

Сиверская – дачная столица

Галина Хохлова

Разноцветная космея, резеда,
Аромат ломачи-розы тонок,
Ивушка взгрустнула у пруда,
Смех девичий в теплый вечер звонок.

Утопают в зелени, в цветах,
В разнотравье выскочек-люпинов
Домики, и тонут в вензелях
Окна и резные мезонины.

Сиверские дачки, как грибы,
Прорастают разноликой крышей.
Как в начале века вы крепки!
Что придется испытать, услышать.

А пока гуляют вдоль реки
В шляпах с своенравными полями
Барышни и дамы, и легки
Их походки, а глаза – туманы.

Век романсов, и жеманства век,
Век романов – пьесок одноактных,
Дачных театров, летних дачек век –
Все ушло и не вернуть обратно!

Вьюга

Елена Кройтор

Вьюга мартовская злее
Зимних, долгих темных вьюг.
Что за глупая затея
Взять нас в марте на испуг?

Слышен вой, деревья гнутся.
Снег несется — не летит.
Но возможно ль обмануться,
Ведь апрель уже в пути.

Скоро он разгонит стужу.
Скоро он растопит лед.
И в сверкающие лужи
Окунется небосвод.

Пой прощальные напевы,
Уходящая зима.
Вот уж лик весенней девы
Солнцем светит нам с утра.

Черный конь Оредеж

Лидия Андреева

Вновь осень пришла

Светлана Винокурова

Вновь осень пришла,
Раскраснулась на солнце рябина,
А я в восхищенье
Любуюсь отлетом гусей.
Летит паутина,
Так низко летит паутина
И вдруг исчезает
От света осенних лучей.
Мне осень напомнила
Далекую ту безмятежность,
Напомнила дни,
Что связали с твоею судьбой.
Спасибо же, осень,
За краски твои и за нежность,
За то, что любимый со мной!

Глубока и темна река
И круты ее берега,
А зимой так непрочен лед.
Ты гляди, а то унесет
В темный омут волшебный конь
С гривой рыжею как огонь,
С гривой красною как песок,
Что покорно лежит у ног,
Тихо шепчет ветрам в ответ,
А потом — проглотит твой след!

Не оставит пустых надежд
Черный конь — бурный Оредеж.
Выпьет кровь он твою с росой,
И горячей прольет слезой,
Спрячет душу твою на дне,
Жизнь твою растворит в волне.

Ты забудешь пепел тревог,
Пыль зовущих чужих дорог,
Будешь плыть к другим берегам,
Незнакомым иным краям.
И лишь звездный холодный свет,
Будет вечно светить тебе вслед.
Но все звезды не смогут вновь
Возродить в этой тьме любовь...

*Открытие памятника
подводной лодке С.К. Дзевецкого
(22.09.2007) в г. Гатчина
посвящается*

Виктор Иванов

Овеяна морскою славой
Чудеснейшая Гатчины земля,
Деянья моряков катились лавой,
О них нам забывать нельзя.

На озере Серебряном
Сам Дзевецкий представил
Свое творенье императорской чете,
Подводной лодкою Россию он восславил,
Жизнь посвятив прекраснейшей мечте.

Сам Император Александр III
Сие творенье видеть пожелал,
С Марией Федоровной
Талант творца приметил,
Путевку в жизнь подводным лодкам дал.

Он говорил, что у России
Есть только Армия и Флот.
В друзьях всегда они ходили-
Любимой Родины оплот.

Архив, музей, училище морское,
Заводы «Буревестник» и «Кризо»
И «Свит», и «Прометей» – деяние людское,
А с моряками Гатчине везло.

Епанчины, Колчак, Нагурский,
Рождественский, Энkvист и Иванов,
Чухновский, Гаккель, Крупский.
А.Беггров, Полещук, Крылов.

Их много в Гатчине,
Прославивших Россию,
Любивших Флот –
Жизнь посвятив ему,
Ковавших славу – Родине красивой
И отдававших дань лишь Нептуну.

12.09.2007 г. Мариенбург.

Лесной дух

Зоя Ли

Манит лес тишиной, манит уединиться
В сень прохладной волшебной листвы
И иду раз за разом ему поклониться
От толпы, от излишней молвы.

Лес проснулся, затенькал. На кронах деревьев
Заблестал торжествующий луч,
Ветер легким ласкающим прикосновеньем
Оживил хора птичьего ключ.

Сколько звуков и красок в невинности этой -
Чудодейственная чистота!
Если не был, то станешь невольно поэтом,
Так магическим духом сильна.

11.11.08 г.

Храм

Люблю уединяться часто
В сосновом море бытия:
Здесь облака висят на мачтах
Реликтового корабля.
Сосновый бор, мой храм янтарный,
Вдыхаю воздух смоляной.
Врачует сердце, душу, дар мне
С хвоинок льется на ладонь,
Как Дух выносливости стойкой
В потоке неизбежных бед.
Я собираю капли в строки
Для новых гимнов и побед.
Хожу, пропитываясь лесом,
Величественной тишиной,
Ранимость хороню от стрессов
Под солнечною чешуей.
И наполняюсь новой негой,
Радушием сосновых крон:
Священнодействует здесь небо
И царствующий Аполлон.

Тайны

Геннадий Михеев

Есть тайны, что с собой уносят,
Их рассказать, увы, нельзя,
Тем более, когда не просят
Ни дочь, ни внуки, ни друзья.

Не стоит — по большому счету.
И есть искусство — промолчать,
Не говорить, что думал, слету —
Потом всей жизнью отвечать.

От них лишь горечь остается,
Как от Чернобыля следы,
И нить воспоминаний рвется —
Мог изменить хоть что-то ты?

За деликатность, где не надо,
За робость, смелость, страх и гнев
Тебе расплата и награда —
Поймешь — лишь поздно поумнев!

Не мог, не знал иль не умел,
А часто просто не хотел
Кривить душой, смотреть двойко ...
Но стоит ли жалеть, однако?

15.04.1997.

Колокола

Красивее звонят колокола
На Пасху по весне медовым звуком.
Успокоение в их звоне для меня,
Когда их слышу на Бульварной утром.

Есть что-то в их звучании такое,
Что струны лучшие волнует у души,
И хочется свершить тогда большое,
И кажутся кругом все хороши.

И пусть всегда звонят колокола
И мир несут на празднике весны,
И завтра, и в грядущие века,
Людей, оберегая от беды.

15.07.1997 г.

Рождество

Сергей Елецкий

В небе ночном и морозном,
Звезды — лампы зажглись.
Этим вечером звездным,
Мы рождества дождались!
В холоде улиц мерцают
Праздничных елок огни,
Люди повсюду мелькают,
Сумки, авоськи, кули...
Близится полночь в соборе,
Люди на службу спешат,
Таинство будет там вскоре,
О рождестве известят!
Светятся окна живые,
Манят уютом, теплом...
С Рождеством Вас, люди дорогие!
С Рождеством
Вас, с Рождеством!

Вечные темы

Исчезнут модные течения,
И интерес к ним пропадет,
И только лишь сквозь поколенья,
Бессмертны темы с корнем род!
К ним возвращаться будут вечно,
Покуда творчество живет,
Они, как космос, бесконечны,
Как круговой водоворот.
Те темы будут год от года:
Родня, Род, Родина, Природа.
Вокруг них темы: Мир, Война,
Добро и Зло, иль Свет и Тьма,
И тема главная — Любовь,
В них всех живет, как в венах кровь!

Оредеж

Эдуард Михайлов

Оредеж таинственно-печальный
В глубине своих бездонных вод,
Обретает мудрое молчанье
И в теченье времени плывет.

Берега величьем восхищают,
Ласточки летают над водой.
Голубое небо изумляет,
в речке отражается со мной.

Красотой природы наслаждаюсь,
Упиваюсь нежностью цветов.
Родниковой щедростью питаюсь
И ночью в зелени шатров.

Соловей, кудесник вдохновенья,
Распевает песни надо мной.
Трель златоголосого созданья
Сердце окрыляет в час ночной.

Вспоминаю русые косички,
Дивный стан и ясные глаза,
И смешные на щеках веснушки,
И безумство страсти и огня.

Колокольным звоном очищаюсь:
Одухотворенно и светло.
И в прохладной речке искупаюсь,
Ободрится тело и чело.

От волненья сердце замирает,
Аромат черемухи пьянит,
И березка-барышня, качаясь,
На ветру листвою шевелит.

Соблюдает всенощное бденье,
Созерцает времени полет
Оредеж таинственно-священный
В глубине своих бездонных вод.

январь 2009 г.

Гадалка

Эдуард Михайлов

Погадай, гадалка, карты разложи.
Денег мне не жалко – правду Расскажи:
Может, ждет дорога и казенный дом?
А быть может, счастье мы с тобой найдем?

Посмотрели строго черные глаза,
Что ты, мой красавец, я не для тебя.
Жизнь у нас другая. Быт совсем иной.
Лучше погадаю, сядь ко мне спиной.

Вот смотри: дорога, а вот здесь она...
Лишь на время станет для тебя жена.
Долго будешь биться с каменной стеной.
А потом очнешься, скажешь: «Бог с тобой!».

Встанешь утром ранним, поцелуешь дочь.
Ком подкатит к горлу. И отчалишь прочь.
Пыльная дорога да тернистый путь.
Все преодолеешь. Про нее забудь.

Домик возле леса старенький стоит,
И вдова уныло на тебя глядит.
Здесь переночуешь, ублажишь вдову.
Горько будет плакать про свою судьбу.

Крест ее тяжелый и душа черна,
Берегись, бубновый, проклята она.
Скажет: «Оставайся, будет веселей»,
Но не поддавайся, уходи скорей.

Много испытаний встретишь на пути.
Бог тебе поможет, только потерпи.
Снова путь-дорога пред тобой лежит.
Там цыганский табор у реки стоит.

Тут тебя накормят и дадут коня.
Станешь конокрадом, шпорами звеня.
Только здесь ты встретишь свет своих очей,
Но не сразу вспомнишь, где встречался с ней.

март 2008 г.

Оредеж

Алла Кошмелюк

Я вздохнул надыхнусь, налюбуюсь тобой —
Милый Оредеж стиснут в оранжевых скалах.
Шум воды у плотины, как будто прибой,
Он гудит монотонно, привычно, устало.

Вдруг защиплет глаза... И созреет слеза
Каплей смолки в янтарных реликтовых соснах.
Там, где спелой черники темнеют глаза,
Где мох сед и дремуч — наваждение просто!

Я вздохнул надыхнусь, налюбуюсь тобой,
Край зеленых озер и веселых ромашек.
Там, где неба клочок голубой-голубой...
В целом мире, я знаю, что нет речки краше!

Лоскут неба вышит гладью синей,
Неспешно проплывают облака...
Град — Сиверско — жемчужина России,
Агатом черным Оредеж-река.
Отвесны терракотовые скалы,
Набоковские бабочки легки,
И ласточкиных гнезд темны овалы.
Порхают голубые мотыльки...
И подступают, закипая, слезы:
Деревьев корни сплетены как спрут,
Изогнутые временем березы
Склоняясь, в скалах огненных растут.
Верхушки кленов ветерок качает...
Замру я у обрыва на краю...
А мы бежим, спешим, не замечая,
Не понимая, что живем в раю!

Ожидание

Дарья Сульженко

Отлетели запахи и звуки,
Сникло солнце, утомилось греть
И в предчувствии душевной муки,
Я хочу в стихах ее воспеть!

Шум дождя и молнии мерцанье,
Жажда злая ласковых лучей —
Разве не прекрасно ожиданье
Бурною бесстыдностью своей.

Мотыльки

Танец огня в чашах цветов,
Голос любви в шуме ветров,
Запах волос в цвете весны —
Этим богам молимся мы.
Мы мотыльки грешной земли.
В жизни своей путь выбрали мы:
Низко летать, быстро сгорать,
Страсти мышьяк сразу глотать.
Только полгода розы цветут,
Только весной птицы поют,
Только однажды приходит любовь.
Пламя одно на пути мотыльков.

Детство

Наталия Пунжина

В руках букетик – прост и мил,
И желуди во всех карманах...
...Был август огненным и пряным,
И, словно дуб, он мудрым был.

Стекали дни за горизонт,
Не раз дожди суля в наследство,
Но август, как прозрачный зонт,
Как полусфера, плыл над детством.

Он к сентябрю – за нами вслед –
Спешил по лугу, по пролескам
И защищал от многих бед
Небесной кроной королевской.

Текла расплавленным стеклом
Его медовая корона...
Но вдруг – под плотной дуба кроной
Скрывались мы, как под крылом, –

И время замедляло шаг,
Чтоб зорким оком вещей птицы
Взглянуть на каждый желудь так,
Как будто вечность в нем таятся.

И мы сидели на земле,
Как в центре сказочной вселенной,
И пел кузнечик вдохновенно
О долгом лете, о тепле,

И, словно испугавшись рук,
Сползали под корягу тени.
И мир слепил, зависнув вдруг
У дуба в солнечном сплетенье.

1997 г., 2003 г.

Отцу

Наталия Пунжина

Мы с тобою не виделись год.
«Как доехал?» – спросила несмело.
Ты стоял молодой, загорелый,
Даже слишком для наших широт.

Первый снег красил крыши, как мел,
И по-зимнему в форточку дуло.
Папа в отпуск домой прилетел
Из прожженного солнцем Кабула.

Я всю ночь не спала... Голова,
Как чумная – я время считала...
Только, папа, прости, что сперва
Я тебя как бы полуузнала –

Так шершава щека... И опять
Грусть в глазах твоих иссиня-серых...
Да, тогда мне пришлось привыкать
К папе –
Не к шурави, мушаверу.

Да, тогда привыкать нам пришлось
К неизбежности новых отъездов.
От снегов до снегов – снова врозь.
Только письма,
Но, к счастью, не в бездну.

«Папа, я первоклассница, вот
Посмотри, как пишу твое имя...»
Так за годом пройдет еще год,
А за ними... Быть встрече за ними!

Возвращению быть! Ведь вдали
Ты твердил часто: «Скоро, родные...»
Знаешь, папа, тебя сберегли
Наши с мамой молитвы земные.

2004 г.

Солнечный сонет

Надежда Ломова

Запуталось солнце
своими лучами
в плетении чудном
косматых ветвей,
осколками бликов
в порыве отчаянном,
гирляндами света
над серостью дней.

Как солнечность Севера
непродолжительна,
как музыка света
торжественна здесь!
Тем больше игра эта
обвораживает,
где россыпь огня
как подарок Небес!

В запутанных кронах
сияют просветы
мерцанием бликов,
фонтаном лучей.
О, сколько мотивов
для чудных сонетов,
как радостен блеск
изумленных очей!

Так, в смене фантазий
полуденный свет
нам солнечный сам
навевает сонет.

Ночь в Сиверском

Надежда Ломова

Зима. Мороз и тишина.
И даже спряталась луна.
Кристаллизованы снега
в алмаз, хрусталь и жемчуга.
Густой вуалью кружева
наброшены на деревья.

Ночь молчалива и строга...
Торжественные берега
реки наметили изгиб.
А дальше не видать ни зги.
Вдали чуть различимый свет
рисует леса силуэт.

Морозной дымкою объят
высоких сосен стройный ряд,
а шаловливая метель,
играя, прячется за ель.
У зимних чар в плену весь лес.
И сказка притаилась здесь.

Занавес Вселенной

Людмила Сойту

Лист шуршит,
Хочочет ветер
Над ореховым кустом
Наступает белый вечер,
Ночь покроет
Берег сном.
Будет плыть
Венок ромашек
По сияющей волне,
И таинственной, и краше
Вспыхнет жемчуг
На луне.
Будет занавес Вселенной
Отдавать свой вечный
Блеск.
И, коленопреклоненный,
Ангел спустится с небес.
Брызнет в нас дождем хрусталь-
ным,
Пылью звездной одарит.
Ночь загадочна – купальна:
Время ждет,
Костер горит.

Хмурое, хмурое утро

Людмила Сойту

Помечтать, покурить и поплакать.
В это хмурое, хмурое утро.
На душе и за окнами слякоть,
Неразгаданный свет перламутра.

Поругать свои прошлые песни
За неточные, дерзкие рифмы,
Умереть сорок раз и воскреснуть,
Обходя бесконечные рифы.

Открывать на заветной странице
Свою самую первую книгу,
Что бы было куда прислониться
От негомого, бессильного крика.

Помечтать, покурить и поплакать
В это хмурое, хмурое утро.
На душе и за окнами слякоть,
Неразгаданный свет перламутра.

09.08.2008г.

Ирина Польшева

Прохладное стояло лето
И было так легко идти
Четыре дерева букетом
Взлетали на моем пути.
Дворцовый парк полузаброшен,
Печален, величав и тих,
Травую сорной запорошен,
Задумчив, словно древний стих.
Прохладное стояло лето,
Не просыхало от дождей,
А ждали все тепла и света,
Бродя по дождевой воде.
И отражалось в лужах небо,
И безалаберно легка
Я снова уходила в небыль,
Разбрызгивая облака.

Ах, как горело небо на закате:
Расплавленное золото лилось,
Деревья цвета древнего агата
Просвечивались золотом насквозь.
Горящий парк над озером струился,
И сердце заходило от тоски,
От невозможности, чтоб миг остановился,
Запечатлев волшебные мазки...

Татьяна Тюлина

О чем костер поет, пока живет?
Пока ласкаясь, стелется по веткам?
Свою любовь и страсть он отдает,
Оставив только дым, носимый ветром.
А ветки плачут, кончилась их жизнь
Они сжимаются от страсти его ласки
И превращаются в заснеженную пыль
Себя отдав в объятия этой сказки.

Меня

Головокруженье от любви,
Но любовь не вечна на земле.
Головокружение пройдет,
Как болезнь растает, утечет.

Головокруженье от любви,
Никуда не деться от себя.
Не могу смотреть, ты прости,
Не любя смотреть на тебя.

Все уйдет когда-нибудь вдруг,
А любовь затопят дожди.
Ты же для меня только друг.
Не вини меня. Подожди.

Татьяна Галь

Я не коснусь души твоей и взгляда
Ни униженьем терпким, ни слезой.
Твоя любовь не станет мне отрадой,
Не будет ни защитой, ни броней.

Для заблужденья отдала свободу,
И месяцы - улыбке и глазам.
Надежды растворились в талых водах,
И холодом глаза твои сквозят.

С календаря, кружась, слетят страницы,
И жизнь умчит нас в разных поездах.
Другие чувства, голоса и лица,
Другой пейзаж, другие города.

Но в тихий день, случайно ли, от скуки,
Ты забредешь в последней встречи сад,
И память, проклиная дни разлуки,
В немой тоске оглянется назад.

В твоих глазах улыбка расцветает,
Заметная, пожалуй, мне одной.
А жаркий вечер тени удлиняет,
Легла заря багровой полосой.

Улыбка гаснет, вспыхивает снова
И вдруг затмила яркостью зарю:
«Я все искал волшебной силы слово,
Но не нашел волшебней, чем «люблю»!

Мне все трудней тебя прощать,
Искать обидам оправданья
И с грустной болью сознавать,
Как счастье хрупко и обманно.

А в сердце гаснет огонек,
Горевший преданно и ярко.
И меркнет трепетный восторг
Перед былым судьбы подарком.

Я рисовала все сама:
Тебя, себя и наше счастье.
Цветами выюжила зима,
Кружила осень в белом платье.

В лиловом пламени сирень
Сменяла листопада пляску.
А пасмурный и хмурый день
Я оживляла синей краской.

Казалось, с нами добрый маг —
Мир стал божественно прекрасен.
Нарисовала все сама,
А ты спокойно все закрасил.

Жить по вере

Александр Кряжев

Прожив немало лет на свете,
Я лишь сейчас подумать мог,
Пересмотрев все годы эти,
Что значит в нашей жизни Бог.

Теперь мы понимаем то, что
Без Бога жизнь была б пуста.
Мы чувствуем сегодня точно
Великий Промысел Христа.

Все то, чем мы живем и дышим,
Как мы свершаем каждый шаг,
Определяется нам Свыше
Разумно все и мудро так.

Всем, всем обязаны мы Богу
На нашем жизненном пути.
Кто не нашел к Нему дорогу,
Пусть постарается найти.

Цветет черемуха

Росла девчонкой незаметной
Черемуха среди подруг.
Однажды, той весной заветной
В ней что-то изменилось вдруг.

Стоит в нарядном белом платье,
С зеленой вышивкой, в фате.
И что-то хочет клен сказать ей,
Да вот слова, слова не те.
Она его не укоряет,
Но уж, который год подряд
С надеждой светлой примеряет
Весной свой свадебный наряд.

Цветет черемуха, а рядом
В одеждах новых тополя,
Березки в ситцевом наряде,
В зеленых россыпях поля.

Водопад

Вера Толчина

Красный берег над рекой, внизу плотина,
Где парит всегда чуть видимый туман.
Там река, отвесно падая в стремину,
Исполняет зажигательный канкан.
Разбиваются о камни, превращаясь
В брызг искрящихся мириад,
Волны быстрые, и с шумом оглашает
Всю окрестность ниспадающий каскад.
Ты разбей мои печали и невзгоды,
Настроения осеннего обвал,
Водопад, дробящий речки быстрой воды,
Возврати моей души былой накал.
Я красивыми словами не бросаюсь,
Чувства нежные храня на сердце дне,
Край родной люблю до боли, восхищаюсь
Красотой его, здесь жизнь отраднa мне.

Юлия Gladченко

Перелетные птицы под взглядом плетя,
Почувяв метелицу, к югу летят.
Сизый туман над речушкой плывет,
С ветром прощальную песню поет.

Затихающий шепот разгульной листвы
Переходит в естественный цвет бересты.
Кончилась осень – настала зима.
Новую сказкой природа полна.

Стихотворенья

Ирина Кройтор

Друзья мои, стихотворенья,
Вы, словно, ангелы земли,
Несете в мир благословенье
И дар причастия к любви.

В вас все: и тайна, и отрада,
Полет негаснувшей души.
Без вас — мученья хуже ада,
Без вас мертвы слова любви.

Друзья мои, стихотворенья,
Без вас вся жизнь — пустой обман.
За миг и радость вдохновенья
Я жизнь, не думая, отдам.

Эхо Суйды

Оксана Бражникова

Скитаются вольные ветры
Пристанища нет им земного
И путь их — понурые метры,
От ночи, до света дневного.

Скажите мне, ветры, куда вы?
По Суйде скитаться потеха?
О Боже, на них нет управы,
А есть только гулкое эхо...

Суйда, 22 марта 2003 г.

Магина

Павел Шпаков

Черноокая дева Магина,
Ты стройна, как молодой кипарис,
Эlegantней, чем та балерина,
Что выходит на сцену под «бис».

Метеором несешься по свету
Длинноногая, юная лань.
Не прибавить красоты к самоцвету,
Не измять шелковистую ткань.

Если б был я подсолнух зеленый
И на солнце кудряво бы цвел,
Отвернулся б от солнца, влюбленный
От тебя бы свой взгляд не отвел.

Мои годы, болезни, невзгоды
На ногах кандалами гремят,
Не дают мне ни шагу свободы
И влюбляться никак не велят.

Не припасть мне к губам этим знойным,
Тайны ночи в глазах не прочесть.
Отчего же мне так беспокойно?
От того, что такая ты есть!

Первый подвиг

Александр Фаловский

Еще подробно не изведав
Всю мудрость тонких букварей,
Нам, сорванцам и непоседам,
Хотелось подвигов скорей.

Мечтали мы о них украдкой,
И с этой трудною мечтой,
Как с дальнобойною рогаткой,
Не расставались ни за что.

С высот заброшенных сараев
В крапиву прыгали, в осот,
Уже в апреле, а не в мае,
Ватагой шлепали босой.

Мы шли на первые дуэли,
Своих не взвешивая сил,
И жилы жалобно хрустели
Под прочной тяжестью верзил.

И мы того не знали сами,
Решая споры без мамаш, —
Страх успокоится слезами —
Был самый первый подвиг наш!

*Тилн
Пудомягского поселения*

Ирина Андриянова

Нет проспектов, ни улиц широких,
Нет витрин и рекламных огней,
Нет мостов разводных и высоких
Нет дворцов, колоколен церквей,
Но зато, необъятные дали,
Ароматы лесов и полей.
И курлычут весной, прилетая
Клином, стаи родных журавлей

Припев:

Пудомягское поселение,
Невеликое население,
Но из таких деревень и поселков
Вся Россия состоит.

Неглубокая речка Ижора
Свои воды в Неву отдает.
Белой ночью над ней, не смолкая,
Соловей заливаясь, поет.
Аромат здесь черемух душистых
Кружит голову ранней весной,
А зимой снег ложится пушистый
И сверкает своей белизной.

Припев:

Здесь родились, росли и мужали
И в дали, и в любимом краю.
Помним тех, кто в войну защищали
Ленинградскую землю мою.
И сюда возвращаемся снова,
Чтобы воздух целебный хлебнуть,
Чтоб набраться нам силы от дома
И продолжить свой жизненный путь.

Припев:

Афродита Таврическая

Валерий Штормовой

Каждый раз, бродя по Эрмитажу,
В зал скульптуры римской я спешил.
Первым делом неизменно сразу
Я к тебе с поклоном подходил.

Для меня была ты не скульптура,
Не простой музейный экспонат,
Волновала чувства так, как буря
Сотрясает мачтовый канат.

Я к твоим ногам хотел склониться,
На колени встать перед тобой,
Твоему могуществу молиться,
Как богине, искренней душой.

Словно ты из древности далекой
В эрмитажный зал сюда вошла
И всю силу, бывшую в те сроки,
Вновь в себе, как прежде, обрела;

Снова стала прежнею богиней,
Воплощеньем дивной красоты,
Полная величия и силы,
Светлая владычица Любви.

И, как в храме, я под сводом зала
Пред тобой молился вновь и вновь,
И мою мольбу ты услышала,
Мне послав и счастье, и любовь!

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

...И тянется рука к перу, перо к бумаге...

Александр Семочкин

Продолжение. Начало в № 5

Из всей нашей семьи война коснулась прежде всего отца, естественно. Уже в июле немцы были под Псковом, Прибалтика легла под них легко и свободно. Сталинский буфер не сработал, вернее, сработал в обратную сторону: там наших ребят стреляли и в лицо, и со спины..

Не сработал и Псковский укрепрайон, немцы взяли его в танковые клещи и раздавили. Где-то еще отчаянно отстреливались, но в большинстве наших позиций хозяйничали немцы, и группы бойцов откатывались на восток, еще неся в себе ужас немецких танковых атак. В одной такой группке был мой отец. Солдаты деморализованы, враг оказался совсем не таким, каким его готовились увидеть, он был много, много страшней и могущественней.

Поддерживая видимость хоть какого-то порядка, добрались до окраин Пскова. Немцы шли по пятам, на счастье удалось захватить полуторку и доехать до центра, до комендатуры. Вид грязного, ободранного младшего офицера привел помощника коменданта в ярость: «Ты кто? Почему не на позиции? Твои товарищи сражаются с врагом, а ты шкуру спасаешь? Паникер, трус, прикажу расстрелять показательно!»

Успел крикнуть: «Немцы в Пскове! Никакого укрепрайона больше нет! Немцы в Пскове, пошлите проверить!» Опять: «Паникер! Трус! Дезертир!» — содрали лычки, ремень, пинками

затолкали в карцер, но — ума хватило послать мотоциклиста на проверку. Через двадцать минут тот явился бледный, с трясущимися руками: «Немцы в Завеличье, рвутся к мосту. Еле ушел...».

Отца извлекли из темного карцера: «Доложи обстановку, младший политрук. Тут, видишь какое дело, связи нет, сидим как в бочке — много слышим, да ничего не видим. Сам направишься в горвоенкомат, там ваших собирают. Так что — давай...»

Так началась война для отца. Сформированные из укрепрайоновцев роты отдали Северо-Западному фронту, — на время, пока они не понадобились совсем на другом фронте Великой войны — на Кавказе.

А в это время мать моталась по Пскову, готовя к эвакуации очередной завод.хлопоты эти оказались пустые, вагоны с заводским оборудованием загнали в тупик, где в 1943 году их благополучно разбомбили наши же самолеты. Но время уехать в Ленинград было упущено, железная дорога перерезана немцами, и пришлось ехать туда, куда ехать было еще можно. Так она оказалась на Волге, в Самаре, тогда — Куйбышеве.

Ах, Самара-городок, беспокойная я
Беспокойная я, успокой ты меня!

Но не мог Самара-городок успокоить. От наплыва эвакуированных было не продохнуть, и совершенно было ясно, что рассосется эта человеческая пробка нескоро. Подумав, мать пошла

в военкомат и написала заявление о приеме в армию. Спустя короткое время ее призвали.

Собралась команда человек в пятьдесят девиц и молодых женщин, их стали готовить в диверсионные отряды: радиодело, стрельбы, взрывное дело, медицинская подготовка, опять радиодело. Мать уже видела себя за линией фронта в каком-нибудь партизанском отряде, но все для нее внезапно изменилось, и изменилось решительно. Явились «покупатели» с Южного фронта, им якобы требовались связисты для зенитных батарей. Отобрали человек десять и увезли с собой.

Уже на месте, где-то в Сальских степях, им объяснили задачу. Оказывается, связистов как таковых в частях ПВО хватает, а нужны так называемые слухачи. Что это такое? А вот что. Тогда на фронтах не было радиолокаторов, но если они и были, то в совершенно ничтожном для фронта в четыре тысячи километров количестве.

Между тем немцы сохраняли еще превосходство в воздухе. То есть того полного в воздухе господства, что было в начале войны, уже не существовало, но и о равенстве сил говорить пока не приходилось. И особенно асов Люфтваффе «доставали» наши зенитки — лучшие, кстати сказать, пушки такого класса в мире на те времена. Они, то есть эти летчики, с особым рвением и ожесточением охотились за нашими зенитными батареями, для них разгром такой батареи был предметом гордости и знаком особого профессионального шика. При всем при том на рожон асы никогда не лезли, и, если батарея встречала их плотным заградительным огнем, они в драку не вступали, предпочитая убраться во свояси. Так что тут постоянно велась некая смертельная игра на внима-

тельность, и побеждал тот, кто врага обнаруживал первым.

Как уже говорилось, радаров тогда не было, а засечь самолет противника как можно раньше было часто вопросом жизни и смерти. Вот тут и годились наши девушки. «Выслушивали» вражеские самолеты чем могли — рупорами из жести, из фанеры, из бумаги, причем раструб направлялся на запад, а узкая часть прижималась к уху. Но существовали и специальные, фабричного изготовления устройства. Они походили на огромные граммофонные трубы и зачастую устанавливались на платформе грузовика. Труб этих было чаще всего четыре, как и обслуживающих их «слухачей».

Звук любого немецкого самолета был весьма отличен от наших, это знали даже дети прифронтовой полосы. Но отличить на слух «Хейнкель» от «Юнкерса» и «Фокке-Вульф» от «Мессершмидта», да определить расстояние до них, да количество — это был уже профессионализм. Этим и занимались девушки из материнского подразделения. Материнского, говорю я, потому как она, моя мать, весьма скоро стала сержантом и исправно руководила всей этой юбочной командой до самого славного сорок пятого года, до города Будапешта, до Победы.

Что ж, оставим пока моих родителей воевать в Сальских степях и в Предкавказье, куда, как уж говорилось, упадет отец со своего Северо-Запада. Они не знают, что они рядом и при большом желании могли бы встретиться, да, пожалуй, и хорошо, что не знают. Не до того им сейчас.

Мы же вернемся туда, где в тисках голода бьется и умирает великий наш город. Трое из моих теток там — Анна, Ирина и Зоя, все они молоды, все отчаянно хотят жить — и все они живут. Старшая Анна была красива,

как, впрочем, и все они были, каждая по-своему, красивы, хотя и не походили совершенно одна на другую.

Анна, Анюта, Нюра была совершенная по молодости своей чухонка, ее так за глаза и в глаза прозывали в деревне. Бледные, цвета выбеленной пакли, волосы, бледные же голубенькие глазки, изящный точеный носик на круглом личике — и совершенно авантюрный характер вкупе с взрывной энергией — вот что была моя тетушка. Последнее сделало ее еще в детстве атаманом-предводителем нижневирских подростков, ее слушались даже мальчишки много старше ее, да и то сказать — такой фантазии в проказах, такой отчаянной смелости в опасностях (которые она сама чаще всего и навлекала) — не было ни у кого.

Ане пришлось немало работать с раннего детства, так что к жизни во всех ее проявлениях она была подготовлена неплохо. Замуж она вышла уже не молоденькой, ведь нужно было дать подрасти и окрепнуть младшим. Работая на военном заводе, она смогла получить крохотную комнатку на Петроградской, тогда и решилась на замужество. Ее избранник, Жоржик, работал на том же заводе, в июле был призван и погиб в первый месяц, потому семья не успела как-то принять его в себя, тем более что за пять лет их совместной жизни деток им Бог не дал, да и жили они несколько особняком, на улице Мира, тогда как основное семейное гнездо было на Большой Зелениной.

Как бы там ни было, войну Анна встретила в заводском цеху, да там она и провела большую часть той войны — их уже с сентября перевели на казарменное положение, что было и правильно, меньше сил тратилось на передвижения по страшным, ледяным, умирающим улицам города. Туда же,

в свой цех, устроила Анна и сестру свою Ирину, которую вообще опекала почему-то всю свою жизнь, хотя Ирина была внешне, да и внутренне полной противоположностью Анны. Чернявая, тощая, похожая на цыганку Ирина, если и имела настоятельные заботы о ком-то в этом мире, то это были заботы о себе любимой. Как видно, ожил и проявился в ней характер бабки Василисы — та же безалаберность, та же жадность до мужиков. Но деток у нее в жизни так и не случилось.

Мне довелось потом пожить и у одной, и у другой моей тетушки в ранней молодости, и легко оказалось заметить, как невероятная доброта и отзывчивость Анны странным образом уравновешивалась суховатым эгоизмом Ирины, да потому, видно, их и тянуло друг к другу.

Третья моя тетушка, Зоя, была тип совершенно замечательный и, опять-таки, отличный от остальных. Рыжая зеленоглазая озорница с язычком, что бритва — уж полоснет, так до крови. Еще до войны пристала она к какой-то шоферской команде, сама научилась водить машину, а вместе с этим пришло умение виртуозно выражаться отнюдь не литературным языком, курить папиросы и не без изящества вкушать спиртное. Уже много после войны, на спор или куража ради, тетка Зоя могла взять тарелку, крошить туда хлеба, вылить в эту тарелку «маленькую» водки, все перемешать и спокойно скушать эту адскую тюрю ложкой, нисколько не поморщившись.

Всю блокаду она проработала на знаменитой ледовой «Дороге жизни», которую тогда, впрочем, никто так не называл, а именовали ее дорогой смерти, и неспроста. Сколько человеческих тел и жизней приняла в себя холодная Ладога, одному Богу известно. Особенно было ужасно, когда

во время бомбежки под лед уходила машина с детьми, а ты ехал рядом, но остановиться и выдернуть из воды хоть одного ребенка не имел права, нужно было объехать по льду с орущими, еще держащимися на воде детишками и ехать дальше. После такого рейса глушили себя водкой, чтобы не свихнуться.

Там, среди суровой этой шоферни, нашла себе Зоя мужа, и был он, как это часто бывает, почти полной ее, Зои, противоположностью. Иван Смирнов совершенно соответствовал и имени своему, и своей фамилии, был он как-то блекло-невзрачен, незаметен, а сердце его было золотое, совершеннейшей доброты и кротости. Таким людям в Отечестве нашем немного бывает отпущено жить, они спиваются всерьез, таковая судьба ждала и доброго нашего дядю Ваню.

Что до моего дядьки, Александра Никифоровича Фомина, то он успел уже послужить на действительной и малость повоевать на финском фронте к началу Большой войны. Потому он определен был в разведроту, что повлекло за собой два обстоятельства. Первое состояло в том, что полковое начальство не бросало разведчиков под гусеницы немецких танков, это было все-таки не пушечное мясо, а отборный человеческий материал. Ну а второе было то, что самые опасные операции поручались все-таки разведчикам, и тут Александр Фомин нашел себя вполне. Воевал он с удовольствием, как, впрочем, почти все делал в своей жизни, и скоро оказался на хорошем счету у начальства.

Но дядька не был бы собой, если бы на том остановился, увы, продолжение его военной карьеры было далеко не столь радужно. Дядька загремел в штрафбат, загремел по глупости и по фанфаронству своему. Дело было

где-то на юге, выдался разведчикам отдых, пошли в некое питейное заведение, где, подпив, дядька сцепился с каким-то офицериком из штабных. Слово за слово, схватились за оружие, и только случай не подвел Александра под расстрельную статью. Их растащили, офицерик оказался ранен, но все разведчики показали в СМЕРШе, что тот начал первым, и все обошлось штрафным батальоном. Правда, скоро он оказался востребован совсем не как штрафник.

В сорок втором году немцы предприняли мощный бросок на Кавказ, имея своей целью Баку с его нефтью. Но для этого им нужно было преодолеть Большой Кавказский хребет, а там всего одна дорога, Военно-Грузинская, которая к тому времени была превращена частями НКВД в неприступную крепость. На протяжении многих километров на каждом повороте этой дороги были вырублены в скалах ниши и в них оборудованы мощные огневые точки. Сидели там, по сути, смертники, потому как при немецком наступлении по Военно-Грузинской ждать помощи им было неоткуда, равно как и уйти из своего каменного мешка по отвесным скалам было невозможно. Тут, в одной из таких точек, уже месяц находился мой отец.

Но немцы приняли смелое решение — пропустить свои отборные части, горных егерей, через перевалы, минуя Военно-Грузинскую. Помочь им в этом должны были местные горцы — ингуши, карачаевцы, черкесы. И те действительно вывели штурмовые группы дивизии «Эдельвейс» на перевалы Большого Кавказа.

Верховное командование потребовало ликвидировать прорывы. И когда со всех фронтов юга стали собирать снайперов, затребовали и Александра Фомина, потому как был он высоко-

классный стрелок и имел опыт войны в скалах, хотя бы и финских.

Я думаю, даже классическое напутствие штрафникам про кровь, которой нужно смыть свою вину перед Родиной, произнесено не было, потому что всем было ясно, что идут снайперы на дело почти безнадежное — выбить с перевалов прекрасно подготовленных и прекрасно экипированных горных стрелков, гордость вермахта, и шансов у наших снайперов вернуться с перевалов живыми очень мало.

Дядька мой, впрочем, к горам притеря быстро, тамошние холода после жестоких финских морозов были теплее, а убивать людей — что ж, и это он делал с удовольствием, как с удовольствием обхаживал деревенских девок, пил местную чачу или проигрывал в картишки свои законные фронтовые трофеи.

«Это, сидишь в укрытии, еще затемно залез, ждешь рассвета. Как лагерь немецкий из тумана нарисовался, начинается охота. Немцы вылезают из палаток, тут выберешь самого здорового, повел его, повел — хлоп, тот подпрыгнул и шлепнулся — готов! Чистая работа!». Так он рассказывал уже взрослому мне, посмеиваясь. Я и негодовал, и восхищался, а что все это было — ярость благородная или узаконенная уголовщина, так и не определил для себя. Что-то было во всем этом нечестное, неправильное. Немец тот был вроде безоружный, вышел снежком помыться...

«Ну, потом давай Бог ноги, — продолжал дядька, — немец весь склон минами перепашет. День посидишь, потом с другой стороны подбираешься, ловишь момент. Увлékательная такая охота...»

Да, уж.

По рассказам отца, немцы попытались-таки поначалу рвануть по

Военно-Грузинской. И при этом пользовались беженцами, как живым щитом. Спереди бабы с детишками, деды да всякий инвалидный народ, а сразу за ними — немецкие мотоциклисты и бронированные машины с пехотой. Дальше — слово отцу:

«А у нас обзор полный, дорога изгибается, слева скала, справа пропасть, и мы видим, как за беженцами немец прет. Запрашиваем по телефону — как быть? — «Что, — нам в трубку орут, — приказ забыли? Подпустить, и огонь на уничтожение!» — Но там беженцы, наши... «Наши — за нами! И поменьше рассуждайте, мать вашу!» — Ну, что — что? Подпустили, и — огонь. Ужас, что там было... ну, приказ есть приказ».

Да, уж. Бей своих, чтоб чужие боялись. Страшная это штука — война.

Ведь вот так же, по рассказу отца, погибла и Первая ОМСДОН, о судьбе которой обещано было рассказать на первых страницах нашего повествования.

Уже в сентябре сорок первого немцы перерезали железную дорогу Москва-Ленинград, где-то в районе Торжка. Сталин потребовал вернуть контроль над дорогой немедленно. Войск для этого не было, из резерва Ставки выделили эту дивизию особого назначения и бросили на прорыв. Те задачу свою выполнили, прорыв ликвидировали, но увлеклись, как застоявшиеся кони, дорвавшиеся до поля. Обалдевшие немцы, никак не ожидавшие здесь встретить такой силы контрудар, попятись, и скоро Первая ОМСДОН оказалась в мешке, с трех сторон окруженная наступающими немецкими дивизиями. Скоро сообразив, что перед ними всего десяток тысяч солдат, которые, кстати, и воевать толком еще не умели, были необстреляны совершенно, — немцы бросились на них всей силой, и те спешно стали

отступать — темпами, все более подходящими на бегство. Вслед за ними, по пятам их преследуя, катился вал разъяренных покорителей Европы. Запахло общей катастрофой. И тогда вся наличная советская артиллерия, усиленная резервом Ставки, вся авиация фронта и все минометы накрыли этот человеческий поток и непрерывно долбили его более суток.

Всего несколько человек из бывшей славной дивизии вышли на наши позиции. Солдатами их назвать было уже нельзя, это были потерянные, полубезумные существа, не понимающие, что с ними происходит.

Да, уж. Слепа и жестока война. Впрочем, так ли уж слепа?

В нашей большой семье все прошло через нее, эту войну, и все благополучно вернулись домой. Кроме упоминаемого ранее Жоржика, первого мужа тетки Анны, который как-то не успел, не смог или не захотел стать полноценным членом семьи, держась особняком, о чем тоже уже говорилось.

Мало того, никто из наших даже ранен сколько-нибудь серьезно не был. Отец мой получил серьезную контузию, но и саму эту контузию должно считать спасительным чудом. Дело было так: «Это было под Новороссийском, в сорок третьем. Нас подняли в атаку, бежим, я в первой цепи на левом фланге: «За Родину, за Сталина, ура-а!». Вдруг вижу, впереди лежит убитый мадьяр, а на груди у него большой красивый орден. Я на ходу левой рукой цап его, в правой пистолет — и в карман гимнастерки, потом, думаю, рассмотрю. Через несколько шагов — удар, тьма, очнулся уже в лазарете. Врач говорит — на вот, мол, спасителя твоего, и дает мне этот самый орден. Пуля точно в середину попала, он смялся, но удар выдержал. А ровно под ним — сердце. Вот так-то

вот. Я потом этот орден долго таскал с собой, да в конце войны куда-то он затерялся».

Может быть, я согласился бы, как мой отец, считать подобные случаи счастливым стечением обстоятельств, но не могу это сделать, потому что видел молящейся свою бабушку. Каждый вечер, стоя перед иконой, но чаще — коленопреклоненно, она разговаривала с Богородицей, именно разговаривала, как мать с Матерью, делилась с Ней и страхами своими, и предчувствиями, и еще чем-то невыразимым, материнским, какой-то безличной скорбью о несчастных детях России, которые не ведают, что творят, и оттого сами мучаются.

В проекции моего детского полусонного сознания запечатлелось, как она созидала, ткала молитвами своими защитный кокон для каждого из своих чад, и я, не могущий помнить никого из них, воображал себе «раба Божьего Александра» вот так, а «рабу Божию Анну» вот эдак, и видел каким-то иным зрением, как они облакаются сияющими прозрачными доспехами и засыпал под молитвенную воркотню бабушки в полной уверенности, что теперь-то с ними ничего плохого случиться не может. И вообще — все будет хорошо.

Это было в родной деревне, в родном дедовском доме, где-то в середине одна тысяча девятьсот сорок третьего года. Именно тогда пришло осознание себя как себя, и память сохранила размытые временем образы. Так глухой ночью при вспышке молнии, полуослепленный, видишь знакомый, ставший столь странным, пейзаж, и это видение уже никак не повторить при свете дня, при взрослом сознании, при подготовленном — вот сейчас вылетит птичка — разуме.

Сорок первого я не помню, и только по рассказам родных могу пред-

ставить, как тяжело, грязно и угрюмо шли наши отступающие солдаты через деревню, и как буднично через день сменилась власть, вместо красного с серпом и молотом над волостным правлением стал развеяться красный же, но со свастикой, и появились везде объявления на белых дощечках, написанные по-русски и по-немецки, и стал тот самый нойе орднунг, о необходимости которого так долго говорили... господин Розенберг со товарищи.

Должно мне сказать следующее.

Я знал всегда и знаю теперь две правды о войне и об оккупации. Одна эта правда была и есть официальная, она повсеместно преподаана нашему народу, она до сих пор считается единственно правильной, и нет смысла ее пересказывать.

Другая правда существовала параллельно, и источником ее было то население, которое именно пережило оккупацию. До поры до времени эти люди вообще помалкивали, но по мере того, как война откатывалась в сознании людей все дальше, а власть зверела поменьше, они стали говорить. Сегодня можно сопоставить две эти правды, и это сопоставления будет не в пользу первой. Может быть, это относится только к нашей местности. Может быть, в других было совсем по-другому. Может быть. В конце концов, в нашей округе каждая третья деревня — финская, а каждая пятая — староверческая. И те, и другие традиционно Советскую власть за свою не держали, полагая ее скорее формой некой оккупации. А вот немецкие оккупанты как раз все вернули на круги своя: восстановили выборных старост, частное землевладение, поощряли личное предпринимательство, открывали церкви.

Конечно, были ограничения, и немалые, но все понимали — война. Были

казни, но когда подростки убивают часовых и воруют оружие, это наказуемо везде. Своя Советская власть за такие дела спуска тоже не давала. Карательные экспедиции тоже у нас были, но их, как правило, осуществляли добровольные помощники немцев, а таковых хватало. Особенно жестокими были прибалты — эстонцы и латыши, потом украинцы-западяне (дивизия СС «Галичина»), азербайджанцы, да и русские — полиция и специальные антипартизанские формирования. Которых, кстати, было в нашей местности немало.

Из чего можно сделать вывод, что и партизан в наших лесах было немало. Но это совсем не так. По сути, в нашей местности партизан не было вообще, но были диверсионные группы и отряды, которые формировались в Ленинграде. Одной из важнейших целей их было — ссорить местное население с оккупантами, а для того годилось и убийство немецкого солдата, за что будет ответственна деревня, где это произошло, и казнь какого-нибудь старосты, лояльного немецким властям, и поджоги.

Понятно, какие чувства испытывали местные к таким партизанам, и тоже понятно, насколько коротка была жизнь этих отрядов. За три-четыре недели они теряли до половины своего состава и уходили опять в Ленинград, где им давался короткий отдых, где наново отряд формировался — и снова за линию фронта. И так по многу раз.

Но при всем при этом немцы панически боялись партизан. Я думаю теперь, что это отнюдь не было проявлением физической, так сказать, трусости, в этом немецкого солдата обвинить трудно, да и не правомочно. Нет, это был, скорее, психологический порог, переступить который немцу

оказалось не дано. Партизаны для немца были неким военным беспорядком, простите, цивилизованные люди так не воюют. Есть солдат, он обязан воевать. Есть бюргер или бауэр, они должны исполнять распоряжения той власти, которая теперь властвует. Все другое есть нарушение порядка ведения войны и может рассматриваться единственно как бандитизм. Со всеми отсюда вытекающими последствиями.

О, эти наивные европейцы! Наполеон ведь тоже был уверен, что ему поднесут ключи от Москвы на блюде, и война на том будет благополучно закончена. Императоры обнимутся в знак примирения, ну а сотня тысяч убитых и искалеченных мужиков... это расходный материал войны, и что об этом говорить.

Первая зима оккупации была особенно сурова. Стояли жестокие морозы, а мы оказались без малейших запасов еды, ведь осенью бабушка должна была сдать меня матери, а сама уехать в Ленинград на зиму. Вдобавок, к нам присоединилась младшая моя тетушка, Маруся. В сорок первом ей исполнилось шестнадцать лет, ее мобилизовали на строительство Лужского оборонительного рубежа, и с июня месяца они, шесть молодых девиц из нашей деревни, копали траншеи и ямы под блиндажи и «огневые точки». Однажды в сентябре они обнаружили, что остались одни, все соседние землянки и шалаши были пусты, а немец, как выяснилось, был уже далеко за их спиной, уже за Гатчиной, которая тогда именовалась Красногвардейск. Стали пробираться домой, стараясь не попадаться на глаза немецких патрулей, что благополучно и совершилось.

Теперь нас стало трое, а есть по-прежнему было нечего. Морозы нача-

лись в октябре, они все усиливались, и бабушка поняла, что на одном чувстве собственного достоинства мы долго не протянем. Стала она в определенное время ходить к ограде из колючей проволоки, и там было одно местечко, где немцы, обосновавшиеся в наших «Нижних дачах», устроили помойку. Туда выбрасывались и картофельные очистки с их кухни. Но они быстро замерзали, превращаясь в комья ледышек, и тогда руками их было не взять.

Сложность там была еще в том, что на колючей проволоке немцами были во множестве развешены пустые гильзы от снарядов, при малейшем шевелении «колючки» все это начинало громыхать и звякать, из домов выскакивали встревоженные немцы с оружием, могли и подстрелить. Поэтому нужно было действовать длинной палкой, действовать аккуратно и строго вовремя.

Поначалу немцы, наблюдая за бабушкиными усилиями, потешались над ней, но, слава Богу, не прогоняли. Потом стали подбрасывать очистки ближе, а то и вовсе за «колючку». Бабушка благодарила господ оккупантов как могла, и спешила с добычей домой. Здесь очистки оттаивались, мылись, натирались на грубой терке, и вот — на буржуйке уже шипят, темнеют на глазах и покрываются коричневой корочкой с блестками — деруны, как их у нас называют, картофельные оладушки.

Наверное, грустное то было зрелище: маленький зверек с голодными глазами, истекая слюной, смотрит, как нарастает горочка жестких, колючих лепешечек, да вот, наконец, выросла. И какое это было наслаждение — впиться зубами в бабушкино произведение, и сквозь брызнувшие слезы — горячо ведь! — вкусить этот

сладковатый, внутри еще плохо пропеченный блин. Обрадованный желудок прямо-таки взрывался соком, челюсти молотят, глаза ревниво косят на все убывающую стопку дерунов, да вот их уже и нет. Все, до завтра...

Вообще говоря, был бы я малость постарше, проблема еды не была бы так остра. Зимой сорок первого немецкая полевая кухня, накормив своих, выезжала в центр нашей деревни, и толстый немец, что-то все ворча, раздавал еду очереди детей. Да, к очереди этой допускались только дети, и только один раз в день. За попыткой пристроиться еще раз в хвост очереди следовал вполне родительский подзатыльник и позорное изгнание. Стоять нужно было спокойно, молча, никак не нарушая очередности. За нарушение следовало изгнание опять-таки. Туземцев приобщали таким образом к немецкому фетишу именем орднунг, и я, жизнь прожив, не решусь утверждать, что этот фетиш чем-то хуже прочих фетишей, тотемов и талисманов, чем так богат был наш двадцатый век.

Но в ту очередь я был не вхож, поскольку был бессмысленным двухлетней совершенно комнатного воспитания, бабушка дальше забора нашего огорода меня не отпускала, дав, по видимому, себе зарок сохранить доверенное ей дитя во что бы то не стало. О судьбе родителей она знать ничего не могла и вполне, думаю, могла допустить, что их уже нет в живых, и это лишь укрепляло ее намерение. Оно вполне удалось, как видим.

Что ж, постепенно осмотрелись и господа оккупанты, и наши, нужно было выстраивать отношения и вообще как-то жить. Стоявшие у нас, в нашей, нижней части деревни немцы были, в основном, немолодой уже, спокойный народ. Почти у каждого из

них во внутреннем кармане френча была, в хрусткий целлофан завернутая, пачечка фотографий, на которых дородные фрау несколько испуганно смотрели прямо перед собой, полубнимая одного или двоих детей. Это была любимая тема общения немцев с местными, оказалась востребована она и в нашем доме.

К бабушке наладился ходить один немец, принося то постирушки, то белье на мелкий ремонт. За работу платил он продуктами, что было весьма для нас кстати, но в доме была молодая красивая девушка, и бабушка встревожилась. Марусю поначалу прятали в подпол при таких посещениях, но потом все как-то утряслось и успокоилось, прятаться тетушка перестала, а просто уходила в заднюю комнату дома, да и немец к ней никакого интереса не проявлял. Поначалу этот, лет под сорок, человек сидел в доме недолго, и, получив заказ, уходил. Но постепенно стал засиживаться, показывал фотографии, пытался даже разговаривать меня, забившегося в дальний угол лежанки русской печки. Бабушка была старше его, он говорил ей: «Фрау Таня» и определенно испытывал к ней симпатию, простирающуюся до того, что фрау Тане было даже озвучено политическое кредо этого человека.

Для этого он поднимал один кулак на уровень груди и говорил: «Шталин». Затем поднимался другой и обозначивался: «Хитлер». Потом два кулака принимались колотить друг друга, потом они отбрасывались с негодованием и брезгливой grimасой, и немец говорил: «Ихь — нихт», в уверенности, что он все объяснил.

Что за часть немецкая стояла в нашем нижнем парке, я уверенно сказать не могу, но предположения, подтвержденные последующими изысканиями, на этот счет очень даже есть. Уже с

лета сорок третьего года по деревне стали разгуливать странные ребята — в советской военной форме, но без ремней и знаков отличия. Они явно были русские, что вскорости сами и подтвердили. Один из них, бывший лейтенант Красной армии из печально знаменитой Второй ударной, стал похаживать к моей тетушке. Марусе исполнилось восемнадцать, она была на пике юной своей красоты, и лейтенант этот, похоже, влюбился. Роман никакой не состоялся, да он и не мог состояться, поскольку эти «бывшие» долго в нашей деревне не задерживались и все куда-то исчезали. Исчез и этот лейтенант, исчез навсегда.

В бывшем имении Петра Дурново расположился вербовочный и начально-формировочный пункт РОА — Русской освободительной армии генерала Андрея Власова, а все эти молодые ребята были из Второй ударной армии генерал-лейтенанта Красной армии Андрея Власова. Вот так, были ваши, стали наши, или наоборот — не суть.

Но главное — в роскошном двухэтажном особняке расположился штаб военной разведки, Абвера, и большая часть высших офицеров Второй ударной прошла через фильтры этого Нижнего лагеря, как о том свидетельствуют историки. Было бы, пожалуй, нехорошо не назвать имена тех из них, кто нам сегодня известен. Вот они.

Голоштыянов Василий, подполковник, 1909 г.р.

Бондарь Мартин, полковник, 1918 г.р.

Надточий Михаил, подполковник, 1906 г.р.

Поддубняк Семен, подполковник.

Бобарыкин Константин, военврач 1 ранга.

Стома Александр, батальонный комиссар.

Платонов Дмитрий, политрук разведотдела.

Жуков Алексей, комиссар дивизии.

Потоленук Евгений, комиссар батальона.

Крылов Алексей, редактор фронтовой газеты.

Горюнов Иван, полковник, 1902 г.р.

Курасов Александр, военный юрист.

Ржанков Иван, старший политрук армии.

Гончаров Александр, полковник.

Самойлов М.С. Майор, командир полка.

Кабанов Николай, военный юрист.

Корбуков В.Д., подполковник.

Жуковский, — военный интендант 1 ранга.

Конечно, это лишь малая часть здесь бывших, и не все, далеко не все из них служили потом в РОА. Кто-то погиб в немецком лагере, а кто-то в советском, кто-то все пережил и потом умер своей смертью, а кто-то — мало ли? — жив и по сей день, и тем поклон из той деревни, которую они едва ли когда смогли забыть.

Я все время говрю — Нижний лагерь, и неспроста, потому как в нашей деревне был еще Верхний, расположенный в ее северной части, в двух скотных дворах, сараях при них и просто на огороженном участке. Там было около пяти тысяч военнопленных, были и гражданские, задержанные патрулями. У немцев лагерь этот числился под номером 140.

И был то совсем не такой «санаторий», что внизу. Половина заключенных жили в ямах, ими самими выкопанных и перекрытых сверху досками, бревнушками и всякой подручной дрянью. Голод был страшный, заключенные нашли и раскопали скотомогильник, что оказался в их ограде. Люди руками рвали падаль и пожирали внутренности, а потом мучитель-

но умирали от заворота кишок.

И когда летом сорок третьего к ним пришли вербовщики из РОА, сколько их, этих несчастных, увидели в том единственную возможность спастись...

Ряд длинных могил, поросших травой, долго сохранялся на той территории после войны. Везде строили мемориалы, ставили памятники, повсюду гремело: никто не забыт, и ничто не забыто, и казалось — правда, никто. Наши, деревенские, тоже сунулись в район с предложением как-то обозначить место лагеря и этих братских захоронений. Ответом было молчание. После повторных запросов было процежено сквозь зубы: там были власовцы. Все. Весной появился бульдозер и сравнивал бугры могил с землей. Вот и получилось — кто-то не забыт, а иные убиты, прокляты и забыты.

Да, уж. Кому война, а кому идеологический казус, не более того.

С сорок второго года немцы организовали общественные работы. Это было спасительно для тех семей, которые не были крестьянскими и не могли кормиться со своего подворья. Работа была самая простая, но нужная — дороги, мосты, гати через болота, телефонная связь, работали тяжело, по десять часов, все приходилось таскать на себе, но за работу платили. В конце рабочего дня хмурый бригадир нарезал пайки, это был темный сыроватый хлеб, но брали его с благоговением — совсем рядом, через линию фронта, такая пайка ценилась порою выше человеческой жизни, и это знали все.

И бабушка, тогда крепкая еще сорокасемилетняя женщина, и тетушка Маруся работали на этих общественных работах, и у нас появился какой-никакой хлеб. Жить стало чуть легче.

Обстановка на Южном фронте

между тем изменилась решительно. О Кавказе уже речи не шло, Вермахт вел оборонительные бои, защищая Черноморское побережье, Крым и юг Украины. Здесь у немцев много было союзнических войск — венгры, румыны, итальянцы, болгары держали вместе с ними знаменитую Голубую линию у Новороссийска, и здесь опять предстояло почти столкнуться двум Александрам нашей семьи — отцу и дядьке.

На прорыве этой Голубой линии отец был назначен командовать батальоном штрафников, и это было, пожалуй, самым серьезным испытанием его на прочность.

Можно утверждать, с изрядной скидкой на приблизительность, что в те поры штрафники были четырех видов. Первый вид были патологические трусы, а также трусы по расчету. С теми разговор был простой — пистолет к затылку, и — вперед, в атаку. Второй вид составляли честные, но где-то оступившиеся люди или даже жертвы обстоятельств. Тех заставлять было не нужно, они понимали формулу: «Своей кровью смыть вину перед Родиной» буквально и сами рвались в бой. Третьи были вояки, уже прошедшие немецкие танковые атаки и налеты «Юнкерсов», окружения и прорывы с боем, а то и плен. Те знали цену жизни, на рожон не лезли, воевали аккуратно, а то и осторожно. Подгонять их не стоило трудиться — пошлют куда подальше и будут вести себя так, как считают нужным. Четвертый тип был самым опасным. Это лихие, озорные ребята, кто из лагерей, кто с воли, все они вполне за дело попадали в штрафбат, но про себя, конечно же, так не считали. Замечание себе они полагали оскорблением, окрик в свой адрес — оскорблением смертельным. Такие часто стреляли в спину своих коман-

диров во время атаки. А там разбирайся — кто стрелял да откуда, война все спишет.

Именно к такому типу должен быть отнесен дядька Александр. Представляю, какие искры полетели бы, столкнись эти два кремешка на передовой. И отец мог расстрелять перед строем не в меру гоношистого бойца, и сам мог получить от него пулю при удобном случае, слава Богу, что пересечься им не привелось.

Отец немало мне потом рассказывал о тех боях под Новороссийском, всю славу которых стяжал полковник Леонид Брежнев, когда стал Генеральным секретарем партии.

«Вышли на позицию, там немецкий блиндаж. Я старшине первой роты, он у нас вроде каптенармуса был, говорю — проверь, у немцев всегда значки в тех блиндажах были. Нет бы ему одному пойти, он двух бойцов взял. Вскрыли, а там, кроме всего прочего, бочка французского коньяка.

Через три часа атака, обед, выдаем положенные фронтовые сто грамм, а бойцы уже все знают, что есть коньяк, и начинается откровенный бунт. Что делать, я приказываю старшине выдать по кружке алюминиевой, а то они до атаки нас разорвут. Говорю — по неполной, мол, да куда там!

Коньяк забористый, выпили, кто-то уже на бруствер лезет, орет: «Даешь Новороссийск!» — а до того Новороссийска сорок километров. Его за штаны назад в траншею стаскивают, смех и грех. Еле дождалась ракеты. Там румыны были, они вояки плохие, с первой линии окопов вышибли их быстро, там вторая, нужно закрепляться, да куда там, моих орлов не остановить, они уже все орут: «Даешь Новороссийск!» и прут — под немецкие пулеметы. Им перед мордой пистолетом машешь — назад, сволочи, в отби-

тые окопы, сейчас немец нас утожить будет! Еле справились с ротными да взводными, загнали в окопы. Ну, немец тут дал! У кого хмель выскочил, а у кого то ли значки были, то ли развезло ребят, они повалились в окопах и повывключались. Дрыхнут, сукины дети, им артиллерия эта и вся война нипочем.

Тут обстрел закончился, прибега-ет штабной майор — что это у тебя, мол, столько убитых? Да они живые, говорю, спят, устали, набегались, вот и спят. Тот только головой помотал: «Ну, народ! Ну, народ!», — да к себе, в штаб, докладывать о взятых окопах. Ему ж надо первым успеть...» — отец смеется.

Да, уж. Можно к тебе, батя, и к твоим подвигам по-разному относиться, наверное, но тот факт, что тебя в тех атаках твои штрафники не подстрелили, говорит о многом. Во всяком случае о том, что мужик ты нормальный и командир неплохой.

У него в том батальоне майоры и полковники в рядовых ходили, был даже один замминистра из Москвы. Были и уголовники матерые, куда без них на Руси. Малая твоя просечка, капитан, и жизни твоей цена будет полшка в базарный день. Тут, капитан, твои призывы за Ленина-Сталина не сработают, тут народ серьезный, битый и стреляный, его на такой дешевой мякине не проведешь.

Что батальон? Много мужика в России, и штрафных батальонов много. После прорыва той Голубой линии убитых закопают, раненым звания вернут и погоны, а живым и невредимым будет предоставлена возможность еще не раз отличиться в боях за нашу Советскую Родину, во имя искупления своих грехов перед нею. До Берлина еще далеко, ох как еще далеко...

В начале сорок второго года открыли в соседнем селе Рождествене церковь. Местные попросили, оккупационное начальство дало «добро», из фильтрационного лагеря выдернули священника, там случившегося. Церковь не была разорена, не успели. Вообще-то решение об ее закрытии власть приняла еще в тридцать восьмом, но решение это дошло до села лишь в конце сорокового. Церковь закрыли, священника и дьякона арестовали и куда-то увезли, только их и видели, но со зданием ничего сделать не успели — ни, там, склад оборудовать или цех по пошиву рукавиц организовать. Так что внутри нашего храма все оставалось, как было.

Новый священник был из Красного села, военное лихолетье занесло его в Рождествено, да без документов, и тут прихватил его немецкий патруль и затолкал в лагерь перемещенных лиц — там, мол, разберутся. Разобрались с ним достаточно быстро, и предложили служить в местном храме.

Первая проповедь, произнесенная отцом Иваном, надолго запомнилась прихожанам. Он начал с призыва: «Возблагодарим Бога, возлюбленные братья и сестры, что кончилась эта сатанинская власть!», тем же призывом он свою проповедь и закончил. Храм был полон, но никто не протестовал, хотя, думаю, не всем такое заявление пришлось по душе — местный прихожанин был достаточно начитан, чтобы знать фразу Христа: «Нет власти, аще не от Бога», да и не дело это, когда священник так откровенно лезет в политику.

В остальном все было нормально, отец Иван службу знал и вел ее со рвением, так что многие плакали. Бабушка, Татьяна Федоровна, тоже там была, тоже прослезилась и решила крестить доверенное ей дитя немедлен-

но, что и было вскорости произведено. Отныне младенец, потом отрок, потом раб Божий Александр, то есть я, тоже оказался вписан в бабушкин синодик и поминался на каждом ее вечернем стоянии перед иконой Богородицы.

Крестной стала тетушка Маруся, на годы и годы, на всю ей и мне оставшуюся жизнь. Но долго, весьма долго смущал меня вопрос, который решился я задать своей крестной, уже только сам став отцом:

— А вот скажи мне, Маруся, откровенно — во время оккупации к тебе приставали? Ты ведь у нас красавица была. Ну, если и не к тебе, то вообще — были случаи откровенного насилия? Маруся, подумав:

— Нет, я не припомню. Ну, кто, конечно, хотел...

— Понятно. Но вы же с немцами общались?

— Конечно. Я ведь и поиздеваться могла — не видать, мол, вам Ленинграда как своих ушей!

— А они?

— А что — они? Смеются...

Господи, думал я, неужели все это так было? Прямо идиллия какая-то. Где ж ярость благородная, и где проклятая орда? Без этого все тогда происходившее начинало походило на некий театр абсурда.

Говорят, Сталин обмолвился один всего раз не то Поскребышеву, не то Жукову, не то в сорок шестом, не то в сорок девятом: «Эх, не с теми и не против тех мы воевали...» — и как быть со всем этим? Что, двадцать семь миллионов были положены зря? И что тогда вообще была эта война? Или так — был ли миллиард хорошо положенных камней дорожке девятисот тысяч человеческих жизней, как то оказалось в Ленинграде?

Так метался сорокапятилетний я, пытаюсь свести в один узелок разум

и сердце. Не один раз в жизни пришлось это делать, но с войной было, пожалуй, труднее всего. Пожалуй, только включив, приняв в себя понятие Вечности, можно иметь право задавать себе и людям подобные вопросы, иначе теряют смысл любые на них ответы.

Что, в самом деле, есть война? Петушинные бои мужчин, проверка на прочность, или, может, неумная мужская жажда лидерства и славы? Наверное, было и так — давно, когда воин мнил себя хозяином войны. Сегодня не то что генерал, маршал не смеет так считать. Сегодня личная доблесть мало что стоит, когда ты с винтовкой против танка, или когда в чистом поле за тобой настойчиво охотится «Юнкерс», собственной забавы ради. Что уж говорить о водородной бомбе, которая уничтожит миллион так же равнодушно, как бульдозер сметает муравейник.

Смелых и мужественных нынешняя война убьет прежде всего, Беллоне нужны лучшие, а они — вот они, спереди, на виду, бери их, богиня войны, они твои, эти батальонные разведчики. А в это время с их женами, обезумевшими от крика голодных детей, будут спать штабные писаришки, плодя недомерков. Да и сами эти разведчики,

даже став победителями, они восторг победы отдадут там, на поле битвы, отдадут женам и дочерям побежденных, домой они принесут лишь усталость, горечь потерь, плохо зажившие раны да крики по ночам, когда во сне на тебя наезжает слепой, грохочущий танк.

И дома родятся у них дети, но то будут слабые дети гигантов, природа отдохнет на них, чтобы воинами стали внуки — если эти внуки захотят стать воинами, что всегда вопрос.

Выходит, война есть тот инструмент, с помощью которого дьявол осуществляет измельчание и постепенную деградацию мужского человечества? А единственным ее, войны, оправданием могут считаться только эти беременные женщины побежденного народа? Тогда, воистину — победы нужны правительству, а народу нужны поражения.

Но. Но сколь жалкое зрелище представляет собой народ, равнодушно подчиняющийся любому завоевателю, любому, кто на коне и вооружен. Тогда поэт прав — действительно, зачем скотам плоды свободы, их должно резать или стричь. Это уже не толпа, а стадо.

К 75-летию со дня рождения русского инженера
Юрия Петровича Платонова

Людмила Колесникова

Победив гордость,
человек становится приятным.
Победив гнев,
он становится веселым.
Победив страсть,
он становится преуспевающим.
Победив алчность,
он становится счастливым.
А победив годы,
он становится мудрым...

1

Каждый вечер, когда в эфире канала «Культура» появляется заставка с циферблатом знаменитых эрмитажных часов «Павлин», я вспоминаю Юрия Петровича Платонова. Это был талантливый инженер, специалист-оптик, хронометрист, замечательный самородок, механик золотые руки, который последним из часовых дел мастеров прикасался к диковинному механизму «Павлина» в минувшем столетии.

Мы с ним дружили. Чем дальше вглубь времени уходит его преждевременная кончина, тем все чаще и чаще всплывают в памяти наши диалоги, а правильнее сказать, его монологи. Между нами существует какая-то незримая связь. То вдруг попадает в

Ю.П. Платонов.
Фото Т. Качановой.

руки его записка, то какой-то сувенир, привезенный из совместной поездки. Толчком же для этих воспоминаний послужил неожиданный визит.

Как-то в один из осенних дней ко мне пришел пожилой человек.

— Юрий Федорович, скульптор, — представился он и выложил передо мной что-то завернутое в льняную материю.

Приподняв край тряпицы, я поняла все. Передо мной лежала посмертная маска Платонова. С тех пор его торопливый говорок, его мысли зазвучали так отчетливо, что, кажется, сами легли на бумагу...

«Я видел русские старинные ко-
ваные часы (теперь это большая

редкость), видел русские дрожки с органом, видел инструментальный механизм XVIII века с органом, но все это в России не привилось... Где мы, русские, в технике? Как мощно в XIX веке выплеснулись таланты в литературе, поэзии, музыке, а вот техника в России только нарождалась. Были в то время русские мастера, обучавшиеся у немцев и французов. Были мастера из обрусевших немцев. Есть свидетельства, что Екатерина II награждала людей, которые привозили из Европы станки, позволяющие рубить большие зубья для часовых колес.

Общепризнанно, что в России хранятся несметные сокровища часов, нигде в мире таких нет. Часы — это крупная ветвь в технике, это «национальный момент». В конце XV — начале XVI веков еще колоколен на Руси не было, но шахты для часов уже возводили. Часы привозили... Вот привезли часы — ах, диво дивное, как тогда говорили, и все!

Однако они не характеризуют технический уровень тогдашней России, они характеризуют культуру России, ее нутро как таковое... Они — не в России, они — от России. Россия велика, но не все она может. Мы не техничны, мы более эмоциональны, более созерцательны и музыкальны. Мы математики хорошие, но вот инженеры только сейчас появились...

Обратите внимание, нигде нет православных мотивов в образе часов. Русь родила, как мне кажется, курантный звон. На Руси было много колоколов. Звонари, как правило, были народ музыкальный. С появлением часовых механизмов наши умельцы моментально приспособили, чтобы часы что-нибудь играли. Достраивался механизм четвертой уже потом, русскими. Он обязательно

кривой и косою, но работает. И вот Русь — она вся такая, как эти четверти: немножко кривая и какая-то спокойная, без претензий. Вроде, и так ладно. Я это явление внимательно наблюдаю. Это удивительно...»!

Старинные часы «Павлин» были привезены в Россию в XVIII веке из Англии на яхте в тринадцати огромных плетеных корзинах в разобранном виде и были куплены позже князем Потемкиным. Разобраться в этом «диве дивном» смог талантливый русский механик-самоучка Иван Петрович Кулибин (до сих пор хранятся в Эрмитаже замечательные произведения прикладного искусства, им созданные). В одном из залов Летнего дворца эта диковина и была установлена. Затем часы переезжают в Таврический дворец. Но император Павел не любил Таврический и все, что было связано с правлением его матушки, Екатерины II. Почти вся мебель, и в том числе «Павлин», 6 июня 1799 года были перевезены в Зимний дворец и установлены под руководством И. П. Кулибина в одном из залов Эрмитажа.

На долю Платонова пришлось последняя реставрация знаменитых часов. Он восстановил это уникальное заморское чудо, молчавшее после последнего ремонта несколько десятилетий. И теперь, как и было задумано создателем «Павлина», известным английским часовых дел мастером Джеймсом Коксом, перед гостями Эрмитажа в назначенный срок разворачивается в роскошном зале незабываемое действо: под сводами воздушного стеклянного купола оживают уникальные механические часы. На глазах у изумленных зрителей приходит в движение, позванивая колокольчиками, клетка, поворачивает свою круглую голову филин, словно разглядывая со-

бравшихся, белка грызет орешки, и вдруг красавец-павлин расправляет веером свой золоченый хвост, двигает изящной головкой и — задорно голосит, как бы прогоняя тьму, на разные лады петух, завершая этот уникальный механический спектакль, поставленный гениальным мастером и режиссером!

По своему уровню реставрационные работы по воссозданию шедевров механики прошлого, выполненные Юрием Петровичем Платоновым, несколько не уступают мастерству Ивана Кулибина, их создателя! Кулибин же за работу был щедро вознагражден своими высокими заказчиками. И его имя не забыто потомками.

В Эрмитаже Платонов вернул к жизни не только часы «Павлин». Юрий Петрович с коллегами заставил также звучать после долгого периода молчания и знаменитые часы музыкального механического оркестра, созданного Иоганном Штрассером, и они снова стали показывать три точных значения времени: астрономическое, среднее и солнечное. Он блестяще реставрировал этот шедевр! Но такова уж судьба реставратора — почти нигде имя Платонова не увековечено. Впрочем, посетители Эрмитажа не знают и других имен реставраторов. Не принято... А хорошо было бы узнать, например, кто так искусно восстановил изуродованную варваром картину Рембрандта «Даная»? И тогда любознательные посетители прочли бы рядом с именами создателей шедевров имена тех мастеров-реставраторов, кто вернул вновь к жизни исторические и культурные ценности, являющиеся достоянием человечества! Это было бы нужно нам, ныне живущим, чтобы сохранить для себя и наших потомков имена больших мастеров в любой области культуры.

Что касается Платонова, то он при-

держивался другого мнения и на мой вопрос об увековечении его имени отвечал так:

— Нет, нашего имени здесь не должно быть, если мы стали реставраторами. Реставрация — это не проявление своего “я”, это умение вернуться в ту эпоху, раствориться в ней, и — все! Для меня часы — это состояние, а не любовь. Любовь, как правило, имеет начало и конец, часы же для меня — состояние души, а душа моя всегда жила в часах... Часы обязывают очень остро думать и тонко чувствовать. Механизм спрятан, но он бывает великолепно украшен и представляет не только техническую, но и художественную ценность. Так создавали старые мастера свои изделия...

С приходом Платонова в Эрмитаже была создана специальная лаборатория по ремонту исторических часов, и ожили, заговорили, запели на разные голоса всевозможные музыкальные механизмы часов. Этот короткий по времени, но удивительно результативный «эрмитажный период» в творческой деятельности Платонова стал последним и, пожалуй, самым драматичным. Он, по сути, стоил ему жизни...

Я познакомилась с Юрием Петровичем в 1975 году, когда он работал в Петербургском институте ядерной физики², что находится в Гатчине. Специалист-оптик, он был приглашен в лабораторию мезоатомов, которой руководил А. И. Смирнов, для создания новейших физических приборов, основу которых составляли различные кристаллы необычной формы, с заданными конкретными свойствами для того, чтобы осуществить уникальный физический эксперимент. Забегая вперед, скажу, что приборы Юрием

Петровичем были созданы и смонтированы, эксперимент физиками поставлен, научные результаты получены, государственная премия всем основным участникам работы была присуждена, кроме... Платонова. Его фамилию по какой-то причине вычеркнули из списка лиц, представленных к награждению, в последний момент.

Платонову всю жизнь везло на интересную, уникальную работу. Было это и в Пулковской обсерватории, где он после Великой Отечественной войны собирал точнейшие приборы для советских астрономов. Созданное им в те годы астрономическое оборудование, его хронометры, высочайшего качества оптические приборы, которые он долгие годы поддерживал в рабочем состоянии, теперь хранятся в музее обсерватории. Ему не везло только с заслуженным признанием результатов своей работы. Но, как говорится, кесарю — кесарево.

Слышится имя Платонова и в звоне колоколов на часовой башне Гатчинского дворца. Многие десятилетия гатчинские часы не существовали, они были уничтожены в годы войны. Юрий Петрович воссоздал заново весь механизм старинных часов, работая без оригинальных чертежей (все чертежи по восстановлению гатчинских часов были заново филигранно, на высоком профессиональном уровне выполнены конструктором В. В. Ивановым). Исследуя аналогичные часовые механизмы XVIII века, он вместе с группой единомышленников шаг за шагом в течение нескольких лет буквально из ничего воссоздает уникальный механизм часов и возвращает в пустые глазницы башни стеклянные циферблаты, украшенные изящными цифрами и стрелками. Судьба этих часов оказалась счастливой — они попали в руки Мастера. В той незатейливой

мелодии, что уже много лет каждые пятнадцать минут отстукивают молоточки по звонкому металлу колоколов-курантов, мне слышится благодарное: «Пла-то-нов Ю-рий Пе-тро-вич»...

2

Огромный старинный колокол «Троица» из Белозерска появился на пандусе перед главным физическим корпусом ядерного института для всех совершенно неожиданно. Его привезли из далекого монастыря поздно вечером. Роскошная, красивой формы юбка колокола была украшена затейливым узором. Зелень патины делала этот наряд благородным и вечным, а совершенные линии колокола вызвали всеобщее восхищение. Только рваная рана выдавала, что колокол болен. Его раскололи еще в те варварские времена, когда по приказу большевиков сбрасывали колокола с высоких колоколен, вырывали у них языки и отправляли на переплавку. Этот до конца погубить не посмели. Когда он ухнул на землю, расколовшись с пронзительным, полным отчаяния криком, крик этот многократным эхом разнесся далеко вокруг, и люди поняли, что такой голос дан колоколу от Бога, все равно как дает Он голос поющему человеку...

Платонов взялся колокол лечить. Нужно было залатать трещину специально подобранным металлическим сплавом так, чтобы тело гиганта не отторгло вставку, да еще при этом не погубить изумительный, божественный голос. Платонов колдовал у колокола несколько месяцев: составлял рецептуру сплава, что-то добавлял-убавлял, примеривался и прилаживался. Наконец Юрий Петрович свою часть работы закончил, и колокол повезли на завод доводить операцию до конца.

Когда все было закончено, а колокол отправлен назад в Белозерск, Платонов ходил по институтской площадке именинником, ему хотелось каждому встречному сказать что-то приятное. Именно в тот момент мы с ним и столкнулись.

— Вы бывали в Ферапонтово? — обратился Платонов ко мне.

— Никогда.

— Тогда нужно обязательно съездить. Мы тут собираемся отправиться небольшой компанией. Поехали!

Уговаривать меня долго не пришлось. Всего через день мы уже катили по Мурманскому шоссе на бывалом жигуленке в сторону Вологды. В машине нас было четверо: за рулем Александр Георгиевич, сотрудник института, его жена Яна, Юрий Петрович и я.

Надо сказать, что Юрий Петрович к поездке подготовился основательно. По всему чувствовалось, что дорога в эти края ему хорошо знакома. Чемодан с инструментами (такими удобными кожаными чемоданами, наверное, пользовались в свое время земские врачи) и большая холщовая сумка с провизией составляли его багаж. В дороге он угощал нас шанежками.

— Угощайтесь, угощайтесь! Моя супруга готовила, — приговаривал Платонов, раздавая нам вкуснейшие круглые пирожки с мясным фаршем в центре и румяными щечками по краям. Для себя же он из той же сумки достал банку с рассыпчатой гречневой кашей.

— Томик все приготовила, — с нежностью в голосе объяснил он. — Бережет мое здоровье, у меня нынче диабет обострился. Без домашнего меня жена никуда не отпускает. Знает, что диетическую пищу в этих местах раздобыть очень трудно. А края эти она знает хорошо, мы ведь с ней вместе

здесь в первый раз появились. Кстати, я вам об этом не рассказывал?

Вопрос был явно адресован только ко мне. Остальные участники нашей поездки, видимо, эту историю слышали уже много раз.

— Нет-нет, — живо откликнулась я в предвкушении интересной истории.

— Ну, это нужно вам обязательно рассказать. Подготовить, так сказать, к будущей встрече со святыми местами...

Мы уже съехали с асфальта на проселочную дорогу, машину отчаянно трясло, но это нисколько не мешало Юрию Петровичу ловко отсыпать кашу в легкую пластиковую мисочку и, залив все горячим молоком из термоса, с большим аппетитом поглощать. Наконец он начал рассказывать свою историю.

3

В тот год они с женой решили путешествовать. Начали с посещения святых мест нашего Русского Севера, выбрав для начала Кирилловский и Ферапонтов монастыри. Сели как-то летом в поезд и отправились по направлению к Вологде. Здесь присоединились к группе туристов и поехали в экскурсионном автобусе по святым местам...

Экскурсия в музей Ферапонтова монастыря уже подходила к концу, оставалось только осмотреть сохранившиеся каким-то чудесным образом в соборе Рождества Богородицы настенные фрески знаменитого средневекового мастера Дионисия Мудрого. Платоновы вышли, пораженные увиденным, из храма на монастырский двор. Экскурсовод, молодая элегантно одетая женщина, подняв к небу одухотворенное лицо, на прощанье прочла своей группе стихи (как потом оказалось, собственные) и, вздохнув,

сказала:

— Знаете, друзья мои, чего здесь не хватает? Звона колоколов! Ведь в нашем монастыре была замечательная звонница. Да не просто звонница, а настоящий карильон. И было это колокольное чудо музыкальной составляющей старинного часового механизма. А теперь колоколов нет, механизм часов давно сломан. Старики говорят, что до войны в колокола еще звонили, но теперь нет ни колоколов, ни часов...

Закончив экскурсию на грустной ноте, она быстрым шагом направилась к будочке экскурсионного бюро, постукивая тонкими каблучками изящных туфель.

«Любовь к историческим часам, часам Шорта, Рифлера привела меня к новой специальности. Я стала жадно изучать историю механизмов старинных часов. Так, первые астрономические часы Донди, восстановленные и выставленные сейчас в Национальном музее в Лондоне, помогли мне найти правильный подход к реконструкции гатчинских часов».

Слушая Юрия Петровича, я и не заметила, как за окнами нашей машины сгустились сумерки. Яна дремала на переднем сидении. Александр Георгиевич устало всматривался в нечеткие очертания дороги. Долгий путь явно утомил нашего водителя.

Неожиданно прервав свой рассказ, Платонов уверенно заявил попутчикам:

— Ночевать будем. Что тут у нас впереди? А, это Устюжна наша знаменитая!

Предложение Юрия Петровича всех устраивало. Александра Георгиевича потому, что устал. Яну потому, что перспектива провести ночь в машине не привлекала, хотелось растянуться

в нормальной постели. Меня потому, что радовала перспектива очутиться в старинном провинциальном городе, о котором я только слышала. А для Юрия Петровича появлялась возможность побывать в городском краеведческом музее и расспросить местных краеведов о наличии в Устюжне старинных русских колокольных часов. Подъехав к окраине города, мы напрямиком направились к небольшой гостинице устраиваться на ночлег.

Утро следующего дня встретило нас колокольным перезвоном, ослепительно блестели на солнце золоченые маковки белокаменной церкви. Накануне в сумерках мы и не рассмотрели всей ее красоты. Во дворе краеведческого музея наша группа оказалась за час до открытия. У забора истошно лаял лохматый пес «дворянской» породы, охраняя территорию перед входом в музей. За проволокой, к которой был привязан пес, почти у самого забора лежал какой-то металлолом. Мы втроем расположились у стеночки, с южной стороны дома, и стали ждать прихода сотрудников. А Юрий Петрович, как хорошая ищейка, кругами ходил вдоль этой проволоки, с каждым кругом все ближе и ближе подбираясь к гряде металла.

Вдруг он издал радостный крик:

— Господи, откуда это здесь? Это же передающий вал часового механизма древних кованых часов, — взволнованно объяснял нам Платонов.

Он сделал еще движение, чтобы подойти поближе, и уже протянул руку, чтобы прикоснуться к шероховатой, ржавой поверхности металла, как внезапно собака яростно впиалась ему в рукав куртки, чудом не задев саму руку. Мы с Яной вскрикнули. Юрий Петрович отдернул руку, а в пасти свирепого охранника остался большой кусок, и во все стороны разлетались

перья из пуховика.

Наш испуг сменился гомерическим смехом. Собака фыркала, рычала и лаяла. Видимо, перья попали ей в нос и глаза. Юрий Петрович тут же оправился от испуга и залился вместе с нами звонким смехом.

Служители музея появились через полчаса и впустили нас внутрь. Оставался еще целый час до открытия — предостаточно, чтобы подробно рассмотреть все экспонаты. Юрий Петрович пошел разбираться с часовым механизмом. Найденные детали действительно оказались от старинных русских кованых часов примерно семнадцатого века. Сотрудники музея подробно рассказали, из каких мест эти детали и как они сюда попали.

А я не спеша пошла бродить по залам. Неожиданно в глубине ниши мое внимание привлекла великолепная напольная ваза из китайского фарфора. На белом фоне играл благородным кобальтом замысловатый восточный узор. Я остановилась, очарованная ее совершенством. Рассматривая старинную вазу со всех сторон, я вдруг увидела инвентарный номер, нанесенный краской на той ее стороне, что была обращена к стене. После нескольких цифр стояло сокращение — «Гатч.». «Неужели ваза из Гатчинского дворца?» — мелькнула догадка. Я знала, что многие экспонаты Гатчинского дворца-музея летом 1941 года, когда немцы уже подходили к городу, эшелонами увозились в глубь страны. Много, много гатчинских сокровищ не вернулось домой, видимо, и эта «невозвращенка» осталась в чужом городе. Решив срочно продемонстрировать местным музейщикам обнаруженный мною гатчинский номер экспоната, я подхватила вазу... О, ужас! В тот же миг она рассыпалась у меня в руках!

Оказывается, ваза была вся скле-

на из сотни маленьких кусочков, в руках моих остался лишь один — с тем самым инвентарным номером. Его-то я, взволнованная до предела, и предъявила смотрительнице. Та запримечала, заохала, да делать нечего — вазы больше не существовало. Потом, успокоившись, она примирительно сказала:

— Присылайте своих специалистов-реставраторов, пусть заберут осколки. Мы давно ее хотели восстановить, а вот видите, как оно вышло.

Вот таким, можно сказать трагическим, путем началось возвращение нашей вазы домой, в Гатчинский дворец...

Устюжна давно осталась позади, когда Юрий Петрович вновь заговорил о Ферапонтово.

4

Довольная экскурсией, группа возвращалась к своему автобусу. Юрий Петрович задумчиво шел сзади. Вдруг он обернулся на белоснежную колокольню, и так защемило у него в груди, что он невольно остановился как вкопанный. Жена испуганно спросила, не плохо ли ему.

— Да нет, все в полном порядке, — ответил Платонов. — Давай-ка вернемся, хочу эту белокаменную красавицу осмотреть. Интересно, что там осталось?

Автобус сделал прощальный круг на площади перед монастырем. Из окон недавние попутчики с удивлением и любопытством наблюдали за супружеской парой, которая возвращалась назад к монастырю. Экскурсовод Лариса Реональдовна сидела на скамеечке под благоухающей старой липой. Пчелы, жужжа, старательно высасывали нектар из ароматных цветков.

День обещал быть знойным. До следующей экскурсии было еще далеко. Не обращая внимания на монотонное жужжание пчел, женщина раскрыла книжку на странице, отмеченной глянцевой закладкой, и углубилась в чтение. Ее белоснежная кофточка очень гармонировала с жилеткой, расшитой ручной гладью ярким цветочным орнаментом, каштановые блестящие волосы были затянуты на затылке в замысловатый узел.

Заметив Платоновых, экскурсовод торопливо спросила:

— Вы что-то забыли у нас?

— Да нет, — ответил Юрий Петрович, — наоборот, хотим еще кое-что здесь увидеть.

— Что же?

— Вы обмолвились, что в монастыре когда-то были часы, — неуверенно начал Юрий Петрович. — Могли бы вы нам показать это место? Видите ли, я часовщик и имею профессиональный интерес.

Женщина бросила на него удивленный взгляд, потом решительно отложила книгу в сторону.

— Идемте, — тихо сказала она. — Только там крутая лестница, да и, возможно, не все ступени на месте.

— Ничего, — с готовностью ответил Платонов. — С Божьей помощью поднимемся.

Лариса Реональдовна одобрительно кивнула в ответ.

С верхней площадки колокольни, куда они с большим трудом забрались, открывался потрясающий вид на окрестные поля и леса, на неширокую речку, на голубую гладь чуть заболоченного озера, откуда, видимо, эта речка брала свое начало, на исконно русские просторы, где до самого горизонта раскинулся благоухающий ковер разнотравья. Ветер гулял в открытых проемах высокой башни, в ша-

тре колокольни.

Сделав еще несколько шагов, они очутились возле окутанного паутиной и засиженного голубями какого-то механизма. Запах пыли и старого дерева ударил в лицо.

— Вот видите, я же говорила, что почти ничего не осталось. Только какой-то металлолом.

Тут Юрий Петрович сделал большую паузу, как бы подготавливая меня к самой кульминации момента.

— Представляете, мне хватило только беглого взгляда на эти детали бывших старинных часов. Я увидел почти полностью сохранившуюся зубчатую передачу, кованую, русскую. Я увидел шахты для приводных ремней, я увидел все! Я понял, что стоит почистить, отмыть и добавить несколько недостающих фрагментов, и часы оживут. Такой находки я здесь не ожидал!

Ощупав почти каждую деталь старинного механизма, Платонов решительно обратился к Ларисе Реональдовне:

— У вас здесь гостиница есть? Нам бы надо остаться на несколько дней.

Жена Тамара все поняла — за все эти годы она привыкла к нестандартным решениям мужа — и согласно кивнула.

Спускаясь с колокольни, Платонов уже знал, что эти часы, чудом сохранившиеся, не отпустят его от себя. Как он был рад неожиданной находке! Не много найдется счастливых, кому вдруг повезет вот так нежданно-негаданно встретить часы шестнадцатого — семнадцатого веков! Теперь оставалось заинтересовать в реставрации часов дирекцию музея. Это у него было еще все впереди.

«Вторая половина XVII века от-

мечена эпохальным событием в области механики часов. Одновременно, почти ноздря в ноздю, Галилей с сыном и Гюйгенс сделали величайшее изобретение — маятник. Но Галилей как-то замелчил, стал скрывать, а Гюйгенс полыхнул на всю Европу! Я всегда восхищался этой удивительной фигурой. Гюйгенс — это прекрасно дисциплинированный гений... Это ученый с необыкновенной самоотдачей, уважающий свои способности и стремящийся реализовать их в полной мере. Единственное развлечение, которое Гюйгенс позволял себе в промежутках между математическими расчетами, — занятия физикой. То, что для обыкновенного человека было занятием утомительным, для Гюйгенса являлось развлечением...».

Ранним утром Платонов вышел из гостиницы, чтобы осмотреть строения монастырского комплекса. На узкой тропинке, что вилась вдоль высокой каменной стены монастыря, показались незнакомая странница с толстой палкой в руке. Ее длинная в тяжелых складках юбка доставала почти до земли, темный платок был спущен на глаза. Но эти глаза... Серо-лучистые, они блестели из-под низко повязанного платка, выдавая совсем не старческий возраст путницы.

Когда они поравнялись, Юрий Петрович вдруг узнал в женщине вчерашнего экскурсовода. Да-да, это была Лариса Реональдовна. Платонов остановился и поприветствовал ее поклоном. Тихим голосом ответив, женщина заторопилась и скрылась за тяжелой дверью Надвратной монастырской церкви.

5

Директор музея Марина Сергеевна

Серебрякова выслушала Юрия Петровича спокойно, словно она каждый день встречала здесь таких мастеров. Но в целом реакция ее была положительной. Реакция же Платонова была бурной: он стал горячо благодарить и директора, и сотрудницу музея, экскурсовода Ларису, за любезность и возможность увидеть эту историческую реликвию. Выходило так, что часы эти прежде всего нужны были самому Платонову, а не музею.

— Мы подумаем о возможности начать работы по реконструкции часов, но пока у нас нет на это денег.

— И не надо, — торопливо выговорил Юрий Петрович. — Если найдете возможность как-то устроить мой быт, я согласен трудиться бесплатно и весь свой отпуск проведу в Ферапонтово. Я немедленно начну работы по экспертизе, составлю перечень утрат и план восстановления часов...

И уже прощаясь, добавил:

— Пожалуйста, передайте мою особую благодарность за помощь Ларисе Реональдовне...

— Она у нас больше не работает, — сухо ответила директорша.

— Как? Не может быть!

— Нет, может, со вчерашнего дня.

— Но я ее видел утром у монастыря.

— Да, она пока осталась жить в нашем общежитии, а там посмотрим.

С директором местной гостиницы руководство музея договорилось быстро, и теперь у Платонова была небольшая комнатка. Народу в гостинице было то густо, то пусто, но его жилище пока было неприкосновенным.

Теперь каждый день он поднимался на колокольню. Обмерял, расчищал механизм часов, составлял список утраченных деталей, обдумывал, где взять недостающие. Пройдет время, и в своем отчете Платонов запишет:

«Часовой механизм часов Ферапонтова монастыря Вологодской области находится в шатре собора Рождества Богородицы (1490 г.).

Часы имели и после реставрации имеют 9 колоколов: один — боя, восемь — курантных, бьющих каждую четверть. В настоящее время часы настроены на исполнение каждые 15 минут Акафиста XVI века в девять ударов на пяти колоколах. Часы без циферблата. Реставрация не закончена...».

В местном поселке Платонов уже прижился. Когда он шел по единственной главной улице, сбегавшей от монастыря под горку, а потом к мосту через речку с коричневой водой и дальше к околице, его узнавали. Встречные громко здоровались с приездом, называя его по-дружески Петровичем.

Его день был расписан по часам. Вставал рано. Пока еще солнце не набрало своей силы, а свежесть утра приятно бодрила, он уже энергично поднимался по старым, шатким ступеням вверх, переводя дух только под сводами шатра монастырской колокольни. И прежде чем приступить к работе, что-то шептал себе под нос: то ли присказку, то ли молитву, а потом работал, не спускаясь с колокольни, по нескольку часов кряду. Только сумерки заставляли его оторваться от любимого дела.

В один из таких тихих вечеров они с Тамарой гуляли по главной улице поселка и, проходя мимо старого одноэтажного барака, где жили некоторые сотрудники музея, в освещенном окне увидели силуэт Ларисы. У Платонова вдруг возникло желание зайти к ней на огонек. Конечно же, Лариса знала, что Юрий Петрович пока остался в этих местах, что работает на колоколь-

не, но после ее ухода из музея они так больше и не виделись.

В тот вечер все складывалось самым удачным образом. Тамара как раз на ужин пожарила свежую рыбу (Платоновы приспособились покупать ее у местных рыбаков), так что они могли сейчас идти в гости не с пустыми руками. Вернувшись в гостиницу, они соорудили большой пакет для еще теплой рыбы, завернули его в мягкую шаль и поспешили к бараку.

Пройдя по плохо освещенному и заваленному каким-то немыслимым скарбом коридору, они остановились у двери, обитой старой, потертой во многих местах клеенкой. Постучали. За дверью тотчас же отозвались.

На пороге их встретила женщина в простом ситцевом платье. Белый платок на ее голове был завязан на узел — так, как когда-то лихо повязывали свои красные косынки первые комсомолки.

— А-а-а, это вы? Заходите, — ничуть не удивившись, словно их приход был делом обычным, сказала Лариса Реональдовна.

Платоновы оказались в просторной комнате. Центральное место занимала русская печь, далее, ближе к окнам, стоял стол, покрытый серой льняной скатертью с широкой каймой, вышитой мережкой. На столе в плоской глиняной вазе красовался изящный букет из ярко-синих васильков, лиловых макушек иван-чая и колосков ржи. И над всей этой красотой величественно возвышалась огромная красавица-ромашка. Тут же на газете лежали обрезанные стебли растений и ножницы. Лариса, торопливо смахнув мусор, пригласила гостей к столу.

Тамара протянула хозяйке пакет, не решившись поставить его на празднично оформленный стол. Лариса приняла сверток как-то неуверенно,

потом, поняв, что это съестное, положила его на печку.

— А мы вот к вам непрошенными гостями явились,— улыбнулся Платонов.

— Я знала, что когда-нибудь придете. Любопытство не пересилить. О себе рассказывать не буду. Думаю, что наслышаны обо мне предостаточно. И все это правда и все ложь. Так что давайте лучше ужина сядем, раз пришли со своей провизией.

Лариса Реональдовна уже расставляла простенькие тарелки, нехитрые приборы, из коридора принесла миску соленых грибов и бруснику. Потом на столе появились небольшие стаканчики и кувшин с нектаром медового цвета из морозики. Тамарину рыбу раскутали уже на столе. От теплых кусочков, присыпанных свежим укропом, пошел приятный, разжигающий аппетит запах.

— А у меня есть наливочка собственного производства,— сообщил Юрий Петрович и с удовольствием наполнил небольшие граненые стаканчики своей фирменной наливкой.

Прочитав молитву по случаю вечерней трапезы, Лариса опустила на лавку.

— Ну, пригубим за знакомство? — уже как-то робко произнес Юрий Петрович.

Лариса кивнула, и все пригубили темную сладкую влагу, настоящую по старинному рецепту на северной вишне и черноплодной рябине.

6

Жена Платонова уезжала через несколько дней. Ее отпуск уже заканчивался, а отпуск мужа был длиннее, что давало возможность еще какое-то время посвятить увлекательной работе. Почти на месяц Юрий Петрович

оставался в Ферапонтово один. Работы по расчистке часов продвигались медленно. Вековая грязь и голубиный помет, покрывающие механизм часов, превратились в какое-то твердое органическое образование, внешне похожее на вулканическую лаву.

Его самоотверженный труд на колокольне был замечен. Уже появились первые помощники из местных. К нему поднимались любопытные мальчишки, но с приближением сентября их становилось все меньше и меньше. Ребята разъезжались от своих бабушек в город готовиться к школе, так что помогали ему теперь только мужики. Но они, как известно, в России, особенно в глубинке, без стакана не работают, а его пятилитровая бутылка с домашней наливкой, к большому сожалению, заканчивалась. В общем, дело обстояло так, что пора было всю работу приостановить на зиму, а все сделанное законсервировать.

За все это время отношения с музейным начальством у Платонова становились все теплее и теплее. Они уже вместе подумывали о восстановлении не только самих часов, но и звонницы. Директор музея и Юрий Петрович неоднократно ездили в Вологду, где обращались к местным властям, в комитет по культуре, в надежде выбить деньги на реконструкцию и часов, и звонницы. Перспективы были неплохие, так что дело пошло.

Вечерами он иногда заходил на огонек к Ларисе Реональдовне — эта женщина была ему любопытна. В поселке о ней ходили разные слухи. Кто-то называл ее колдуньей, а вот благодарные бабушки, бывало, оставляли на ее пороге то банку парного молока, то свежие овощи, то лукошко ягод.

После ухода из музея Лариса стала старостой местной Надвратной церкви Ферапонтова монастыря, где после

приезда сюда батюшки Арсения был открыт приход. И потянулись на службу местные старушки — кому причаститься надо, а кого и отпеть. Старые люди говорили друг другу, что теперь им жить стало легче, потому что появилась надежда и даже уверенность, что в последний путь их проводят по-христиански, по-человечески...

Что заставило Ларису приехать в эти края? Поэзия. Стихи она писала с детства, творческая судьба ее складывалась сложно. Когда несколько лет назад написала она древнерусский цикл, захотелось проверить точность и чистоту его звучания в том месте, где дух Древней Руси еще сохранился.

Так Лариса оказалась в Ферапонтово. А на той памятной экскурсии в соборе Рождества Богородицы, рассказывая о фресках великого мастера, читала она «Молитву Дионисия»:

Богородица Дева, дай мне сил
С чистым сердцем и дальше жить.
И всегда лишь об этом тебя просила
И сейчас осмелюсь просить.

Все молитвы свои принесла я тебе,
Не оставь никого в любви.
У начала неба здесь, на земле,
Сирым, страждущим помоги.

Богородица Дева, дай мне сил,
Чтобы славить любовь твою.
И всегда об этом тебя просила.
И сейчас пред тобой стою.

«Колокольные звоны — это сама Россия. Петербург ли европейский, древний ли Суздаль — все это дыхание и ритм России, от средневековья до сегодняшнего дня. Часы всегда у меня вызывают чувство озабоченности, чувство времени, конечно же, и чувство радости, что ты живешь...».

Платонов сам не заметил, как каждый вечер теперь его тянуло в этот длинный старый барак, хотелось постучаться в знакомую клеенчатую дверь и увидеть на пороге Ларису Реональдовну. Он полюбил их душевные беседы, в которых они размышляли о Боге, о жизни и смерти. Но о своем конфликте в музее она ему так и не рассказывала, да он и не любопытствовал.

Обычно они вместе ужинали самой простой пищей, пили вкуснейший чай. Каждый вечер Лариса читала ему свои новые стихи. Им было так хорошо и интересно друг с другом... Как-то в один из таких вечеров она решила рассказать, как пришла к Богу. Юрий Петрович приготовился выслушать длинную исповедь, но она вдруг засмеялась и игриво сказала:

— Блудницей была, гршила много. Вот и пришла пора грехи замалывать!

Пройдет время после этого разговора, и Платонов крестится здесь же, в Ферапонтовом монастыре, а Лариса Реональдовна станет его крестной матерью.

7

Известие об исторической находке Платонова в Ферапонтово распространилось в родном институте быстро. Его коллеги по лаборатории предлагали помощь.

Реставрация должна была пройти в несколько этапов: прежде нужно было довести до рабочего состояния часовой механизм, затем уже собирать звонницу. В часовом механизме не хватало нескольких блоков. А так как все детали были кованые, пришлось искать хорошего кузнеца. И такой мастер вскоре нашелся. За зиму решили выковать недостающие детали, а уже ближе к лету все смонтировать на колокольне.

С монастырским «карильоном» было сложнее. Платонов понимал, со звонницей без музыкантов никак не обойтись. Удивительно, когда решается судьба благого дела, всегда найдется нужный человек в нужном месте. Так случилась и на этот раз. Идея возрождения звонницы очень понравилась братьям Михаилу и Виктору Огородновым, известным в Гатчине музыкантам. Оба они окончили Ленинградскую консерваторию, а старший, Виктор, еще и композиторский факультет. Возникла у него идея сочинить музыкальное произведение специально для торжественного открытия часов и звонницы.

Огородновы, Юрий Петрович и участник работ Михаил Гурьев приступили к самому трудному — поиску колоколов для звонницы. Несколько колоколов получили они с благословения жителей сразу, какие-то пришлось выкапывать... на конюшне, а в одном селе пришлось даже выменивать колокол на бутылку. Была и еще одна история.

Рассказали Платонову, что, якобы, в соседней деревне есть старый колокол с изумительной чистотой звука, а используют его для деревенских сходов. Пришлось Юрию Петровичу вместе с Гурьевым идти в ту деревню, собирать сход и просить жителей отдать колокол на благое дело. Не сразу, но все же вняли люди просьбе и подарили колокол реставраторам. А те тащили его потом в Ферапонтово на толстых палках через болота и, наконец, подняли чугунного солиста на колокольню. Самым высоким и чистым тоном звучит он теперь в колокольном ансамбле Ферапонтова монастыря.

Музыкальный ряд постепенно составлялся. Но для идеи Платонова нужны были еще колокола с определенным звучанием. Задумал Юрий

Петрович создать впервые в России ни много ни мало — концертную колокольню! Но для того, чтобы исполнить настоящую музыку, нужно иметь не меньше чем две октавы. Обратились к академику Дмитрию Лихачеву с просьбой выделить из его Фонда деньги на отливку колоколов. Лихачев откликнулся и выделил 50 тысяч рублей. Вот на эти-то деньги заказали два новых колокола, и их предстояло отлить на заводе в Воронеже.

В Ферапонтовом монастыре все тоже складывалось удачно. Монастырский двор, окруженный высокой каменной стеной, представлял собой готовый концертный зал с естественной великолепной акустикой. К изумлению Огородновых, они обнаружили в один из приездов на колокольне монастыря новое колокольное «пианино», сделанное кем-то из местных умельцев! Вот теперь действительно можно было исполнять на колоколах сложные музыкальные произведения. По заказу Платонова Огородновы приступили к сочинению своей колокольной музыки, стремясь в ней отразить всю историю северного края... Прежде всего стали сочинять варианты мелодий для четвертей. В музее Ферапонтова оказались ноты греческого акафиста одноголосной мелодии «Славение Богородицы». Виктор и Михаил отобрали для комиссии десять произведений, в том числе из акафиста. Прослушали члены комиссии все, и выбор свой остановили на одной мелодии — она и оказалась той самой, подлинной, из акафиста. Потом родились «Ферапонтовы звоны», зазвучавшие именно так, как и мечтал Юрий Петрович. «Ансамбль душ!» — только и смог, прослушав их, сказать Платонов. После такой его оценки мелодия была переложена на ноты.

В конечном итоге, в шатре колоколь-

ни установили двадцать колоколов. Это была богатейшая на тот момент концертная звонница в России.

8

Наш приезд на сей раз был приурочен к установке новых колоколов. Их должны были вот-вот привезти, так что дел ожидалось много.

Мы подъехали к гостинице, и сразу почувствовали, что Платонов в Ферапонтово свой человек. Александра Георгиевича с Яной ждала забронированная комната, мне через несколько минут тоже нашелся номер, ну а у Юрия Петровича здесь было постоянное жилье. Мы стали распаковывать вещи и устраивать свой быт — ведь здесь нам предстояло прожить всю ближайшую неделю.

Через полчаса Юрий Петрович взглянул ко мне:

— Я на часок поднимусь на колокольню, посмотрю, как там дела, а потом, если хотите, по музею пройдемся или пойдем в гости.

Вечером вся наша компания отправилась к Ларисе Реональдовне. Она уже нас ждала — на столе дымилась рассыпчатая картошка. Хозяйка встречала нас в темном платье, с брошенным поверх ярким расписным павлово-посадским платком. Нитка бус из сушеных зерен кукурузы удивительно гармонировала с ее нарядом. Гладкие каштановые волосы были расчесаны на прямой пробор и затянуты на затылке в тугую узел, схваченный костяной ажурной заколкой. Лариса Реональдовна будто сошла с полотен Васнецова.

В этой просторной комнате все было интересно: в красном углу темная икона, ниже зеркало и что-то вроде дамского туалетного столика с разными косметическими баночками. Я сразу

заметила в открытой парфюмерной коробочке знакомый флакон знаменитых французских духов «Опиум». В букетик сухого бессмертника было воткнуто синее перо какой-то неведомой птицы. Еще в комнате была книжная полка со словарями и книгами по искусству. На лежанке русской печки, на самом краю, красовались изящные лаковые туфельки на высоких каблуках, будто выставленные на продажу. У самой двери за ситцевой занавеской стояли цинковые ведра с водой и стол с кастрюлями и разной кухонной утварью.

Лариса перед началом ужина помолилась, осенив крестом себя и трапезу на столе. Потом она как хозяйка дома разлила привезенное нами шампанское. Все чокнулись и выпили за встречу.

Разговор наш, конечно же, весь вечер крутился вокруг реконструкции часов и будущей установки колоколов. Мы оживленно обсуждали насущные проблемы, связанные, в основном, с отсутствием денег на восстановительные работы. В какой-то момент все вдруг затихло, и раздался взволнованный голос Юрия Петровича:

— Глубокоуважаемая Лариса Реональдовна, — слегка высокопарно обратился он к хозяйке, — прочтите нам свои стихи. Можно что-нибудь из старого, но если есть новые стихи, то мы с удовольствием станем их первыми слушателями.

Лариса отодвинула от себя тарелку, на ее маленькой изящной руке таинственно блеснул бархатистый браслет с черным обсидианом. Положив перед собой тетрадку, она обвела нас внимательным взглядом и спросила, больше обращаясь ко мне, Яне и Александру Георгиевичу:

— Действительно хотите послушать?

Мы дружно кивнули. Она взяла глянцевое наливное яблоко из плоского блюда с фруктами и, сжав его, как сферу, маленькой сильной рукой, начала:

— В золотую воронку ночи
Проскользнула звезда желанья.
Лето кануло между строчек
Тихой повести без названья.

Сто подарков, сто встреч, сто звонов!
Колокольни облиты светом...
Сто вдогонку земных поклонов
Я тебе отсчитала, лето.

Читала Лариса распевно, как читают поэты, голос у нее был звонкий и чистый. Стихи были замечательные, мы слушали их в каком-то оцепенении:

— Еще угадывалась жизнь
На этом крутолобом склоне,
Вяз, безобразен и кряжист,
Тянулся ровень с колокольной.

Остатки стен в траве до плеч
Еще надеялись на что-то.
И русская звучала речь
С могильных плит среди болота.

Здесь памяти сдавалась в плен,
Здесь знала путь кратчайший к цели:
Прожить, как камни этих стен,
Что и в забвенье уцелели...

Не знаю, обладала ли сама Лариса гипнотической силой или стихи, в которых были и простота, и одухотворенность, так очаровали нас, но мы просидели, слушая ее распевную речь, почти за полночь.

Потрясенная, я вернулась в гостиницу, а в ушах все звучало:

Ночь. Размытость четких линий,
Монастырских глав сиянье.
У ворот сказала имя,
Как спросила подаянье.

Кто копейкой стертой медной,
Кто куском ржаным пахучим,
Поделится самый бедный —
Самым лучшим.

Молча проводили в келью.
Принесли воды холодной.
И сама себе не верю,
Что уснула не голодной...

На следующее утро мы встретились с Ларисой у входа в церковь со знаменитыми фресками Дионисия. День был погожий, солнечный. Обычно в такую погоду музейное начальство открывает помещения для экскурсантов. Мы вошли. С прекрасных фресок Дионисия отрешенно смотрели на нас лики святых. Там, где время пощадило живопись, лики были столь теплыми и живыми, что, казалось, сделаны мастером совсем недавно. Впечатление от увиденного было сильным...

Юрий Петрович все дни проводил на колокольне. Со своими помощниками он готовился к поднятию колоколов. Была смонтирована настоящая лебедка, сделан специальный помост, к мощной балке были привязаны толстые канаты, перекинутые через блок. К подъему все было готово.

Прибыли братья Огородновы, они сопровождали от ворот завода до монастырского двора два новых колокола. Благородного цвета сплав, из которого были сделаны эти внушительных размеров красавцы, был разработан совсем недавно — Платонов решил на этот эксперимент. Специалисты завода утверждали, что не только внешний вид, но и звук у колоколов будет прекрасный.

У колокольни собрались мужики, помощники Юрия Петровича. Первый колокол привязали толстыми веревками за уши, иеромонах Арсений, благословив, произнес короткую молитву и окропил колокол святой водой. Платонов громко скомандовал: «Вира!» Колокол оторвался от земли и, слегка раскачиваясь, стал плавно подниматься вверх. Потом, добравшись до нужного места, колокол завис. Нам снизу казалось, что своей юбкой он накрыл рабочих, встречающих его там, наверху.

Мужики ловко перебросили веревки через перекладину, морскими узлами привязали колокол и выдохнули с облегчением. Второй поднимали уже более уверенно.

Когда оба колокола наконец благополучно заняли свое место, каждый из нас поспешил ударить колокольным языком по их роскошным золотым бокам. На звонницу поднялась и Лариса. Она перекрестилась на все четыре стороны, потом, как бы поклонившись колоколу, твердой рукой стала звонить. Ожидание не обмануло нас. Мощный, с богатыми обертонами звук стал распространяться по округе, извещая о большом событии. Все присутствующие на монастырском дворе и у колокольни стали громко аплодировать. У Ларисы по щекам текли слезы. Да, эта была первая победа всех, кто был причастен к этому празднику. Постепенно люди разошлись, монастырский двор опустел, а Юрий Петрович все стоял там, на колокольне, обдуваемый ночным колючим ветром. Это была его победа. Платонов теперь был уверен, что недолго тот час, когда исполнится его большая мечта — оживут древние часы. Не знал он только, что эти часы начнут неотвратно отмерять и его время...

«Как и все хронометристы, я давно отошел от древних часов, хотя раньше занимался такими часами и много знал о них. И вдруг эта последняя встреча. Тогда я еще не знал, что часы эти русские. Было видно, что они кованые, что XVII век. Они еще имели остатки шпindelного хода. Интересно, что у них был ход боя, правда, он был снят, а не сломан. И это удивительно... Я могу на ощупь сказать, он был снят, по-видимому, где-то в XVIII веке, чтобы переделать его в маятниковый. Видимо, работа была только начата, и ход был не разрушен. Но мы — русские — еще не умели тогда делать это как следует.

И вот мы снова занялись этими часами. Когда запустили их, это поразило нас! Представляете, слушать звук хода с интервалом 6,4 секунды и знать, что это есть настоящий звук средневекового хода часов».

Наша командировка заканчивалась. Намеченные работы были завершены, и мы засобирались в обратный путь.

Накануне отъезда я вышла побродить по улице поселка. Навстречу мне попались два молодых монаха в черном, в руках у них были ведра. Встретить с пустыми ведрами, да еще перед дальней дорогой! Настроение мое было испорчено. Подбрав свои длинные рясы, юноши зачерпнули в ведра коричневатой воды (видимо, местная речка брала свое начало где-то на дальнем болоте) и потихоньку пошли в горку, к церкви.

Целый день мы собирали свои пожитки, укладывали их в машину. Наконец наши сборы были окончены. Юрий Петрович, довольный и деловитый, проверив, все ли на месте в багажнике, с шумом его закрыл и сказал:

— Теперь пойдете с Ларисой Рео-

нальдовной прощаться. Она сейчас на службе в церкви. Сегодня большой христианский праздник, она в хоре поет...

В Надвратную церковь мы тихо вошли гуськом. Несколько старушек молились у старого, во многих местах облупленного иконостаса. Когда-то его украшала изящная резьба, покрытая позолотой, но теперь краска и позолота почти повсюду облупились, обнажив потемневшее дерево. В стороне стояли еще три прихожанки. Каждая из них держала в руках псалтирь, и негромко, на одной ноте, они читали нараспев молитву. Среди них я сразу же заметила Ларису, ее голос, сильный и красивый, был ведущим, остальные ей вторили. Перед иконостасом на возвышении стояла потемневшая от времени серебряная чаша, а молодые монахи, те самые, которых я встретила у речки, причащали молящихся святой водой. Иеромонах Арсений несколько раз обошел прихожан с кадилом. От ладана мне стало совсем нехорошо, и я выбежала на улицу.

Лариса Реональдовна появилась у машины почти за минуту до нашего отъезда. Наклонившись ко мне, она тихо сказала:

— Покреститься бы тебе надо!

— Мы уже уезжаем, — ответила я. — Спешно такое дело не делается, да и не готова я...

Мы с ней обнялись, расставание было коротким. Машина с ревом тронулась с места. Наша компания покидала эти святые места, некоторые из нас, как оказалось, навсегда...

На открытие звонницы в Ферапонтово приехали звонари-профессионалы из Вологды. Чудесный колокольный звон разливался на всю округу. Народ, подогретый алкоголем и торжественностью момента, стал петь песни, праздник набирал силу. Телевизион-

щики, отсняв начало события, спешно сворачивали свою технику, зачехляли камеры и убирали микрофоны.

В этот раз гатчинцы приехали к Платонову — Виктор и Михаил Огородновы и с ними еще один музыкант, Леша Киселев, тоже всерьез увлекшийся колокольными звонами. И вот весь этот праздник, все поля и луга буквально накрыла красивая и мощная колокольная симфония в их исполнении. Впервые здесь слышали полифоническую музыку большого колокольного оркестра!

«В русской музыкальной культуре стремления создать православный музыкальный инструмент никогда не было. Я попытался впервые собрать большое количество колоколов для целого оркестра. Иногда для некоторых особо выдающихся звонниц отливали колокола с определенными заданными тонами. Отливали эти колокола для Ростова Великого и для Московского Кремля. Этим колоколам давали собственные имена: «Сысой» (2 тысячи тонн), «Полистей» (1 тысяча тонн), «Лебедь» (500 тонн). Основу колоколен составляли колокола, которые давали до-мажорное трезвучие (до, ми, соль большой октавы). Остальные колокола — случайный набор. Незаданность мелодии, импровизация выражали дух народа. Похоже, что импровизация колокольных звонов — древнее русское изобретение: “Как звонится, так и звони”»...

9

Круг единомышленников Платонова все разрастался. Интерес к старинным часам проявляли не только его коллеги по лаборатории, но уже и научные сотрудники ядерного института, где он продолжал трудиться.

Все, что касалось механизмов исторических часов, Юрий Петрович к этому времени основательно изучил, и это требовало определенного анализа и обобщения — научный подход к исследованиям всегда одинаков. Вот этим-то в группе, где работал Платонов, занялась научный сотрудник, физик Светлана Сергеевна Василенко. Месяцами она работала в архивах, изучая историю часовых механизмов по архивным документам. Так накапливался ценнейший фактический материал по истории русских старинных часов. Работа над документами приводила порой к интересным открытиям.

Известно, что создателем Гатчинского дворца по заказу Екатерины II для Григория Орлова был итальянский архитектор Антонио Ринальди. Он же проектировал и, как бы мы сказали сегодня, осуществлял авторский надзор и при строительстве для того же графа-фаворита Мраморного дворца в Петербурге. Оба здания отличаются наличием часов на своих фасадах.

Заметим, что до своего появления в Петербурге Ринальди некоторое время провел в Англии. Английские замки и пейзажные сады, эта гармония природы и дворцов, видимо, так увлекли архитектора, что в России он начинает воплощать этот стиль в своих ставших знаменитыми шедеврах, выполненных «в новом вкусе», в частности, в Гатчине. В проектах были учтены и различные пристрастия будущего хозяина дворцов. Григорий Орлов был человеком, очевидно, не равнодушным к технике и ко всему новому. Известно, что после смерти М. В. Ломоносова он выкупил у вдовы архив ученого и хранил его в отдельной комнате.

В Гатчинском дворцовом ансамбле доминантой являются две башни. На одной из них, южной башне, отбивали часы, она так и называется — «Ча-

совая». А на левой — северной — был установлен громоотвод. В этой Сигнальной, или, как ее еще иногда называют, Астрономической, башне был установлен телескоп. В Мраморном дворце Ринальди, видимо, тоже по желанию будущего хозяина, сооружает дополнительно помещение для часов и располагает на их фронтоне циферблат. Естественно было предположить, что часы для обоих дворцов были заказаны одним и тем же мастерам. Светлана Сергеевна стала искать в фондах исторического архива свидетельства на этот счет. Ее поиски наконец-то увенчались успехом — догадка оказалась верной. Имена часовых дел мастеров значились в обоих случаях. Это были французские мастера Авраам Сандос (Sandoz) и Иосиф Басселье (Basselier), работавшие в Петербурге в последней трети XVIII века.

Но иметь документы — это еще полдела. В научном исследовании нужен еще и поиск, в данном случае был нужен поиск прототипа механизма башенных часов. Осмотрели часы Адмиралтейства и башенные часы Эрмитажа. Наконец, обратились к дирекции Мраморного дворца и предложили начать раскопки в шахте курантов и на чердаке здания, заваленных всевозможным мусором.

Вот здесь и начинается самое интересное. Слой за слоем приносил исследователям исторические свидетельства. Это были обрывки газет и гильзы военной поры, когда на крыше Мраморного дворца в дни Ленинградской блокады был пункт ПВО, и, наконец, в ведре с очередной порцией культурного слоя, поднятого на поверхность из шахты, собравшиеся увидели то, что искали: фрагменты механизма часов. Всего их было найдено девятнадцать. Юрий Петрович сразу же узнал

знакомые детали: золоченый бронзовый конец часовой стрелки, несколько шестеренок, рычаг боя и стопорный рычаг, золоченую, редкую для таких механизмов, раму... История поиска и находок завершилась научным отчетом, где были впервые собраны исторические сведения о часах, казалось бы, потерянных навсегда! Но самый главный результат всей этой работы – достоверное воссоздание исторических часов восемнадцатого века для Гатчинского дворца.

Изучение старинных часов так увлекло группу, что поисковые экспедиции последовали одна за другой. В древних городах Суздале и Львове были обнаружены старинные часы. В Зимнем дворце были возвращены к жизни башенные часы. Национальным достоянием Республики Беларусь после реконструкции стали часы на башне костела в Гродно. Работу по возвращению к жизни гродненских часов завершил талантливый ученик Платонова Александр Наливайко. Несколько лет молодой человек изучал стиль его работы, особый метод реставрации старинных часовых механизмов. После запуска часов Александр подготовил научный отчет о проведении реставрационных работ, а на титульном листе он начертал посвящение своему любимому Учителю – Юрию Петровичу Платонову.

Группа Платонова работала очень результативно. Теперь в нее входили, кроме С. С. Василенко, конструктор В. В. Иванов, благодаря чертежам которого идеи Платонова воплощались в жизнь. Работали с ним также инженер М. П. Гурьев (это он помогал Платонову по болотам тащить колокола до Ферапонтова монастыря) и фотограф Т. Н. Качанова, запечатлевшая на пленку все этапы реставрации.

Фортуна не раз улыбалась Мастеру.

На сей раз местом его дополнительной работы стал Эрмитаж. Дополнительной ли?.. А, может, главной?

Под лабораторию, которую начал создавать Платонов, дирекция Эрмитажа выделила помещения в левом крыле здания Главного штаба. (Именно здесь, всего в нескольких шагах от лаборатории Юрия Петровича, решал когда-то важные государственные вопросы председатель кабинета министров царского правительства Сергей Юльевич Витте.) Для успешной работы музеем было приобретено уникальное оборудование: сверхточный шведский автоматический токарный станок для изготовления деталей часов, подлежащих реставрации, современные компьютеры и многое другое. Платонов загорелся новой работой.

Юрий Петрович стал подбирать себе помощников. По его планам, в группу должны были войти специалисты, которые сотрудничали с ним в последние годы. Но это, как оказалось впоследствии, было только его идеей... Не всем участникам его группы было суждено работать в новой лаборатории Эрмитажа – у дирекции были свои планы на этот счет. И все же пока часть группы работала внештатно, практически безвозмездно.

«Я работал всегда в коллективе. С юности вокруг меня были дети. Я постоянно организовывал кружки, какие-то соревнования. Работал увлеченно, я бы сказал, самоотверженно. Что поделаешь, я трудоголик. С помощниками работаю всегда очень напряженно. Признаюсь, что в работе я жесткий человек, даже жестокий. Я воспринимаю мой коллектив, как хорошую тройку. Если кореннику пристяжные будут мешать, буду отстегиваться...».

На торжественное представление отреставрированных часов Штрассера, этого знаменитого механического оркестра, в парадном Александровском зале Эрмитажа 20 февраля 1995 года собрался весь питерский бомонд. Произведения Моцарта, Гайдна и Эберла, записанные на старинные валики, звучали вновь в тот памятный вечер после почти двухвекового молчания. В роскошном зале дворца опять давали концерт механического оркестра! Важным было то, что во время фиксации музыки на валики был сделан точный интонационно-временной расчет мелодий, приближенный ко времени их создания композиторами. Технически это выглядело так: в нужное место на валике вбивались штырьки, валик вращался, и в расчетное время задевал рычажки механизма органа. Современного слушателя этот эффект старинного звучания совершенно завораживает.

Директор Эрмитажа Михаил Борисович Пиотровский торжественно открыл вечер и представил публике реставраторов: Юрия Платонова (часы), Юрия Семенова (музыкальная часть органа), Владимира Кашеева и Владимира Градова (реставрация корпуса часов и органных труб).

Платонов в тот вечер чувствовал себя именинником, он вдохновенно рассказывал собравшимся о том, как его лаборатория участвовала в реставрации часов Штрассера. Он изучил их досконально, знал всю их историю.

Какая же удивительная была эта история! В течение двух веков, начиная с 1805 года, когда владельцем часов стал император Александр I, это механическое чудо восхищало людей и своим внешним видом, и гениальной инженерной конструкцией... Футляр часов был выполнен краснодеревщиком О. Г. Гамбсом в виде древнего храма

с фронтоном, панелями и колоннами с бронзовыми украшениями. С тех пор они не покидали стен Зимнего дворца. Восемь лет жизни кропотливого, изнурительного труда отдал мастер Иоганн-Георг Штрассер, создавая в Петербурге свое детище. Все эти годы ему помогал сын Томас-Август-Фома Иванович, а затем внуки: Иоанн и Александр, которые ремонтировали и обслуживали механический инструмент. Но поначалу это чудо техники никто не мог купить. Заказчица часов Екатерина II к тому времени скончалась, а ее преемник и сын Павел I не желал выкупать заказ нелюбимой матери. Пришлось его создателю организовывать лотерею. В пригласительном билете мастер писал: «В течение многих лет я представлял его (механизм – Ред.) как идеал, к которому приблизился в результате многих больших и малых поисков и который имею честь представить для оценки уважаемой публике... Я льщу себя надеждой, что все знатоки и друзья искусства после исполнения моих замыслов и после того, как увидят механизм, который я имею честь представлять здесь, поддержат меня».

Далее в билете И. Г. Штрассер подробно описывал механизм часов-оркестра. Это чудо техники поражало современников. «Вам кажется, – писали газеты того времени, – что вы слышите виртуоза, который, благодаря его отточенным ударам, заставляет возрастать и замирать звуки до полной тишины, от форте до легчайшего пиано; как будто вам дали узнать кусочек собственной жизни, и потому каждый слушатель этого оркестра удивлен и восхищен...»

Вот это-то чудо техники попало в руки Платонова. Не каждому мастеру в жизни выпадает такая удача. И мастер безупречно справился с рестав-

рацией.

Он был полон новых планов и идей: мечтал восстановить башенные часы многочисленных храмов и старинных дворцов Петербурга, мечтал наполнить великолепные залы Эрмитажа звуками оживших по его велению исторических часов, и тогда гости музея, переходя из зала в зал, смогли бы наслаждаться еще и музыкой минувших веков... Ведь во дворце раньше никогда не затихал малиновый перезвон музыкальных часов и шкатулок. Он мечтал и строил планы на будущее...

Его группа заканчивала работы по реставрации часов «Павлин». Наконец, молчавшие десятилетиями, они вновь пошли. Юрий Петрович уже иногда выходил в зал, для пробы заводил роскошные часы, приводя в восторг всех присутствующих, вызывая аплодисменты, а порой и крики «Браво!». В такие моменты у него наворачивались на глаза слезы. Старый мастер впервые слышал в свой адрес слова признания и чувствовал такое неподдельное восхищение. В ответ он смущенно по-детски улыбался и как-то неумело кланялся... Казалось, это запоздалое признание и было его первой высшей трудовой наградой.

«Когда я утром иду по залам Эрмитажа, я, прежде всего, ничего не вижу. Я бегу посмотреть часы. Почему-то волнуют...

Заметным Эрмитаж становится в понедельник. Когда я иду, в залах никого нет, и можно видеть действительно Эрмитаж. Тишина, работать легко. Я двигаюсь, а мощная, обнимающая тебя интеллектуальная сила заставляет вновь и вновь восторгаться!

Любой завиток лепнины, любой узор на паркете, украшения интерьеров, архитектурные линии — все это такой

сгусток человеческих знаний и умения! Все это я очень остро чувствую.

Я никогда свои изделия не показывал, а здесь, в Эрмитаже, — все для людей. И в этом смысле я стал музейщиком...».

Теперь в его ближайшие планы входила реставрация знаменитых часов-яиц конструкции Ивана Кулибина. Но вдруг разразился скандал. Стиль работы Платонова группе лиц из его окружения явно не нравился. Грандиозные планы Платонова стали мешать сложившемуся в Отделе бронзы и часов Эрмитажа вяло текущему распорядку жизни, он явно не вписывался в общую картину в золоченой раме. Юрий Петрович все понял и... заболел. Этот стресс, в итоге, и стоил ему жизни.

Он скончался в ночь на православное Рождество. Его отпевали долго, по полному чину под высокими темными сводами вестибюля Гатчинского дворца. Было холодно, зябко ежились собравшиеся на панихиду. Живые цветы, которыми был убран гроб, уже замерзли в этом мрачном и холодном помещении. Но многочисленный народ, пришедший проститься с Мастером, не расходился. У темной стены, за спинами присутствующих, прислонившись к окну, стояла Лариса Реональдовна. Она тихо молилась с широко открытыми глазами, полными слез.

— Я знаю, — шептали ее губы, — мы встретимся позже, в той подлинной действительности, где нет времени и обстоятельств, нет вещественной тяжести таких мистических вещей, как часы, а есть неслышная музыка вечности. Ты, могучий русский человек, услышишь, наконец, какие тихие крылья у тебя за спиной...

И она трижды осенила кого-то невидимого православным крестом.

Лишь только блеснет первый солнечный луч в просвете центральной аллеи висячего эрмитажного сада, солнечные зайчики, запутавшись в хрустальных подвесках каскада роскошных люстр, наперегонки спешат по великолепному мозаичному полу Павильонного зала туда, где под стеклянным куполом вот уже две сотни лет живут вместе птицы и звери. И все приходит в неуловимое движение.

«Ю-ю-ю-рий», — ухает филин. «Петро-вич», — вторит голосистый петух. «Пла-то-о-нов», — завершает музыкальную фразу златоглавый павлин.

Они славят своего Мастера. Но не каждому дано услышать эту волшебную песню. А если такой счастливчик появится, он об этом, быть может, никому и не расскажет...

Гатчина. 2005.

¹ В книге приводятся фрагменты из интервью, данного Ю.П. Платоновым автору в телевизионной передаче «Воскресный лабиринт», а также частично использована фонограмма эпизода из фильма И. Шадхана «Росния, который час?».

² Петербургский институт ядерной физики им. Б.П. Константинова РАН.

Ольга Диденко

Было это давным-давно, да говорят, еще будет — скоро или нет, про то небо ведает, потому что вечное оно и все ему видно, и все оно знает, да только молчит, наблюдает за всем, что на земле люди и звери делают, и как растут цветы и деревья, и как хлебные поля колосятся. То радуется оно увиденному, то тихо плачет, а то и рыдает.

А увидело оно однажды вот что.

Трудились люди на поле, урожай собирали. Богатый был урожай. Радовались люди. Пели песни, работали дружно, и солнышко улыбалось им. Небо было ясное. А из леса густого нет-нет, да и ветерок подует. По небу нет-нет, да облачко проплывет.

Старушки смотрят на небо, говорят молодым:

— Поторапливайтесь, вот-вот с неба вода польется, внуки Сварога* разыграются.

Смеются молодые над старыми:

— Все-то вы придумываете, все-то вам мерещится. Не видите разве, небо-то, какое ясное. Не будет нынче дождя.

— Да и присядут — прилягут отдохнуть. А бабки старые все твердят, что будет сегодня гром среди ясного неба, что всегда в этот день бывает, сколько они на свете живут, да их смолоду учили ко второму дню августа хлеба убрать с полей, чтоб не вымокли.

— Да что же это за день такой? Заколдованный что ли? — Смеются парни.

Не заколдованный, а по расписанию

все на небе — и луна и солнце, и месяц то молодой, то старый, и дождь и снег. Поживете с наше — сами узнаете, — говорят одна за другой. И работают, торопятся, устали не знают. Молодым-то стыдно сидеть, идут косить. И опять работа кипит, за разговорами да песнями быстро дело делается.

Вот одна девушка по имени Ганка спрашивает у старушек:

— А правду говорят, что раньше в озерах наших живая вода была, что людей от болезней лечила?

— Правда, правда, деточка, было такое. Да мы еще маленькие были, но кое-что помнится, — ответила старушка, звали которую Ядвигой.

Жила она на самом краю села. Домик ее был небольшой, да ладненький. Жили при ней кот, петух и собака. Жили себе, жили, никому не мешали. Огородик свой Ядвига содержала в аккуратности, растила на нем картошку, морковку, подсолнухи, свеклу, капусту — что душе угодно; цветы да колочки замысловатые — что для других сорняки, — для нее отрада. Все лето огород ее синий был — так васильки разрослись. Больно любила их Ядвига — красивее цветов для нее не было. А потому б о л ь н о любила, что и мужа и сына Василями звали, да пережила она их обоих. Не на родной земле, не на «пуповине» косточки их лежат, и не знает Ядвига, где они схоронены. Вот и посеяла васильки в огороде. Нет-нет, да посмотрит цветок, как сыновний глазок, да посмотрит другой, да с любовью такой, как суженый.

Слыла Ядвига по селу чудной бабушкой, и за эту ее причудливость одни над ней посмеивались беззлобно, другие с лютой ненавистью. Соседи отгородились от нее высоким забором, чтоб глазки-васильки не засоряли их огород богатый. Не судила она их. Всяк по своему живет.

Некоторые в имени ее зло видели, что, мол, ядовитое оно. А назвала ее Ядвигой прабабка. Родилась девочка в те дни, когда старушка к смерти своей готовилась и просила правнучку своим именем назвать, потому как в нем добро заключается, потому как ведала от своей матери, что слово «яд»** на Руси исконно «кушанье» означало и называли этим именем девочек в залог, чтоб хлебосольными были, чтоб, как велось на Руси, кормили и поили всякого, кто в дом придет.

И приходили к чудной Ядвиге сельчане. Ни перед кем она калитки не закрывала и всякому помогала добром да лаской, да древней сказкой, да травкой сушенной, болезнь лечить рожденной. Так и жила на радость добрым людям со своими котом, петухом, козой и собакой. И кто ее не любил, все ж в лютый день к ней приходил.

Молодая Ганка любила чудную бабушку Ядвигу. Как-то спрашивает у нее:

— Бабушка Ядвига, а вы в Бога верите? И отвечала Ядвига:

— Конечно, деточка. У каждого человека свой Бог есть, каждый к своему обращается за советом да с благодарностью. Мой Бог везде есть — от пылинки до созвездий, все любовью его объято. Каждый день я с ним. Как петух мой Фим закукарекает, так я ото сна и отойду, да в новый день через порог и выйду с Богом поздороваться, голос подать — спеть, что на ум придет. Радостно на душе — весело поется, а коли грустно да тоскливо, плачу

да все равно пою. Много песен, много дум, пою, что придет на ум.

— А сегодня про что пелось? — Улыбчиво спросила Ганка.

— Сегодня день особенный — День Перуна.*** Громоносец он, и по своему усмотрению тучи на небо нагоняет да водичей чистою землю оmyвает. Все, кто знал и не знал что к чему, выходили, кланялись Богу Перуну, подставляли головы святому дождю. Девки косы распускали, парни плечи расправляли, бабы кадки наполняли, мужики себя ругали, коль хлеба не все убрали, а кто справился в свой срок, впускал дождик на порог, чтоб пречистая вода плела в доме кружева. То была вода живая от небес, от Перуна. Веселилась детвора, веселился весь народ. Все-то знали наперед, когда сеять, когда жать, когда деточек рожать. И сегодня быть дождю. Правду, детка, говорю. Чуешь, листья шевелятся? Скоро им с дождем встретаться.

— Ой, ли, бабушка, что так? Небо ясно. Облака белые гуляют, дождь не предвещают.

— Вот и ты со мною в лад говоришь, да складно так. Мы-то в молодую пору все поговаривали, как песни пели. Слов-то раньше меньше знали, да умело в речь вплетали.

Лишнего не говорили и душою не кривили. А сейчас все по иному, не скажу, что по-плохому. Больно много говорят, да не все с душою в лад. — Чуть притихла Ядвига, посмотрела вокруг:

Чуешь, детка, ветерок.

Тебе может невдомек,

А на небо погляди —

Тучи к солнцу побегли. —

— Ой, и, правда. Что за чудо?

— Тучи! Тучи! И откуда? — удивилась Ганка.

Отвечает ей Ядвига:
— Сейчас грянет гром святой.
С головы платок долой.
Пусть до ниточки промочит,
Ты скажи своим подругам,
Пусть становятся все кругом,
Затевают хоровод.
Через час, а может два,
Будет всюду чистота. —
Ганка побегала к подругам. Ядвига задумчиво посмотрела на небо и тихонечко запела:

— Гой! Гой! Гой! — Живи да здравствуй!
Свет, добро над миром царствуй!
Дождик, дождик, поливай,
Радость людям посылай,
От злых духов избавлялись.

Грянул гром. Дождь полил как из ведра, да такой веселый, такой задорный, что никто и не подумал убежать от него. Так и стояли в поле. Ганка девчат, парней созвала, и стали они хоровод водить вокруг бабушки Ядвиги. Тут и другие старики-старушки подошли и запели старинную песню. Ядвига, женщины сняли платочки, девушки косы распустили, парни и мужчины снимали рубахи, смеялись все, шутили, пританцовывали.

Все и вся вокруг впитывали в себя пречистую небесную воду с восторгом и благодарностью. Все живое наполнилось силой и здоровьем.

Дождь кончился так же внезапно, как и начался. Работа еще не была закончена. Нескошенная рожь наклонилась к земле. Нужно было ждать, когда она высохнет. Отдохнувшие, веселые люди не расходились. Решили пообедать. Аппетит здоровенный после работы да веселья. Ели да на бабушку Ядвигу поглядывали. Не подсмеивались:

— Угадала ведь расписание неба, а, бабуля? — спросил один из парней.

— Не угадывала я. Так знаю расписание неба. Сегодня вот, вишь, как разыгралось и над нами подшутило, да не сердито. А бывает, что и рассердится и огня напустит. Да только в этот день оно всегда беззлобное, только подгоняет, что, мол, пора закрома засыпать, чтоб зимой не голодать. А расскажу я вам то, что мне моя бабушка в детстве рассказывала. Может сказка, а может правда, а было так:

...В такой же день, в такой же час,
Годков за сто уже до нас,
Собрались люди на покос.
Работали не на износ,
Играючи косили,
Квасок веспльй пили.

И тут пошла одна девица
Воды из озера напиться.
Красивой девушка была,
В косу свою цветы вплела
И подошла уже к воде,
Да видит тина, а на дне
Трава пожухлая, лягушки
Лежат меж ней, задравши ножки
И дохлые плывут рыбешки.

Сметлива девушка была
И вмиг про травлю поняла.
— Что делать? Воду пить нельзя,
А ведь живой она была
И пили люди все ее
И стар, и мал, и волшебство
От той воды происходило.
Не зря про озеро ходила
Живая сказка. По сему
Нельзя давать поблажку злу, —
Решила девушка и стала
Тащить из озера траву.
И всю уже перетаскала,
Поодаль в яме закопала.
Глядит — грязна еще вода,
И пить ее никак нельзя.

— Вода на убыль не идет.
А вдруг дитя ее попьет,
Да захворает, не дай бог.

Нет, нужно звать честной народ. —

И, только в поле выходить —
Навстречу парень.
Норовит ее обнять.
Она ему, как есть,
Про скорую беду.
Тогда ей парень:
— Так идем, почистим озеро вдвоем.
— А чей ты будешь?
Что-то я тебя не видела.
— Едва меня ты знаешь. Это так.
— Я из соседнего села.
— Да ты уж больно хороша.
— Я для тебя на все готов,
Очищу озеро без слов. —

И только в лес они вошли,
Как начал он ее душить.

Почувяв эдакое зло,
Из груди вырвалось словцо,
Такою силою богато,
Что и не надобно хватать.

Так парень — оборотень вмиг,
Свалился, прикусив язык.
Рубаха белая на нем
Соломой стала, чуб травой,
Что испокон зовут дурной.
— Так вот ты кто, злодей треклятый.
— Ужо побьют тебя девчата,
Почто ты озеро сгубил,
Травой дурманной потравил.

Он извивается в кручине
И слезы льет, что, мол, отныне
Не будет людям зло творить,
А будет их лечить, любить,
Что знает всяки приговоры
От бед людских.
И уговоры его понравились девице. —
— Ну, что, тогда давай мириться.

Встал парень, мигом распрявился
И в косу девице вцепился. —
— Ага, попалась, чаровница!
Тебе теперь на мне жениться,
Не то на дне тебе светится
В твоём любимом озерке
Кормить пиявок. Хе-хе — хе. —

И рассмеялся громко — громко.
Коса тем временем так ловко
Его вокруг шеи обвила
И затянулась как петля.
Береза низко наклонилась,
Ветвями в голову вцепилась,
Трава за ноги обвила —
И ни туда, и ни сюда. А он —
Ручищами девицу держит,
Отпустит если, та бежать, —
Петлю затянет — как дышать?

Так и стоят, куда люди
Не стали девушку искать.

— Ау, ау! Я здесь. Скорее!
Нам нужно озеро спасать.

Связали парня лиходея
И пить из озера велели —
Все-все, до капельки одной,
Коль он беде такой виной.

Испил злодей всю мертву воду
И стал огромнейшим уродом.
Стоит страшилище, молчит.
Тут одна баба говорит:
— Ведите оборотня, люди,
Подальше от озера,
Увидим далее, что будет.

И повели. Все зашумело,
На небе туча загудела,
Трава под ветром полегла,
И побежали кто куда.
А баба вслед им все кричит:
— Перун летит! Перун летит!
Бегите, люди, в чисто поле,
Водой умоетесь святою,
А кто наделал людям зла.
Тому гром-молния — беда.

И дождь полил. И грянул гром.
И небо вспыхнуло огнем,
Сжигая смрад везде, кругом.

Вновь грянул гром. Дождь льет и льет.

Девчата водят хоровод.
Из тучи молнии летят,
Как будто духов злых разят.

Все очищается. И вот —
Огонь злодея в брюхо бьет.
Как по команде — раз, два, три —
Пятно осталось от воды,
Что лиходея до дна испил,
Себя водой той умертвил.

— Не делай зла, — твердит народ, —
Тебя же со свету сведет.

А что же наше озерко?
Лежит себе, светлым-светло.
И лебедь по нему плывет.
Жива вода — и жив народ.

Ядвига улыбулась и поклонилась
всем, кто ее слушал. Люди захлопали
в ладоши. Ганка посмотрела на под-
руг и говорит:

— Давайте песню споем про Василь-
ка. Девушки обрадовались и запели:

А под синим небушком,
Да в цветастом полюшке,
Там гуляла девушка,
Красненькое солнышко.

Заплетала девушка
Косы свои русые,
Косы шелковистые,
Да плела венки.

Пела песни девушка,
Песни серебристые,
Русские старинные,
Да под вечерок...

Встретила хорошего,
Паренька пригожего:
— Как, скажи, тебя зовут?
— Вася — Василек.

Удивилась девушка,
Улыбулась ласково,
Сорвала любимый свой
Синий василек.

Как над полем солнышко,
Там во поле девушка,
Песней васильковою
За душу берет.

А под синим небушком,
Да в цветастом полюшке,
Там гуляет с девушкой
Парень Василек.

А под синим небушком,
Да в цветастом полюшке,
Там гуляла девушка,
Красненькое солнышко.

Все улыбались, благодарили певиц
своих за хорошую песню. А тут и засо-
бирались. На небе ярко светило солн-
це — ни облачка. Пора работать.

Вот такой рассказ об одном дне из
жизни Ядвиги.

***Сварог** в славянской мифологии
бог неба, небесного огня, отец Даждь-
бога.

**** Яд ж.** — «еда, кушанье», обьеди
мн. ч. «остатки корма для скотины»,
др.-русс. «пища»

*****Перун** в славянской мифологии
бог грозы (грома).

И т.д. см. М. Фасмер «Этимологиче-
ский словарь русского языка».

*Написано 29 декабря 1989г.,
г. Ленинград.*

БУКЕТИК РОЗ ПАСТЕЛЬНЫХ ТОНОВ

Людмила Колесникова

Я заметила, что когда много свобод-
ного времени и мало денег, меня посе-
щает вдохновение. И тогда нестерпимо
хочется о чем-нибудь написать...

Так было и на этот раз. Давно ми-
нувшие события вдруг всколыхнулись
в памяти и приняли вполне конкрет-
ные очертания.

Наша школа номер тринадцать
стояла в самом конце набережной,
что извилистой лентой бежала вдоль
скалистых берегов Амурского залива.
Всегда обдуваемое муссонами и тай-
фунами, этой неотъемлемой приметой
дальневосточного края, здание при-
нимало на себя их удары, так что часто
в непогоду в окна нашего класса вры-
вался с брызгами холодный шквали-
стый ветер. А то ранней весной залет-
ал к нам легкий бриз, приносивший
с залива такой знакомый и любимый
мною с детства йодистый запах водо-
рослей. Этот особенный запах моря,
буквально наполнявший классы, каза-
лось, был визитной карточкой школы.

Когда я поступила учиться, наша
школа была женской, но через не-
сколько лет началась кампания объ-
единения, и в классе появились маль-
чишки. Их было мало, и поэтому они,
как говорится, были все нарасхват.
Среди них выделялся, конечно же,
Славка Власов. К восьмому классу
он возмужал, вьющиеся русые волос-
сы легли аккуратными волнами, серо-
зеленые, цвета морской волны, глаза
постоянно выражали некую усталость.
Он начал брить под носом пушок, и
нам, девчонкам, казался очень взрос-
лым и недоступным. Он был стран-

ный, этот Славка. Говорят, что почерк
многое может рассказать о человеке.
Славкин почерк только все запутывал.
Писал он удивительно аккуратно. Его
тетрадки были без единой пометки,
и обычно их выставляли на стенде в
школьном коридоре как образец для
попечения. Задания были исписаны
нестандартным, каким-то изломанным
манером: все буквы при написании
делали своеобразный, причудливый
пируэт, а потом, как по мановению
волшебной палочки, застывали в не-
мыслимом повороте.

Учился Славка легко и лениво. Бы-
вало, он мог блестяще ответить урок, а
бывало, выходил к доске и молчал. Де-
лал какое-то тупое выражение лица, и
уже никакая сила не могла его заста-
вить открыть рот. Помнятся случаи,
когда он мог простоять и промолчать
у доски весь урок. И тогда перед нами
в классе проходило соревнование: кто-
кого, учитель или ученик. В конце кон-
цов побеждал обычно Славка Власов.

В этом своеобразном поединке усту-
пала ему сразу же только одна учи-
тельница — наша англичанка Любовь
Дмитриевна. Ко всем нам она была
необычайно требовательна. Ее строгий
взор оттеняли ресницы, густо покры-
тые черной тушью, но что-то неулови-
мо порочное было в этом взгляде, да и
во всем ее облике. Всегда модно оде-
тая, она обычно эффектно появлялась
на пороге нашего класса, на мгнове-
ние останавливалась, словно впереди
у нее были не обыкновенные полови-
цы, а подиум. Выставляя в необычном
ракурсе свою ладную фигуру, как бы

для обозрения, она делала первый шаг через порог.

Мы, девчонки, ждали уроки английского с нетерпением: в чем сегодня явится Любаша?.. Светлый венчик крашенных волос, короткая креп-сатиновая юбка, чуть доходившая до колен, синие лодочки на высокой шпильке. Вытянув шею, мы осматривали ее с ног до головы.

Любаша перед Славкой пасовала — это было видно невооруженным взглядом. В десятом наш Славка смотрелся уже вполне сформировавшимся мужчиной, и Любаша это отлично понимала. Ее выдавал характерный блеск глаз свободной, незамужней женщины, она, как охотник, чужая дичь. По школе ходили одно время слухи, что между ними что-то есть, но мы, девчонки, в это не верили. Для нас Славка был одноклассник, и только.

Нашим любимым предметом было машиноведение. Мы начали изучать устройство автомобиля в девятом. Уроки проходили в полуподвальном помещении, где по стенам были развешены плакаты, а на самом видном месте стоял наискосок срезанный мотор полуторки. Худой, чахоточного вида бывший капитан Иван Прокопьевич рассказывал нам устройство автомобиля. На его уроках мы веселились: перешептывались, перемигивались, переписывались записочками. Но главным развлечением для нас была дорога из школы домой. Занятия по машиноведению проходили вечером, и прогулка всей ватагой по заснеженным городским улицам была большим удовольствием.

Мы шли, весело пуляя друг в друга снежками. Ловкостью я не обладаю, но, к моему удивлению, точно попала в Славку Власова, по-моему, прямо в лицо. Изобразив невиданный гнев, с криком он погнался за мной.

Я бежала, как сумасшедшая, смеясь и ожидая чего-то необыкновенного. Через несколько метров влетела за угол знакомого дома. Славка нагнал меня и вдруг, одним рывком оторвав от земли, поднял на руки, бережно и нежно. Я, как на качелях, лежала на его мощных руках, такая маленькая и хрупкая. Он что-то шептал, его горячее дыхание щекотало мне ухо, в горле перехватило, и я почти задохнулась от нахлынувшей радости и восторга. Уже совсем близко я ощутила жар его губ. Еще мгновение, и что-то необычайно прекрасное должно было произойти уже в следующую секунду.

Вдруг звонкий голос нашей одноклассницы Лариски Ларцевой вернул нас к действительности:

— Ах, вот вы где, голубчики!

Славка тут же выпустил меня и вдруг с силой засунул мою голову в сугроб. Тут уж я задохнулась от попавшего в рот и нос колючего снега. Я кричала и плакала, но рядом уже никого не было. Лариса убежала вместе со Славкой вниз по освещенной улице догонять нашу шумную компанию.

Эти воспоминания неожиданно нахлынули, когда я шла по крутой, поднимающейся от здания старинного железнодорожного вокзала улице прямо к школе. Я не была в родном городе пятнадцать лет. Все эти годы я так живо представляла себе, как сойду с трапа самолета на дорогу мне с детства землю и, купив у бабушки на привокзальной площади букетик цветов, напрямик отправлюсь в школу.

И вот, наконец, моя мечта сбылась. В сентябре в этих краях благодатное время. На привокзальной площади целый хоровод цветочниц, бойко предлагающих свой яркий товар. Я выбрала изящный букетик из маленьких ароматных розочек пастельных тонов. Этот букетик должен был выразить

всю мою любовь и нежность к моей самой любимой учительнице по литературе Людмиле Александровне Камоцкой.

В школе она меня не жаловала. За сочинения обычно занижала оценки, возможно, за мои фантазии. Я очень любила стандартную тему повернуть как-то по-своему, не так, как ее традиционно представляли. Что-то все придумывала да изображала, а это, возможно, Людмилу Александровну сильно раздражало. Зато девчонки, когда меня вызывали к доске отвечать устно, шептали: «Люся, давай подольше рассказывай!»

Я любила учить наизусть целые куски из произведений, будь то проза или поэзия. До сих пор, под настроение, могу прочесть по памяти целые страницы из любимых с детства произведений. Однажды я доверила моей обожаемой учительнице самую большую тайну: я рассказала ей о предмете своей любви, о Юрке Кацмане из параллельного класса.

Юрка был отличником. Помню, как его черные, как две спелые вишни, глаза неотрывно смотрели на меня на карнавальном новогоднем вечере. Наконец мальчик решился пригласить меня на танец, а в самом конце предложил мне свою дружбу. Юра был маленький, щупленький, в сущности, еще совсем ребенок, но очень хотел казаться взрослым. Он очаровал меня своими рассказами о прочитанных книгах, говорил о таких неведомых мне областях, что слушать его хотелось бесконечно.

Но Юрка не любил литературу, он увлеклся химией. В химическом кружке он был лучшим и иногда даже ассистировал нашей учительнице в опытах. Я разрывалась. Мне хотелось и в химии преуспеть, но тогда на любимую литературу времени катастро-

фически не хватало.

— Что делать? — обратилась я тогда с вопросом к Людмиле Александровне.

— Успевать везде, — кратко и жестко ответила учительница, добавив: — Если влюбились, дорогая, то должны вырасти крылья. Они тебе и помогут.

Я доверяла своей Людмиле беспрекословно и любила ее больше, чем родную мать. Не поколебал эту любовь даже один неприятный случай: я дала ей почитать редкую книгу из библиотеки моих родителей, а она «забыла» ее вернуть. Выдержав все упреки отца, даже порку, спросить про книгу у моей любимой Людмилы Александровны я не смогла. Ей пришлось все.

Людмила Александровна была, по видимому, отличным преподавателем. В десятом классе она общалась с нами, как со студентами. Мы писали настоящие конспекты, и мне это нравилось. Литература была главным предметом и для нее, и для меня. Все восхищало меня в учительнице: и независимость суждений, и твердый голос, и ее особый подход к теме.

Помню, Маяковского мы начали проходить со стихов о любви. Я обежала тогда весь город и достала-таки тоненькую книжечку, где были собраны под одной обложкой стихи Владимира Маяковского, написанные им когда-то о любви. Именно такую книжку я видела в руках у Людмилы Александровны, а теперь она была и у меня.

«Не на суп, не домой, а к любимой в гости две морковинки несу за зеленый хвостик!..», — возвращаясь из школы домой, весело напевала я, как считалку, эти строчки, легко сбегая по ступеням на нашей улице, что террасами спускается от набережной к старинному вокзалу.

И вот я проделываю этот же путь,

правда, в обратном направлении, спуска пятнадцать лет...

Школа встретила чистотой и удивившим меня порядком. Я шла, осторожно ступая по длинным школьным коридорам. Мне хотелось в тишине услышать знакомый голос любимой учительницы и, припав ухом к двери, дослушать ее урок до конца.

Примерно посередине школьного коридора дверь класса была открыта. В дверях стояла пожилая учительница. Ее сутулая фигура и желтоватое, в оспинах, лицо показались мне знакомыми. Положив свой изящный букетик в сумку, я сделала несколько шагов...

— Батюшки! Люся, ты ли это? — вдруг радостно заворковала старушка, почти мгновенно узнав меня. Я тоже сразу признала в ней Зинаиду Ивановну, мою учительницу в младших классах. Она шепотом быстро-быстро стала спрашивать, каким ветром меня сюда занесло, кто я теперь, где работаю, что пишу. Зинаида Ивановна принялась что-то вспоминать из тех далеких лет, и почему-то вдруг март пятьдесят третьего, когда она объявила нам о смерти вождя.

Мне сразу представился тот хмурый, холодный и ветреный день. Я сидела за партой у окна, а там, над крышей соседнего дома, в котором располагался детский сад, на ветру развевался красный флаг с траурной лентой. Флаг был привязан к высокому шести детскими скакалками, которые в такт порывам ветра деревянными ручками бились о древко. Этот печальный, как стук метронома, звук врезался мне в память на всю жизнь.

— Слушай, — голос Зинаиды Ивановны вернул из прошлого, — у меня нынче первоклашки. Я в этом году заканчиваю свою педагогическую деятельность. Устала... Зайди в класс,

скажи ребятам что-нибудь. Я прошу тебя.

Она почти подтолкнула меня, и я, сделав всего пару шагов, оказалась в классе.

— Дорогие ребята, — торжественно начала Зинаида Ивановна, — у меня сегодня большая радость. Приехала из другого города моя любимая ученица Люся.

И она назвала мою девичью фамилию, которую уже я начала забывать, а Зинаида Ивановна помнила.

— Люся стала журналистом, работает на телевидении. Вот посмотрите на нее, если вы будете так же хорошо учиться, то и из вас, я уверена, получатся в будущем хорошие специалисты.

Первоклашки смотрели на меня во все глаза, а я молчала, и молчанием своим как бы выражала свое полное согласие со словами учительницы. Не проронив ни слова, улыбаясь ребятам и Зинаиде Ивановне, я потихонечку, уловив момент, выскользнула из класса.

Урок, по-видимому, уже заканчивался, а я так и не нашла заветный класс, не услышала тот голос, что так манил меня. Пройдя еще несколько метров по школьному коридору, я замерла... За дверь с табличкой «10А» вела урок моя Людмила Александровна.

Переливистый школьный звонок оборвал тишину коридора, и почти тотчас же распахнулись двери нескольких классов, откуда кубарем высыпала ребятня.

Наконец и дверь десятого «А» отворилась, и со стопкой книг в руках показалась моя учительница. Я смотрела на нее, не отрываясь.

— Вы чья-то родительница? — недоверчиво спросила Людмила Александровна. — Что-то я вас не припомню.

— Нет, я не родительница. Я — Люся! — торжественно объявила я, уверенная в том, что, как только назову свое имя, она тут же вспомнит меня.

— Нет, извините, не помню. Столько учеников проходит, что всех не припомнишь, а потом у меня ведь теперь директорство. Вы давно окончили школу?

— Пятнадцать лет назад.

— А я уже пять лет как директор. Наверное, слышали об этом? За цветы спасибо, но, честно говоря, в сентябре я цветами просто завалена. Вот уже неделю как учимся, а цветы родители все несут и несут... Что-что? На телевидении работаете? Как это вам удалось? Очевидно, по благу?..

— Да нет, — вяло оправдывалась я. — По конкурсу прошла, передачу хорошую сделала, а до этого внештатно работала. Так что своим трудом.

— Да? Удивительно. У меня одна ученица в престижный музей попа-

ла работать, так утверждает, что по большому благу. Говорите, принесли с собой сценарий передачи, хотите, чтобы я посмотрела?.. Но ведь я, простите, не редактор. Так как, простите, ваше имя, отчество?

Я подсказала.

— Людмила Анисимовна, отдайте ваше сочинение... в библиотеку, пусть ваш сценарий там хранится. Я, извините, очень спешу. Жду делегацию.

Камоцкая быстрым и уверенным шагом зашла к себе в кабинет, по сути, так и не припомнив меня.

Я осталась одна посреди шумного школьного коридора. Из приоткрытой сумочки упал к моим ногам растерзанный молнией розовый лепесток. Досада горьким комком душила горло, в глазах предательски щипало. Было мучительно стыдно перед старенькой Зинаидой Ивановной и так жаль себя и своих несбывшихся фантазий... в пастельных тонах.

1994 г.

Анатолий Каташинский

В сером тумане, густом и хмуром стали образовываться уплотненные участки. Они густели медленно и неторопливо. О оттого сам туман становился еще темнее и мрачнее. Он тяжелел и набухал. Вдруг, появилось большое движение. Все куда-то устремилось, завертелось и понеслось. А темные участки стали сталкиваться и вдруг стали светлеть. Появились дрожющие границы, отделявшие Одно от Другого. И, это Оно стало себя ощущать. Словно бы осознавать, что Оно живет. Может обладать чувствами и мыслями. Которые формировались медленно. Сначала бесформенно. И бессистемно. Потом появилась четкость. Осознание своего Я. Это были крошечные капельки. Как только они ощутили себя и поняли, что их много, то пытались осмотреться, с любопытством глядя на зеркальное отражение себя в другой. Это их озадачивало, но не долго. Они понимали, что это только отражение. И все они были такими разными. Они стали говорить друг с другом. Задавали друг другу вопросы. Ты кто? А поскольку никто этого не знал, то они сами решили давать друг другу имена. Это было так забавно. Две соседние капельки называли друг друга: Фш и Сс. Они нравились друг другу. Сначала задавали друг другу кучу вопросов из серии: а почему, а для чего, и зачем. Потом, когда это им все порядком надоело, они принялись играть. Две подружки Фш и Сс, далеко не убегали друг от друга, чтобы не потеряться. Потому, что все вокруг носились, Особенно всем нра-

вилось соединяться вместе, а потом разъединяться. Это было так забавно, ощущать себя сильнее. Потому, что из двоих, получилась одна. А потом снова две. И это охватило всех. Они соединялись и разъединялись. И другого они уже и не хотели. А потом друг какие-то двое соединились с другими двоими. И со смехом разбежались в стороны. Такие игры захватили всех. Но, когда происходили соединения с большим количеством капелек, они вдруг куда-то все вместе быстро убегали. И никто не знал куда. Так и случилось с подружками. Они собрались с сотней и куда-то быстро помчались. Всех одолело нестерпимое желание разбежаться в разные стороны. Они разбежались и не узнавали друг дружку. Везде раздавались крики, подружки звали друг дружку.

— Фыш!

— Я здесь! Рядом! Отвечала Фш. А сама не узнавала несущуюся рядышком Сс, которая выглядела совсем не шариком, а каким то уродливым приплюснутым блином.

— А почему ты так изменилась? Уродина какая-то! Кричала Сс, а самой ей становилось так страшно, что стала она замерзать.

— Сама ты уродина. Блин какой-то. Мне даже так стало страшно, что стало нестерпимо холодно.

— И мне тоже. Я боюсь. Что с нами будет? — Отвечала подружка, а сама от страха и холода стала так сильно трястись, что, потеряв силы, не смогла собраться. И превратилась в крошечную снежинку с длинными ручками и

ножками. Причем их было так много, что сама Фш стала с любопытством себя рассматривать. И она сама себе очень понравилась. Да Сс почему-то не смогла собраться. И также как и Фш превратилась в снежинку. И тоже себя долго рассматривала. Подружки замолчали не на долго. Их движение замедлилось. Они стали парить, рассматривая, друг дружку. Теперь они стали такие все разные, чаще не похожие, но такие красивые. С правильными рисунками. Они не знали, что это называется симметрия. Они стали веселиться в своем парящем хороводе. Пытались соединяться вместе, как это уже делали, но у них это не получалось. Везде раздавался смех. Ста-

новилось тепло. Они разогрелись. Со смехом, превращаясь в снова в блины, помчались дальше. Их скорость увеличивалась. А потом они шлепнулись обо что-то твердое, подпрыгнули. Снова ударились и, так несколько раз. А рядом другие их подружки. Они смело соединялись вместе, но почему-то уже не могли разбежаться. И только когда очередная подруга прилетала и сильно ударялась, то можно было подпрыгнуть. Тогда ни Фш, ни Сс не знали еще, что ударились они о Землю и превратились в лужу. И что родились они в облаке, а их движение называется дождик. Их длинный путь только начался с большими приключениями. Но это уже в другой сказке.

28 марта 2004 г.

СЛОВНО В ЧЕРНОЙ ПЕЧИ...

Слова и музыка Виктора ШУТИЛОВА
г. Гатчина

Спокойно Cm Fm G7

Сло-вно в чер-ной пе-чи-у-го-лек, В тем-ных е-лях-за-кат-но-е
сол-нце... Мо-я ю-ность ко мне не вер-не-тся - Сам я
к ней за-гля-ну на ча-сок, На о-гонь, дым и за-пах ко-
стра. Вкус ру-чья да пе-че-ной кар-тош-ки... За-бы-
ва-я о всем по-не-мно-жку, За-бы-ва-ем, кем бы-ли вче-ра.

Вновь отвесный обрыв надо мной,
Брось-ка, друг, через воду веревку.
Как красивы мы в старых штормовках
И с щетиной, почти что седой.
Сколько здесь поразбросано дней —
На пространствах от луг до карелий,
От заснеженных в солнце апрелей
До цветастых в снегах октябрей...

Набеседуемся с тишиной,
Разопьем золотистую лунность...
Поначалу негромко, но юность
Зазвучит во мне тонкой струной,
Поглядит мириадами глаз,
Покружит, покружит да отпустит...
Ах, зачем же так быстро, так грустно
Наша юность уходит от нас?..

.....
Самым знойным был юности зной,
И прохладною самой — прохлада...
Только песни, не надо, не надо,
Никогда не прощайтесь со мной.

Словно в черной печи — уголек,
В темных елях кончается солнце...
Моя юность ко мне не вернется,
Сам я к ней загляну на часок.
На огонь, дым и запах костра,
Под зеленое небо палатки...
Ах, как сладко, как сладко, как сладко...
Но пора...но пора... но пора...

ЭТО КТО ЖЕ?

Музыка и слова Виктора ШУТИЛОВА
г. Гатчина

Em Am

Э-то кто же, э-то кто же, э-то кто же, Не-за-
ви-сим и не-бре-жен и от-крыт, На из-му-чен-ных про-хо-жих не-по-
хо-жий, У-ди-ви-тель-но-ю Гат-чи-ной спе-шит? Кто про-
хо-дит, слов-но пес-ня, слов-но зна-мя, О-ба-я-тель-ной у-лыб-ки не та-
я? Э-то кто же, кто же, кто же? - Вся-кий зна-ет. Не-у-
же-ли? - Ну ко-неч-но э-то я.

Это кто же, это кто же, это кто же,
За ресницами утаивая мед,
Вновь походкой неземною, невозможной
Удивительною Гатчиной идет?
Я смотрю - и с губ срывается: О, боже!..
Осыпаются от зависти цветы...
Это кто же, кто же, кто же, кто же, кто же?
Неужели? - Ну конечно, это ты.

Это кто же, это кто же, это кто же,
Ободряя опечаленных людей,
Обнявшись с любовью, ходит заморожен,
Удивительною Гатчиной своей?
Кто так счастлив и беспечен, словно вечен
Среди вечной суеты и кутерьмы?
Это кто же, это кто же, это кто же? -
Ну конечно, Вы и сами догадались - это мы.

Ничего, что годы скоро пронесутся,
Вдруг состаримся, нечаянно умрем.
Облаками наши души вознесутся,
Чтоб до Гатчины дотронуться дождем .
Может, кто-то спросит: Что там кружит?
Бестолково покачает головой...
Но безмолвно закружатся наши души
Над родною удивленной стороной.

И тогда, что б не случилось в жизни, все же
Пусть в любом из вас возвышенно звучит:
Это кто же, кто же, кто же, кто же
Удивительною Гатчиной спешит?
Кто проходит, словно песня, словно знамя,
Обаятельной улыбки не тая?
Это кто же, кто же, это кто же? -
Всякий знает. Неужели? - Ну конечно, это я.

ТО ЛЕПЕСТОК...

Слова Е. Докучаева

Музыка Д. Огородниковой
И. Радюкевича

Умеренно, с движением

The musical score is written in G major (one sharp) and 4/4 time. It consists of five staves of music with lyrics underneath. The lyrics are: "То ле-пе-сток, то ле-петсток В са-дах ду-рю: «Не до-го-рю, Не ста-ну-шу, ког-да пи-шу... Весь мир во ши мо-ей бы-ва-ет... И пла-мя па-мят-ных ко-тлеть, ле-теть зо-ло-ю! А ля-гу в неж-ну-ю за-мне, вну-три и глуб-же. И я в са-мом се-бе кру-стров Ве-тра-ми но-вых тем сры-ва-ет! Я го-во-рю, По-ло-жен-ну-ю к из-го-ло-вью». Я не ды-жу, По лепест-ку бро-са-я в ду-шу..."

Chords: D, Bm, Em, A7, G, Em7, A7, D, and a repeat sign.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНДРЕЕВА Лидия Владимировна

Окончила сельскохозяйственную Академию в г. Пушкине. Работает в области нанотехнологий, член творческого объединения «Долина» при Вырицкой поселковой библиотеке имени И.А.Ефремова.

АНДРИЯНОВА Ирина Александровна

С 2003 года – директор муниципального учреждения культуры Пудомягского поселения. Стихи писала всегда, в основном, о природе.

АНИКОНОВ Анатолий Николаевич

Член ЛИТО «Поэтов Сиверское братство», пишет стихи и музыку, лауреат и дипломант конкурсов авторской песни г. Гатчины и района.

АНИСИМОВА Валентина Михайловна

Младший научный сотрудник Вырского филиала Ленинградского Областного Государственного учреждения Культуры «Музейное агентство» музея «Дом станционного смотрителя». Работает в сфере культуры Гатчинского муниципального района Ленинградской области с 1966 года.

АНТАКОВА Алла Александровна

Выпускница Северо-Западной академии государственной службы. Сотрудничает с газетой Гатчинского благочиния «Нечаянная радость» и Епархиальной газеты «Ратное слово». Живет в Гатчине.

БАСКАКОВ Александр Иванович

Окончил Московский полиграфический институт. Со школьных лет сотрудничал с газетой «Гатчинская правда», публиковался во многих изданиях. Редактор газеты «Ленинградский областной садоводческий вестник».

БОБКОВА Зоя Степановна

Главный редактор газеты «Принеvский край». Первая публикация – в 1970 году. Печаталась в коллективных сборниках, альманахах, в журналах «Нева», «Наш современник». Член Союза писателей России (СПб отделение), автор более десяти книг стихов и прозы.

БРАЖНИКОВА Оксана

Композитор, автор текстов, лауреат международных конкурсов. Работает на районной теле-радиокомпании «Викинг», редактор радио.

БУРЛАКОВ Андрей Вячеславович

Директор Музея города Гатчины, краевед Гатчинского района, член Союза музейных работников Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Директор музея –усадьбы «Суйда» с 1986 по 2008 год. Создатель музеев гатчинского муниципального района. Автор многочисленных публикаций по истории родного края. Является членом Президиума Гатчинского отделения ВООПИиК. Живет в г. Гатчине.

ВИНОКУРОВА Светлана

Окончила Ленинградский педагогический институт им. А.И. Герцена. Педагог. Публиковалась в газетах «Гатчинская правда», «Спектр Гатчина», «Принеvский край». Член ЛИТО «Сиверское братство».

ВОРОНОВ Александр Петрович

Окончил филологический факультет Ленинградского государственного университета. Живет в Гатчине.

ГЛАДЧЕНКО Юлия

Учащаяся Сиверской гимназии

ГРЕВЦОВА Надежда Александровна

Окончила педагогический университет имени Герцена. Преподаватель русского языка и литературы. Живет в г. Коммунар.

ДИДЕНКО Ольга Ивановна

Писать стихи начала после рождения третьего ребенка. В литературу вошла, как детский поэт. Издан Поэтический сборник «Синему Огню». Живет в д. Старосиверская.

ДОКУЧАЕВ Евгений Глебович

В июле 1961 года я родился и живу в поселке с названием Елизаветино. Окончил местную десятилетку. Есть дом, семья. Выпустил сборник стихи «До востребования».

ЕЛЕЦКИЙ Сергей

(см. Пузатых Сергей Юрьевич)

ЕЛФИМОВА Галина Михайловна

С июля 1997 года по настоящее время – литературный редактор газеты Гатчинского благочиния «Нечаянная радость». За время работы в разных газетах была награждена Дипломами и специальными призами Всероссийских конкурсов прессы, а также была признана победителем номинаций в конкурсах областных, районных и городских, проводимых Правительством Ленинградской области, Законодательным собранием области, администрациями г. Гатчины и Гатчинского района.

ЖДАНОВИЧ Наталья Андреевна

Родилась в С-Петербурге, проживает в Прибытково с 1952 года. В 1973 году закончила ЛГУ. Долгое время работала в институте Гипротетр Московский филиал архитектором-реставратором при Академии Наук в реставрационной мастерской. Внучка Владислава Евгеньевича Максимова.

ЗАСИДКЕВИЧ Анатолий Федорович

Член Союза художников России. Член общества акварелистов г. Санкт-Петербурга. Окончил музыкально-педагогический институт в г. Таганроге, вечернее отделение Ленинградской академии художеств. Участник многочисленных выставок в России и за рубежом. Автор герба Гатчинского района. Педагог ДХШ г. Гатчина. Основная техника живописи – акварель. Работы А. Засидкевича находятся в частных коллекциях многих стран мира.

ИВАНОВ Виктор Васильевич

Капитан 1 ранга, член ЛИТО «Поэтов Сиверское Братство», член Союза писателей Ленинградской области и Санкт-Петербурга, член Международной Ассоциации писателей баталистов и маринистов Санкт-Петербурга, литературный сотрудник журнала писателей России «Неvский альманах». Автор шести поэтических сборников. Стихи пишет с 1955 года. Печатался в газетах и журналах Ленинградской, Тверской, Мурманской областей, в центральных изданиях газеты «Правда», «Советская Россия», «Ветеран» и др.

ИВАНОВА Людмила Сергеевна

Получила благословение снимать православную церковь. Автор нескольких передвижных выставок. Сотрудничает с православными издательствами. Выпустила несколько художественных фотоальбомов.

ИВАНОВА Татьяна Павловна

Со студенческих лет увлекается ботаникой и экологией; фотографирует различные природные объекты. Учитель Большеколпанской средней общеобразовательной школы.

ИЛЬЮНИНА Людмила Александровна

Православная писательница, автор пятнадцати книг и сотен статей в православной периодике, главный редактор журнала «Православный Летописец Санкт-Петербурга», редактор и автор-составитель литературного альманаха «Русло» и газеты «Православие и самодержавие», а также серии книг «Подвижники Святой Руси». Живет в Сиверской, является прихожанкой храма в честь иконы Божией Матери «Тихвинская».

КАЛИНОВСКАЯ Екатерина Михайловна

Родилась в 1979 году в городе Витебске. Окончила художественную школу м Уральский филиал российской академии живописи, ваяния и зодчества. В 2007 году переехала в Гатчину. С 2008 года член Гатчинского Товарищества Художников.

КАРПОВ Михаил Капитонович

Учился на историческом факультете Ленинградского Государственного университета им. А.А. Жданова. Работал строителем. С 2004 года – редактор приходского издания Покровского собора г. Гатчины «Покровский Листок».

КАТАШИНСКИЙ Анатолий Иванович

1951 года рождения. Образования высшие (5). В Елизаветино проживает 10 лет. Член Гатчинского товарищества художников. Проза печаталась в альманахах «Мариенталь», «Лотос». В 2007 году вышла книга «Замочная скважина». Часть 1. Это сборник рассказов о земляках.

КИРСАНОВА Татьяна Николаевна

Окончила Ленинградский государственный ордена Дружбы народов институт культуры им. Н.К. Крупской. Директор МУ «Вырицкий библиотечный информационный комплекс», заведующая Вырицкой детской библиотекой.

КИСЛОВ Владислав Аркадьевич

Краеведением занимается с 1970 года. Печатался в газете «Гатчинская Правда». Автор книг: «Земская медицина Гатчины и окрестностей». Гатчина, 2002. «Окрестности Гатчины конца XVIII – начала XX века. Здравоохранение (что, где, когда)». Гатчина, 2006. «Старая Гатчина. Летопись и очерки медицинской жизни». Части 1 – 5. Гатчина, 2006 – 2008.

КОЛЕСНИКОВА Людмила Анисимовна

Писатель, журналист и научный сотрудник Петербургского института ядерной физики Российской академии наук (ПИЯФ РАН) Область интересов – история науки. Член союза журналистов России и Петербургского союза писателей. В 2006 году в издательстве ПИЯФ РАН вышел новый сборник рассказов «Лестница».

Журналистская работа Л.А. Колесниковой отмечена наградами: лауреат премии Ядерного общества России (1995 г.) и Международной организации WIN – «Женщины в ядерной энергетике» (1996 г.) лауреат Премии Правительства Ленинградской области (2007 г.). В настоящее время автор готовит к изданию новую книгу, в нее войдут рассказы, очерки, эссе, пьеса, сказки.

КОРДОЧКИН Андрей Павлович

Окончил факультет географии педагогического университета имени Герцена. Учитель географии в средней общеобразовательной школе №1 г. Коммунара. По его инициативе создан школьный краеведческий музей и школьный сайт, член краеведческого клуба «Истоки» при Центральной городской библиотеке г. Коммунара. Живет в г. Коммунара.

КОСЬЯНКОВСКАЯ Наталья Юрьевна

В 1973 году окончила ЛВХПУ им. Мухомовой. С 1978 года и по настоящее время работает художником на ЗАО «Гатчинский ССК». С 1996 года – член Союза дизайнеров России. В Гатчине организовала квилт-студию «Гатчина» при Обществе русско-немецкой дружбы. Коллектив за 7 лет работы провел и участвовал в 54 выставках, среди которых Всероссийские фестивали лоскутного шитья, Международные фестивали, а так же выставки за рубежом. В 2008 году организовала Первый Областной фестиваль лоскутного шитья «Лукоморье» в Гатчинском районе и Гатчине. Хобби художницы - археология, а это 29 экспедиций, и путешествия. К тому же Наталья Юрьевна занимается издательской деятельностью в качестве художника и является автором двух книг о лоскутном шитье.

КОШМЕЛЮК Алла Николаевна

Поэт, прозаик. Полтора года своей жизни провела в Афганистане, на авиабазе Баграм вместе с мужем-летчиком-советником Игорем Кошмелюком Именно там были написаны первые стихи о войне.

КЛЮШИНА Наталья Александровна

Заведующая музеем «Домик няни А.С.Пушкина». Член Союза музейных работников Санкт-Петербурга и Ленинградской области. В 2007 году была награждена грамотой Российского фонда культуры за многолетнее служение культуре и приобщение детей и юношества к поэтическому и нравственному наследию А.С. Пушкина. Публиковалась в газетах «Гатчинская правда» и «Гатчина-инфо». Живет в пос. Кобрينو.

КРАСНОВ Евгений Васильевич

Инженер-строитель, жил и работал в г. Гатчине. С 1993 года принимал участие в реставрационных работах в Гатчине, Павловске и др. Участвовал в выставке в г. Луге, посвященной 80-летию Ленинградской области. В 2008 году в Гатчине состоялась первая выставка художника в Центральной районной библиотеке им. А.С. Пушкина. Трагически погиб в 2008 году.

КРОЙТОР Елена Ивановна

В 2004 году окончила Шуйский Государственный Педагогический Университет по специальности религиовед. Работает преподавателем обществознания и философии в Салезианском Центре Дона Боско. Состоит в ЛИТО г. Гатчина. Стихи пишет со школьных лет. Печаталась в газетах: «Госненском вестнике», «Знамя мира», журнале «Двери».

КРОЙТОР Ирина Ивановна

Окончила художественное училище по специальности художник-педагог в г. Иваново и Шуйский Педагогический Университет по специальности религиовед. Преподаватель истории и черчения в Гатчинском филиале ЛОИЭФ. Состоит в Товариществе Гатчинских художников. Ведет кружок изобразительного искусства в ЦТЮ. Живет в пос. Суйда.

КРЫЛОВ Павел Валентинович

Пастор евангелическо-лютеранской церкви Святой Екатерины Скворицкого прихода.

КРЯЖЕВ Александр Николаевич

Родился 27 декабря 1936 года. Профессия – инженер-механик. Ныне пенсионер, работает гравером. Живет в п. Сиверский.

КУЛЬКОВА Антонина Евгеньевна

Окончила Ленинградский библиотечный техникум. С 1976 года работает в Дружногорской по-

селковой библиотеке. С 1995 года является заведующей этой библиотеки. 8 лет председатель женсовета поселка.

ЛЕЙКИН Михаил Иосифович

Сценарист и режиссер, заслуженный работник культуры России. В течение 30 лет заведует кафедрой режиссуры массовых праздников в Ленинградском областном колледже культуры и искусства. Ведущая тема его многочисленных постановок — исторические и литературные праздники. Поэт.

ЛИ Зоя Андреевна

Член «Союза писателей Ленинградской области и Санкт-Петербурга» Преподаватель, краевед. Ведет секцию молодых поэтов. Стихи публиковались в сборниках поэтов «Сиверского братства», альманахе «Ленинградская мыза»

ЛОМОВА Надежда Ивановна

Педагог. Член ЛИТО «Поэтов Сиверское братство». Публикации в периодической печати.

ЛУКИН Валерий Евгеньевич

Окончил Ленинградское высшее военно-топографическое командное училище им. генерала армии А.И. Антонова по специальности инженер-геодезист. С 1984 г. по 1990 г. проходил службу на испытательном полигоне Ракетных войск стратегического назначения, а с 2005 г. на испытательном полигоне Главного ракетно-артиллерийского управления МО РФ С 2005 г. по настоящее время научный сотрудник Центрального военно-морского музея. Подполковник запаса. Действительный член Русского географического общества. Летом живет на даче в д. Даймище.

ЛЬВОВА Елена Викторовна

Родилась 7 октября 1957 года в п. Белогорка. Музыкальный педагог дошкольного образования. Живописи нигде не училась. Окончила Ленинградское эстрадное училище по классу «вокальный ансамбль». Работает в детском саду музыкальным работником. Играет на аккордеоне, фортепиано, гитаре. Персональные выставки состоялись в Белогорке, п. Сиверском, г. Гатчине.

МАЧУЛЬСКИЙ Валерий Алексеевич

Родился в 1955 году. Образование — высшее, техническое. В городе Гатчина живет с 1973 года. Активный член городского отделения ВООПиК. Краевед. Пишет книгу «Монументальное и монументально-декоративное искусство г. Гатчина» за период с 1919 по сегодняшний день.

МЕРКУШЕВ Евгений Иванович

Постоянный участник городских и областных выставок художников Гатчины, а также двух персональных и тематической выставок в Финляндии.

МИХАЙЛОВ Эдуард Владимирович

Родился в 1965 году, образование высшее, частный предприниматель, живет в с. Рождествено.

МИХЕЕВ Геннадий Михайлович

По профессии радиоинженер. Член ЛИТО «Поэтов Сиверское братство», автор сборника стихов «Дневник раздумий», составитель сборника «Гардемарины Гатчины». Публикации стихов и статей в газетах Гатчины.

МОИСЕЕВ Станислав Борисович

С раннего детства увлекался акварелью и маслом, а также делал много набросков. В 1972 году окончил ЛХУ им. В.А. Серова. Участвовал в экспозициях в Ленинграде. С 1992 года проживает в

поселке Сиверский, где занимается творчеством в своей мастерской. Член Гатчинского Товарищества Художников. С 1992 года по сегодняшний день постоянно принимает участие в выставках п. Сиверский, г. Гатчины. Многие работы художника находятся в частных коллекциях как в России, так и за рубежом — в Финляндии, Швеции, Дании, Германии, Испании.

НИКОЛАЕВ Владимир Иванович

Член Союза журналистов СПб, корреспондент газеты «Гатчинская правда», в которой работает 23 года.

ОГОРОДНОВА Дина Израилевна

Композитор, певица. Преподаватель Войсковицкой ДШИ. Окончила Волгоградское училище искусств, затем — Ленинградскую консерваторию. В результате занятий по методике Д.Е. Огороднова стала лауреатом вокального конкурса «Весенний ключ» (Ленинград). В 2004 году записала авторский альбом песен в собственном исполнении. В 2006 году издала сборник своих песен и романсов «Сердце в письме». Живет в Гатчине.

ОГОРОДНОВ Михаил Дмитриевич

Пианист, аккомпаниатор, преподаватель Санкт-Петербургского музыкального колледжа им. М.П. Мусоргского, активный участник концертных программ Гатчинской народной филармонии. Живет в Гатчине.

ОСИПОВ Валерий Владимирович

Всю жизнь посвятил служению своему Отечеству. В 1975 году окончил Севастопольское Высшее военно-морское инженерное училище. Проходил службу на боевых кораблях Краснознаменного Северного Флота. С детства увлекался живописью, графикой, чеканкой, резьбой по дереву, игрой на гитаре. Три года учился в художественной школе-студии. После выхода на пенсию освоил живопись в технике масло. Писал светло, увлеченно, радостно. Выставлялся в г. Гаджиево, г. Полярном, г. Коле, г. Мурманске, г. Санкт-Петербурге, г. Гатчине, г. Луге. Последняя выставка была в июле 2008 года совместно с художником Красновым.

ОСТОНЕН Вильё-Иван Адамович

Организатор и Активный участник многих спортивных соревнований. Судья высшей категории по легкой атлетике. Отличник физической культуры России, ветеран труда

ОСТОНЕН Наталья Георгиевна

Родилась в 1952 году в Гатчинском районе. По окончании ЛГПИ им. Герцена работала учителем истории в школах Гатчинского района, с 2000 года работает библиотекарем в п. Пудость.

ПОДВЯЗКИНА Алена

Ученица 9 класса МОУ Сиверская гимназия.

ПОЛЫНЕВА Ирина

Живет в Гатчине. Пишет стихи.

ПУЗАТЫХ Сергей Юрьевич

Родился в городе Елец Липецкой области. Высшее образование получил в Петербурге. Творческий псевдоним Сергей Елецкий. Печатался в газетах и журналах г. Ельца, г. Гатчины и литературно-краеведческом альманахе Гатчинского района «Оредеж». Был среди победителей поэтических конкурсов и печатался в литературно-философском журнале «Литературная учеба». Издал два сборника своих стихотворений: «О, Русь, ты лирики родник» и «О, Русь, живи

во мне всегда...». Работает в Петербургском институте ядерной физики им. Константинова РАН. В настоящее время проживает в г. Гатчина.

ПУНЖИНА Наталия Викторовна

Окончила филологический факультет Новгородского Государственного Университета им. Ярослава Мудрого. Стихи пишет с детства. Публиковалась в периодической печати, коллективных изданиях. Автор поэтического сборника «Глаза-незабудки» (2004 г.) Член Союза писателей России. Живет в г. Гатчина.

РАДЮКЕВИЧ Иван Николаевич

Родился в п. Сиверский Гатчинского района, окончил Ленинградский институт им. А.И. Герцена. Работы Ивана Николаевича выставлялись в п.Сиверский, в г. Гатчине, в г. Санкт-Петербурге. Многие работы находятся в частных коллекциях.

РАДЮКЕВИЧ Юлия Анатольевна

Окончила Ленинградский санитарно-гигиенический медицинский институт и работала вирусологом в НИИ им. Пастера. Живет в Санкт-Петербурге. Имеет ряд живописных работ, посвященных Гатчине.

РЯБОВ Дмитрий Сергеевич

Специалист по информационным технологиям, руководитель проектов автоматизации одной из компьютерных фирм. По совместительству – краевед, внештатный сотрудник музея-усадьбы «Рождествено». Автор брошюр: «Топонимия Верхнего Поореджья», «Рождественские храмы», «Верхний Оредеж: четыре века на географической карте», «У истоков Оредежа», а также публикаций в газетах, журналах, сборниках. Соавтор книги «Библиотеки: люди и книги» (совместно с Н.В. Юронен), посвященной истории книжных собраний Гатчины, участник Губернских чтений и Всероссийского съезда историков-регионоведов.

СВИРИДОВ Владимир Алексеевич

п. Вырица. Учился в педагогическом институте им. А. Герцена, художник-оформитель, участник художественных выставок, член творческого объединения «Долина» при Вырицкой поселковой библиотеке имени И.А. Ефремова

СЕМЕНОВА Маргарита Яковлевна

Педагог, живет в Гатчине.

СЕМОЧКИН Александр Александрович

Родился в 1939 году в деревне Выра. В 1969 году окончил Архитектурный факультет ЛИСИ. Работал колхозным архитектором, бригадиром реставрационной бригады. С 1994 по 2006 год – директор музея-усадьбы «Рождествено». Кавалер Ордена почета. Лауреат Горьковской премии по литературе 2007 г. Российского фонда культуры. Почетный гражданин Гатчинского муниципального района.

СКОРНЯКОВА Зинаида Васильевна

Лауреат премии им. Екатерины Дашковой 2004 года в номинации «Журналист». Окончила театроведческий факультет Ленинградского института театра, музыки и кинематографии (ЛГИТМиК). Член Союза журналистов России и Гатчинского Товарищества Художников. Продолжает освещать события культурной жизни Гатчины и Гатчинского района, в том числе, работу городских и сельских библиотек.

СМЕРТИН Николай Григорьевич

Окончил Уральский лесотехнический институт, аспирантуру Ленинградской лесотехнической академии. Инженер лесного хозяйства, кандидат сельскохозяйственных наук, член-корреспондент

Международной Академии Наук Экологии и Безопасности жизнедеятельности. С 1972 г. до 2002 г. работал директором Сиверского опытно-показательного, Гатчинского лесхозов. Ветеран труда. Живет в п. Сиверский.

СМОРОДИНА Марина Евгеньевна

Окончила институт Культуры. Краевед, автор статей в альманахе «Оредеж», местной прессе и сборника «С именем Пушкина связаны...». Живет в г. Гатчине.

СОЙТУ Людмила Михайловна

Педагог-психолог, по призванию поэт-романтик, лирик. Стихи начала писать в 10-ом классе. Издавалась во всех сборниках «Сиверского братства». Автор 4 сборников, более 20 песен и романсов, исполняемых как в России, так и на Украине, в Беларуси. Живет в поселке Сиверский.

СОКОЛОВА Ольга Леонидовна

Окончила Ленинградский библиотечный техникум, работает библиографом-краеведом в Межпоселенческой центральной районной библиотеке им .А.С. Пушкина.

СУЛЬЖЕНКО Дарья Александровна

Родилась и живет в Вырице, окончила Петербургский библиотечный техникум. Работает в Вырицкой детской библиотеке, член творческого объединения «Долина» при Вырицкой поселковой библиотеке имени И.А. Ефремова.

СУНАЙТ Екатерина Германовна

Руководитель творческого объединения «Долина» при Вырицкой поселковой библиотеке имени И.А. Ефремова.

СУХОВЕЕВА Нина Георгиевна

Работает в гатчинской городской детской библиотеке заведующей читальным залом. Окончила Ленинградский государственный институт культуры им. Крупской. Автор краеведческих словарей для школьников и трех сборников рассказов: «Я всего лишь женщина», «Я прибавлю паровоз», «Три желани Евы».

ТАРАСОВА Таисия Тихоновна

Член гатчинского литературного общества при библиотеке им. А.И. Куприна с 1994 г. С 1996г. печаталась в тринадцати гатчинских общих журналах, сборниках и газетах. Выпустила шесть авторских сборников со стихами, песнями, частушками, паутинками.

ТАЛЬ Татьяна

Окончила Самарский университет, по специальности математик. Стихи начала писать четыре года назад, написала около 500. Готовит к выпуску книгу. Живет в Верево.

ТОЛЧИНА Вера Николаевна

По профессии – инженер путей сообщения. Издавалась во всех сборниках ЛИТО «Сиверское братство».

ТРИШИНА Алена Александровна

С 1960 г. проживает в Гатчине. После окончания ЛГИК им. Н.К. Крупской с 1979 г. работает в должности главного библиотекаря отдела обслуживания гатчинской Центральной городской библиотеки им. А.И. Куприна. Пишет статьи, прозу, стихи, является участником 28 литературных и краеведческих сборников. В том числе, сборников «Литературный портрет Гатчины» (1995), «Старая Гатчина» (1996), «Оредеж. Вып. 4» (2007) и «Оредеж. Вып. 5» (2008). Является автором книги, изданной к 210-летию со дня рождения Гатчины: «Павел I. Гатчинский сюжет» (2006). Имеет более 230 газетных (с 1978 г.) и журнальные публикации. С 1991г. является по-

мощником руководителя гатчинского Литературного объединения «Меридиан». Победитель Областного конкурса профессионального мастерства «Звезда культуры» в номинации «Лучший библиотекарь года» (2007 г.). Лауреат премии им. Е.Р. Дашковой в номинации «Журналист» (1999 г).

ТЮЛИНА Татьяна

Родилась в Петербурге, увлекается спелеологией, туризмом, рисованием, вышиванием бисером. Член творческого объединения “Долина”.

ФАЛОВСКИЙ Александр Васильевич

В 1959 году закончил агрофак Мичуринского плодовоовощного института, а в 1964 – биофак Псковского пединститута. В 1970 году защитил кандидатскую диссертацию. В 2004 году принят в Союз писателей России. Автор 13 сборников прозы и поэзии.

ХОХЛОВА Галина Гергудовна

Родилась в Ленинграде. С 25-летнего возраста проживает в Сиверской. В прошлом – культпросветработник, кандидат с/х наук, селекционер. В настоящее время – медсестра детского санатория «Березка».

Вышли поэтические сборники «Излуки» в 2000 г. и «Берега» в 2002 г., «Сполохи» в 2006 году. Стихи и проза печатались в нескольких коллективных поэтических сборниках, районном литературно-краеведческом альманахе «Оредеж» (№ 1-3), в газете «Гатчинская правда». В последнее время постоянный корреспондент газеты «Гатчина. Район»

ХРЯЩЕВ Валентин Валентинович

Живет в Кобралово. Большую часть жизни проработал на железной дороге, был начальником поезда. Пенсионер, член творческого объединения «Долина» при Вырицкой поселковой библиотеке имени И.А. Ефремова.

ШПАКОВ Павел Денисович

Окончил Высшее Военно-Морское училище радиозлектроники, получил специальность инженер-радиотехник. Автор книги «О физическом пространстве».

ШТОРМОВОЙ (Сабадаш) Валерий Александрович

С 1971 г. проживает в пос. Сиверский Ленинградской обл. Окончил математико-механический факультет Ленинградского государственного университета. Стихи пишет с юношеского возраста. Член ЛИТО «Поэтов Сиверское Братство», член Союза Писателей Санкт-Петербурга и Ленинградской обл. Автор трех сборников стихов: «Под ветром сиверко», «Восторг» и «Искусство глазами поэта».

ШУТИЛОВ Виктор Алексеевич

Родился 22 мая 1947 года в городе Камышине. Написал более 1000 стихов и почти столько же песен. Был лауреатом (в том числе и 1-ой степени) на конкурсах авторской песни от Юбилейного Ленинграда и Ленинградской области (1967 год) до Международного на Вуоксе (1986–1987–1988 гг.). Был участником первого и последнего творческого марша авторов-исполнителей в сентябре 1986 года. Издал 5 своих сборников: «Ваша судьба», «О судьбе и несудьбе», «Ветки ветреные», «Душою и друг другом дорожить», «Незаметно совсем». К 20-летию самостоятельно созданного клуба авторской песни «Шхуна» издал сборник авторов «Шхуны» - «Гитара... голос... городок судьбы». К 25-летию (в 2009 году) готовится к изданию второй сборник авторов клуба. Изданы кассеты и CD.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Худилайнен Александр Петрович,
Глава администрации Гатчинского муниципального района3
Михайлов Эдуард. Оредеж.....4

НАРОДНАЯ ПУШКИНИАНА5
Лейкин Михаил. Креолка с судьбою Гертруды6
Клюшина Наталья. Наперсница волшебной старины.....17
Смородина Марина. Светлый гений25

ПИСАТЕЛИ НА ГАТЧИНСКОЙ ЗЕМЛЕ31
Бурлаков Андрей. Добрый сказочник из Сиверской32
Тришина Алена. Чужая боль.....35
Лукин Валерий. Несет в детское, в Даймище и Батово.....45

КРАЕВЕДЕНИЕ49
Бурлаков Андрей. Тайны Гатчинского подземелья50
В глубь веков56
Кордочкин Андрей, Гревцова Надежда. Следы времен минувших.....56
Рябов Дмитрий. Церковная история верхнего Поореджья в XVII веке.....59
Традиции.....70
Анисимова Валентина. «Что старо, то свято, что старее, то правее»70
Бражникова Оксана. Деревенька моя.....78

С ВЕРОЙ И НАДЕЖДОЙ.....79
Елфимова Галина. В Вырицу, к преподобному Серафиму80
Карпов Михаил. Покровский собор84
Бобкова Зоя. Женский монастырь в Гатчинском районе.....105
Ильюнина Людмила. Церковь Тихвинской иконы
Божией Матери в Сиверской105
Бобкова Зоя. Женский монастырь в Гатчинском районе.....106
Антакова Алла. Нелегкая судьба храма.....109
Жданович Наталия. Церковь Святой Великомученицы Екатерины.....112

ПРИРОДНЫЕ БОГАТСТВА.....115
Иванова Татьяна. Цветы Елизаветинской земли116
Пузатых Сергей. Удивительный цветок.....122
Смертин Николай. Хранить заповедано124

ИМЕНА В ИСТОРИИ.....127
Бурлаков Андрей. Знаменитые гатчинцы прошлых столетий.....128
Кислов Владислав. Не токмо искусством врачевным134
Смородина Марина. Знаменитый лекарь человеческих «Душ на изломе»142
Смородина Марина. Потомок дворян Случевских
жил на Гатчинской земле.....147

<i>Подвязкина Алена. Академический след на Гатчинской земле</i>	153
<i>Кулькова Антонина. Есть судьба, она ведет</i>	155
<i>Бобкова Зоя. Воин, художник, поэт</i>	158
<i>Николаев Владимир. «Горжусь званием строителя!»</i>	162
<i>Лукин Валерий. «...Он хорошо знал электротехнику»</i>	172
ЛЮДИ ИСКУССТВА	177
<i>Семочкин Александр. Иван Шишкин</i>	178
<i>Баскаков Александр. Его музыку знает весь мир</i>	184
<i>Огороднов Михаил. Дина</i>	187
<i>Докучаев Евгений, Огороднова Дина, Радюкевич Иван. Погожий день</i>	190
<i>Майков Аполлон, Огороднова Дина, Радюкевич Иван. Октава</i>	191
<i>Иванова Татьяна. Художник</i>	192
К ПОРТРЕТУ СОВРЕМЕННОГО	195
<i>Писатель и врач Александр Мец</i>	196
<i>Пунжина Наталия. Глаза-незабудки, глаза-небеса</i>	198
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА	199
<i>Семенова Маргарита. Был ранен в боях под Гатчиной</i>	200
<i>Бобкова Зоя. Авиатор В.Т. Анисимов</i>	203
<i>Остонен Наталья. Горячий снег январского боя</i>	209
<i>Иванов Виктор. Он защищал Ленинград</i>	214
<i>Бобкова Зоя. Рождественский старожил</i>	216
<i>Воронов Александр. Обелиск</i>	220
КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ	221
<i>Мачульский Валерий. Краткая история создания «Культурно-исторического архива г. Гатчина» 1991–2008 гг.</i>	222
<i>Крылов Павел. Влияние русского православия на религиозность ингерманландских финно-лютеран Гатчинского района</i>	228
<i>Скорнякова Зинаида. Детский музей открытки</i>	233
<i>Суховеева Нина. Радость встреч и открытий</i>	237
<i>Сунайт Екатерина. Долина радости</i>	241
<i>Косьянковская Наталья. Фестиваль "Лукоморье" Гатчина, лето 2008</i>	245
<i>Кирсанова Татьяна. Книга под солнцем</i>	250
СЛОВО ПОЭТА	255
<i>Тарасова Таисия. Гатчинские миниатюры</i>	256
<i>Аниконов Анатолий. Суйда</i>	256
<i>Хохлова Галина. Сиверская – дачная столица</i>	257
<i>Кройтор Елена. Вьюга</i>	258
<i>Винокурова Светлана. Вновь осень пришла</i>	259
<i>Андреева Лидия. Черный конь Оредеж</i>	259
<i>Иванов Виктор. Открытию памятника подводной лодке С.К. Дзевецкого</i>	260
<i>Ли Зоя. Лесной дух. Храм</i>	261
<i>Михеев Геннадий. Тайны. Колокола</i>	262

<i>Елецкий Сергей. Рождество</i>	263
<i>Елецкий Сергей. Вечные темы</i>	263
<i>Михайлов Эдуард. Оредеж</i>	264
<i>Михайлов Эдуард. Гадалка</i>	265
<i>Свиридов Владимир. Ветер</i>	266
<i>Хрящев Валентин. Посвящается сыну Денису</i>	267
<i>Кошмелюк Алла. Оредеж</i>	268
<i>Сулъженко Дарья. Ожидание. Мотыльки</i>	269
<i>Пунжина Наталия. Детство</i>	270
<i>Пунжина Наталия. Отцы</i>	271
<i>Ломова Надежда. Солнечный сонет</i>	272
<i>Ломова Надежда. Ночь в Сиверском</i>	272
<i>Сойту Людмила. Занавес Вселенной</i>	273
<i>Сойту Людмила. Хмурое, хмурое утро</i>	273
<i>Полынева Ирина. Прохладное стояло лето</i>	274
<i>Тюлина Татьяна. Тебе</i>	275
<i>Таль Татьяна. Я не коснусь души твоей и взгляда</i>	276
<i>Таль Татьяна. В твоих глазах улыбка расцветает</i>	276
<i>Таль Татьяна. Мне все трудней тебя прощать</i>	277
<i>Таль Татьяна. Я рисовала все сама</i>	277
<i>Кряжев Александр. Жить по вере. Цветет черемуха</i>	278
<i>Толчина Вера. Водопад</i>	279
<i>Гладченко Юлия. Перелетные птицы под взглядом плеяд</i>	279
<i>Кройтор Ирина. Стихотворенья</i>	280
<i>Бражникова Оксана. Эхо Суйды</i>	280
<i>Шпаков Павел. Мадина</i>	281
<i>Фаловский Александр. Первый подвиг</i>	282
<i>Андрьянова Ирина. Гимн Пудомягского поселения</i>	283
<i>Штормовой Валерий. Афродита Таврическая</i>	284
ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ	285
<i>Семочкин Александр. Колыбель не качается над бездной</i>	286
<i>Колесникова Людмила. Диалоги с Платоновым</i>	300
<i>Диденко Ольга. Ядвига</i>	322
<i>Колесникова Людмила. Букетик роз пастельных тонов</i>	327
<i>Каташинский Анатолий. Сказочка про капельки</i>	332
<i>Шутилов Виктор. Словно в черной печи</i>	334
<i>Шутилов Виктор. Это кто же?</i>	335
<i>Докучаев Евгений, Огороднова Дина, Радюкевич Иван. То лепесток</i>	336
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	337
СОДЕРЖАНИЕ	347

ОРЕДЕЖ

Литературно-краеведческий альманах
Гатчинского муниципального района
Ленинградской области

Выпуск 6

Главный редактор Т. Иванова
Дизайн Т. Иванова, О. Белова
Верстка О. Белова

ООО «Издательский Дом «ОРЕОС»
198095, Санкт-Петербург, ул. Розенштейна, 21
Телефон: 777-05-17

Подписано в печать 20.07.2009 г.
Формат 165x230. Гарнитура Literaturnaya. Печать офсетная.
Тираж 1000 экз.